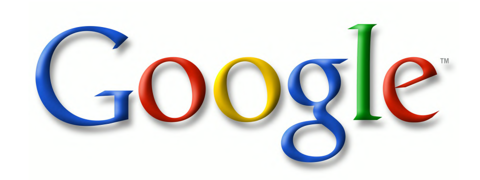
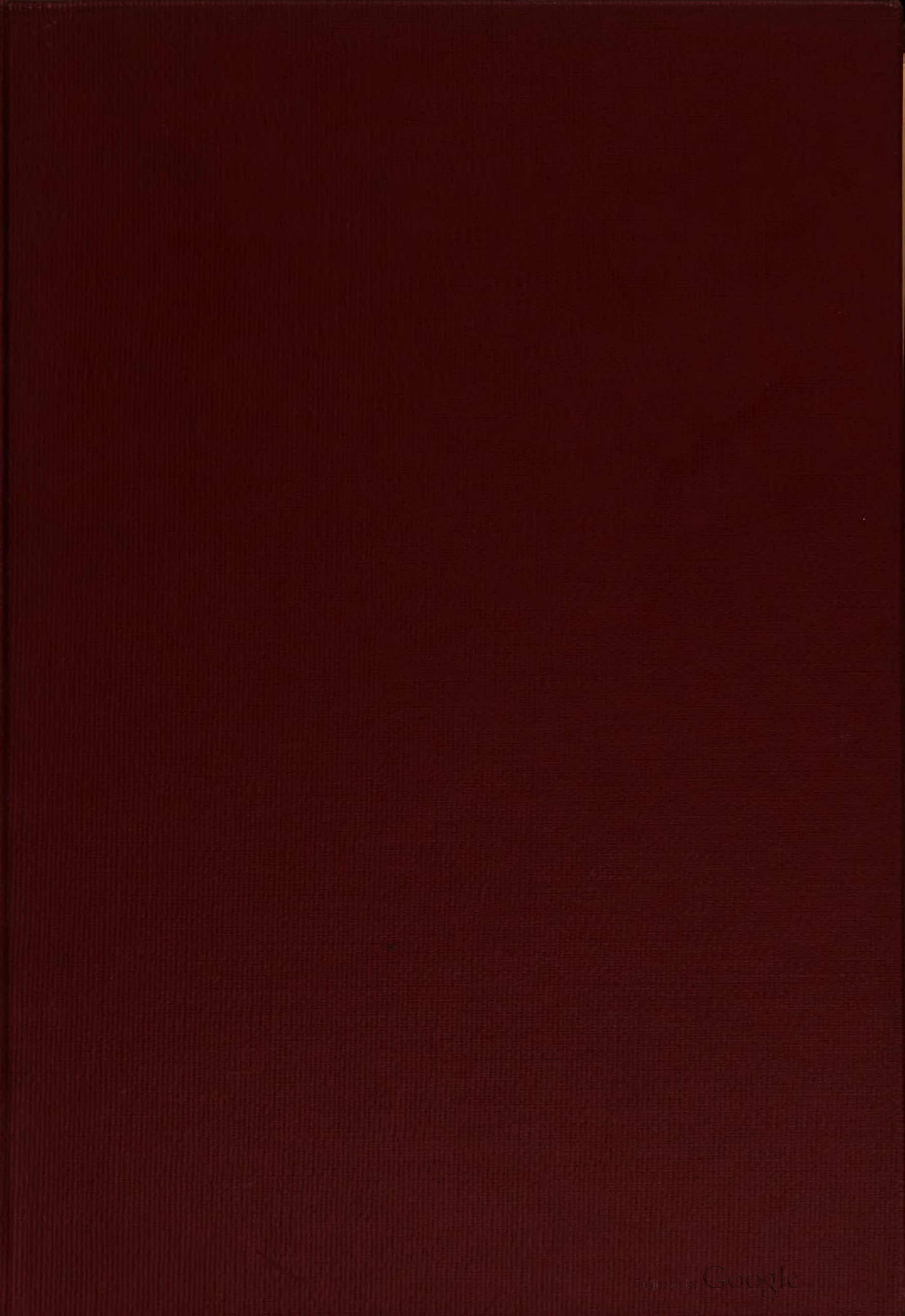

VE RI
TAS

От редакции. На стр. 17, в первом столбце, в примечании, 5 строка снизу, *напечатано:* реакция дает место, *следует:* редакция дает место.

В отделе библиографии, на стр. 58, второй столбец сверху, *напечатано:* Бела Иллеш — «В стране контр-революции», *следует:* Антон Гидашь — «В стране контр-революции».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ"

Новый журналъ исторической литературы и науки.

Первое въ Россіи общедоступное, **ежемѣсячное иллюстрированное** историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ: Путемъ широкой аналогіи освѣтить преемственность историческихъ явленій въ жизни народовъ, **научно** объяснить и **художественно** воскресить вѣчно живые образы прошлаго установить связь прошедшаго съ настоящимъ и отмѣтить великія завоеванія человѣчества въ безсмертной области духа, красоты и правды. **Исторія продолжается**, и на порогѣ XX вѣка, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо искать въ прошломъ разгадку сложнѣйшихъ проблеммъ современности.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: Е. К. Апостолиди, В. А. Апушкинъ, К. И. Арабажинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. Ѳ. Боцяновскій, Б. П. Бурдесъ, проф. А. Х. Гольмстенъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ). И. А. Гриневская, В. М. Грибовскій, М. В. Головинскій, проф И. Н. Ждановъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. И. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, проф. Н. М. Коркуновъ, Іосибуми Куроно (лек. японскаго языка петерб. унив.), докторъ русской исторіи Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. Мерцаловъ, М. Г. Мардарьевъ, Н. С. Морозовъ, К. В. Назарьева, Ф. К. Неслуховскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. И. Панаевъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, П. П. Павловъ-Сильванскій, В. Н. Перетцъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. Н. Субботинъ, Я. Г. Сѣверскій, А. Е. Суровцевъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Н. Фаресовъ, Н. К. Шильдеръ, проф. И. А. Штякинъ, П. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій). З. Ю. Яковлева и мн. др.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: **«Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы»** — **«Исторія польскаго народа»** В. Смоленскаго и **«Торжество силы»** ист. романъ Поля Адамъ, изъ временъ консульства и имперіи.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по десятымъ числамъ каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., за полгода **3** руб. и за границу **9** руб.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

1 стр.	впер. тек.	на 1 раз. 75 р.,	на 6 раз. по 60 р.	на 12 раз. по 52 р. 50 к.
1 »	сзади »	» 56 »	» » 48 »	» » 42 » — »
½ »	впер.	» 40 »	» » 32 »	» » 28 » — »
½ »	сзади »	» 30 »	» » 24 »	» » 21 » — »

Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

Главная Контора Журнала на Екатерининскомъ Каналѣ 15, у „К. В. Мернертъ".

Подписку принимаютъ также всѣ книгопродавцы.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги исключительно въ редакцію, Ямская, 2, Петербургъ.

Редакторъ-Издатель Сергѣй Сух

Вѣстникъ Всемірной Исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 6.

1900 г.

Отъ конторы редакціи.

Во избѣжаніе промедленія въ высылкѣ журнала, контора покорнѣйше проситъ: 1) **полугодовыхъ подписчиковъ** озаботиться своевременной присылкой взносовъ, такъ какъ шестой книгой заканчивается первое полугодіе изданія журнала; 2) при всякой перемѣнѣ адреса прилагать 40 коп. марками; 3) всѣ взносы въ разсрочку и всѣ взносы иногороднихъ подписчиковъ адресовать въ редакцію (Петербургъ, Ямская, № 2), и 4) всякіе письменные запросы и жалобы также адресовать въ редакцію съ маркой на отвѣтъ.

Всѣ уплаты гонорара по счетамъ и т. п., производятся ежедневно между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Ямская, 2), между часомъ и четырьмя дня.

Съ перваго мая по первое сентября редакція будетъ открыта для личныхъ объясненій только по вторникамъ отъ 4 до 6 часовъ вечера.

ВѢСТНИКЪ
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

МАЙ

№ 6

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12.
1900.

Стр.

Приложенія:

Дозволено цензурою. Спб. 3 мая 1900 г.

Королева Елизавета англійская и ея время.

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Ѳ. Львовича.

IV [1]).

Подъ натискомъ протестантства въ первой половинѣ XVI столѣтія началось внутреннее переустройство старой церкви, новое упроченіе ея вѣроученія, ея организаціи и житейскихъ отношеній. Она энергично приступила къ защитѣ и нападенію,—къ возвращенію утраченнаго ею и напрягла всѣ свои религіозныя и политическія силы для достиженія этой цѣли. Реформація еще распространялась въ Германіи, она еще успѣшно боролась на востокѣ; именно теперь она побѣдоносно проникла въ Нидерланды и овладѣла Англіей и Шотландіей; во Франціи партіи вели ожесточенную борьбу за будущія судьбы этой страны. Но люди старой вѣры повсюду уже стали просыпаться отъ своей дремоты и выходить изъ своей апатіи и безпомощности: начался періодъ великой духовной борьбы и великихъ войнъ, въ которыхъ старинный антагонизмъ между европейскими государствами, а внутри каждаго изъ нихъ антагонизмъ между монархіей и аристократіей, между современнымъ государствомъ и средневѣковыми государственными чинами сказался во всей своей силѣ, но въ то же время долженъ былъ служить высшему, новому антагонизму, церковно-религіозному. Вступаютъ въ борьбу могучія личности и сильныя страсти; совершается множество потрясающихъ дѣяній, страшныхъ трагедій, но также и возникаетъ много политическихъ идей. Далеко не вездѣ духовный элементъ игралъ непосредственно-руководящую роль, но преобладаніе онъ получилъ повсюду, и рѣшенія, къ которымъ тогда привела борьба, рѣшенія огромный важности, во многомъ сохраняющія свою силу по сей день, касаются прежде всего вѣроисповѣдной жизни народовъ, а вслѣдствіе этого, конечно, также самыхъ интимныхъ сторонъ ихъ внутренняго быта и международнаго положенія. Люди чувствовали, что начался новый вѣкъ, что новый анта-

---

[1]) См. Вѣст. Всем. Истор., апрѣль.

ганизмъ охватилъ всю Европу, что эти новыя противорѣчія вошли за предѣлы отдѣльныхъ земель, отдѣльныхъ королевствъ. Такъ, одинъ французъ-католикъ говорилъ въ 1565 г. Филиппу II: „раньше люди называли себя итальянцами, нѣмцами, французами, испанцами, англичанами и т. д. Теперь же нужно называться католикомъ или еретикомъ и за католическаго государя должны стоять всѣ католики всѣхъ странъ, также какъ за еретическихъ государей стоятъ всѣ еретики какъ ихъ, такъ чужіе вассалы. Національнаго чувства въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его знаемъ въ XIX вѣкѣ, нечего искать въ XVI столѣтіи; однако европейскіе народы и тогда уже достаточно ясно опредѣлились и самымъ интереснымъ въ эпоху религіозныхъ войнъ является то, что образующіяся націи все-таки сохраняютъ свою индивидуальность, хотя всѣхъ ихъ потрясаетъ общая буря и церковно-религіозныя идеи раздѣляютъ на обще-европейскія партіи, — совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи идеи великой революціи и начавшіяся его движенія вплоть до настоящаго времени. Международными прежде всего были воинствующія кальвинистскія церкви со своимъ центромъ въ Женевѣ, — эти защитницы или даже вѣрнѣе, спасительницы гонимой реформаціи; еще въ гораздо большей степени международными были перешедшіе уже къ наступленію вожди католическаго міра: снова утвердившееся папство съ его инквизиціей, его силою, направленною теперь всецѣло противъ еретиковъ, — и король Филиппъ Испанскій. Югъ весь остался въ рукахъ старой церкви или снова былъ завоеванъ ею; изъ Италіи и Испаніи, родины Лойолы, исходили всѣ католическія движенія. Но политическую силу далъ имъ Филиппъ II. Изъ огромнаго государства, путемъ завоеваній образованнаго Габсбургами, у него осталась лишь западная половина; онъ не пользовался и императорской властью въ Германіи, принадлежавшею нѣкогда его отцу. Однако обширныя земли, бывшія въ его владѣніи, отъ Сициліи до Нидерландовъ, все еще представляли дѣйствительную міровую державу; ему принадлежали, сверхъ того, колоніи, окружавшія весь земной

Встрѣча Маріи Стюартъ съ Елизаветой.

шаръ; онъ объединялъ все это, главнымъ образомъ, своей всемірно-католической тенденціей. Эту тенденцію онъ побѣдоносно защищалъ на югѣ отъ исконныхъ враговъ христіанства, турокъ; она сдѣлала его желаннымъ вождемъ міровой партіи во всей Европѣ вплоть до Польши и Швеціи. Неизмѣримо велико было его вліяніе на всѣ націи средней и западной Европы, хотя конечно, именно безпредѣльность его владѣній и его задачъ, неизбѣжность его участія въ рѣшеніи всѣхъ религіозныхъ и политическихъ вопросовъ того времени раздробляли и парализовалъ его силы.

Всегда, когда онъ хотѣлъ вмѣшаться въ политическую борьбу на сѣверѣ на дорогѣ ему стоялъ старинный врагъ, Франція, какъ ни значительно была ослаблена она своими внутренними смутами. Съ начала шестидесятыхъ годовъ этого столѣтія Нидерланды постепенно все враждебнѣе и враждебнѣе относились къ стремленіямъ его католическаго абсолютизма: Югъ и Сѣверъ разношерстыхъ владѣній Филиппа II не могли долго уживаться другъ съ другомъ. Но когда въ этомъ огромномъ государствѣ открывалась какая нибудь рана, всѣ сосѣди, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, старались, чтобы она не заживала и оставалась открытой. Сила Филиппа, какъ нѣкогда и сила его отца, была вмѣстѣ съ тѣмъ и его слабостью. Кастилія, коренная страна его государства, истощалась односторонней завоевательной политикой ради славы Испаніи и интересовъ католичества: это неограниченное господство политическо-церковныхъ идеаловъ и монархической власти привело ее къ экономической и нравственной гибели. Самъ король долженъ былъ лавировать среди множества подводныхъ камней, терпѣливо выжидать, пока, наконецъ, въ старости, послѣ чрезвычайнаго напряженія силъ, онъ могъ ожидать высшей награды за всю свою дѣятельность. Это былъ человѣкъ медлительный, не обладавшій какими-либо выдающимися дарованіями, неспособный ни къ какимъ смѣлымъ начинаніямъ, безгранично прилежный труженикъ, отъ вниманія котораго за множествомъ мелочей, поглощавшихъ его, слишкомъ часто ускользало существенное; тяжелая, мрачная натура еще больше увеличивала затруднительность его положенія и безконечныя невзгоды, со всѣхъ сторонъ обрушавшіяся на него. Несмотря на все это, онъ является однимъ изъ самыхъ крупныхъ историческихъ дѣятелей: при всей своей медлительности, тяжеловѣсности и другихъ недостаткахъ онъ былъ представителемъ всемірно-историческаго принципа. Люди знали, что онъ такое и за что онъ стоитъ, смотрѣли на него съ довѣріемъ или ненавистью: мрачная фигура одинокаго католическаго короля, изъ своего кабинета въ Эскуріалѣ покрывшаго міръ паутиной своихъ интригъ, царитъ надъ всей исторіей второй половины великаго XVI вѣка Испанскій мечъ и испанско-американское золото повсюду защищали дѣло контръ-реформаціи. Испанскіе послы вездѣ собирали вокругъ себя и организовывали католическихъ подданныхъ другихъ государей: это были гордые и смѣлые дипломаты, лучшіе представители кастильскихъ грандовъ, полные безграничнаго пре-

зрѣнія къ иностранцамъ, среди которыхъ они представляли особу своего короля, къ еретикамъ, съ которыми имъ приходилось жить и вести переговоры, пламенные защитники испанско-римскаго принципа, безцеремонные и неразборчивые въ средствахъ, когда нужно было вербовать приверженцевъ, организовывать заговоры и возстанія, и стоявшіе большею частью въ очень непріязненныхъ отношеніяхъ съ тѣми правительствами, при которыхъ они были аккредитованы. Посредствомъ такихъ пословъ эта самая консервативная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая революціонная изъ всѣхъ большихъ державъ вторгалась въ жизнь каждаго двора и каждаго государства.

Чѣмъ же была въ сравненіи съ этимъ государствомъ-гигантомъ маленькая Англія? Она была земледѣльческой страной съ небольшою еще торговлею, съ ограниченной промышленностью, рѣдкимъ населеніемъ,—которое опредѣляютъ для того времени лишь въ три милліона человѣкъ,—съ очень еще невнушительнымъ флотомъ, съ арміей, состоявшей изъ милицій графствъ; она не могла бы противостоять ни одному значительному европейскому государству, навѣрное не могла бы бороться съ Франціей, а тѣмъ болѣе съ покрытыми славой ветеранами герцога Альбы. Когда англійскія войска участвовали въ войнѣ, они держали себя чрезвычайно плохо, какъ, напр, въ Шотландіи въ 1560 г.: за границей, конечно, это знали и помнили. Однако Англія и послѣ того, какъ она утратила свои владѣнія на материкѣ и отказалась отъ своихъ притязаній во Франціи, все еще по прежнему была государствомъ, съ которымъ Европа считалась,—если можно такъ выразиться, одной изъ великихъ державъ того времени. Именно сдержанность ея политики, а главнымъ образомъ ея островное положеніе, недоступность для нападенія извнѣ, ея внутренняя цѣльность дѣлали ее сильной: она пользовалась большимъ значеніемъ, чѣмъ это оправдывалось ея непосредственными силами. Мы видѣли, что Елизавета хотѣла поддерживать это сосредоченіе Англіи на своихъ внутреннихъ дѣлахъ; она продолжала осторожную политику, принадлежавшую еще больше Генриху VII, чѣмъ ея отцу. Ея собственная сила выростала съ каждымъ новымъ годомъ спокойствія, упроченія привычки и фактическаго господства, которое она обезпечила за собою. Должна ли была религіозная борьба, охватившая тогда міръ, вывести ее изъ этого изолированнаго положенія? Несомнѣнно, что это отнюдь не соотвѣтствовало желаніямъ самой Елизаветы. Возможно, что иностраннымъ протестантамъ она сочувствовала нѣсколько больше, чѣмъ ихъ противникамъ, но чувства и вѣроисповѣдныя отношенія не могли овладѣть ея умомъ и руководить ея политикой. Она старалась держаться подальше отъ огня, охватившаго другія страны. Сесиль былъ бы непрочь оказать болѣе дѣятельную поддержку протестантамъ и принять нѣкоторое участіе въ великой борьбѣ—конечно, лишь на почвѣ англійской политики интересовъ и равновѣсія. Но многіе изъ дипломатическихъ агентовъ Елизаветы съ протестантскимъ жаромъ втягивались въ партійный антагонизмъ тѣхъ странъ, гдѣ они жили, и побуждали королеву къ рѣшительному вмѣшательству. И англійскій народъ по мѣрѣ того, какъ въ

Англіи утверждались новыя отношенія, тоже все напряженнѣе и возбужденнѣе слѣдилъ за ходомъ дѣлъ на материкѣ. Другіе же, какъ купецъ и политикъ Томасъ Грешэмъ, предпочитали быть возможно дальше отъ современной борьбы: ему стало жутко, когда онъ увидѣлъ, какъ въ центральномъ пунктѣ тогдашней міровой торговли, Антверпенѣ, люди истребляли другъ друга вслѣдствіе религіозныхъ разногласій и ради этихъ страстей забрасывали торговлю. Такъ же смотрѣла на дѣло и Елизавета. Она долго ограничивалась лишь тѣмъ, что тайно ободряла и поддерживала оппозицію въ сосѣднихъ странахъ, которыя могли стать опасными для нея; подобнымъ же образомъ она поддерживала и шотландскія смуты; вскорѣ она стала дѣлать то же самое и въ Нидерландахъ. Лишь разъ, именно еще въ началѣ своего царствованія, во время первой французской религіозной войны 1562 г., она прибѣгла къ открытому вмѣшательству: дѣло окончилось для нея плохо, и съ тѣхъ поръ она не оставляла своей сдержанности. Англія постепенно стала мѣстомъ убѣжища для бѣглецовъ, здѣсь вербовались люди для частныхъ военныхъ предпріятій въ особенности на морѣ, но само правительство воздерживалось отъ рѣшительнаго шага. Еще въ 1566 г. Сесиль писалъ въ одномъ изъ своихъ изложеній современныхъ обстоятельствъ, что Англія въ отношеніяхъ съ другими государствами попрежнему должна опираться на дружбу Филиппа II.

Но съ 1568 г. положеніе дѣлъ измѣнилось. Теперь въ Нидерландахъ стоялъ Альба, Марія Стюартъ сидѣла подъ стражей въ Англіи. Съ этихъ поръ начинается длинный рядъ католическихъ предпріятій, направленныхъ противъ Елизаветы и ея государства. Мы изложимъ ихъ лишь въ главныхъ чертахъ: всѣ эти предпріятія имѣютъ то общее между собою, что въ нихъ отражаются возрастающее озлобленіе католическаго міра и всѣ они остались безъ практическаго осуществленія или, по крайней мѣрѣ, безъ успѣха.

Съ самаго же начала этотъ религіозно-политическій антагонизмъ переплетается съ антагонизмомъ торгово-политическимъ, на которомъ я остановлюсь въ дальнѣйшихъ строкахъ: здѣсь наступленіе, хотя и не прямое, принадлежало Англіи. Съ 1564 г. Англія состояла въ безпрерывной торговой войнѣ съ испанскимъ правительствомъ; съ 1568 г. война эта возгорѣлась съ новой силой. Испанцы давно уже жаловались на англійскіе морскіе разбои; съ тѣхъ поръ, какъ нидерландскія волненія усилились и испанскія войска вступили въ Брюссель, опасность и политическое значеніе этихъ разбоевъ возрасли. Сильная правительственная власть въ Брюсселѣ была, крайне неудобна для Англіи; въ особенности же ей нежелательно было учрежденіе здѣсь крѣпкой военной позиціи какимъ-нибудь изъ двухъ большихъ государствъ, —Испаніей или Франціей. Обѣ онѣ оттуда стали бы непосредственно угрожать Англіи, могли бы причинить тяжелый ущербъ англійской торговлѣ и англійской независимости. Заблаговременная защита въ этомъ пуктѣ своихъ интересовъ была настоятельной потребностью англійской политики. Въ этомъ отно-

шеніи Англія вскорѣ опредѣлила здѣсь свою роль: поддерживать всякое противодѣйствіе нидерландцевъ, всѣми силами затруднять и колебать положеніе Альбы: къ этому были направлены ея усилія, причемъ она лишь воздерживалась отъ явно-враждебныхъ дѣйствій. Она позволяла себѣ и своимъ подданнымъ только такія вещи, которыя еще можно было оправдать всякими увертками, которыя прямо не вынуждали Филиппа II къ войнѣ, неудобной теперь и для него самого, и имѣли еще то важное преимущество, что, сильно затрудняя европейскаго противника Англіи, сверхъ того доставляли ей деньги и добычу. Такъ, направлены были пираты на суда, посредствомъ которыхъ Альба сносился по морю съ Испаніей, въ англійскихъ гаваняхъ гостепріимно давали убѣжище пиратамъ-гёзамъ, Елизавета сама считала позволительнымъ задерживать испанскія суда, которыя везли Альбѣ большія суммы денегъ и, съ своей стороны, искали убѣжища въ этихъ гаваняхъ: деньги отправлялись въ Тоуеръ, а Сесиль и его королева никогда не затруднялись въ измышленіи предлоговъ для оправданія такихъ захватовъ. Конечно, это вызывало непріятные переговоры, новыя стѣсненія торговли и угрозы войною. Но войны не было: Филиппъ не чувствовалъ себя теперь достаточно сильнымъ, чтобы вести ее; Елизавета удерживала свою добычу и по прежнему продолжала дѣлать все, что можно было сдѣлать безъ явнаго разрыва.

Сэръ Вильямъ Сесиль, лордъ Бёрглей.

Все это, также какъ и общее положеніе дѣлъ, достаточно объясняетъ, отчего католики съ такой ненавистью относились къ Елизаветѣ и безпрестанно составляли комплоты противъ нея. Впереди ихъ шли англійскіе католики, предводительствуемые высшимъ дворянствомъ: религія и честолюбіе соединились и самый видный изъ представителей англійскаго дворянства, герцогъ Норфолькъ, притворявшійся протестантомъ, льстилъ себя надеждою получить руку Маріи, завоевать для нея и для себя шот-

ландскую корону и вступилъ въ оживленную переписку съ королевой-узницей. Для Елизаветы не могло быть ничего опаснѣе такого возстановленія соперницы и союза ея со всѣми враждебными элементами въ Англіи. Лишь только она узнала о планахъ Норфолька, она призвала его въ Лондонъ и заключила въ Тоуеръ (осенью 1569 г.). Тогда его единомышленники съ могущественными графами Нортуберландомъ и Вестморландомъ во главѣ, взялись за оружіе: сѣверъ Англіи охватило возстаніе. Но и теперь, какъ нѣкогда въ царствованіе Генриха VIII, оно не имѣло прочной опоры; правители Елизаветы подавили его и устроили кровавую расправу надъ возставшими (зимою 1569—70 г.). Попытка низвергнуть, если не самое королеву, то, по крайней мѣрѣ, ея правительственную систему, воплощенную въ Сесилѣ, потерпѣла крушеніе. Тяжелые это, конечно, были дни для министра и не менѣе тяжелые слѣдовали за ними. Повсюду являлись новые противники. Въ Шотландіи, гдѣ въ этотъ вѣкъ врядъ-ли хоть одинъ изъ государственныхъ дѣятелей умеръ естественной смертью, былъ убитъ Меррей и снова вспыхнула ожесточенная партійная борьба, продолжавшаяся цѣлый годъ. Теперь выступилъ и самъ папа Пій V, бывшій инквизиторъ Гислерій, и въ февралѣ 1570 г. предалъ Елизавету проклятію. Она же, несмотря на всѣ предшествовавшія потрясенія, избѣгала всякихъ крайнихъ мѣръ, вела переговоры съ шотландскими партіями, снова освободила Норфолька. Тѣмъ временемъ испанскій посолъ, Донъ Гуернау де-Спесъ, сгруппировалъ вокругъ себя всю оппозицію: это былъ отвѣтъ на захватъ Елизаветою испанскихъ денегъ,—среди мира безъ помощи оружія велась война. Кризисъ продолжался съ 1568 г. до конца 1571. Тѣмъ временемъ Англія сближается съ французскимъ правительствомъ въ виду общихъ враговъ: Альбы и Филиппа; начинаются обычные тогда брачные переговоры, молодой принцъ Генрихъ Анжуйскій вынужденъ фигурировать въ качествѣ жениха сорокалѣтней королевы; въ концѣ концовъ между обѣими державами устанавливается, повидимому, тѣсный союзъ. И внутри страны власть королевы расширяется. Парламентъ подъ настойчивымъ давленіемъ нижней палаты въ полномъ согласіи съ Сесилемъ предоставляетъ въ 1571 г. королевѣ самыя широкія полномочія. Обнаружилось, что нація все-таки остается на сторонѣ королевы; столкновеніе съ иностраннымъ католическимъ міромъ превращаетъ англиканскую церковь въ національное достояніе. Въ общественномъ сознаніи уже отчетливо отразился антагонизмъ къ Испаніи, въ 1570 г. докторъ Вильсонъ издалъ переводъ рѣчей Демосѳена и проповѣдовалъ своимъ соотечественникамъ, что Филиппъ Македонскій есть собственно Филиппъ Испанскій, Аѳины же есть Англія и великій греческій ораторъ изображаетъ положеніе англійскихъ дѣлъ. Парламентъ нанесъ тяжелый ударъ англійскимъ католикамъ. Еще въ 1563 г. подъ впечатлѣніемъ партійной борьбы во Франціи былъ принятъ актъ, въ силу котораго кандидаты на всѣ общественныя должности должны были давать установленную присягу, какой не могъ дать ни одинъ

истинный католикъ. Теперь актъ о присягѣ былъ возобновленъ, доставленіе и принятіе папскихъ буллъ, распространеніе католичества и прежде всего отрицаніе правъ Елизаветы на престолъ, всякія притязанія на корону, отрицаніе права парламента регулировать порядокъ наслѣдованія престола — были объявлены государственными преступленіями, за которыя угрожала смертная казнь. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, законодательство сошло съ пути терпимости, постепеннаго перехода Англіи въ новую церковь: это была реакція на возстанія и папскую буллу о проклятіи 1570 г., первый значительный шагъ къ новому пути. Но Елизавета еще не думала примѣнять эти законы со всей строгостью; преслѣдованія католиковъ еще не было. Мало того, испанскій посолъ и католическое дворянство могли спокойно продолжать свои происки. Въ 1571 г. между освобожденнымъ изъ заключенія Норфолькомъ, Спесомъ, Маріей Стюартъ, ея сторонниками при дворѣ, нѣсколькими англійскими гражданами и католиками за границею возникъ тотъ фантастическій заговоръ, главнымъ представителемъ и дѣятелемъ котораго былъ жившій въ Лондонѣ, флорентійскій купецъ, Ридольфи. Составленъ былъ обширный заговоръ противъ Елизаветы; Ридольфи обратился за содѣйствіемъ къ Альбѣ, Пію V, королю Филиппу. Папа безъ всякихъ колебаній согласился поддержать заговоръ, король тоже готовъ былъ сдѣлать, что окажется возможнымъ, но Альба колебался. Онъ не хотѣлъ подвергать Нидерланды риску возможной неудачи предпріятія, употреблять на это дѣло испанскихъ солдатъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и ставилъ непремѣннымъ условіемъ испанскаго содѣйствія, чтобы Норфолькъ и его товарищи захватили въ свои руки Елизавету живой или мертвой. Съ этимъ согласился и Филиппъ; былъ нанятъ тайный убійца; король имѣлъ неосторожность довѣрчиво отнестись и къ англійскимъ агентамъ, предложившимъ свои услуги для готовившагося возстанія: интрига была пущена въ ходъ противъ интриги; въ тайну Филиппа проникъ пиратъ Гоукинсъ и Сесиль, съ 1671 г. носившій титулъ лорда Бёрглея, какъ изъ этого, такъ и изъ другихъ источниковъ узналъ весь планъ заговорщиковъ. Лишь это открытіе положило конецъ напряженному состоянію послѣднихъ лѣтъ: Елизавета выслала испанскаго посла изъ страны, арестовала лордовъ, участвовавшихъ въ заговорѣ, и предала суду Норфолька. Она еще и теперь выждала побужденія со стороны парламента, раньше чѣмъ казнить измѣнника. На нее падаетъ значительная часть вины въ томъ, что французскіе протестанты потерпѣли пораженіе и подверглись избіенію въ ночь св. Варѳоломея (августъ 1572), такъ какъ она—конечно, по тщательно обдуманному совѣту Бёрглея,—отказала протестантамъ въ помощи, которой тѣ просили у нея, а эта помощь, поддержка грандіозныхъ плановъ Кольньи, можетъ быть, имѣла бы рѣшающее значеніе для всего будущаго Франціи. Дѣло въ томъ, что планы Колиньи клонились къ войнѣ съ Испаніей, къ завоеванію Нидерландовъ, а Елизаветѣ и Сесилю французское владычество въ Нидерландахъ было столь же неудобно или, пожалуй, еще болѣе неже-

лательно, чѣмъ и испанское. Тѣмъ не менѣе отношенія Елизаветы къ Испаніи стали теперь болѣе опредѣленными: дипломатическія сношенія прекратились и направленіе политики ясно опредѣлилось. Въ Шотландіи королева, наконецъ, тоже стала дѣйствовать болѣе энергично и помогла партіи кальвинистовъ одержать новую побѣду.

Событія, совершившіяся съ 1572 г. до половины восьмидесятыхъ годовъ этого столѣтія, лишены драматическаго характера, присущаго только-что изложеннымъ нами событіямъ: они производятъ впечатлѣніе длинной прелюдіи къ послѣдней, рѣшительной и великой борьбѣ. Въ ней дѣйствуютъ тѣ же силы, что и прежде. Только руководящую роль играетъ уже папа; папою былъ теперь Григорій XIII, который собственно и организовалъ контръ-реформацію; онъ надѣялся снова завоевать для св. престола и Англію. Въ Римѣ возникла новая коллегія для англичанъ,—collegium anglicanum,—въ Дуэ, а впослѣдствіи въ Реймсѣ изгнанный изъ Оксфорда Уилльямъ Алленъ устроилъ свою семинарію для подготовки священниковъ: отсюда на отпавшій отъ католичества островъ имѣлъ излиться потокъ самоотверженныхъ проповѣдниковъ; въ дѣлѣ обращенія англичанъ готовились принять участіе и іезуиты. Въ семидесятыхъ годахъ подготовленные за границей проповѣдники начали возвращаться въ Англію. Тѣмъ временемъ центръ тяжести общеевропейской борьбы все больше и отчетливѣе сталъ передвигаться въ возставшіе Нидерланды. Альба, Реквезанъ, Донъ-Жуанъ Австрійскій боролись съ противодѣйствіемъ нидерландскихъ государственныхъ чиновъ, еще болѣе сильнымъ противодѣйствіемъ кальвинистовъ и неизсякаемой изобрѣтательностью и энергіей Вильгельма Оранскаго. Григорій XIII сильно желалъ, чтобы испанцы вторглись въ Англію. Елизавета раздражала Филиппа своими, хотя и тайными, связями съ мятежниками; Донъ-Жуанъ, славный побѣдитель турокъ у о. Лепанто, представлялся католическому міру естественнымъ мстителемъ и освободителемъ Маріи Стюартъ и англійскихъ католиковъ. Самъ онъ носился съ фантастическо-честолюбивыми планами и мечталъ о британской коронѣ. Но онъ умеръ раньше, чѣмъ успѣлъ управиться со своими нидерландскими противниками, а царственный братъ его въ Мадридѣ и не подумалъ бы о томъ, чтобы помочь Донъ-Жуану достичь желанной ему цѣли. Филиппъ теперь вообще былъ глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ; мелкая война продолжалась по прежнему, но непосредственныя, оффиціальныя отношенія, казалось, стали лучше. Послѣ долгаго перерыва въ 1578 г. по предложенію Елизаветы въ Лондонъ снова прибылъ испанскій посолъ, правда, самый выдающійся и настойчивый изъ всѣхъ воинственныхъ пословъ Филиппа II, Бернардино де-Мендоца. Результатомъ его прибытія было лишь усиленіе всѣхъ прежнихъ происковъ. Вскорѣ и Мендоца, точно это было въ порядкѣ вещей, сталъ душою всѣхъ замысловъ, направленныхъ противъ Елизаветы, а королева съ своей стороны по-прежнему безъ всякихъ стѣсненій продолжала свою старую игру противъ Испаніи. Она не хотѣла ни допустить гибели Нидерлан-

довъ, ни оказать имъ непосредственную помощь, она старалась выдвинуть на первый планъ Францію и натравить ее на Испанію, чтобы самой остаться въ сторонѣ. Это было главной причиной той сумасбродной комедіи, которую она въ 1579 г. начала разыгрывать съ младшимъ сыномъ Екатерины Медичи, герцогомъ Францискомъ Алансонскимъ. Францискъ былъ орудіемъ въ рукахъ герцога Орлеанскаго: великій дипломатъ завлекалъ жаждавшаго приключеній принца Нидерландами, чтобы за нимъ привлечь на свою сторону Францію и создать противовѣсъ Испаніи; такъ принцъ Алансонскій, третій изъ сыновей Екатерины Медичи, стремясь къ дальнѣйшему возвышенію, выступилъ претендентомъ на руку Елизаветы. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ относился къ этому дѣлу вполнѣ серьезно, но врядъ можно допустить, чтобы Елизавета когда-нибудь думала выйти за него замужъ. Иногда она какъ будто дѣйствительно увлекается, позволяетъ дѣлу зайти нѣсколько далеко, выражаетъ недовольство предостерегающему ее министру; составляется брачный договоръ, принцъ торжественно посѣщаетъ королеву въ ея замкахъ, она сама сопровождаетъ его до Кентербери. Между 46-лѣтней женщиной и ея 24-лѣтнимъ малорослымъ поклонникомъ, „принцемъ жабою", начинается нѣжная переписка, которая ведется въ причудливой формѣ со всѣмъ гиперболизмомъ того времени. Дѣйствительно ли заманчивость такого поздняго брака на мгновенье соблазнила Елизавету или все это и теперь было лишь смѣсью самодовольнаго кокетства и дипломатической лжи, которой, можетъ быть, придали болѣе оживленный оттѣнокъ своенравіе королевы и недовольство оцвѣтающей женщины возраженіями трезвыхъ политиковъ или раздраженныхъ противниковъ брака. Она поддерживала эти отношенія гораздо дольше того періода, когда еще можно сомнѣваться въ ея намѣреніяхъ. Но англійскій народъ втеченіе нѣкотораго времени очень серьезно смотрѣлъ на этотъ бракъ и возмущался при мысли, что его королева можетъ отдать свою руку сыну великой убійцы, Екатерины, католику и Валуа.

Сэръ Мэтью Паркеръ архіепископъ Кентерберійскій. (Съ современной гравюры).

Среди этихъ колебаній, проволочекъ и интригъ интересенъ собственно одинъ вопросъ: каково было отношеніе этой поли-

тики и ея носительницы, которыя представляются намъ столь мелочными, къ чувствамъ и дѣйствительнымъ потребностямъ англійскаго народа? Отвѣтить на этотъ вопросъ не такъ-то легко.

V.

Прослѣдивъ дѣятельность Елизаветы за эти 20—25 лѣтъ до половины ея царствованія, мы видѣли образъ королевы съ различныхъ сторонъ. И въ этомъ образѣ прежде всего незамѣтны черты личнаго величія. Современники-итальянцы, такъ хорошо знавшіе людей, по крайней мѣрѣ, людей эпохи возрожденія, еще въ прежніе годы совершенно правильно судили о ней: у нея не было мистической глубины духовной жизни сѣверянъ, не было религіознаго догматизма,—у нея было имъ все понятно. По ихъ описаніямъ изъ того времени, это была стройная, высокая, пожалуй даже слишкомъ худощавая женщина съ нѣсколько желтоватымъ цвѣтомъ лица и красивыми руками, которыя она любила выставлять напоказъ. Чертами лица она въ общемъ походила на свою мать, только была сухощавѣе ея и не такъ красива; губы ея были нѣсколько толсты и производили впечатлѣніе чувственности. Итальянцы находили ее высоко-образованной, очень умной и гордой. Она требуетъ еще большей почтительности, чѣмъ ея строгая предшественница, и безусловнаго повиновенія; при этомъ она ищетъ расположенія народа и пользуется имъ. Она любитъ принимать участіе въ увеселеніяхъ, празднествахъ, балахъ, охотахъ. Такой она остается и въ позднѣйшее время. Какъ часто ея совѣтники проклинали эту любовь Елизаветы къ увеселеніямъ! При всемъ томъ хозяйство королевы отличается бережливостью; ея расходы равнялись лишь третьей части расходовъ католички Маріи; Елизавета любила взваливать расходы на дворянъ, замки которыхъ она посѣщала. Она любила ѣздить по странѣ, наслаждаясь празднествами, устраиваемыми въ честь ея и блескомъ торжествъ своего времени, при этомъ она присматривалась къ окружавшимъ ее, и населеніе присматривалось къ ней; когда ей это было желательно, она безъ труда принимала популярный, грубоватый тонъ старой Англіи. Но людямъ, непосредственно окружавшимъ ее, трудно было ладить съ нею; это была женщина раздражительная, вспыльчивая, какъ истинная представительница дома Тюдоровъ, часто доходившая до недостойной грубости, чрезвычайно притязательная, требовательная, исполненная женскаго тщеславія и королевскаго самомнѣнія. Она была лишена сердечной теплоты и душевнаго благородства. Всю свою жизнь она кокетничала почетнымъ названіемъ дѣвственницы, приняла его въ число оффиціальныхъ титуловъ, которыми повсюду величали ее. Но мы уже видѣли, какъ сильна была ея чувственность: она лишь никогда не позволяла себѣ увлекаться до того, чтобы это могло стать опаснымъ для ея положенія, въ качествѣ королевы. Она была женщиной вполнѣ; такой же, какъ мы видѣли, она оставалась и въ политикѣ. При всемъ своемъ своеправіи она сорокъ лѣтъ держала на службѣ Сесиля-Берглея,—сперва

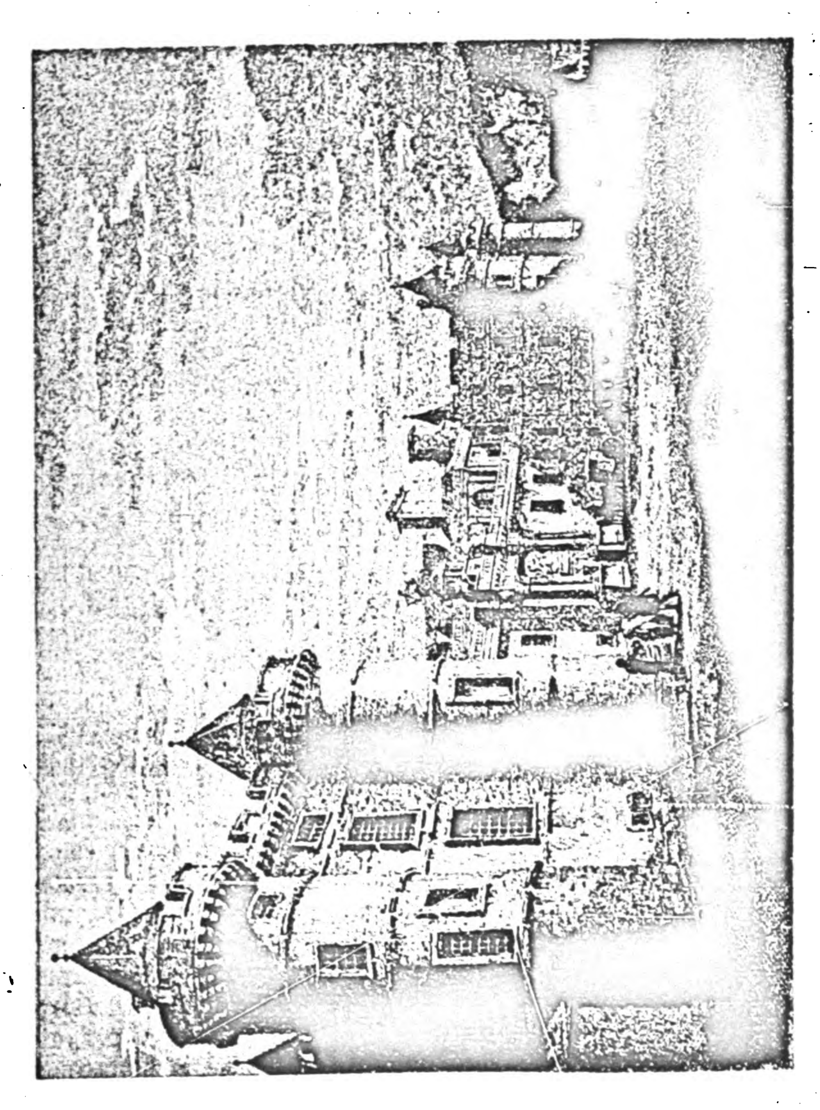
въ должности государственнаго секретаря, а затѣмъ въ должности лорда-казначея; она знала ему цѣну и терпѣливо выслушивала его доводы и возраженія. Рядомъ съ нимъ она поставила представителя протестантской международной политики, Фрэнсиса Вальсинггама, который въ качествѣ англійскаго посла за границею хорошо ознакомился съ контръ-реформаціей, а затѣмъ въ должности государственнаго секретаря старался вовлечь Англію въ энергичную борьбу съ нею: это былъ приверженецъ кальвинистской международной партіи, страстный, радикальный, строго придерживавшійся партійныхъ взглядовъ,—прямая противоположность своей государынѣ. Какъ истинный фанатикъ въ политической области, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми темными средствами политической дѣятельности: онъ взялъ на себя охрану королевы отъ покушеній католическихъ убійцъ, сталъ главою искусно организованной, неразборчивой политической полиціи и отражалъ преступленія преступленіями, не стѣсняясь въ средствахъ. На него Елизавета, если онъ настойчиво выступалъ противъ ея нерѣшительности, изливала всю чашу своего гнѣва и умеръ онъ въ бѣдности. Все, что у него было, онъ истратилъ на службѣ своей бережливой и непокладистой королевы: этимъ онъ пріобрѣлъ возможность охранять ея жизнь и власть. И все таки онъ, вопреки желаніямъ Елизаветы, въ концѣ концовъ провелъ свое направленіе. Истиннаго создателя того величія, которое мы соединяемъ съ именемъ Елизаветы, многіе видѣли и видятъ въ Сесилѣ-Берглеѣ. Это не лишено нѣкотораго основанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не вполнѣ вѣрно. Много необходимаго и хорошаго, несомнѣнно, совершено министрами королевы. Успѣховъ и даже существованія этого правительства мы не можемъ представить себѣ безъ его великихъ дѣятелей. Но правитъ все-таки Елизавета и она одна. Всѣ ея министры были до извѣстной степени людьми партій; она была независимѣе всѣхъ ихъ; никогда не удаляла она кого-либо изъ своихъ совѣтниковъ,—внѣшнимъ образомъ, а въ значительной степени и по существу она господствовала надъ ними. Рѣшенія всегда принадлежали ей; весь характеръ ея правленія вытекаетъ изъ воли, изъ натуры самой королевы. При этомъ сотрудники, конечно, были очень важнымъ и необходимымъ дополненіемъ ея, но общее направленіе политики опредѣлялось не ими, а ею. Дѣлала ли она это сознательно, руководясь дѣйствительно политическими соображеніями? Были ли ея желанія дѣйствительно правильными? Общественное мнѣніе въ своихъ отчетливыхъ и несомнѣнныхъ проявленіяхъ было на сторонѣ ея министровъ. Настроеніе народа, особенно съ 1570 г., становилось все воинственнѣе или, по крайней мѣрѣ, все враждебнѣе католичеству; тонъ здѣсь задавали болѣе рѣшительные протестанты, пуритане, и они дѣйствительно были выразителями чувствъ господствовавшихъ въ народѣ. Какое сильное возбужденіе вызвала и въ Англіи Варѳоломеевская ночь! Пресса, духовенство, парламентъ побуждали королеву къ рѣшительному шагу, она же упорно держалась своей нейтральной политики. Когда въ 1579 г. казалось, что сватовство герцога Алансонскаго имѣетъ

нѣкоторыя надежды на успѣхъ, въ странѣ и особенно въ Лондонѣ поднялась буря: въ ней участвовали дворъ, тайный совѣтъ и парламентъ; дворянинъ и поэтъ сэръ Филиппъ Сидней обратился къ королевѣ со смѣлымъ письмомъ, направленнымъ противъ этого папистскаго союза и „Iезавели“ варѳоломеевской ночи. Она снесла это, но когда пуританинъ Стёббсъ издалъ рѣзкій памфлетъ, она пожелала воспретить такія мятежническія сочиненія, а Стеббсъ былъ выставленъ у позорнаго столба и, по варварскимъ законамъ того времени, ему была отрублена правая рука. Тутъ же, разсказывали впослѣдствіи, и произошелъ фактъ, столь характеристичный для положенія всего этого правительства: Стёббсъ послѣ отсѣченія правой руки поднялъ лѣвой шляпу и воскликнулъ:—да хранитъ Богъ королеву!—

Шелъ вѣкъ „монархомаховъ“, вѣкъ тѣхъ писателей, которые съ религіозно-партійной точки зрѣнія проповѣдывали право возстанія противъ иновѣрныхъ властей, а вскорѣ и право революціи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Противъ Елизаветы выступили католики: обремененная грѣхами еретичка, говорили они, не имѣетъ права на повиновеніе ей подданныхъ. Но эта проповѣдь была безуспѣшна. Огромное большинство англичанъ шло за своей королевой; пуритане, осуждавшіе столь многое въ ея дѣятельности, все-таки сознавали, что въ общемъ они заодно съ враждебной имъ государыней, и оставались на ея сторонѣ; масса католическаго населенія постепенно оставляла старую вѣру и, подобно пуританамъ, видѣла въ Елизаветѣ воплощеніе своей націи.

Самостоятельность Англіи была тѣсно связана съ судьбою Елизаветы: если бы королева погибла, что сталось бы со свободою и спокойствіемъ страны? Конечно, важную роль играло здѣсь счастливое стеченіе обстоятельствъ: потокъ историческихъ событій несъ Елизавету на своихъ волнахъ; не ея это была заслуга, что ея выгоды постоянно совпадали съ выгодами страны и что даже ошибки и колебанія ея въ концѣ концовъ приводили къ добру. Но неужели все въ ея дѣятельности было только сцѣпленіемъ счастливыхъ случайностей? Или, можетъ быть, главная заслуга принадлежала министрамъ, исправлявшимъ ея ошибки? Едва-ли. Трудно, конечно, сказать, что въ промедленіяхъ и выжиданіяхъ Елизаветы было слѣдствіемъ строго взвѣшенной системы, а что зависѣло отъ необдуманности и нерѣшительности. Отдѣлить у нея эти факторы одинъ отъ другаго невозможно. Но часто довольно ясно видно, что королева дѣйствовала подъ вліяніемъ скупости, нерѣшительности, даже трусости и неувѣренности, и что поэтому ошибочно было бы сводить всѣ ея колебанія къ обдуманнымъ разсчетамъ. Бывали времена, когда она доводила своего Сесиля до отчаянія. Есть какая-то несомнѣнная родственность натуръ между нею и Екатериной Медичи, вѣчно прибѣгавшей ко всякимъ ухищреніямъ и мелочнымъ средствамъ; замѣтна у нея какая-то родственность даже съ медлительнымъ Филиппомъ II: различіе лишь въ томъ, что Филиппъ былъ представителемъ опредѣленнаго принципа и безусловно цѣльною натурою, Елизавету же дѣйствительно поглощали мелочи и поли-

тика текущаго момента. Тѣмъ не менѣе она безконечно выше Екатерины и безконечно жизненнѣе Филиппа; въ ней самой и въ ея исторіи дѣйствительно есть какое-то неподдающееся опредѣленію, но безспорное величіе, возвышающее ее надъ всей этой, столь же несомнѣнной мелочностью. Она обладала государственнымъ умомъ и далеко превосходила въ этомъ отношеніи Филип-

Замокъ Голирудъ въ Шотландіи. (Съ гравюры У. Билля и Лорви).

па. Сверхъ того, во всѣхъ ея колебаніяхъ нельзя не замѣтить одной общей черты. Невозможно объяснить слабостью того, что она все выжидала и руководилась только потребностями данной минуты. Ея желанія не вполнѣ совпадали съ желаніями ея министровъ: она не хотѣла протестантской политики. Можно представить себѣ, какое великое дѣло совершила бы Елизавета, если бы она выступила такой же сознательной и послѣдовательной представительницей реформаціи, какимъ Филиппъ

Марія Стюартъ—Королева Шотландская.

былъ для контръ-реформаціи: это была бы возвышенная политика, полная идеальныхъ мотивовъ, полная глубины и силы,--какую впослѣдствіи велъ Оливеръ Кромвель. Конечно, это еще большой вопросъ возможна ли была бы тогда такая политика: мы уже видѣли, каковы были силы небольшой Англіи въ 1560 г. Никто не докажетъ, что Елизавета была неправа, избѣгая политики идеаловъ и, можетъ быть, завоеваній; пожалуй, скорѣе можно доказать противоположное; какъ бы то ни было, историку нѣтъ надобности разсуждать о томъ, что было-бы, если-бы существовали обстоятельства, не имѣвшія мѣста въ дѣйствительности. Елизавета желала вести именно оборонительную политику: дѣлать всегда лишь то, что безусловно необходимо,—не больше. Такая политика сама по себѣ дѣло очень рискованное: она могла оказаться неудачной, сильный врагъ могъ неожиданно напасть на Елизавету съ преобладающими силами. Однако, этого не случилось; образъ дѣйствій Елизаветы увѣнчался успѣхомъ. Дѣйствительно, во всѣхъ своихъ выжиданіяхъ, колебаніяхъ и опасеніяхъ она доходила только до границы позволительнаго, но никогда не переступала ея. Она обладала инстинктивнымъ чутьемъ возможнаго, необходимаго. Если ея государственные люди жаловались на упущеніе благопріятныхъ случаевъ, на возникновеніе чрезвычайныхъ опасностей, то сама она, какъ еще въ 1560 г., постоянно успѣвала уловить послѣдній моментъ и воспользоваться имъ. Указывали также на то, что она обладала личнымъ мужествомъ: къ покушеніямъ на свою жизнь она постоянно относилась безъ всякаго страха; невѣрно также, будто ей свойственна была только робость и нерѣшительность: она обладала характеромъ, даже энергіей и настойчивостью. Нужно прочесть ея письма, въ которыхъ ясно отражаются обѣ стороны ея политическаго ума. Обыкновенно она пишетъ темно, неясно, недомолвками и намеками и при этомъ все-таки хочетъ, чтобы ее понимали. Но когда она считаетъ возможнымъ и нужнымъ говорить свободно и откровенно, рѣчь ея носитъ печать увѣренности, твердости воли, пріобрѣтаетъ ясную опредѣленность повелѣній. Какое изъ этихъ свойствъ было у Елизаветы основнымъ и господствующимъ, можетъ быть, слѣдуетъ рѣшить по ея почерку: письма ея писаны твердымъ, смѣлымъ, бѣглымъ и быстрымъ, мужскимъ почеркомъ. Этими качествами она обладала и ихъ нельзя не замѣтить. Въ виду всего этого при характеристикѣ Елизаветы не надо за всей ея мелочностью забывать того, что даже ея личные недостатки находились въ связи съ системою, которой она осталась вѣрна, что своихъ выжиданій она никогда не затягивала до непоправимаго пораженія и что за ея слабостями и политической эластичностью всегда было нѣчто, чему она никогда не измѣняла и сослужила великую службу, а именно: интерессы ея страны.

Въ этомъ и заключается тайна ея значенія: всѣ дѣла ея, какую бы оцѣнку мы ни давали имъ, удовлетворяли вполнѣ опредѣленнымъ потребностямъ Англіи. Прежде всего она защищала самостоятельность государства. Общественное мнѣніе и тогда очень энергично требовало большаго, но Елизавета долго прислушивалась только къ требованіямъ не самыхъ шумныхъ, но самыхъ

сильныхъ представителей общественнаго мнѣнія,—купцовъ. Имъ нуженъ былъ миръ, также какъ и самой Елизаветѣ. Когда же наконецъ, она была вынуждена вести войну, дѣла настолько измѣнились, что теперь и война была полезна для англійской торговли, потому что оборонительныя мѣропріятія, полувоенное положеніе въ распряхъ съ Испаніей, о которыхъ мы уже вскользь напоминали, сослужили службу и этой торговлѣ. Словомъ жизнь Елизаветы была гарантіей англійской независимости, ея же политика была охраной англійскаго благосостоянія: въ этомъ заключается ея дѣйствительное объясненіе и оправданіе. И если на этихъ экономическихъ стремленіяхъ намъ нужно будетъ остановиться лишь впослѣдствіе, то здѣсь, въ связи съ событіями международной жизни, мы все-таки должны постоянно имѣть въ виду общее направленіе торговой политики Елизаветы.

Джонъ Нокс, реформаторъ шотландской церкви. (Съ портрета неизвѣстнаго художника, хранящ. въ національной портрет. галлереѣ въ Лондонѣ).

Въ этой политикѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою государство, экономическая жизнь страны и международныя отношенія: идея національнаго могущества и національныхъ интересовъ насквозь проникаетъ ее. Дѣятельность Елизаветы находится при этомъ въ связи съ политикой Тюдоровъ и обще-европейской меркантильной политикой, краткую характеристику которой мы дали въ началѣ нашего очерка. Дѣдъ и отецъ ея начали освобождать Англію отъ иностранныхъ купцовъ, господствовавшихъ въ ея торговлѣ, и обезпечивать самостоятельность англійскому купечеству: они должны были обратить вниманіе на Ганзу, Нидерланды, итальянскія республики, въ особенности на Венеціанскую республику. Елизавета продолжаетъ эту политику и дѣятельность ея увѣнчивается полнымъ успѣхомъ. Совѣтникомъ ея былъ, конечно, Сесиль, но рядомъ съ нимъ стоялъ и, можетъ быть, имѣлъ въ данномъ случаѣ рѣшающее вліяніе Томасъ Грешэмъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей и типичнѣйшихъ представителей вѣка Елизаветы. Съ 1551 Грешэмъ состоялъ коро-

левскимъ агентомъ въ центральномъ пунктѣ тогдашней міровой торговли, Антверпенѣ: онъ велъ тамъ финансовыя дѣла короны, охранялъ интересы англійской торговли и при этомъ всю жизнь самъ оставался крупнымъ торговцемъ. Было бы ребячествомъ повторять толки о томъ, какъ онъ вознаграждалъ себя за свои заслуги: достаточно, что его заслуги передъ Англіей и содѣйствіе ея благосостоянію были чрезвычайно велики. Въ теченіе двухъ десятилѣтій онъ былъ постояннымъ совѣтникомъ короны по дѣламъ, касавшимся его спеціальности. Еще въ началѣ царствованія Елизаветы онъ намѣтилъ программу послѣдовательной національной политики, которая съ теченіемъ времени была постепенно осуществлена, и въ осуществленіи ея всегда игралъ главную роль. Въ англійскомъ и особенно въ лондонскомъ купечествѣ онъ нашелъ достаточно учениковъ и союзниковъ, а правительство съ своей стороны имѣло благоразуміе въ рѣшеніи всѣхъ торговыхъ дѣлъ постоянно привлекать купцовъ, выслушивать ихъ, требовать ихъ содѣйствія и посылать ихъ въ качествѣ агентовъ за границу. Между ними и Елизаветой рано установился прочный союзъ. Теперь имъ предстояло общими силами бороться съ тремя противниками: рядомъ съ Ганзой и Нидерландами третьимъ противникомъ выступила, вмѣсто Италіи, Испанія.

Ганзейскіе купцы, имѣвшіе свой гостиный дворъ въ Лондонѣ, пользовались еще многими привиллегіями, обезпеченными за ними договорами, въ обложеніи товаровъ таможенными сборами, въ свободѣ купли и продажи: привиллегіи эти ставили въ зависимость отъ нихъ другихъ иностранныхъ купцовъ и давали имъ большія преимущества даже передъ англичанами. Это торговое господство, установившееся нѣкогда потому, что Англія нуждалась въ нѣмецкихъ посредникахъ, и потому что за ними стояла сила Ганзейскаго союза, втеченіе двухъ послѣднихъ поколѣній было уже значительно ослаблено; Грешэмъ настаивалъ теперь на необходимости совершенно уничтожить его, отнять у нѣмцевъ привиллегіи, ихъ посредничество въ торговыхъ сношеніяхъ доставить самой Англіи и захватить въ торговомъ отношеніи ихъ собственные рынки. Въ тѣсной связи съ этимъ находилось и отношеніе къ Нидерландамъ: туда Англія сбывала свою шерсть и сукна, тамъ главнымъ образомъ она закупала произведенія прибалтійскаго востока и Индіи; ея торговля и кредитъ находились въ полной зависимости отъ Антверпена. Англійское купечество было организовано въ замкнутыя гильдіи, важнѣйшей изъ которыхъ въ XVI столѣтіи была лондонская гильдія „предпріимчивыхъ купцовъ“, merchant adventurers. Ей принадлежала монополія сбыта англійскихъ суконъ. Въ Лондонѣ и въ Антверпенѣ это товарищество торговало подъ строгимъ контролемъ по точно установленнымъ правиламъ, тщательно регулировавшимъ дѣятельность отдѣльныхъ его членовъ; за то оно не имѣло никакой англійской конкурренціи, а его могущество, его привиллегіи давали ему въ Антверпенѣ перевѣсъ надъ всякой посторонней конкурренціей. Эта сильная корпорація, работавшая постоянно подъ руководствомъ и при помощи короны, дѣйствовала въ интересахъ англійской торговли и важнѣйшей англійской

промышленности, производства сукна. Ея стремленія вполнѣ совпадали съ стремленіями Елизаветы. Гильдія, поддерживаемая всей силой объединеннаго, новаго англійскаго государства, бывшая въ извѣстномъ смыслѣ органомъ столько же этого государства, какъ и торговаго сословія, завоевала для англійской торговли и промышленности европейскій материкъ и осталась замкнутой организаціей, сохранила свою монополію до тѣхъ поръ, пока она, благодаря такой организаціи, не одержала окончательной побѣды. Борьба эта была въ такой же степени политической, какъ торговой. Мы лишь напомнимъ читателю, что политическія столкновенія съ Испаніей и экономическія съ Нидерландами, находившимися подъ властью Испаніи, привели въ 1564 г. къ упомянутому уже нами стѣсненію торговли между Англіей и Нидерландами; что лондонская торговля, имѣвшая до тѣхъ поръ связи исключительно только съ Антверпеномъ, пришла теперь въ крайне затруднительное положеніе относительно покупки и сбыта товаровъ. Но члены гильдіи въ достаточной степени чувствовали себя англичанами, чтобы все-таки держаться своего правительства; въ то же время они и ихъ духовный вождь, Грешэмъ, стали стремиться къ эмансипаціи отъ Антверпена. Распрю еще удалось уладить и члены гильдіи еще вернулись на берега Шельды, но сэръ Томасъ Грешэмъ уже высказалъ мысль, что товары можно было бы получать и помимо Антверпена, непосредственно въ мѣстахъ ихъ происхожденія; попытались уже сдѣлать на нѣкоторое время складочнымъ пунктомъ для англійскихъ суконъ, вмѣсто Антверпена, Эмденъ и искали другого, болѣе подходящаго порта; задумали остановиться на Гамбургѣ. Когда въ 1568 г. столкновеніе съ Альбою и внутреннія смуты снова закрыли англичанамъ доступъ къ Антверпену, складочный пунктъ дѣйствительно былъ перенесенъ на Эльбу: установились уже новыя торговыя связи и въ 1569 г. 28 торговыхъ кораблей подъ охраной семи военныхъ судовъ отплыли въ новый портъ. Въ качествѣ рынка для сбыта товаровъ мѣсто Антверпена заняла обширная область „отъ Соммы до Скагена": центральнымъ пунктомъ ея былъ Гамбургъ. Это былъ тяжелый ударъ для Испаніи и Нидерландовъ; Англія освободилась отъ торговаго господства Антверпена; Альба былъ глубоко опечаленъ. Но это было также ударомъ и для Ганзы, потому что такой шагъ со стороны Англіи означалъ вторженіе англійской торговли въ собственную область Ганзейскаго союза. Уже въ 1562 г. Елизавета издала навигаціонный актъ, ставившій торговлю виномъ въ зависимость отъ англійскихъ кораблей и разрѣшившій вывозъ хлѣба изъ Англіи, но только на англійскихъ судахъ; Англійскіе мореплаватели начали съ своей стороны проникать въ чужія страны. Постепенно старыя привиллегіи Ганзы были совершенно уничтожены, непосредственная ганзейская торговля въ Англіи прекратилась, остальные города-члены Ганзейскаго союза горько жаловались на Гамбургъ, связи котораго съ Лондономъ разрушили старыя торговыя отношенія союза. Втеченіе нѣкотораго времени (1578) Гамбургъ вынужденъ былъ не возобновлять англійской привиллегіи, но это ни къ чему не привело; за тѣмъ Ганза

обратилась къ имперіи,—тоже напрасно; наконецъ, она искала помощи у Испаніи, когда эта страна порвала съ Англіей: результатъ былъ таковъ, что вскорѣ, въ 1589 г., англійскіе каперы захватили шестьдесятъ ганзейскихъ кораблей. Въ концѣ концовъ (1598) послѣ ряда враждебныхъ мѣропріятій гостиный дворъ въ Лондонѣ былъ отнятъ у ганзейскихъ купцовъ. Англійскимъ складочнымъ пунктомъ надолго сталъ Гамбургъ, нѣмецкая крупная торговля начала уступать мѣсто англійской; въ царствованіе Елизаветы Англія, еще недавно едва имѣвшая возможность удовлетворять свои собственныя потребности, выступила важнымъ факторомъ міровой торговли. Конечно, она еще не была господствующей силой въ этой области, къ чему она пришла впослѣдствіи; сперва преобладаніе надъ нею въ міровой торговлѣ принадлежало или точнѣе, перешло съ 1600 г. къ Голландіи, ставшей непосредственной наслѣдницей Антверпена. Но все-таки Англія уже теперь достигла огромнаго успѣха:—что же именно доставило ей этотъ успѣхъ? Ганзейскіе города пали, потому что ихъ купцы не могли опираться на сильную государственную власть; западныя и сѣверныя государства освободились отъ ихъ торговаго господства, потому что сами они политически окрѣпли; освобожденіе Англіи было плодомъ совмѣстной дѣятельности короны и гильдіи, при чемъ руководящей, рѣшающей силой была корона, государственная власть. Понятно, что купцы поддерживали такое правительство, и Елизавета прислушивалась къ ихъ требованіямъ. Лондонскіе купцы скоро и окончательно свыклись съ системой, установленной Елизаветой; они были протестантами; имъ еще нуженъ былъ формальный миръ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось ихъ богатство и вліяніе, они способствовали возрастанію самосознанія и силы всей страны.

Рядомъ съ этимъ вытѣсненіемъ нѣмцевъ и фламандцевъ шло другое движеніе, имѣвшее для будущаго почти еще большую важность, въ данное же время не особенно богатое фактическимъ содержаніемъ, но уже теперь привлекавшее къ себѣ больше вниманія, чѣмъ первое движеніе. Направлено оно было противъ самой Испаніи и носило еще болѣе отчетливый политическій характеръ. Молодое народное хозяйство Испаніи уже изнемогало подъ гнетомъ невыносимо-тяжелыхъ вооруженій и безполезной завоевательной политики; англійскіе корабли уже часто навѣщали южно-испанскія гавани и Испанія не могла обойтись безъ нихъ. Но съ точки зрѣнія мореплаванія и торговли вниманіе Англіи было обращено прежде всего на испанскія колоніи. Колоніи эти занимали обширныя пространства по всему свѣту; въ 1580 г. Филиппъ завоевалъ Португалію и этимъ расширилъ свои колоніальныя владѣнія до безпредѣльности. Извлекать изъ нихъ практическую пользу или защищать ихъ Испанія была не въ состояніи; иностранцы, у которыхъ надежду утвердиться въ Новомъ Свѣтѣ отнялъ декретъ папы Александра VI, отдавшій его во владѣніе обоихъ пиренейскихъ государствъ, должны были испытывать сильное искушеніе попытать счастья въ этихъ далекихъ странахъ. И точно для увеличенія соблазна ежегодно прибывали

изъ Америки въ Севилью корабли, нагруженные серебромъ! Первоначально лишь немногіе частные люди, отправлявшіеся въ Новый Свѣтъ и сами дѣлавшіе открытія, становились искателями приключеній и корсарами: стремленіе къ новизнѣ слилось съ жаждой быстраго обогащенія путемъ насильственныхъ захватовъ. Гоукинсъ, Фробишеръ, Дрэкъ начали на жалкихъ судахъ свои смѣлыя предпріятія. Причиненіе ущерба папистамъ обѣщало не только матеріальную выгоду на землѣ, но и вѣчную награду на небѣ. Чѣмъ чаще удавались эти предпріятія, чѣмъ больше проникалъ во всеобщее сознаніе антагонизмъ между Англіей и Испаніей, чѣмъ болѣе правильный характеръ принимала морская война гёзовъ съ Филиппомъ, тѣмъ энергичнѣе и смѣлѣе становились англійскія экспедиціи въ ближайшихъ и отдаленныхъ водахъ, у нидерландскихъ береговъ и на Атлантическомъ океанѣ. Героемъ этихъ экспедицій сталъ Франсисъ Дрэкъ, — мореплаватель, пиратъ, воинъ, человѣкъ храбрый, необузданный и при своей безумной смѣлости и хищничествѣ не лишенный извѣстнаго величія, которое носило даже отпечатокъ національнаго героизма. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ началъ свои странствованія, въ 1577 — 1580 г. совершилъ кругосвѣтное плаваніе, переплылъ Атлантическій, Тихій, Индійскій океаны и, обогнувъ Африку, вернулся въ Англію. Единственный корабль изъ пяти, приведенный имъ обратно, былъ обремененъ драгоцѣнностями: и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали, съ какимъ восторгомъ привѣтствовали его! Его подвигъ, его добыча восхвалялись, какъ нѣчто великое и возвышенное: уже смутно чувствовалось, что это дѣяніе указывало путь къ будущему величію Англіи. Теперь пошли дальше, хотѣли предпринять экспедицію на сѣверовостокъ, открыть морской путь въ Китай: появилась надежда перенести въ Англію торговлю цѣнными пряностями дальняго востока. Король Филиппъ получать отъ своихъ пословъ свѣдѣ-

Французскій адмиралъ Гаспаръ Колиньи. (Съ портр. неизвѣстн. художника).

нія обо всѣхъ этихъ экспедиціяхъ и планахъ; въ 1581 г. отправился цѣлый рой хищническихъ экспедицій,—на Молуккскіе острова, въ Бразилію, на Кубу. Но непріятнѣе всего для Филиппа было отношеніе англичанъ къ Дрэку. Мендоца могъ жаловаться, сколько угодно,—Испанія не получила удовлетворенія; мало того, этотъ пиратъ задумалъ снова отплыть за море. Онъ устроилъ подписку, обѣщалъ золотыя горы, а королева и сама любила принимать денежное участіе въ предпріятіяхъ, отличавшихся такой доходностью и столь сомнительной лояльностью. Добычу 1580 года она раздѣлила между капитаномъ и его экипажемъ. Дрэкъ могъ оффиціально оказывать ей почести, какъ человѣкъ, къ которому она относится съ довѣріемъ; онъ подносить ей діадему и Елизавета надѣваетъ ее въ день новаго года, Дрэкъ даритъ ей алмазный крестъ, и она принимаетъ подарокъ; она посѣщаетъ его въ Дентфордѣ близъ Гринвича на его суднѣ: „Пеликанъ" и послѣ торжественнаго пріема здѣсь возводитъ его въ рыцари. Судно же его она желаетъ хранить въ своемъ арсеналѣ, какъ достопримѣчательность. Она, можно сказать, прямо испытывала терпѣніе своего царственнаго брата въ Мадридѣ, держала себя такъ, какъ будто Англія вела войну съ Испаніей; она бросала вызовъ Филиппу. Узы, соединявшія ее съ самыми дѣятельными ея подданными и даже со всей Англіей, стали еще тѣснѣе; эти узы обогащали обѣ стороны, онѣ вели къ увеличенію и вооруженію англійскаго флота. Мы видѣли раньше, что королевскій флотъ охранялъ торговлю; теперь рядомъ съ королевскимъ возникъ новый военный флотъ, который Елизаветѣ ничего не стоилъ, а приносилъ большой доходъ и умѣлъ сражаться. Сверхъ того, каждый торговый корабль могъ въ случаѣ опасности считать себя военнымъ судномъ. Дѣйствительно, лишь нерѣшительность побуждала Елизавету такъ долго избѣгать открытой борьбы. Она предпочла бы навсегда ограничиться лишь этой частной войной, —но въ то же время насколько сильнѣе она была въ своей странѣ и за границей въ 1585 г., чѣмъ въ 1570 г.!

VI.

Къ глубокому сожалѣнію Елизаветы, періодъ мира и сравнительной безопасности теперь дѣйствительно уже кончился. До 1584 г. она продолжала свою игру съ герцогомъ Алансонскимъ; герцогъ умеръ и смерть его порвала нить, еще удерживавшую враждебныя силы отъ рѣшительной борьбы; онѣ устремились другъ на друга, и разыгралась одна изъ самыхъ страшныхъ и чреватыхъ послѣдствіями катастрофъ европейской исторіи. Королевѣ Елизаветѣ суждено было явиться героиней этой великой драмы и выступить противъ главнаго героя ея.

Въ послѣднее время тревожное состояніе все больше и больше увеличивалось. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, Елизавета увидѣла себя вынужденной подвергать священниковъ-агитаторовъ смертной казни по закону 1571 г. Въ 1579 г. папа поднялъ въ

Ирландіи возстаніе, которое и Филиппъ не оставилъ безъ своей поддержки; возстаніе это, конечно, было подавлено. Въ то же время въ Шотландіи одинъ французскій членъ дома Стюартовъ, д'Обиньи, сталъ фаворитомъ и руководителемъ малолѣтняго короля, Іакова VI, произведшаго его въ достоинство герцога Ленокса, началъ подъ видомъ протестантства систематическую реакцію, вошелъ въ сношенія съ іезуитами, Маріей Стюартъ, Гизами, испанскимъ королемъ и обѣщалъ дѣятельную поддержку крупнымъ предпріятіямъ, которыхъ онъ ожидалъ со стороны католиковъ. Лишь въ 1582 г. кальвинистскому дворянству удалось захватить короля во время прогулки и изгнать Ленокса изъ страны; но и послѣ этого Іаковъ все еще сочувствовалъ стремленіямъ католиковъ. Однако дѣйствительной виновницей этихъ посягательствъ была его мать. Заключенная Марія, содержавшаяся своей противницей то подъ слабымъ, то подъ болѣе строгимъ надзоромъ, но все-таки имѣвшая возможность поддерживать свою дипломатическую переписку, была даже въ заключеніи смертельнымъ врагомъ Елизаветы и постоянной угрозой для всего, что установилось въ Англіи за послѣднюю четверть вѣка. Ея ненависть, ея жажда свободы и мести вполнѣ понятны; ея волосы посѣдѣли, красота увяла, но энергія ея не ослабѣла: она все ищетъ новыхъ средствъ борьбы, придумываетъ новыя лазейки, отнюдь не останавливаясь передъ планами убійства. Въ то же время она ведетъ притворно-дружелюбные переговоры съ своей противницей, увѣряетъ ее въ пышныхъ письмахъ, будто она утомлена жизнью и имѣетъ уже лишь единственное желаніе: спокойно прожить остатокъ дней своихъ въ Шотландіи. Она попрежнему не сдержанна и неосмотрительна, такъ что, конечно, не всякій шагъ ея могъ быть обдуманъ и преднамѣренъ; но ужъ навѣрное она не была теперь безпомощной и неопасной: въ неразборчивости относительно средствъ, вообще свойственной ея времени, въ лжи и насиліяхъ она достигла совершенства. Съ 1580 г. она настойчиво убѣждала Филиппа свергнуть Елизавету. Одновременно она призывала на помощь и своихъ родственниковъ, Гизовъ; блестящій герцогъ Анри Гизъ носился съ смѣлыми воинственными планами; въ Парижѣ устраивался настоящій военный совѣтъ. Но эти планы все еще встрѣчали самый холодный пріемъ у Филиппа II, содѣйствіе котораго было необходимо для ихъ осуществленія. Парижскій посолъ Филиппа участвовалъ въ переговорахъ; лондонскій посолъ, Мендоза, былъ посвященъ во всѣ планы и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, но онъ и слышать не хотѣлъ о союзѣ съ Гизами. Онъ все еще старался поддерживать невраждебныя отношенія съ Англіей: сперва нужно было покорить Нидерланды; главное же, французамъ Гизамъ, отъ которыхъ можно было опасаться всякихъ козней въ случаѣ англо-испанской войны, онъ еще меньше довѣрилъ бы Англію и Шотландію, чѣмъ еретичкѣ Елизаветѣ. Въ виду этого, дѣло не дошло до какихъ-либо военныхъ попытокъ; за то начался рядъ покушеній на убійства; англійскіе католики въ связи съ общеевропейской католической партіей дѣятельно готовятся

убить „Іезавель сѣвера". Въ 1583 г. Вальсингамъ раскрываетъ всю эту сѣть козней: начинаются гоненія; въ началѣ 1584 г. Мендоца, подобно своему предшественнику, былъ высланъ изъ страны: онъ усердно продолжаетъ на европейскомъ материкѣ свою подпольную дѣятельность. И въ этомъ именно 1584 г. общеевропейская борьба приблизилась, наконецъ, къ неизбѣжной развязкѣ.

Приливъ контръ-реформаціи поднялся чрезвычайно высоко во всей Европѣ. Въ Польшѣ въ 1580 г. окончательно восторжествовало іезуитское католичество, побѣдоносно отбросило русскаго царя и задумало уже унію восточной церкви съ западной. Въ Швеціи король Іоаннъ, тоже дѣйствовавшій по папско-іезуитскимъ внушеніямъ, постепенно снова возстановилъ старый культъ. Приближалось объединеніе Польши и Швеціи подъ скипертомъ короля-католика. Въ Германіи контръ-реформація наступала по всей линіи; въ 1584 г. она въ рѣшительной битвѣ за Кельнъ разбила враждебную партію на голову. Въ Нидерландахъ искусство и энергія Александра Фарнезе, герцога Пармскаго, одерживали успѣхъ за успѣхомъ; въ этомъ именно году удалось, наконецъ, покушеніе на жизнь принца Оранскаго. Антверпенъ былъ осажденъ, сѣвернымъ областямъ грозила страшная опасность. На Средиземномъ морѣ могущество турокъ ослабѣло, Пиринейскій полуостровъ былъ объединенъ подъ властью Филиппа. Теперь смерть герцога Алансонскаго, казалось, повергла къ ногамъ испанскаго короля и Францію. Ближайшимъ наслѣдникомъ французскаго престола былъ еретикъ Генрихъ Наварскій. Гизы, католическое населеніе, папа и король Филиппъ рѣшились не признать его. Теперь былъ заключенъ союзъ между ними: Францію снова охватила жестокая междуусобная война, которой руководилъ Филиппъ,—Франція не могла уже служить помѣхой стремленіямъ своего габсбурскаго соперника; мало того, у Филиппа появилась даже надежда посадить на французскій престолъ Габсбурга. А тѣмъ временемъ эта страна была обезсилена. Гизы поглощены внутренними смутами,—о Шотландіи и Англіи они уже и думать не могли. Филиппу же казалось, что рука его Бога явно ободряетъ его; сѣмена посѣянныя имъ, теперь, послѣ тридцатилѣтней борьбы и ожиданія, когда ему самому было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, казалось, начинаютъ давать обильную жатву. Возможно, что королевскій совѣтникъ, Гранвелла, указывалъ ему тогда на международную политику, открывавшую передъ нимъ теперь столь блестящую перспективу,—но въ сущности все дѣлалъ самъ Филиппъ: казалось, что насталъ его часъ, что неизмѣнная цѣль, къ которой онъ стремился всю жизнь скоро будетъ достигнута. Онъ взвѣсилъ всѣ обстоятельства и приготовился нанести рѣшительный ударъ.

Ударъ этотъ былъ направленъ на Англію. Изъ всѣхъ противниковъ Рима и Испаніи держалась уже одна лишь Англія. Этой страной Филиппъ владѣлъ въ пятидесятыхъ годахъ и она ускользнула изъ его рукъ. Теперь съ завоеваніемъ Англіи онъ могъ бы завершить свою церковную и политическую систему. Въ 1584 г. Берглей указалъ Елизаветѣ на огромную опасность, грозившую со

стороны Филиппа: приручить этого льва она не можетъ,—его необходимо укротить. Она должна выступить, пока еще не усмирены Нидерланды: въ нихъ она защититъ оплотъ своего собственнаго государства. Вся Англія одобряла этотъ совѣтъ. Въ 1583 г. подъ впечатлѣніемъ покушеній на жизнь Елизаветы образовался союзъ, члены котораго поклялись убивать каждаго, кто посягнулъ бы на королеву. Въ 1584 г. парламентъ издалъ суровые исключительные законы противъ католиковъ, учредилъ особый трибуналъ для суда надъ лицами, участвовавшими въ покушеніяхъ или обвинявшимися въ государственной измѣнѣ, отмѣнилъ право наслѣдованія Стюартами англійскаго престола въ случаѣ насильственной смерти Елизаветы. Потокъ внутренняго движенія и внѣшнихъ опасностей увлекъ, наконецъ, и королеву.

Кардиналъ Вильямъ Алленъ, основатель катол. духовной семинаріи въ Дуэ и Реймсѣ. (Съ портр., хранящ. у Брауна Мостина).

Она заключила союзъ съ Генрихомъ Наваркимъ и Генеральными штатами, послала Лейстера съ войскомъ въ Нидерланды и хотя она не направила сюда всѣхъ силъ страны, хотя ея ничтожный фаворитъ оказался неспособнымъ одолѣть Алессандро Фарнезе или играть рѣшающую роль въ борьбѣ нидерландскихъ партій, все-таки она поддержала Нидерланды въ трудную минуту, утвердилась въ устьяхъ Рейна, и война съ Испаніей стала уже признаннымъ фактомъ. Еще отчетливѣе этотъ фактъ сказался въ хищническихъ нападеніяхъ Дрэка: теперь они приняли характеръ наступательныхъ дѣйствій самого англійскаго правительства. Въ 1585 году Дрэкъ грабилъ вдоль береговъ Галиціи и Португаліи, въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Вестъ-Индію и лѣтомъ вернулся съ богатою добычею и военною славою; въ 1587 г. онъ передъ Кадиксомъ „опалилъ бороду католическому королю", угрожалъ Лиссабону и захватилъ много испанскихъ кораблей. Испанія жаждала мести. Но дѣло зашло еще дальше. Теперь, когда приближался рѣшительный моментъ, Елизавета прибрала, нако-

нецъ, къ рукамъ Шотландію; въ 1586 г. она связала договоромъ свободу дѣйствій двадцатилѣтняго Іакова, а въ февралѣ того же года Марія взошла на эшафотъ. Таковъ былъ знаменательный конецъ долгой безпощадной борьбы между шотландской королевой и Елизаветой или, вѣрнѣе, между Маріей и Англіей. Участіе Маріи во всѣхъ планахъ, направленныхъ противъ Англіи и ея королевы, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Тотъ заговоръ, который послужилъ непосредственнымъ поводомъ къ ея казни, конечно, въ значительной степени былъ подстроенъ Вальсингамомъ. Заговоръ дѣйствительно существовалъ: Марія знала о немъ и одобряла его, но этимъ заговоромъ руководилъ посредствомъ своихъ тайныхъ агентовъ и подстрекателей государственный секретарь и довелъ его до желательнаго исхода. Все, что арестованная Марія дѣлала и писала въ этихъ тайныхъ сношеніяхъ, какъ будто нарочно, было сдѣлано къ выгодѣ ея соперницы. Теперь можно считать несомнѣннымъ, что Марія отнюдь не была только жертвой въ этой діавольской игрѣ: она, какъ и Мендоца, была посвящена въ планъ убійства Елизаветы и, очевидно, одобряла его. Мендоца радовался и восхвалялъ этотъ планъ, какъ „высоко христіанскій, справедливый, полезный нашей святой католической церкви и дѣлу его величества", онъ подавалъ совѣты, какъ овладѣть англійскимъ флотомъ и еретиками-министрами; Филиппъ тоже безусловно одобрялъ планъ. Конечно, руки Вальсингама были нечисты, но онъ сдѣлалъ лишь то, чего вполнѣ заслуживала враждебная партія; онъ поступалъ совершенно въ духѣ этой подпольной борьбы за вѣру и власть, и противники его охотно сдѣлали бы то же самое. Въ августѣ 1586 г. онъ вытянулъ заброшенную имъ сѣть. Затѣмъ, начался процессъ Маріи: его требовали тайный совѣтъ и общественное мнѣніе; судъ призналъ обвиняемую виновной, и она погибла. Слишкомъ ясно было, какое значеніе имѣла ея жизнь: пока она жила, смерть Елизаветы должна была бы вызвать страшныя замѣшательства въ странѣ, а жизнь самой Елизаветы безпрестанно подвергалась опасности. Парламентъ требовалъ казни Маріи. И на этотъ разъ лишь поэтъ могъ бы изобразить борьбу чувствъ, охватившихъ Елизавету. Она хорошо знала, что говорило въ пользу казни Маріи. Она не могла не признать основательности того возраженія, что нельзя казнить иностранную королеву по приговору суда а тѣмъ болѣе суда низшихъ, не, посягая на неприкосновенность всѣхъ престоловъ. На нее старались произвести давленіе,—она колебалась, переживала внутреннюю борьбу: она желала, чтобы кто-нибудь снялъ съ нея отвѣтственность и убилъ осужденную, но это желаніе не исполнилось. Наконецъ, послѣ открытія новаго комплота, она подписала смертный приговоръ. До сихъ поръ она въ этомъ дѣлѣ, бывшемъ по существу ея собственнымъ дѣломъ, держала себя вполнѣ добросовѣстно: казни дѣйствительно она сама же хотѣла, — не желала быть вынужденной на казнь. Но теперь она начинаетъ разыгрывать отвратительную комедію. Она предоставляетъ государственному секретарю, Дэвисону, приложить къ смертному приговору большую государственную печать, но не даетъ приказанія о его исполне-

нія. Берглей и тайный совѣтъ берутъ дѣло на свою отвѣтственность, сами распоряжаются объ исполненіи приговора, опасаясь, какъ бы у королевы не явилось новое колебаніе. 8 февраля 1587 г. Марія Стюартъ умираетъ вполнѣ заслуженной смертью. Англія испытывала чувство удовлетворенности; самый чистый изъ поэтовъ елизаветинской эпохи, Эдмундъ Спенсеръ, написалъ поэтическую апологію казни Маріи, изобразивъ Елизавету въ роли судьи, со скорбью исполняющаго свой долгъ. Но онъ слишкомъ идеализировалъ королеву. Дэвисонъ впалъ въ немилость: онъ былъ безжалостно и окончательно уничтоженъ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ и тяжелымъ денежнымъ штрафомъ; Берглея втеченіе двухъ мѣсяцевъ она не допускала къ себѣ. Елизавета положила свой гнѣвъ на тѣхъ, кто въ извѣстномъ смыслѣ оказался послѣдовательнѣе ея; она воображала, что этимъ ей удастся свалить съ себя отвѣтственность. Но ничего не помогло ей, послѣдствія все-таки обрушились на нее, и именно тѣ послѣдствія, которыя собственно и подняли, такъ сказать, насильно поставили ее на высоту ея всемірноисторической роли.

Обильное борьбой царствованіе Елизаветы было не такъ богато казнями, какъ царствованія ея предшественниковъ: она вмѣняла себѣ это въ нѣкоторую заслугу. Но теперь пала вѣнчанная голова королевы. Крикъ возмущенія и ярости раздался во всемъ католическомъ мірѣ; Филиппъ приступилъ къ дѣлу. Съ 1585 г. онъ подъ вліяніемъ международныхъ событій, о которыхъ мы говорили выше, рѣшилъ выступить противъ Англіи; вскорѣ онъ воспретилъ торговлю съ этой страной, захватилъ англійскіе корабли, стоявшіе въ его гаваняхъ. Затѣмъ другія военныя дѣла и недостаточность его вооруженій помѣшали ему столь же энергично продолжать свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Смерть Маріи снова побудила его къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ. Марія, изъ озлобленія противъ своего сына-отступника, изъ преданности своей церкви завѣщала свое королевство Филиппу II и сдѣлала его наслѣдникомъ всѣхъ своихъ притязаній. Теперь уже никакой Гизъ не стоялъ ему на дорогѣ. Іакова VI онъ надѣялся легко устранить; казалось, все благопріятствовало ему. Конечно, Елизавету онъ не считалъ ничтожной противницей. Она импонировала своимъ врагамъ, какъ и своему народу. При всей ненависти къ ней враги видѣли постоянство ея успѣховъ, — ея колебанія были менѣе замѣтны; папа Пій V удивлялся ей и еще надѣялся обратить ее въ католичество, такъ какъ видно было, что въ случаѣ крайней опасности страдать за свою вѣру она не станетъ. Первый мореплаватель Испаніи, Санта-Круцъ, послѣ хищническихъ экспедицій Дрэка, говорилъ въ глаза королю, что Елизавета „приняла мужественное рѣшеніе, которымъ она пріобрѣла славу, обогатила и ободрила своихъ подданныхъ“. Тѣмъ большую силу нужно было выдвинуть противъ нея. Сикстъ V не уклонился отъ денежной поддержки Испаніи и отпустилъ ей большія суммы. Католическій міръ готовился выступить противъ Англіи соединенными силами. Испанія охотно несла жертвы, выпавшія ей на долю, народъ и король были вполнѣ единодушны и проникнуты

непоколебимой увѣренностью, что въ борьбѣ съ Англіей онѣ служатъ самому Господу Богу. Наконецъ, лѣтомъ 1588 г., когда распри между партіями и королемъ во Франціи обезсиливали эту страну, Испанія приступила къ дѣлу. Имѣлось въ виду двинуться съ флотомъ къ устьямъ Темзы; здѣсь этотъ флотъ, имѣвшій также много сухопутнаго войска, долженъ былъ прикрыть переправу въ Англію герцога Пармскаго, который въ это время собиралъ свои войска близъ Дюнкирхена и держалъ на готовѣ транспортные корабли. Начальствованіе надъ большимъ испанскимъ флотомъ, „великой армадой", послѣ смерти предназначеннаго для этого Санта-Круца, Филиппъ очень неудачно поручилъ несвѣдующему въ морскомъ дѣлѣ Мединѣ Сидоніи. Это была самая большая военная сила, какая вообще выступала противъ непріятеля въ тѣ времена: послѣ нѣсколькихъ потерь въ армадѣ все еще оставалось 120 кораблей—и среди нихъ шестьдесятъ первоклассныхъ—съ сильной тяжелой артиллеріей и экипажемъ, состоявшимъ изъ 7.000 матросовъ и 17,000 солдатъ. Среди молитвъ Испаніи и ея короля сила эта въ іюлѣ 1588 г. отплыла изъ Коруны въ море.

Англичане давно уже ожидали ее. Коронный адмиралъ лордъ Говардъ-Эффинггамъ и капитаны, какъ Френсисъ Дрэкъ, настойчиво просили позволенія предупредить нашествіе и напасть на непріятеля у испанскихъ береговъ; Елизавета отказала имъ въ этомъ полагая, что теперь, когда нападеніе армады неминуемо, нужно было ожидать его въ Англіи. Елизавета противопоставила армадѣ около 200 кораблей. Конечно, большихъ судовъ здѣсь было меньше, чѣмъ у испанцевъ. Главную силу этого флота составляли 34 королевскихъ военныхъ корабля, равныхъ отчасти самымъ большимъ кораблямъ непріятеля. Къ нимъ присоединились 34 торговыхъ корабля подъ начальствомъ Дрэка, затѣмъ—около пятидесяти кораблей, поставленныхъ Лондономъ и приморскими городами, столько же кораблей, нанятыхъ Елизаветою, и около двадцати добровольческихъ, которые Елизавета лишь впослѣдствіи приняла на свое жалованіе. Въ экипажѣ ихъ было болѣе 15,000 человѣкъ, среди которыхъ матросы значительно преобладали надъ солдатами. Изъ этого перечня видно, насколько разношерстенъ былъ англійскій флотъ; сверхъ того, побережные мѣстности, близъ которыхъ стоялъ впослѣдствіи флотъ, поставляли ему, кромѣ провіанта и военныхъ матеріаловъ, также людей, остававшихся во флотѣ лишь до тѣхъ поръ, пока опасность грозила данному побережью. Въ Испанской военной силѣ преобладало единство и общее руководство со стороны государственной власти, въ англійской же, — соотвѣтственно прежнему на половину частному характеру борьбы, личнымъ свойствамъ Елизаветы, а также всему строю англійскаго управленія и англійской жизни,—преобладало свободное, но отнюдь не безпорядочное содѣйствіе графствъ и въ особенности приморскихъ городовъ. Составъ сухопутной арміи вполнѣ соотвѣтствовалъ составу флота. Настоящаго войска здѣсь было мало; къ оружію была призвана милиція во всей странѣ, явились дворяне со своими арендаторами и чиншевиками: знаменательно, что на этотъ призывъ яви-

лись и католики. Близъ Лондона, при впаденіи Темзы въ море, собралось многочисленное войско, военной духъ котораго ставили очень высоко. Здѣсь, въ лагерѣ при Тильбёри, явилась сама королева,—верхомъ на конѣ, въ блестящемъ панцырѣ и съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ рукѣ; она разъѣзжала по отрядамъ и громкимъ голосомъ говорила со своимъ народомъ. Елизавета говорила, что, вопреки настояніямъ своихъ совѣтниковъ, она подвергаетъ здѣсь опасности собственную жизнь, но она довѣряетъ своимъ подданнымъ и хочетъ раздѣлить съ ними ихъ борьбу и ихъ участь: въ ихъ любви она всегда видѣла гарантію своей безопасности и своей силы; теперь она выступаетъ вмѣстѣ съ ними противъ непріятеля,—она, женщина тѣломъ, но съ душою короля, именно короля Англіи.—Она знала, какъ нужно говорить съ ея народомъ: радостными восклицаніями были встрѣчены ея слова, раздалось пѣніе псалмовъ, чувство единодушной рѣшимости охватило всѣхъ. Въ такіе часы сама Елизавета являлась воплощеніемъ своей страны, полная безстрашія и величія. Но дѣйствительно ли милиція могла бы устоять противъ ветерановъ герцога Пармскаго и его военнаго таланта? Допустить

Папа Пій V (Съ грав. Ф. Гульзія).

это трудно, однако вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій и конституціонныхъ условій королева врядъ-ли была въ состояніи организовать и содержать сухопутное войско, которое могло бы тягаться съ военной силой Испаніи. Центръ тяжести защиты Англіи тогда, какъ и впослѣдствіи, во время обоихъ Питтовъ, падалъ на флотъ: нужно было не допустить непріятеля высадиться въ Англіи. Но и объ этомъ, какъ давно уже жаловались, она позаботилась далеко недостаточно. Несомнѣнно, что снаряженіе и содержаніе флота оставляло желать очень многаго; по крайней мѣрѣ, капитаны вынуждены были безпрестанно обращаться къ правительству со своими на-

стойчивыми просьбами, и нѣкоторыя упущенія дѣйствительно привели къ дурнымъ послѣдствіямъ. Но вина Елизаветы въ этомъ отношеніи, повидимому, слишкомъ преувеличена: неужели и на этотъ разъ только счастье, только простой случай привели къ тому, что постоянно въ рѣшительную минуту все оказывалось достаточно подготовленнымъ? Здѣсь снова сказывается натура Елизаветы: она бережлива, вооружается поздно, но все же въ достаточной степени,—какъ разъ достаточной для того, чтобы отстоять свою оборонительную линію. Она была увѣрена въ содѣйствіи англійскихъ купцовъ, корсаровъ и графствъ. Что она могла имѣть такую увѣренность и что силы, на которыя она разсчитывала, совершили на морѣ столь многое, это тоже въ значительной степени составляетъ заслугу Елизаветы. До насъ дошло много писемъ ея адмираловъ и капитановъ: сколько бодрости, мужества и воинственности сказывается въ ихъ безъискуственныхъ словахъ! Они прекрасно знаютъ, съ какимъ страшнымъ врагомъ имъ предстоитъ имѣть дѣло,—они серьезно взвѣшиваютъ силы обѣихъ сторонъ, но отнюдь не падаютъ духомъ. Пусть только начнется борьба съ этими іезуитами, съ этими негодными испанцами,—тогда „каждый словомъ и дѣломъ будетъ бороться за свободу нашей страны". „Если бы только Богу было угодно, чтобы герцогъ Пармскій со всѣми своими силами выступилъ въ море и мы увидѣли его!" Всѣ достоинства сѣверянъ, германской и англійской натуры, сказались въ этой борьбѣ: самостоятельность, мужество и неизсякаемая личная иниціатива; суровые и грубые капитаны, которыми гордилась Англія, всѣ эти Дрэки, Фробишеры, Гоукинсы, командовавшіе эскадрами подъ общимъ начальствомъ лорда Говарда, являлись живымъ воплощеніемъ этихъ достоинствъ,—но всѣ они находились въ тѣснѣйшей связи съ самой королевой. Не Елизавета создала ихъ, но эта школа героевъ выработалась при ея поддержкѣ въ союзѣ съ нею,—какъ и все, что было сильно и жизненно въ тогдашней Англіи, чему принадлежало будущее. Пульсъ націи, если можно такъ выразиться, бился въ тактъ съ пульсомъ королевы.

Часть англійскаго флота стояла на востокѣ, близъ устьевъ Темзы, поджидая герцога Пармскаго, другая же, болѣе значительная часть его, подъ начальствомъ самого Говарда, стояла на западѣ близъ Плимута. Противники въ первый разъ увидѣли другъ друга 30 іюля 1588 г.; 31 іюля началась битва; она продолжалась до 8 августа, прерываясь нѣсколькими болѣе спокойными днями, состоя, повидимому, лишь изъ безпорядочнаго ряда отдѣльныхъ стычекъ, которыя почти никогда не доходили до рѣшительныхъ столкновеній, но фактически это была одна сплошная битва, имѣвшая одинъ общій стратегическій характеръ. Испанцы стремились возможно скорѣе пробиться къ герцогу Пармскому и въ то же время захватить и уничтожить непріятеля. Эти два стремленія—движеніе впередъ и преслѣдованіе опредѣленной цѣли на мѣстѣ—противорѣчили одно другому и производили путаницу въ ихъ планахъ. Англичане же старались прежде всего удалить отъ своихъ береговъ непобѣдимый испанскій флотъ, прогнать

его возможно дальше, а затѣмъ помѣшать соединенію его съ флотомъ герцога Пармскаго. Они тоже хотѣли сражаться съ непріятелемъ и сражались безпрестанно. Испанскіе корабли были приспособлены къ сраженію при помощи взятія на абордажъ непріятельскихъ кораблей и поэтому имѣли такъ много солдатъ; эти суда были тяжело вооружены и неспособны къ быстрымъ движеніямъ. Англійскіе же корабли были болѣе подвижны, легче ходили на парусахъ и имѣли въ общемъ болѣе легкія орудія. Они быстро нападали и сами уклонялись отъ нападенія, никогда не позволяли взять себя на абордажъ и не давали покоя непріятелю. Испанцы тоже превосходно сражались, но ихъ предводитель былъ малоспособенъ, и не обладалъ достаточной силой воли; они не могли употребить въ дѣло всѣхъ своихъ силъ, гордость ихъ страдала отъ сознанія, что они, „какъ овцы", уходятъ отъ изворотливаго непріятеля; они приходили въ ярость, издѣвались надъ своими нерыцарственными противниками, называли ихъ трусами, лютеранскими собаками. При этомъ они все больше и больше утрачивали увѣренность въ побѣдѣ; руководство битвою перешло въ руки непріятеля; они сами потеряли уже нѣсколько кораблей. Сверхъ того, герцогъ Пармскій все еще былъ наготовѣ, голландскій флотъ держалъ его въ бездѣйствіи. При такихъ обстоятельствахъ Медина и его подчиненные окончательно теряютъ свою самоувѣренность. Разсматривая эту напряженную борьбу, мы видимъ, что здѣсь пришли въ столкновеніе двѣ національныя силы. Обѣ стороны были проникнуты сознаніемъ враждебности ихъ народовъ, ихъ религій; у обѣихъ сторонъ вполнѣ сказались ихъ національные характеры. Когда подвижные англійскіе корабли окружали и терзали огромныя, пышныя и тяжеловѣсныя испанскія суда, то здѣсь боролись, не случайные представители двухъ государствъ, а сами Англія и Испанія, сѣверъ и югъ, германская и романская жизнь, какъ она отлилась въ государственныя и церковныя формы. Война, великій судья народовъ, подводитъ простые, но грандіозные итоги: въ ней рѣшаются самые глубокіе основные вопросы европейской жизни, и народы въ эти знаменательные дни проявляютъ самыя существенныя свои особенности. Мы наблюдаемъ это рѣшеніе судебъ народовъ съ тѣмъ участіемъ, которое и побѣжденной сторонѣ отдаетъ должную дань удивленія. Медина хотѣлъ ожидать прихода герцога Пармскаго близъ Кале, но тѣмъ временемъ и Говардъ соединилъ оба свои флоты; онъ хочетъ прогнать непріятеля; англичане быстро пускаютъ въ дѣло свои брандеры. Испанская армада, давно уже упавшая духомъ и разстроенная, снимается съ якоря и въ паническомъ страхѣ и безпорядкѣ снова возвращается въ Каналъ; черезъ день, 8 августа, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ произошла на высотѣ Гравелингена ожесточенная и рѣшительная битва. Исходъ ея былъ благопріятенъ для британцевъ: вѣтры и англійскіе корабли заставили армаду отступить дальше на востокъ, ей грозитъ опасность сѣсть на зеландскія мели, затѣмъ вѣтеръ спасаетъ ее, но загоняетъ въ Сѣверное море. Англичане, сами тоже истощенные, не имѣвшіе достаточной аммуниціи, преслѣдуютъ ее по пятамъ; по-

бѣда еще не окончательно одержана, но теперь снова поднимаются сильныя бури. Медина рѣшаетъ вернуться въ Испанію, обойдя кругомъ Британскіе острова и, когда противники оставляютъ его, чтобы запастись провіантомъ, испанскую армаду, уничтожаетъ страшная буря, напоминающая собою судъ Божій, совершившійся осенью 1812 г. во время русскаго похода надъ французской арміей. Но и здѣсь силы природы лишь завершили то, что было уже рѣшено раньше. Побѣду надъ армадою одержала энергія англичанъ, ихъ активныя нравственныя силы и личная самодѣятельность, которымъ содѣйствовали также ошибки испанскаго адмирала. Англія имѣла полное право прославлять эту побѣду, какъ дѣло англичанъ, хотя она съ глубокой благодарностью признавала и содѣйствіе небесныхъ силъ, въ самой же Англіи это была побѣда королевы Елизаветы.

Папа Григорій XIII. (Съ гравюры Ф. Гульзія).

Южная Европа съ большимъ участіемъ и увѣренностью въ побѣдѣ слѣдила за экспедиціей армады, — можетъ быть, меньше всѣхъ увѣренность эту раздѣлялъ папа Сикстъ V; венеціанцы уже рѣшили обратиться съ поздравленіемъ къ побѣдоносному испанскому королю. Какое же потрясающее впечатлѣніе должно было произвести извѣстіе о пораженіи. Филиппъ II принялъ его спокойно: хотя вѣтви отрублены,—замѣтилъ онъ,—дерево растетъ и дастъ новые побѣги. Испанія подавила въ себѣ глубокую печаль и напрягла всѣ свои силы на отмщеніе и поправленіе дѣла. Десять лѣтъ еще Филиппъ продолжалъ упорную борьбу съ Англіей, Франціей, Голландіей, и бывали времена, когда казалось, что Испанія, пожалуй, даже ближе къ окончательному торжеству, чѣмъ это было до крушенія ея перваго флота. Но все-таки 1588 годъ вполнѣ правильно считается поворотнымъ пунктомъ. Большія перемѣны въ исторической жизни постоянно пріурочиваются

къ отдѣльнымъ событіямъ и людямъ; внутреннее разложеніе Испаніи сказалось лишь гораздо позже, ея полное безсиліе обнаружилось лишь въ послѣднія девяносто лѣтъ, — но тогда впервые ея чрезвычайное усиленіе натолкнулось на предѣлъ, а сѣверная соперница Испаніи неопровержимо доказала свое право на существованіе и величіе. „На вѣсахъ лежали судьбы человѣчества“, говоритъ Леопольдъ Ранке объ этомъ походѣ противъ Англіи. Та чашка вѣсовъ, на которой была контръ-реформація, быстро поднялась вверхъ: самый крѣпкій устой этого направленія былъ сломленъ. Эти критическіе дни являются зенитомъ своего вѣка.

Исторія Елизаветы дѣйствительно никогда уже по своему значенію не поднималась выше и даже не достигала вполнѣ того уровня, на которомъ она стояла въ 1588 г. Но все-таки она держалась на значительной высотѣ, болѣе внушительной и богатой славными дѣяніями, чѣмъ это было за поколѣніе раньше. Послѣдствія великаго столкновенія и успѣха не замедлили сказаться. Дальнѣйшій періодъ войны мы можемъ здѣсь лишь характеризовать въ общихъ чертахъ. Война продолжалась почти до самой смерти Елизаветы. Сама королева, конечно, по-прежнему желала мира, но это желаніе, теперь, когда война оказалась неопасной для Англіи, было не особенно велико. Лордъ Берглей, побуждавшій раньше Елизавету къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ, хотя, впрочемъ, и раньше никогда не защищавшій политики приключеній, теперь сталъ сторонникомъ сознательной сдержанности и королева по существу была согласна съ нимъ. Но рядомъ съ ними и за ними появилось уже новое поколѣніе, выросшее въ періодъ борьбы съ Испаніей и воспитанное подъ ея впечатлѣніями: это были пламенные представители національной и протестантской завоевательной политики, люди меча и открытій, увлекавшіеся грандіозными планами; имъ не было надобности проходить суровую школу сдержанности, черезъ которую прошли Сесиль и Елизавета. Парламентъ еще въ 1589 г. тоже побуждалъ королеву къ нападенію на Испанію; вообще онъ началъ уже держать себя болѣе свободно. Елизавета стала въ очень своеобразныя личныя отношенія къ этой новой Англіи. Двухъ блестящихъ и самыхъ видныхъ представителей ея: лорда Роберта Эссекса, прославившихся въ этой войнѣ, и сэра Вальтера Роли, бывшаго тоже воиномъ, но гораздо больше колонизаторомъ и писателемъ, она приблизила къ себѣ: оба они должны были ухаживать за нею, какъ будто королева все еще была такъ же молода, какъ и они. Эссексъ былъ пасынкомъ умершаго въ 1588 г. лорда Лейстера и занялъ его мѣсто фаворита королевы, которой шелъ уже шестой десятокъ лѣтъ. Мы не рѣшаемся сказать, насколько въ этихъ отношеніяхъ къ нему, имѣвшихъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ характеръ любви, дѣйствительно ожили чувства королевы къ Лейстеру и насколько здѣсь могло играть роль чрезвычайное тщеславіе Елизаветы, желавшей, чтобы ею увлекались и ухаживали за нею, какъ въ мо-

лодые годы. Но во всякомъ случаѣ надо думать, что рядомъ съ этимъ чисто личнымъ и не особенно достойнымъ побужденіемъ Елизаветы къ странной близости съ двумя молодыми людьми у нея играли здѣсь извѣстную, можетъ быть, даже господствующую роль нѣкоторыя политическія соображенія. Это было для нея средство постоянно сохранять за собою первенствующую роль, восторженное преклоненіе передъ собою и никогда не допускать, чтобы съ годами къ ней стали относиться съ меньшимъ увлеченіемъ. Это было также средство стать въ близкія личныя отношенія къ новымъ силамъ, привязать къ себѣ, или по крайней мѣрѣ сдерживать ихъ. Она не могла воспретить этимъ неугомоннымъ людямъ увлекаться ихъ воинственными мечтами, — заключить же миръ при тогдашнемъ международномъ положеніи она была тоже не въ состояніи. Она хотѣла продолжать войну — съ возможно меньшими расходами, съ возможно меньшимъ рискомъ, словомъ, войну въ своемъ вкусѣ. Она шла среднимъ путемъ. Война продолжалась, но никогда не поглощала всѣхъ силъ королевы; Эссексъ могъ вести ее, но подъ умѣряющимъ надзоромъ своей государыни и возлюбленной, при сдерживающемъ противодѣйствіи двухъ Сесилей, — отца и сына: Елизавета и теперь тѣмъ больше была спокойна за сохраненіе равновѣсія вліяній, чѣмъ напряженнѣе боролись при дворѣ враждебныя партіи. Рели впослѣдствіи горько жаловался на королеву, которая, дескать, слишкомъ много слушала своихъ писцовъ и слишкомъ мало вниманія обращала на военныхъ людей. Всѣ планы завоеваній на дальнемъ Западѣ, блестящихъ колонизацій, полнаго сокрушенія испанскаго могущества въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, планы, выношенные идеализмомъ и пылкимъ честолюбіемъ Рели и такъ далеко предвосхищавшіе будущее, она отклоняла, и дѣйствительно

Герцогъ Франццискъ Алансонскій. (Съ картины Ф. Клуэ, хранящейся въ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ).

ея время еще не созрѣло для нихъ. Какъ Вальсинггамъ въ половинѣ ея царствованія, такъ въ послѣдній періодъ его эти молодые люди стояли рядомъ съ королевой: они постоянно старались воздѣйствовать на нее, она же всегда оставалась трезвой, была, если угодно, мельче своихъ совѣтниковъ, но умѣреннѣе и разумнѣе; руководство принадлежало ей.

Укажемъ здѣсь важнѣйшіе факты послѣдняго времени. Въ 1589 г. большая хищническая экспедиція сэра Френсиса Дрэка, снаряженная главнымъ образомъ на частныя средства, какъ реакція на посылку армады, конечно, въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, потревожила испанскіе берега, но въ концѣ концовъ она не имѣла особеннаго успѣха. Тѣмъ прибыльнѣе было каперство: мы видѣли, какъ англичане подъ предлогомъ преслѣдованія контрабанды стѣсняли и затрудняли ганзейскую торговлю, а одинъ венеціанецъ въ 1593 г. даже говорилъ, будто за послѣдніе три года англичанами захвачено 800 испанскихъ судовъ. Корсары и крупные купцы, содѣйствіе которыхъ въ борьбѣ съ армадою увѣнчалось такимъ успѣхомъ, получали теперь обильную награду. Затѣмъ на нѣкоторое время снова первое мѣсто заняла война на сушѣ: Филиппъ воевалъ въ Нидерландахъ и, главнымъ образомъ, во Франціи, гдѣ Генрихъ IV Наварскій сталъ передовымъ борцомъ европейскаго противодѣйствія испанской гегемоніи. Елизавета поддерживала Генриха войскомъ и деньгами; когда онъ перешелъ въ католичество и, благодаря этому, сталъ признаннымъ королемъ Франціи, она заключила въ 1596 г. съ нимъ и съ Голландіей тѣсный союзъ; тогда же она и сама снова нанесла Испаніи тяжелый ударъ. Говардъ и Эссексъ усиленные голландскимъ флотомъ, двинулись съ значительнымъ сухопутнымъ войскомъ къ Кадиксу, уничтожили здѣсь испанскій флотъ и разграбили этотъ богатый городъ; Эссексъ очень хотѣлъ вторгнуться въ Андалузію. Черезъ годъ (1597) новая испанская армада повторила прежнюю попытку: послѣ всѣхъ потерь, понесенныхъ семидесятилѣтнимъ Филиппомъ во Франціи, это было его послѣднее напряженіе силъ, но буря разбила этотъ флотъ, также какъ и англійскій, вышедшій противъ него подъ начальствомъ Эссекса. Затѣмъ Филиппъ передъ смертью привелъ въ порядокъ свои домашнія дѣла и заключилъ со своимъ главнымъ противникомъ, королемъ французскимъ, миръ, ставшій теперь неизбѣжнымъ; Англія и Голландія вынуждены были однѣ продолжать борьбу, пользуясь лишь тайной поддержкою Генриха IV. Тѣмъ временемъ ихъ врагъ слабѣлъ: въ 1598 г. Филиппъ II, измученный жизнью и тяжелыми страданіями, сошелъ въ могилу,—малоспособный преемникъ его былъ не опасенъ для Англіи. Въ томъ же году скончался и лордъ Берглей; Вальсинггамъ умеръ еще за нѣсколько лѣтъ до него (1590 г.). И для Елизаветы настали уже послѣдніе годы.

За это время, послѣ первой великой побѣды, въ теченіе десятилѣтія, полнаго той гордой силы и величія, которое въ нашемъ представленіи соединяется съ именемъ Елизаветы, новое поколѣніе,

проникнутое высокимъ чувствомъ національнаго самосознанія, достигшее большаго благосостоянія, широко проявившее свою энергію во внѣшней и внутренней жизни, было тѣснѣйшимъ образомъ связано со своей королевой, воодушевлялось ея успѣхами, сроднилось съ нею. Взглянемъ теперь на эту Англію: изображеніе соціальной и духовной жизни ея является важнѣйшей и увлекательнѣйшей задачей историка вѣка Елизаветы.

Э. Марксъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЙ ХРАМОВНИКЪ.

(1312 г.).

Давно храмовниковъ винятъ
За нравъ ихъ горделивый;
Ихъ орденъ слишкомъ сталъ богатъ,
И черной завистью объятъ
Король Филиппъ Красивый.

Рѣкой течетъ у нихъ вино;
Въ виссонъ и шелкъ одѣты,
А не въ дешевое сукно,
Забыли рыцари давно
Монашества обѣты.

Богатствомъ пользуясь вполнѣ,
Магистръ великій Молле,
Какъ въ безмятежномъ сладкомъ снѣ,
Не помышлялъ о черномъ днѣ,
Жилъ въ роскоши и въ холѣ.

Но гордость рыцарей смирилъ
Король съ Климентомъ Пятымъ—
Онъ славный орденъ разорилъ,
Темницу мрачную открылъ
Храмовникамъ богатымъ...

Но и томясь въ тюрьмѣ сырой,
Въ несчастьи и въ неволѣ,
Хранилъ санъ рыцарскій и строй,
И духомъ твердъ былъ какъ герой,
Магистръ великій Моллe!

Онъ заключенныхъ ободрялъ,
Псалмы пѣлъ съ ними хоромъ,
И Богу жребій свой ввѣрялъ,
И въ даль безтрепетно взиралъ
Проникновеннымъ взоромъ.

Стремился, вѣрой озаренъ,
Храмовникъ къ возрожденью;
Когда же съ рыцарями онъ
Былъ наконецъ приговоренъ
Къ публичному сожженью—

Взошелъ безстрашно на костеръ,
Великъ, какъ на престолѣ,
И, въ небо свѣтлый бросивъ взоръ,
Десницу грозную простеръ
Магистръ великій Молле.

И молвилъ:—злобы торжеству
Земной судъ служитъ лживый;
Я, предъ судьбой склонивъ главу,
На Божій судъ тебя зову,
Король несправедливый!

— На Божій судъ въ мой смертный часъ
Зову я папу тоже:
Лучъ вѣры въ сердцѣ не угасъ—
И знаю я, что скоро насъ
Разсудишь Ты, о, Боже!

— Предстать на судъ Твой сроку—имъ
Я годъ даю, не болѣ!...—
Костеръ пылалъ, клубился дымъ,
И смолкъ на вѣкъ, въ дыму незримъ,
Магистръ великій Молле...

Но въ срокъ урочный весь народъ
Дивился скорбной вѣсти:
Скончались ровно черезъ годъ,
Представъ предъ Богомъ въ свой чередъ,
Король и папа вмѣстѣ.

Н. Никифоровъ.

На рубежѣ XIX вѣка*).

Высшая буржуазія, замѣтивъ, что брауншвейгскій манифестъ угрожаетъ конституціи, гарантировавшей ей свободу и личную неприкосновенность, пришла въ ярость и обратилась противъ двора, призвавшаго пруссаковъ. Жирондисты были представителями этого класса и дали ему пароль: смѣщеніе короля! Этого громко требовали во всей странѣ, а въ особенности тамъ, гдѣ жирондисты имѣли вліяніе и силу. Средняя и мелкая буржуазія, также какъ и сельское населеніе, съ ужасомъ смотрѣли на вторженіе пруссаковъ. Горожанинъ боялся за свою личную независимость, завоеванную съ такимъ трудомъ. Едва онъ избавился онъ стараго режима, какъ пруссаки захотѣли снова вернуть его. И онъ съ радостью поддерживалъ жирондистовъ, кричавшихъ: «ударьте на дворъ!» По оживленнѣе всѣхъ были сошедшіеся въ Парижъ „союзники" и рабочіе предмѣстій. Марсельскіе «союзники» были помѣщены въ зданіи кордельеровъ. Ихъ склонили къ стычкѣ; они были на все готовы. По почину Дантона ихъ приняли крайне радушно и 30-го іюля имъ устроили пирушку; въ той же самой мѣстности роялисты также устроили пирушку для національныхъ гвардейцевъ; поэтому тутъ произошла кровавая борьба, по которой уже можно было предвидѣть всю ярость предстоящихъ столкновеній.

Рабочіе предмѣстій тоже были на все готовы. Имъ приходилось жить въ нищетѣ и тяжко страдать отъ недостаточнаго снабженія Парижа провіантомъ. Имъ платили ассигнатами, которые уже тогда имѣли очень низкую стоимость. между

*) См. Вѣстн. Всем. Истор. № 5.

тѣмъ какъ цѣны товаровъ быстро возрастали. Къ конституціи они были довольно равнодушны, потому что она не принесла никакого облегченія ихъ участи. Мы уже видѣли, какъ они жаловались на это Марату. Если они требовали повышенія заработной платы, то органы высшей буржуазіи отказывали имъ въ рѣзкихъ словахъ. Многія волненія и столкновенія въ предмѣстьяхъ находятся въ самой тѣсной связи съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ голода въ Парижѣ. Рабочіе прекрасно понимали, что плоды революціонной борьбы пожали иные. Они ненавидѣли буржуазію не меньше, чѣмъ дворянство и духовенство. Однако они инстинктивно чувствовали, что конституція есть прогрессъ, хотя она и не доставила имъ никакихъ непосредственныхъ выгодъ. Ихъ нужда не позволяла имъ ждать пароля и уже 26-го іюля въ предмѣстьяхъ была сдѣлана попытка возстанія. Хотѣли взять короля въ плѣнъ и препроводить его въ Венисенъ. Но Петіонъ велѣлъ подавить это возстаніе, чтобы избѣжать пораженія.

Якобинцы и кордельеры, увидѣвъ, что жирондисты 20-го іюня съумѣли воспользоваться массами населенія предмѣстій лишь для пустой демонстраціи, рѣшились съ всегда готовыми къ этому рабочими предмѣстій предпринять организованное возстаніе. Приближеніе пруссаковъ и приготовленія двора вынуждали ихъ на такой шагъ. Всѣ видѣли, какъ въ Тюльери дѣлаются приготовленія къ борьбѣ, какъ вооружаются швейцарскіе гвардейцы и буржуазные баталіоны національной гвардіи, чтобы подавить возможное возстаніе, а въ случаѣ надобности, съ дальнѣйшимъ приближеніемъ пруссаковъ, предпринять нападеніе на клубы и собраніе. Швейцарскіе гвардейцы были въ Парижѣ единственными надежными защитниками двора. Эти республиканцы служили иноземному монарху за деньги; они сражались и умерли за дворъ. Въ чужой землѣ они также храбро защищали деспотизмъ, какъ предки ихъ—свободу Швейцаріи. Роль ихъ была трагична.

Якобинцы и кордельеры организовали возстаніе, между тѣмъ какъ жирондисты позаботились оставить за собою свободу дѣйствій. Болѣе энергичные жирондисты, какъ молодой, пылкій Барбару изъ Марсели, Луве, Карра и др., примкнули къ якобинцамъ. Кордельеры установили связи съ рабочими предмѣстій. Былъ избранъ инсуррекціонный комитетъ, который назначилъ возстаніе на 10-е, августа, чтобы предупредить нападеніе, угрожавшее со стороны двора. Руководителемъ всего дѣла явился Дантонъ, проявившій здѣсь изумительную дѣятель-

ность и рѣдкую энергію. Казалось, что этотъ человѣкъ прямо разрывался на части. Его громовой голосъ раздавался и въ клубахъ, и на улицахъ: его могучая фигура съ повелительнымъ лбомъ высоко поднималась надъ толпами народа въ предмѣстьяхъ. И если этотъ ярый революціонеръ дѣйствительно былъ подкупленъ дворомъ, то его дѣятельность въ эти дни была, конечно, не въ интересахъ двора.

Жирондисты думали, что они смогутъ устранить кризисъ однимъ постановленіемъ собранія. 3-го августа Петіонъ явился передъ барьеромъ собранія и подалъ петицію генеральнаго совѣта парижской коммуны, въ которой коммуна обвиняла короля въ комплотахъ и требовала его смѣщенія. Секціи подавали грозные адресы съ требованіемъ возбудить процессъ противъ короля за его противо-революціонные замыслы. Приходили петиціи за петиціями; всѣ требовали смѣщенія короля.

Жирондисты все еще колебались; были признаки, что нѣкоторые изъ нихъ не устояли противъ подкуповъ двора. Но они не могли избѣгнуть рѣшительнаго шага и на 3-е августа назначили обсужденіе вопроса о смѣщеніи короля.

Якобинцы черезъ Коло д'Эбруа, человѣка очень энергичнаго, потребовали обвиненія Лафайета. Дѣло въ томъ, что Люкнеръ, слабый, старый человѣкъ, проговорился, что Лафайетъ хотѣлъ склонить его къ нападенію на собраніе. 8-го августа собраніе обсуждало этотъ вопросъ и 446 голосами противъ 224 оправдало Лафайета. Это еще болѣе усилило волненіе, и многихъ депутатовъ, голосовавшихъ въ пользу Лафайета, осыпали оскорбленіями, угрозами, а нѣсколькихъ даже поколотили. Изображеніе Лафайета было сожжено, а позже, по предложенію Дантона, была уничтожена черезъ палача медаль, выбитая Парижемъ въ честь его.

9-го августа начались обсужденія вопроса о смѣщеніи короля. Конституціоналисты требовали, чтобы „союзники“ ушли изъ Парижа. Явилось много предвѣстій наступающей бури; возбужденіе достигло крайнихъ предѣловъ. Секція Quinze-Vingts заявила собранію, что если король не будетъ смѣщенъ до полуночи, то раздастся набатъ. Всѣ остальныя секціи присоединились къ этому заявленію. Собраніе пригласило мэра и прокурора департамента, но тѣ сказали, что они ничего не могутъ сдѣлать. Собраніе закрыло засѣданіе, не придя ни къ какому рѣшенію.

Тутъ и произошло то, чѣмъ грозили секціи.

Въ полночь раздался набатъ; «союзники» взялись за ору-

жіе и предмѣстья возстали. На улицахъ гремѣлъ генералъ-маршъ и выстраивались длинныя наступательныя колонны. Дантонъ, Камиллъ Демуленъ, Шабо, Барбару энергично работали, поджигая массы къ возстанію. Дантонъ предсѣдательствовалъ въ эту ночь въ бурномъ клубѣ кордельеровъ. Въ полночь онъ велѣлъ ударить набатъ и выстрѣлилъ изъ пистолета на Карусельской площади. Затѣмъ, онъ явился въ зданіи кордельеровъ у марсельцевъ и въ сильной рѣчи возбуждалъ ихъ къ битвѣ; марсельцы согласились; они всей толпой устремились на улицы, и вотъ, по улицамъ Парижа раздалась марсельеза, побѣдная пѣснь революціи, воспламеняя и увлекая массы.

Начальствованіе надъ возставшими было возложено на бывшаго прусскаго унтеръ-офицера, друга Дантона,—Вестермана. Этотъ талантливый солдатъ построилъ свои колонны съ опытностью стараго генерала. Сантерръ колебался, и, говорятъ Вестерманъ долженъ былъ приложить шпагу къ его груди, чтобы заставить его дать знакъ Сентъ-Антуанскому предмѣстью къ возстанію.

Между тѣмъ въ городской ратушѣ также совершился революціонный актъ: здѣсь свергли старую коммуну. Въ ратушу во главѣ секцій явился Гюгененъ. Полномочія коммуны объявлены прекратившимися и избрана новая коммуна, состоявшая изъ отъявленныхъ революціонеровъ. Президентомъ ея избранъ Гюгененъ: теперь во главѣ возстанія было учрежденіе, которое сейчасъ же принялось за дѣло съ полной энергіей.

Когда раздался набатъ, Петіонъ былъ въ Тюльери и роялисты хотѣли задержать его въ качествѣ заложника. Но собраніе узнало о его критическомъ положеніи и особымъ декретомъ велѣло ему явиться къ себѣ. Петіона выпустили изъ Тюльери, послѣ того какъ онъ далъ новому коменданту національной гвардіи письменный приказъ, въ случаѣ нападенія, отразить силу силою. Этотъ новый комендантъ, Манда, вмѣстѣ съ комендантомъ швейцарцевъ, принялъ свои мѣры. Онъ располагалъ швейцарской гвардіей, состоявшей приблизительно изъ 1.000 человѣкъ, и нѣсколькими баталіонами національной гвардіи, но относительно этихъ послѣднихъ никто не зналъ навѣрное, станутъ ли они серьезно защищать Тюльери. Явилось, сверхъ того, еще около 120 дворянъ, вооруженныхъ шпагами и пистолетами. Всѣ приготовились къ упорному сопротивленію.

Гюгененъ приказалъ взять мэра Петіона подъ стражу, чтобы этимъ избавить его отъ всякой отвѣтственности. Въ пять часовъ Мандá былъ посланъ приказъ явиться въ ратушу. Онъ сперва не хотѣлъ идти, но прокуроръ департамента Рёдереръ, игравшій въ этотъ день такую замѣчательную роль, убѣдилъ его явиться. Мандá отправился. Прибывъ въ ратушу, онъ увидѣлъ здѣсь все новыя лица, но скоро узналъ среди нихъ своихъ политическихъ враговъ. Его спросили, на какомъ основаніи онъ принимаетъ мѣры для защиты дворца. Онъ сослался на предписаніе Петіона, но показать это предписаніе не хотѣлъ. Во время его обыска, коммунѣ представили письменное распоряженіе, данное баталіонамъ національной гвардіи, въ которомъ Мандá приказывалъ сдѣлать нападеніе съ тыла на колонны возставшихъ, идущія на замокъ. Теперь Мандá погибъ. Гюгененъ велѣлъ арестовать его и препроводить въ аббатство. Говорятъ, будто Гюгененъ сдѣлалъ при этомъ горизонтальное движеніе рукой. На лѣстницѣ ратуши Мандá былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета.

За отсутствіемъ коменданта, въ Тюльери возникло замѣшательство; національные гвардейцы, имѣвшіе защищать замокъ, были раздражены тѣмъ, что они должны сражаться на сторонѣ ненавистныхъ имъ дворянъ. Рёдереръ совѣтовалъ удалить дворянъ, но какъ король, такъ и королева не согласились на это. Въ пять часовъ король долженъ былъ сдѣлать смотръ своимъ защитникамъ. Но Людовикъ совсѣмъ не годился для этой роли онъ не имѣлъ воинственнаго вида, былъ очень неловокъ. Изъ національной гвардіи только два баталіона изъ кварталовъ крупной буржуазіи изъявили желаніе драться за короля; остальные баталіоны открыто выражали свое сочувствіе возставшимъ. Раздались крики: «да здравствуетъ нація!», «долой вето!» Пушкари вынимали заряды изъ орудій. — Король вернулся со смотра блѣдный, испуганный. Теперь онъ увидѣлъ, что дѣло его погибло. Пока онъ совѣтовался съ министрами, что дѣлать, одинъ членъ муниципалитета принесъ извѣстіе, что приближаются колонны возставшихъ: они взяли цейхгаузъ и вооружились. Тутъ было 15.000 чел. изъ Сенъ-Антуанскаго предмѣстья и 5.000 изъ предмѣстія Сенъ-Марсо; они везли съ собою пушки. Во главѣ ихъ шли марсельцы и бретонскіе «союзники» подъ предводительствомъ Вестермана. Защитники Тюльери, увидѣвъ приближавшіяся массы возставшихъ, потеряли всякое присутствіе духа. Людовикъ сперва безусловно отклонилъ предложеніе

Рёдерера отправиться для безопасности въ законодательное собраніе. Тутъ одинъ изъ министровъ спросилъ: «чего же они хотятъ?» Одинъ муниципальный чиновникъ отвѣтилъ: «Смѣщенія короля!» — «А послѣ смѣщенія?»…. спросила королева. Чиновникъ молча опустилъ голову. Рёдереръ снова сталъ совѣтовать отправиться въ собраніе. «Лучше пусть прибьютъ здѣсь меня гвоздями къ стѣнѣ!» воскликнула королева. — «Такъ вы хотите взять на себя отвѣтственность за смерть короля, за вашу смерть и смерть вашихъ дѣтей и защитниковъ?!» сказалъ ей Рёдереръ. Эти слова побудили короля оставить Тюльери и отправиться въ собраніе. Его сопровождали 300 швейцарцевъ и 300 національныхъ гвардейцевъ. Нужно было пройти сквозь большую толпу народа, собравшуюся передъ зданіемъ манежа, гдѣ засѣдало собраніе: толпа осыпала Людовика ругательствами и проклятіями. Собраніе выслало на встрѣчу ему депутацію. Войдя въ залу засѣданій, король сказалъ: «Я пришелъ затѣмъ, чтобы предотвратить великое преступленіе. Я полагаю, что я нигдѣ не могу быть въ большей безопасности, чѣмъ среди васъ». Верніо, предсѣдательствовавшій въ собраніи, отвѣтилъ двусмысленно, что собраніе дало клятву охранять права французовъ и установленныя учрежденія, что, собственно говоря, онъ можетъ увѣрить короля, что толпа отправилась къ замку единственно затѣмъ, чтобы предупредить преступленіе—именно, государственный переворотъ, затѣянный въ союзѣ съ иностранцами.

Король сѣлъ возлѣ президента. По Шабо напомнилъ о томъ параграфѣ конституціи, по которому король не можетъ присутствовать на засѣданіяхъ собранія. Поэтому король долженъ былъ со своимъ семействомъ удалиться въ помѣщеніе писца, записывавшаго здѣсь протоколы засѣданій. Отсюда онъ видѣлъ весь ходъ дѣла; онъ слушалъ, какъ депутаціи требовали у собранія его смѣщенія. Марія-Антуанетта, которой нельзя отказать въ мужествѣ и самообладаніи, сохранила свою гордость даже тогда, когда послышались ружейные и пушечные выстрѣлы битвы за Тюльери. Король потребовалъ ѣсть. У него былъ аппетитъ даже въ такую минуту! — Когда корона падала съ его головы, онъ мирно ѣлъ курицу.

Между тѣмъ вооруженныя массы проникли въ замокъ и наводнили тюльерійскій дворъ. Швейцарцы стояли неподвижно; они, повидимому, не хотѣли открывать битву. Стороны обмѣнивались насмѣшками и, казалось, дѣло обойдется безъ кровопролитія: кромѣ того, швейцарцы могли думать, что послѣ

бѣгства короля защита замка становится безцѣльной. Но шутки и остроты превратились въ дѣло. Неизвѣстно, съ чьей стороны начались враждебныя дѣйствія. Пошла рукопашная, и швейцарцы дали убійственный залпъ, поразившій наповалъ массу возставшихъ. Испуганная и смѣшавшаяся толпа разсѣялась и устремилась къ выходамъ, оставивъ съ испуга даже свои орудія. Швейцарцы овладѣли орудіями и стали стрѣлять изъ нихъ. Картечь повалила множество людей, дворъ покрылся трупами, Но Вестерманъ собралъ бѣглецовъ и двинулъ ихъ впередъ. Толпа оттѣснила швейцарцевъ, обдавая ихъ огнемъ изъ ружей и орудій. Большая лѣстница была взята приступомъ, и битва разыгралась въ коридорахъ и залахъ Тюльери. Тщетно король приказывалъ швейцарцамъ прекратить битву, разыгравшіяся страсти укротить оказалось не такъ легко и почти весь отрядъ швейцарцевъ палъ подъ ударами разсвирѣпѣвшей толпы. Придворные также пали жертвою вышедшей изъ всякихъ предѣловъ ярости нападавшихъ. Но на женщинъ никто не поднялъ рукъ. Нѣкоторые хотѣли убить нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, но тутъ раздались крики: «Не срамите націи! Пощада женщинамъ!» и онѣ уцѣлѣли.—Толпа разлилась по коридорамъ замка, заняла всѣ помѣщенія и повсюду истребляла знаки монархіи Бурбоновъ. Можетъ быть, при этомъ погибло много произведеній искусства, но ничего не было похищено. Нѣсколько лицъ, попытавшихся кое-что украсть, были сейчасъ же повѣшены съ обозначеніемъ ихъ преступленій на особой надписи. Изъ драгоцѣнностей, найденныхъ въ замкѣ, многія были представлены въ собраніе, а многія — въ общинный совѣтъ.

Во время борьбы собраніе было въ сильномъ волненіи. Депутаты клялись умереть на своихъ мѣстахъ, что — скажемъ мимоходомъ—было совершенно излишнимъ, такъ какъ движеніе предмѣстій было направлено вовсе не противъ собранія. Когда ружейные и пушечные выстрѣлы стали слабѣе, сюда явилось нѣсколько народныхъ борцовъ, испачканныхъ кровью и порохомъ: они возвѣстили побѣду возстанія. Собраніе не знало, что ему дѣлать; поэтому оно издало объявленіе, призывавшее всѣхъ къ спокойствію и повиновенію властямъ, что въ данный моментъ было просто смѣшнымъ. Но революціонная коммуна, бывшая въ это время подъ руководствомъ Дантона и чувствовавшая себя на вершинѣ народной силы, рѣшила воспользоваться этой побѣдой. Въ собраніе гордо явилось посольство общиннаго совѣта; передъ нимъ несли знамя,

на которомъ виднѣлась надпись: «Отечество! Свобода! Равенство!» Общинный совѣтъ требовалъ смѣщенія короля и притомъ такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ колебаній. Пришла еще масса депутацій: онѣ поддерживали требованіе общиннаго совѣта. Жирондисты держали себя робко, двусмысленно: они колебались; они бы съ удовольствіемъ замяли этотъ вопросъ, но у нихъ не было выбора. Верніо чувствовалъ, что его партія должна или низвергнуть короля, или пасть вмѣстѣ съ нимъ. Онъ избралъ первое. Поэтому онъ сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы лишить короля престола, прекратить платежи по цивильному листу и назначить воспитателя наслѣднику престола. Это предложеніе было принято; тутъ же было постановлено созвать національный конвентъ. Королевское семейство было передано подъ надзоръ общиннаго совѣта и содержалось подъ стражею, въ такъ называемомъ Тамплѣ. Тампль — это старинное, громадное зданіе, получившее свое названіе отъ имени тампліеровъ (рыцари храма), нѣкогда павшихъ жертвою произвола Бурбоновъ. Это зданіе избрали потому, что оно было изолировано и здѣсь легче всего было помѣшать бѣгству или освобожденію короля.

Услыхавъ о своемъ низверженіи, король сказалъ нѣскольким членамъ собранія: «Все, что вы дѣлаете здѣсь, не особенно мирится съ конституціей!» Но всѣ думали, что призваніе пруссаковъ и австрійцевъ мирилось съ нею еще меньше.

Низверженіе королевской власти, на которое само собраніе не могло рѣшиться, окупилось множествомъ жертвъ. Сообщенія о потеряхъ возставшихъ колеблются между 1.500 и 5.000 чел. Конечно, истина, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, должна быть посерединѣ. Швейцарцевъ пало около 700 чел., кромѣ того, погибло много національныхъ гвардейцевъ и дворянъ, явившихся защищать короля. Далѣе, озлобленная толпа умертвила де-Клермонъ-Тоннера, извѣстнаго конституціоналиста-аристократа перваго собранія, а также извѣстнаго писателя Суло, оклеветавшаго Теруань-де-Мерикуръ, которая теперь и отмстила ему за это. Теруань принимала участіе въ борьбѣ, чѣмъ и закончилась ея политическая карьера, такъ какъ она принадлежала къ партіи жирондистовъ, а потому вскорѣ послѣ этого нѣсколько женщинъ изъ народа оскорбили ее, сорвавъ съ нея платье. Это потрясло ее такъ сильно, что она сошла съ ума. Четверть вѣка жила она еще въ одной палатѣ въ Сальпетріерѣ, постоянно одержимая той мыслью, что все еще продолжается 1793-й годъ.

О томъ, что происходило въ эти бурные дни въ домахъ и семействахъ вождей демократіи, оставила интересное письмо Люсиль Демуленъ, жена Камилла, одна изъ самыхъ симпатичныхъ жертвъ революціи; изъ этого письма видно, какая неувѣренность господствовала относительно исхода возстанія, противъ котораго высказалось даже собраніе.

Рабочіе снова ушли въ предмѣстья, предоставивъ клубамъ и коммунѣ упорядочить кризисъ, вызвавшій ихъ. Эти рабочіе окупили собственною кровью побѣду всѣхъ. Они получили за это очень мало, но пока что—они были довольны, если имъ не приходилось умирать съ голоду. Они требовали народной республики, а потому имъ вскорѣ пришлось вести борьбу съ жирондистами, желавшими республики высшей буржуазіи. Время господства рабочихъ—это одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ французской революціи.

* * *

Низверженіе Людовика не встрѣтило въ департаментахъ никакого противодѣйствія. Но въ арміяхъ, на границѣ было еще достаточно вліятельныхъ лицъ, преданныхъ двору и желавшихъ видѣть Парижъ скорѣе въ рукахъ иностранцевъ, чѣмъ въ рукахъ демократіи. Однако наступленіе прусскаго войска заставило большинство генераловъ признать перемѣны, происшедшія въ Парижѣ, и подчиниться новымъ властямъ. Такъ сдѣлали: Дюмурье, Кюстинъ, Келлерманъ, Биронъ. Одинъ лишь Лафайетъ, стоя передъ врагомъ, не задумался обратиться противъ Парижа; онъ былъ увѣренъ, что его армія, приблизительно въ 30.000 человѣкъ, послѣдуетъ за нимъ. Онъ велѣлъ арестовать въ Седанѣ трехъ коммиссаровъ, посланныхъ къ нему собраніемъ, чтобы потребовать отъ него признанія всего совершившагося. Затѣмъ, Лафайетъ велѣлъ своей арміи присягнуть на вѣрность королю и собирался двинуться на Парижъ, на который въ то же самое время шли также пруссаки и австрійцы.

Законодательное собраніе издало противъ этого генерала обвинительный декретъ, и армія оставила Лафайета. Тутъ только онъ понялъ, что его роль уже сыграна. Вмѣстѣ съ Латуръ-Мобуромъ, Ламетомъ и еще нѣсколькими изъ своихъ друзей онъ хотѣлъ бѣжать въ Голландію, но попалъ въ руки австрійцевъ, которые отнеслись къ нему, возставшему за защиту короля, какъ къ революціонеру. Они держали его въ плѣну, и онъ былъ освобожденъ изъ своего плѣненія только Кампо-Фор-

мійскимъ миромъ въ 1797 году. Такъ «простякъ» Лафайетъ исчезъ изъ французской революціи, чтобы лѣтъ сорокъ спустя еще разъ выступить на сцену и еще разъ разыграть столь же жалкую роль. Начальствованіе надъ войскомъ было возложено на Дюмурье, который проявилъ во время этого тяжелаго кризиса блестящія дарованія.

Съ переворотомъ 10-го августа въ Парижѣ возникли новыя власти. Законодательное собраніе постаралось взять вмѣсто короля въ свои руки исполнительную власть. Оно отставило прежнихъ министровъ и учредило новое правительство подъ именемъ Исполнительнаго Совѣта. Уволенные королемъ, жирондистскіе министры были снова назначены на посты, а именно: Ролланъ — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Клавьеръ—министромъ финансовъ и Серванъ—военнымъ министромъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ поручено было Лебрэну, тоже жирондисту, морское—Монжу, получившему этотъ постъ, благодаря своимъ математическимъ познаніямъ. Но жирондисты хотѣли также дать мѣсто и людямъ 10-го августа, и такимъ образомъ Дантонъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это именно назначеніе и дало новому министерству особую окраску, потому что Дантонъ, опиравшійся на революціонныя массы, скоро совершенно овладѣлъ остальными министрами, которые могли опираться только на собраніе. Этотъ молодой человѣкъ, который, въ качествѣ адвоката, не могъ добиться никакого значенія, вдругъ проявилъ таланты государственнаго человѣка. Его средства были жестоки, его рѣчи — грубы, но изъ столь страшнаго кризиса могла вывести только страшная энергія. Въ періодъ отъ 10-го августа до собранія Національнаго Конвента Дантонъ стоялъ во главѣ Франціи. Его короткая, могучая и кровавая диктатура послужила введеніемъ къ новому періоду: къ борьбѣ французской республики съ феодальной Европой.

Изъ людей, которые черезъ годъ должны были стать властителями Франціи, многіе находились въ муниципалитетѣ, куда ихъ провела сильная рука Дантона. И не одинъ изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи должны были низвергнуть Дантона за его умѣренность, въ этотъ моментъ съ ужасомъ смотрѣлъ на его безпощадныя мѣры. Секціи, лишивъ въ ночь съ 9-го на 10-е августа полномочій своихъ представителей въ муниципалитетѣ, вездѣ на мѣста монархистовъ назначили рѣшительныхъ республиканцевъ. Петіонъ остался мэромъ, а Манюэль — прокуроромъ коммуны. Національная гвардія но-

ступила подъ начальство Сантерра. А въ общинномъ совѣтѣ уже явился Робеспьеръ; здѣсь постоянно раздавался его голосъ, тогда какъ враги его увѣряли, будто онъ во время борьбы 10-го августа прятался въ подвалахъ. Онъ не могъ подняться на высоту мыслей Дантона и все еще оставался агитаторомъ, между тѣмъ какъ Дантонъ уже явился государственнымъ человѣкомъ. Здѣсь можно было видѣть также Камилла Демулена, Луво, Тальяна, молодаго экзальтированнаго журналиста, поэта Жозефа Шенье, автора знаменитаго: «Chant du départ», Билло-Варенна, мрачнаго, непреклоннаго и неумолимаго профессора изъ Ла-Рошели, Калло д'Эбруа, бывшаго раньше актеромъ и желавшаго теперь отмстить за себя публикѣ, освистывавшей его, Фабра д'Эглантина, поэта и друга Дантона. На мѣсто Дантона помощникомъ прокурора былъ назначенъ Шаметтъ, бывшій раньше журналистомъ, человѣкъ большихъ талантовъ, который впослѣдствіи долженъ былъ стать однимъ изъ руководителей коммуны.

Этотъ общинный совѣтъ имѣлъ громадное вліяніе, потому что онъ пользовался довѣріемъ народа и черезъ Дантона господствовалъ въ министерствѣ. Такимъ образомъ, онъ представлялъ собою самостоятельную власть, настоящимъ главою которой былъ Дантонъ.

Выступилъ на сцену и Маратъ, получившій теперь свободу дѣйствій. Онъ оставилъ свою подпольную жизнь и уже 10-го августа распространилъ прокламаціи, въ которыхъ требовалъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Маратъ не былъ членомъ коммуны, но онъ былъ однимъ изъ вождей той партіи, которая группировалась вокругъ коммуны. Его вліяніе на коммуну было очень велико и она предоставила ему ораторскую трибуну въ залѣ своихъ засѣданій. Воспоминаніе о гоненіяхъ, вынесенныхъ Маратомъ, побудило коммуну разрушить нѣсколько типографій реакціонныхъ листковъ; остальныя были предоставлены въ распоряженіе Марата.

Теперь законодательное собраніе объявило вошедшими въ силу тѣ декреты, на которые наложилъ свое вето Людовикъ XVI, а именно: декретъ противъ эмигрантовъ, объявлявшій конфискацію ихъ имущества и обрекавшій ослушниковъ на смертную казнь; затѣмъ, декретъ противъ духовенства, отвергавшаго присягу, и декретъ относительно федераціоннаго лагеря. Лагерь былъ немедленно же устроенъ, собраніе также разослало въ арміи и по провинціямъ ораторовъ и коммиссаровъ. Они должны были объявить новое правительство, принять

присягу на вѣрность свободѣ и равенству и смѣстить враждебныхъ новому порядку должностныхъ лицъ. Но эти мѣры казались коммунѣ недостаточными. Она видѣла, какъ сторонники стараго порядка поднимали головы все смѣлѣе и смѣлѣе, по мѣрѣ приближенія пруссаковъ къ Парижу. Надо было опасаться контръ-революціи и слѣдовало принять мѣры противъ нея.

Маратъ всегда былъ за диктатуру, такъ какъ онъ думалъ, что революція можетъ быть проведена только суровой диктатурой. Но онъ хотѣлъ, чтобы диктаторъ былъ подъ контролемъ: у него, какъ образно выражался Маратъ, должно быть приковано ядро къ ногѣ. Маратъ полагалъ, что республика не можетъ устоять, если она тѣмъ или инымъ путемъ не сдѣлаетъ всѣхъ своихъ враговъ безвредными. Эти взгляды оспаривали многіе, впослѣдствіи присоединившіеся къ нимъ; Робеспьеръ былъ тоже противъ нихъ, такъ какъ боялся, чтобы диктаторомъ не сталъ Бриссо. Дантонъ тѣмъ меньше могъ отвергать идею диктатуры, что онъ самъ теперь дѣйствовалъ по-диктаторски. Онъ столковался съ Маратомъ, и они пришли къ тому, чтобы диктатуру, которую не хотѣли и не имѣли основанія ввѣрять собранію, передать обновленному общинному совѣту, какъ представительству парижскаго населенія. Дантонъ и Маратъ, вообще бывшіе въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, теперь еще больше сблизились и однажды даже обнялись въ ратушѣ. Но когда Дантонъ передалъ диктатуру общинному совѣту, она фактически перешла въ его руки.

Коммуна прежде всего взяла въ свои руки полицію, состоявшую до сихъ поръ въ вѣдѣніи мировыхъ судей. Депутація общиннаго совѣта заставила собраніе издать законъ объ общественной безопасности, возлагавшій полицейскія обязанности на общины. Всѣ общины, имѣвшія болѣе 20.000 жителей, могли дѣлать дополненія къ этому закону, какія онѣ найдутъ нужными. Теперь парижская коммуна немедленно учредила новую, революціонную полицію; члены муниципалитета стали чиновниками безопасности. Затѣмъ, общинный совѣтъ избралъ комитетъ надзора (comité de surveillence), въ которомъ господствовалъ Маратъ и который могъ давать приказанія объ арестахъ. Этотъ комитетъ сейчасъ же произвелъ массу арестовъ, а именно: онъ велѣлъ арестовать всѣхъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ ему было извѣстно, что они стояли или еще стоятъ въ какихъ-либо отношеніяхъ къ двору. Тогда тюрьмы наполнились множествомъ реакціонеровъ, между которыми были

и прежніе демократы: Барнавъ, Дюпоръ и Шарль Ламетъ. Теперь нужно было нарядить судъ надъ заключенными и собраніе должно было назначить для нихъ особое судебное учрежденіе. Но оно не рѣшалось сдѣлать это. Тогда явился въ собраніе Билло-Варенпъ, въ качествѣ депутата общиннаго совѣта, и объявилъ, что если судъ не будетъ назначенъ въ тотъ же день, то въ полночь раздастся набатъ. На такой энергичный поступокъ общинный совѣтъ былъ вынужденъ поведеніемъ жирондистовъ, потому, что послѣ того, какъ Робеспьеръ безуспѣшно требовалъ передъ барьеромъ собранія революціоннаго суда, прошло предложеніе Бриссо о томъ, чтобы призвать парижское населеніе къ соблюденію фактически уже уничтоженной конституціи.

17-го августа было рѣшено учредить судъ, названный трибуналомъ 17-го августа. Онъ немедленно же былъ учрежденъ. Судей въ немъ было восемь. Въ президенты трибунала избрали было Ребеспьера, но онъ отказался. Судьи были избраны путемъ косвенныхъ выборовъ, и это до того разозлило Марата, что онъ разразился жесткими словами противъ «сброда адвокатовъ и судейскихъ чиновниковъ» и уже тогда требовалъ такихъ мѣръ, какія впослѣдствіи были приняты въ сентябрѣ. Трибуналъ былъ снабженъ гильотиною въ качествѣ орудія казни. Говорятъ, эту машину изобрѣлъ врачъ Гильотенъ, принимавшій участіе въ первомъ національномъ собраніи. Но въ дѣйствительности мы находимъ ее еще въ древности у персовъ и въ средніе вѣка въ Шотландіи, въ Голландіи, Богеміи и Италіи. Для смертныхъ казней первое національное собраніе еще въ 1789 г. установило обезглавленіе; гильотину называли еще луизаной или луизеттой отъ имени врача Луи (Louis), давшаго свое заключеніе въ пользу этой машины.

Трибуналъ 17-го августа осудилъ нѣсколькихъ сторонниковъ двора, между которыми были журналистъ Дюразуаръ и интендантъ цивильнаго листа Лапортъ. Они были казнены гильотиной. Но возбужденная толпа осталась недовольна этими мѣрами. Воспоминаніе о множествѣ жертвъ 10-го августа поддерживало сильную жажду мести, а приближеніе пруссаковъ привело къ тому, что всѣ постоянно находились въ лихорадочномъ волненіи. Хотѣли произвести массовое вооруженіе народа и двинуть его противъ враговъ. Но въ такомъ случаѣ изъ Парижа и остальныхъ городовъ должны были бы уйти самые энергичные сторонники революціи. Возникло опасеніе, что при такихъ обстоятельствахъ послѣдуетъ возстаніе аристократовъ и роялистовъ,

и революція очутится между двухъ огней. Коммуна, Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ, Камиллъ Демуленъ совѣщались, что предпринять. Они пришли къ мысли произвести государственный переворотъ въ пользу демократіи, такъ какъ комитетъ, назначенный собраніемъ, казался имъ недостаточно энергичнымъ. Но имъ не легко было столковаться относительно того, какъ произвести этотъ переворотъ. Робеспьеръ и его друзья отступили передъ насильственными мѣрами, которыхъ нельзя было бы оправдать закономъ. Дантонъ и Маратъ такъ же, какъ и рѣшительные революціонеры общиннаго совѣта, Билло-Варенъ, Тальянъ и члены комитета надзора, не придавали никакого значенія юридическимъ возраженіямъ противъ революціоннаго насильственнаго переворота. Они основывали свои смѣлые планы на томъ, что, по ихъ мнѣнію, изъ столь необычайнаго положенія Франція и ея независимость, угрожаемыя внутренними и внѣшними врагами, могутъ быть выведены только необычайными средствами.

Историческую отвѣтственность за этотъ переворотъ и пролитую во время него кровь многіе возлагаютъ на Марата, Дантона и даже на Робеспьера. Въ дѣйствительности же въ этомъ революціонномъ актѣ участвовало гораздо больше лицъ, чѣмъ казалось. Государственный переворотъ открыто подготовлялся въ министерствѣ юстиціи, и министры, за исключеніемъ Роллана, знали объ этомъ и не оказывали никакого противодѣйствія, потому что они не видѣли иныхъ средствъ. Дантонъ и Маратъ дѣйствительно взяли на себя его выполненіе, но, въ общемъ, этотъ демократическій переворотъ былъ стихійнымъ взрывомъ негодованія и отчаянія парижскаго населенія. Республиканцы инстинктивно устремились на своихъ внутреннихъ враговъ, чтобы обезопасить свой тылъ въ борьбѣ съ наступающими извнѣ союзниками заключеннаго въ Тамплѣ короля. Правительство Дантона приложило только свои руки этому народному взрыву. Въ тѣ дни, когда Дантонъ долженъ былъ, между прочимъ, принимать очень суровыя рѣшенія, онъ не забылъ своихъ прежнихъ дружественныхъ отношеній къ Барнаву, Шарлю Ламету и Дюпору, доставилъ имъ возможность уйти изъ тюрьмы и этимъ спасъ ихъ отъ неизбѣжной смерти.

24-го августа пруссаки взяли крѣпость Лонгви и двинулись на Верденъ. Если бы и Верденъ палъ, то передъ ними была бы совершенно открытая дорога въ Парижъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало страшное волненіе въ Парижѣ. Крики: «долой роялистовъ!» раздавались по всѣмъ улицамъ Пари-

жане ожидали отъ коммуны и Дантона государственнаго переворота, и переворотъ былъ сдѣланъ.

Когда въ Парижѣ съ неусыпной дѣятельностью снаряжались волонтеры — чему Дантонъ тоже очень энергично содѣйствовалъ, — такъ что можно было отправить въ армію генерала Дюмурье 10.000 челов., коммуна принимала свои мѣры противъ роялистовъ. 26-го августа собраніе объявило декретъ о священникахъ, не принимавшихъ присяги, вошедшимъ въ законную силу, и вслѣдъ за этимъ произведены многочисленные аресты. Комитетъ надзора помѣщалъ такихъ священниковъ въ аббатствѣ, въ кармелитскомъ монастырѣ и Сенъ-Фирменѣ. Съ 29 по 31-е августа комитетъ произвелъ множество обысковъ, вслѣдствіе чего всѣ тюрьмы наполнились арестованными роялистами. Кромѣ указанныхъ трехъ тюремъ арестованныхъ помѣщали также въ Ла-Форсѣ, Шателе, Консьержери, Бисетрѣ, Сальперьерѣ и Бернардинскомъ монастырѣ. Объятое ужасомъ собраніе хотѣло возстать противъ мѣропріятій коммуны, но коммуна послала депутацію для защиты своихъ дѣйствій, въ которой также принималъ участіе Петіонъ, и 1 сентября всемогущій министръ юстиціи Дантонъ, обращаясь къ пораженному собранію, произнесъ своимъ громовымъ голосомъ: «Среди всѣхъ предложенныхъ средствъ спасенія нѣтъ ни одного рѣшительнаго. Вы стоите между двухъ огней: передъ вами внѣшніе враги, а за вами враги внутренніе, роялисты. Они дѣйствуютъ въ союзѣ другъ съ другомъ: роялистическая директорія въ Парижѣ сносится съ прусской арміей. Чтобы разрушить эти планы, есть лишь одно средство, а именно: мы должны внушить страхъ роялистамъ».

Это было ясно. Но и опасности были достаточно велики, потому что сельское населеніе, поджигаемое духовенствомъ, отвергавшимъ присягу, во многихъ мѣстахъ поднималось и совершало кровавыя расправы надъ республиканцами. Въ Вандеѣ появились первые симптомы возстанія противъ революціи.

1-го сентября пришло ложное извѣстіе, будто Верденъ палъ и пруссаки двинулись прямо на Парижъ. Народъ зашумѣлъ на улицахъ; волонтеры требовали, чтобы ихъ вели противъ непріятелей; повсюду громко раздавались крики о мести лицамъ, состоявшимъ въ заговорѣ съ непріятелемъ. Могучій голосъ Дантона снова загремѣлъ въ собраніи. «Набатъ, который раздается, — говорилъ онъ, — не есть знакъ тревоги; это призывъ къ нападенію на враговъ отечества. Чтобы побѣ-

дить ихъ, господа, намъ нужна только смѣлость, и еще смѣлость, и опять таки смѣлость: тогда Франція будетъ спасена!»

Въ два часа по полудни раздался набатъ и генералъ-маршъ: въ тюрьмахъ начался самосудъ. Коммиссары секцій допрашивали всѣхъ арестованныхъ и всѣхъ неподозрительныхъ лицъ выпускали на свободу. Комитетъ надзора еще разъ произвелъ провѣрку. 24 священника, отвергавшіе присягу—этихъ священниковъ особенно ненавидѣли—были отправлены изъ ратуши въ аббатство. По дорогѣ на нихъ напала вооруженная толпа и переколола всѣхъ до одного пиками, саблями, штыками. Въ кармелитской церкви та же самая толпа убила 180 священниковъ: лишь четыремъ изъ нихъ удалось уйти черезъ ограду сада. Въ тюрьмахъ дикій самосудъ принялъ правильный характеръ. Дѣло началось въ аббатствѣ. Здѣсь образовался судъ. Мальяръ, извѣстный какъ участникъ взятія Бастиліи и предводитель шествія женщинъ въ Версаль, явился здѣсь судьей. Онъ еще за нѣсколько дней приготовился къ этой роли и, страстно преданный революціи,— рѣшился взять на себя громадную отвѣтственность руководства судомъ. Онъ сидѣлъ съ обнаженной шпагой; передъ нимъ лежали провѣренные министромъ юстиціи списки арестованныхъ. Здѣсь граждане сгруппировались въ судъ. Затѣмъ, поодиночкѣ выводились и допрашивались арестованные. Если арестованный оказывался невиновнымъ, судья поднималъ шпагу вверхъ, и арестованнаго сейчасъ же отпускали на свободу. Когда же выяснялось, что обвиняемый виновенъ, президентъ опускалъ внизъ остріе шпаги и произносилъ: «отправьте этого господина въ Форсъ!» или: «въ Кобленцъ!» Мальяръ такъ устроилъ затѣмъ, чтобы избавить арестованныхъ отъ тяжелыхъ и мучительныхъ сценъ. За дверью они падали на пики и сабли палачей или убійцъ (tueurs), выполнявшихъ эту ужасную работу, какъ ремесло, и получавшихъ за нее отъ коммуны высокую поденную плату. Въ остальныхъ тюрьмахъ происходило то же самое. Эта бойня продолжалась нѣсколько дней; послѣднія убійства совершены 6-го сентября. Само собою разумѣется, что при такомъ ужасномъ судѣ было много жестокаго и дикаго. Въ особенности же это имѣло мѣсто въ Бисетрѣ, гдѣ въ толпу арестованныхъ стрѣляли картечью. Но когда одинъ человѣкъ сказалъ, что нужно тщательнѣе отдѣлять виновныхъ отъ невинныхъ, то ему отвѣтили: «если бы пруссаки вошли въ Парижъ и стали уничтожать городъ, какъ сказано въ ихъ манифестѣ,—развѣ они предварительно отыскивали бы винов-

ныхъ?» Были въ этой кровавой драмѣ также и прекрасныя проявленія великодушія и мягкости. Впрочемъ, Маратъ разсказываетъ въ своемъ журналѣ, что, услыхавъ о бойнѣ въ въ аббатствѣ, онъ съ Пани, въ комитетѣ, «точно по какому то внушенію», сейчасъ же воскликнулъ: «спасемте мелкихъ преступниковъ, бѣдныхъ должниковъ и лицъ, арестованныхъ за драки!». Эта предосторожность оказалась однако излишней, такъ какъ списки, находившіеся въ рукахъ судей, были, по увѣренію Марата, тщательно провѣрены и не допускали никакой ошибки.

Тампль, въ которомъ находилось королевское семейство, охранялся муниципальными чиновниками и на это зданіе не было сдѣлано нападенія.

Число роялистовъ, погибшихъ во время этого дикаго народнаго суда, опредѣляютъ приблизительно въ 1.000 челов.; точно его никогда нельзя было установить. Роялисты говорили о многихъ тысячахъ казней, но это, очевидно, преувеличено. Между убитыми были княгиня Ламбаль, ненавистная многимъ, какъ наперсница королевы. Ее хотѣли спасти, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она отреклась отъ своей привязанности къ королю и королевѣ. Она отказалась сдѣлать это и пала подъ пиками и саблями разъяренной толпы. Голову ея воткнули на пику и носили передъ Тамплемъ. Варвары, которыхъ всегда и вездѣ много во всѣхъ большихъ катастрофахъ, производили надъ ея тѣломъ невыразимыя мерзости. Былъ убитъ также бывшій министръ Монморенъ. Въ Версали убито много арестантовъ, предназначенныхъ для сомюрскаго суда, при чемъ сопровождавшая ихъ національная гвардія не препятствовала этому; между ними былъ прежній министръ Делессаръ и герцогъ де-Бриссакъ. Казни совершались еще и въ нѣкоторыхъ иныхъ мѣстахъ.

Когда начался въ тюрьмахъ самосудъ, потрясенный Робеспьеръ вмѣстѣ съ Петіономъ и Барреромъ пришелъ къ Дантону. Онъ требовалъ, чтобы Дантонъ вмѣшался въ это дѣло. Но Дантонъ холодно отвѣтилъ ему: «пусть погибнетъ моя репутація,—лишь бы Франція была спасена!».

3-го сентября у Дантона собрались всѣ министры, за исключеніемъ Ролана, секретари собранія: Петіонъ, Робеспьеръ, Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Манюэль и многіе коммиссары секцій. Они совѣщались о средствахъ отраженія пруссаковъ и спасенія Парижа. Жирондисты тогда еще одобряли государственный переворотъ и самосудъ, и Лувэ

открыто восхвалялъ въ своемъ журналѣ «Le sentinelle» коммуну за то, что она спасла отечество. Они лишь впослѣдствіи воспользовались переворотомъ для нападеній на Марата, Дантона и Робеспьера, разжигая этимъ ярость партійной борьбы. Комитетъ надзора обратился къ коммунамъ въ департаментахъ съ циркуляромъ, въ которомъ говорилось: «Парижская коммуна, узнавъ о движеніи пруссаковъ на Парижъ, спѣшитъ сообщить своимъ братьямъ во всѣхъ департаментахъ, что часть заговорщиковъ, сидѣвшихъ подъ стражею въ тюрьмахъ, убита. Эта мѣра правосудія безусловно необходима для того, чтобы обуздать легіоны заговорщиковъ въ нашихъ стѣнахъ въ то время, когда народъ собирался выступить противъ непріятеля. Безъ всякаго сомнѣнія, нація, длиннымъ рядомъ предательствъ приведенная на край погибели, поспѣшитъ воспользоваться этимъ средствомъ, необходимымъ для общественнаго благосостоянія, и всѣ французы скажутъ то же, что говорятъ парижане: «выступая противъ непріятеля, мы не хотимъ оставлять у себя за спиною разбойниковъ, которые бы убили нашихъ женъ и дѣтей».

Таковъ былъ государственный переворотъ демократіи въ сентябрѣ 1792, вызвавшій такъ много рѣзкихъ нападокъ историковъ. Никто конечно не станетъ радоваться кровопролитіямъ. Въ виду угрозъ брауншвейгскаго манифеста люди убивали, чтобы ихъ самихъ не убили. Если сравнить однако жертвы сентябрьскихъ дней съ большими кровавыми оргіями исторіи, съ массовыми бойнями во время реформаціи, во время крестьянскихъ войнъ, съ варѳоломеевскою ночью и драгонадами, то количество крови, пролитой въ сентябрьскіе дни 1792 года, совершенно ничтожно передъ тѣми рѣками крови, которыя выпущены изъ религіозной и политической демократіи во время этихъ катастрофъ.

Дѣйствіе демократическаго переворота было громадно. Теперь наступила полная перемѣна во всемъ. Разверзлась широкая и глубокая пропасть и совершенно отдѣлила новую Францію отъ всего, что еще осталось отъ старой Франціи. Революціонная демократія въ лицѣ парижской коммуны овладѣла Франціей и повергла въ страхъ и ужасъ враговъ новаго порядка. Истекая кровью, Франція ринулась въ борьбу съ Европой и французы, еще только-что съ дикой яростью истреблявшіе роялистовъ, массами умирали на границахъ за независимость своей родины.

* * *

Между тѣмъ, герцогъ Брауншвейгскій шелъ все дальше и дальше. Онъ уже соединился подъ Люксембургомъ съ австрійцами, подъ начальствомъ Клерфэ, и направился теперь на юго-западъ Франціи. Французскія войска вездѣ отступали. Тіонвилль и Ландавъ были окружены; 20-го августа завоеванъ Лонгви, 1-го сентября Клерфэ отбросилъ французовъ при Стенэ, а 2-го сентября сдался Верденъ, послѣ того какъ его комендантъ Бореперъ застрѣлился, желая избавить себя отъ позора сдачи города.

Теперь дорога въ Парижъ была открыта, и опасность, угрожавшая въ эти дни центру революціи, возрасла до крайнихъ предѣловъ. Но подобно тому, какъ въ сентябрьскіе дни былъ нанесенъ рѣшительный ударъ внутреннимъ врагамъ, такъ и теперь нашлись средства для защиты отъ враговъ внѣшнихъ. Дюмурье со своимъ войскомъ, поступившимъ подъ его начальство послѣ удаленія Лафайета, стоялъ далеко на сѣверѣ; было опасеніе, что герцогъ Брауншвейгскій перейдетъ Аргоннъ раньше, чѣмъ Дюмурье сможетъ загородить пруссакамъ дорогу къ Парижу. Но Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій былъ методичный тактикъ; поэтому онъ дѣйствовалъ столь медленно, что двигавшійся быстрыми переходами Дюмурье успѣлъ еще во-время смѣлыми маневрами и достигнуть Аргонии и занять ея проходы. Французскій генералъ считалъ дѣло уже выиграннымъ и писалъ военному министру Сервану: «Верденъ взятъ, но я жду пруссаковъ. Аргоньскіе проходы—Өермопилы Франціи, но я буду счастливѣе Леонида!...» Однако, пріобрѣтенныя выгоды отчасти были снова утрачены, когда рѣшительный Клерфэ съ австрійцами и эмигрантами взялъ приступомъ одинъ изъ аргоньскихъ проходовъ. Но дорога въ Парижъ была теперь преграждена Дюмурье, и если пруссаки хотѣли идти въ столицу, то имъ необходимо было дать сраженіе. Готовый ко всему, Дюмурье остановился при Сенъ-Менегульдѣ. Теперь онъ былъ бы вынужденъ принять сраженіе. Но герцогъ Брауншвейгскій самъ не хотѣлъ сраженія, и это было на руку Дюмурье, потому что исходъ битвы казался ему столь же сомнительнымъ, какъ и герцогу. Дюмурье хотѣлъ остановить движеніе пруссаковъ, чтобы продержать ихъ до зимы въ Шампани. Зимой здѣсь земля, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, превращается въ болото, и илистая, мѣловая почва съ глубокой грязью легко вызываетъ болѣзни у людей, непривычныхъ къ этому климату. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ переговоры съ пруссаками, об-

манывая ихъ обѣщаніемъ содѣйствовать возстановленію королевской власти. Можетъ быть, онъ серьезно уже подумывалъ объ этомъ. Но теперь онъ на всякій случай хотѣлъ выиграть время.

Между тѣмъ, пруссаки, не желая напрасно терять время, напали на одинъ корпусъ арміи Дюмурье, стоявшій при Вальми подъ начальствомъ генерала Келлермана. Келлерманъ густыми рядами солдатъ занялъ Вальмійскія высоты и пруссаки направили на это мѣсто сильный огонь изъ орудій. Французская артиллерія отвѣчала съ такой же энергіей, и герцогъ Брауншвейгскій, по настоянію прусскаго короля, находившагося при арміи, рѣшилъ взять Вальмійскія высоты приступомъ. Келлерманъ, увидѣвъ приближающихся пруссаковъ, выстроилъ пѣхоту, велѣлъ прекратить огонь, подпустить враговъ ближе и ударить на нихъ въ штыки. Онъ поднялъ на шпагѣ вверхъ свою шляпу и крикнулъ громкимъ голосомъ: «да здравствуетъ нація!». Этотъ лозунгъ оказался очень счастливымъ: воодушевленные защитники республики подхватили его, и онъ гуломъ разнесся по французскимъ рядамъ.

Пруссаки остолбенѣли; французы ударили въ штыки и энергично отбросили враговъ назадъ. Теперь снова началась канонада съ еще большей силой. «Была такая страшная пушечная пальба, какъ будто стрѣляли цѣлые взводы»,— говорилъ Гёте, находившійся при прусской арміи. Пруссаки отступали, подъ огнемъ своихъ же оружій. Одна прусская граната ударила во французскій пороховой ящикъ: послѣдовалъ взрывъ, разстроившій боевой порядокъ французовъ какъ разъ въ то время, когда Клерфэ шелъ съ австрійцами въ атаку. Но французы, уже привыкшіе къ огню, отстояли свою позицію. Канонада продолжалась до самаго вечера. Французы потеряли около 700 чел., пруссаки и австрійцы—нѣсколькими сотнями больше.

Канонада при Вальми не была сама по себѣ крупнымъ военнымъ дѣломъ но она произвела громадное дѣйствіе. Республика получила здѣсь крещеніе огнемъ непріятельскихъ орудій. Молодые солдаты республиканской Франціи держали себя здѣсь, точно посѣдѣвшіе въ бояхъ ветераны: клики: «да здраствуетъ нація!» выражали ихъ страстное воодушевленіе. Вальми подѣйствовало на Францію, какъ побѣда.

Враждебныя войска стояли неподвижно другъ противъ друга; Дюмурье продолжалъ свои переговоры, и, наконецъ, пруссаковъ застигли въ негостепріимной Шампани всѣ бѣдствія зимы. Прусскіе полки, быстро таяли отъ заразительныхъ бо-

лѣзней и въ виду этого черезъ десять дней послѣ стычки при Вальми герцогъ Брауншвейгскій началъ свое отступленіе къ Рейну, между тѣмъ какъ Клерфэ направился на сѣверъ. Лонгви и Верденъ снова перешли въ руки французовъ.

Келлерманъ, нѣмецъ изъ Франконіи, получившій впослѣдствіи отъ Наполеона титулъ герцога Вальмійскаго, ни однимъ изъ своихъ военныхъ дѣлъ не гордился такъ, какъ канонадой при Вальми.

Парижъ былъ спасенъ отъ вторженія союзниковъ. Прусскіе и австрійскіе дворяне, еще утромъ 20-го сентября собиравшіеся, какъ выражается Гете, „переколоть и съѣсть всѣхъ французовъ", были изумлены: «дѣло осталось въ такомъ положеніи, какъ будто ничего и не было». Они не могли понять такого оборота дѣла и вечеромъ послѣ стычки молча сидѣли вокругъ сторожеваго костра. Лишь одинъ изъ присутствовавшихъ понялъ все значеніе этого всемірно-историческаго момента. Гёте, когда его спросили, что онъ думаетъ объ этомъ событіи, сказалъ:

«Здѣсь и въ этотъ день начинается новая эпоха всемірной исторіи, и вы можете сказать, что были при ея началѣ».

Веймарскій философъ понялъ громы вальмійской канонады.

Даръ слезъ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Продолженіе*) [1].

Онъ лежалъ подъ кустомъ ароматныхъ розъ яркопунцоваго цвѣта и густой запахъ ихъ кружилъ ему голову. Надъ нимъ точно раскинулся розовый пологъ цвѣтовъ, а по сторонамъ воздвигались стѣны изъ цѣломудренныхъ лилій и мрачно-траурныхъ ирисовъ.

Воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ; въ роскошномъ саду необыкновенныя птицы пѣли необыкновенныя пѣсни. И звуки странно смѣшивались съ запахами, и каждая частица благоуханія, и каждый отдѣльный звукъ пѣсни входили въ душу Евагрія и точно вызывали изъ тьмы ея давно заснувшія, давно погребенныя на днѣ ея страсти.

И грозными призраками вставали въ душѣ его эти страсти. Онѣ терзали его, мучили его, не давали ему покоя. И по мѣрѣ того, какъ онѣ росли въ немъ, онъ чувствовалъ, что его холодная застывшая кровь оживаетъ, теплѣетъ, огнемъ разливается по его жиламъ.

Въ вискахъ его стучитъ, голова кружится, сердце бьется сильно, такъ сильно, что онъ слышитъ біеніе его. Немощи, слабости, боли исчезаютъ. Мускулы его крѣпнутъ, ноги ощущаютъ потребность ходить. Онъ встаетъ. Цвѣты тѣсными хорами окружаютъ его.

Что-то блеснуло между ними яркой голубой полоской.

Онъ идетъ къ этой лазурной полосѣ. Это—озеро. И вотъ онъ смотрится въ него и видитъ въ немъ себя и не узнаетъ себя. Темныхъ рубищъ уже нѣтъ на немъ. На плечахъ его — яркія ткани. Серебристая борода его почернѣла, спина выпрямилась, глаза пріобрѣли блескъ, кожа на лицѣ—румянецъ, губы заалѣли.

Ветхій человѣкъ покидалъ его. Онъ дѣлался юношей, и въ душѣ его закипали страсти.

Весь садъ наполнился звуками.

И вотъ онъ увидѣлъ, какъ изъ кустовъ выходили—дѣвы: изъ-за кустовъ лилій — красавицы съ бѣлокурыми волосами, изъ-за кустовъ ирисовъ—красавицы съ волосами черными, какъ ночь, изъ-за кустовъ розъ — красавицы съ волосами красными, какъ свѣтъ заходящаго солнца.

И всѣ онѣ соединились руками въ хороводы и окружили его и начали вокругъ него сладострастные танцы.

— Мы дѣвы нѣжной любви,—пѣли красавицы съ бѣлокурыми волосами,—мы служимъ Венерѣ, нашей богинѣ. Горе тому чело-

---

[1] См. № 1, 2, 3, 4 и 5.

вѣку, который пренебрегаетъ любовью. Онъ не знаетъ радостей жизни, радостей бытія. Венера жестоко мститъ за себя.

— Мы—дѣвы страстной любви—пѣли красавицы съ черными волосами.—Любовь наша мимолетна, какъ пламень, и жгуча, какъ огонь. Бурею проносится она по мужскимъ сердцамъ, сокрушаетъ, сжигаетъ въ нихъ все нѣжное и доброе. Страсть сильна и послѣ себя оставляетъ пепелъ — холодный сѣрый пепелъ. И человѣкъ, испытавшій страсть—счастливъ на всю жизнь, потому что живетъ до послѣдняго дня—воспоминаніями.

Любовь наша зажигаетъ въ человѣкѣ самую сильную страсть пѣли красавицы съ огненными волосами. Кто робокъ душою, кто боится грѣха — тотъ долженъ бѣжать отъ насъ. Кто смѣлъ, кто ничего не боится, тотъ пусть приблизится къ намъ. Мы дадимъ ему такое опьяняющее блаженство, мы внушимъ ему такую умопомрачающую страсть, что онъ придетъ въ изступленіе и не будетъ знать, на небѣ онъ или на землѣ.

Такъ пѣли онѣ, и Евагрію казалось, что голова его кружится, что онъ теряетъ сознаніе, что онъ сейчасъ упадетъ на землю. Когда пѣли бѣлокурыя дѣвы—сердце его сладостно замирало, и ему хотѣлось любить, нѣжно, сладко любить, любить на всю жизнь.

Когда же пѣли дѣвы съ черными волосами, ему хотѣлось извѣдать ту жгучую страсть любви, о которой онѣ говорили. Сердце его мучительно билось.

Но, когда пѣли дѣвы съ огненными волосами, то онъ почти терялъ сознаніе отъ овладѣвавшаго имъ чувства.

И вдругъ всѣ эти дѣвы смолкли и зашептали:

— Тише... тише... поведемъ его къ свѣтлому озеру и покажемъ ему нашу царицу.

Онѣ повели его къ лазурному озеру.

Дѣвы пали ницъ. Все смолкло вокругъ. Листья трепетно зашелестѣли, птицы забили крыльями и попрятались въ кусты; цвѣты завяли и потеряли свою окраску. Небо потемнѣло, а съ нимъ вмѣстѣ потемнѣла и лазурь озера. По поверхности его забѣгали волны, съ косматыми бѣлыми гребнями.

Вода всколыхалась.

Изъ средины озера выходила женщина, необыкновенной, невиданной красоты. Евагрій палъ ницъ передъ нею.

Ей предшествовали другія дѣвы, тоже очаровательной наружности, но совершенно блѣднѣвшія передъ нею.

— Это ея слуги,—сказали ему тѣ, которыя привели его на берегъ озера.—Это - Порокъ; Преступленіе, Сладострастіе, Вожделѣніе, Сластолюбіе и Себялюбіе.

— А кто же она?—трепещущимъ голосомъ спросилъ Евагрій.

— Она—мать всѣхъ пороковъ и всѣхъ преступленій, какъ называютъ люди то, что мы привыкли называть наслажденіемъ и свободой. Поклонись ей, и ты познаешь всѣ радости жизни.

Евагрій поднялъ голову и робко взглянулъ на страшную повелительницу міра.

Онъ вскрикнулъ отъ неожиданности.

Передъ нимъ стояла Герміона, лишенная послѣдняго покрова, та заблудившаяся, которую онъ принялъ въ свою келію изъ милосердія, изъ состраданія, потому что такъ повелѣвалъ ему долгъ христіанина.

— Евагрій,—сказала она ему,—ты теперь знаешь, кого принялъ изъ пустыни въ свой вертепъ. Я—та, которой подвластны всѣ человѣческія страсти. Взгляни на меня: развѣ я не красива?

— Ты красавица,—пробормоталъ онъ.

— Развѣ не хороши мои волосы?

— Они похожи на волну моря.

— Развѣ не бѣла моя грудь?

— Она какъ пѣна морская.

— Развѣ холодомъ вѣетъ отъ дыханія моего?

— Отъ него вѣетъ зноемъ пустыни и благоуханіемъ цвѣтущаго сада.

— Развѣ въ глазахъ моихъ нѣтъ страсти?

— Они горятъ, какъ двѣ яркихъ звѣзды.

— Развѣ блѣдны уста мои?

— Они похожи на чашечку распустившейся розы.

Я пришла, чтобы низложить тебя, чтобы заставить тебя пасть въ прахъ у моихъ бѣломраморныхъ ногъ. Вотъ я здѣсь, передъ тобою. Люби меня. Отрекись отъ своей прошлой жизни. Я сдѣлаю тебя на вѣки рабомъ своимъ. Развѣ этого тебѣ мало? Ты познаешь страсть и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душу твою снизойдетъ чувство снисхожденія къ тѣмъ людямъ, которыхъ я низложила раньше тебя... Что же ты медлишь?

Она подходила къ нему, онъ терялъ сознаніе. Какъ будто черная завѣса опускалась на его глаза. Сердце мучительно замирало и переставало биться. Колѣни его тряслись, и онъ чувствовалъ, какъ они подгибались, и онъ готовъ былъ упасть на землю.

* * *

И вдругъ все исчезло. И цвѣтущій садъ, и озеро, и дѣвы.

Евагрій обернулся.

Онъ увидѣлъ себя на томъ же мѣстѣ, стоявшимъ на колѣняхъ передъ образомъ. Онъ понялъ, что это было видѣніе, пришедшее къ нему, въ то время какъ тонкій сонъ овладѣлъ имъ.

Но передъ нимъ, дѣйствительно, стояла Герміона, почти обнаженная, величественная и красивая.

— Я жду, Евагрій,—сказала она.

Онъ ничего не отвѣтилъ и попробовалъ перекреститься.

— Господи, — пронеслось у него въ головѣ, — у меня нѣтъ силъ произнести молитву. Душа моя побѣждена. Искушеніе терзаетъ меня. Вотъ эта дѣва низложитъ меня сейчасъ, и паденіе мое совершится. Господи, не введи меня во искушеніе, но избави меня отъ лукаваго.

Онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ новыхъ силъ.

— Путь врага тьма,—сказалъ онъ себѣ,—а Сынъ Божій—свѣтъ.

Съ этими словами онъ рѣшительно всталъ, гнѣвно взглянулъ

на Герміону, которая отступила на шагъ отъ него, подошелъ къ лампадѣ и возжегъ ее.

Но искушеніе все еще не покидало его, напротивъ, съ того момента, какъ онъ возжегъ лампаду и оно точно начинало ярче разгораться въ немъ.

Тогда, видя, что силы его вновь слабѣютъ и что его неудержимо тянетъ къ Герміонѣ, вернувшейся на свое ложе, онъ въ минуту рѣшительной борьбы и страшнаго отчаянья, сказалъ себѣ:

— Такъ какъ удовлетворяющіе искушеніямъ пойдутъ въ муку,—испытаю себя, могу ли выдержать огнь вѣчный.

Съ этими словами онъ наставилъ одинъ изъ пальцевъ руки на огонь лампады.

Палецъ началъ горѣть, но Евагрій не чувствовалъ боли по причинѣ необыкновеннаго воспламененія плотской страсти и до дневнаго разсвѣта сжегъ себѣ еще одинъ палецъ.

Герміона, лежа на своемъ мѣстѣ, сначала не видѣла, что онъ дѣлаетъ, но когда смрадъ сожигаемаго тѣла распространился по вертепу, она встала, пошла посмотрѣть и окаменѣла отъ ужаса.

— Евагрій! Евагрій! — душу раздирающимъ голосомъ закричала она. — Что ты дѣлаешь! Что ты дѣлаешь! Остановись... умоляю тебя!...

Но онъ не слушалъ ея и продолжалъ свое страшное дѣло.

Искушеніе начинало оставлять его, и онъ теперь почувствовалъ ужасную, невыносимую боль.

Что-то рухнуло сзади него.

Онъ, не оставляя своей казни, обернулся.

Это была Герміона, которая упала отъ ужаса безъ чувствъ на землю.

Въ дверь вертепа постучались.

Окончательно исцѣленный отъ брани, Евагрій отошелъ отъ огня лампады къ дверямъ и спокойно спросилъ:

— Кто тамъ?

— Отвори,—сказали ему снаружи.

Онъ отворилъ здоровой рукой дверь.

Это былъ Амонъ и его пріятель Геронтій.

Свѣтало. Свѣжій утренній воздухъ ворвался въ пещеру и освѣжилъ измученное лицо старца.

— Какъ здѣсь скверно пахнетъ! — проговорилъ Геронтій, затыкая носъ.

Лица у обоихъ были красныя и потныя. Оба всю ночь пили, ожидая возвращенія Герміоны и, не дождавшись ея, пришли за ней.

— Сюда ли мы попали? — спросилъ Амонъ, не будучи въ состояніи что-либо увидѣть въ темнотѣ пещеры.

— Ты ли старецъ Евагрій и твоя ли это пещера?—спросилъ Геронтій.

— Я Евагрій, и вертепъ этотъ мой,—отвѣтилъ отшельникъ.— Но что вамъ надо отъ меня, друзья мои?

— Приходила ли сюда поздно вечеромъ женщина?—спросилъ Амонъ.

— Приходила.

— Гдѣ же она?

— Вотъ она,—отвѣтилъ Евагрій, указывая на лежавшую безъ чувствъ на полу Герміону.

Амонъ нагнулся къ ней.

— Да, это — она, Геронтій, — проговорилъ онъ въ смущеніи. И, разглядѣвъ, наконецъ, ея блѣдное, какъ у мертвеца, лицо, онъ въ ужасѣ вскрикнулъ:—Старикъ! Она умерла! Ты убилъ ее!

Тогда Евагрій, раскрывъ малую мантію, въ которой онъ былъ, показалъ имъ свою искалѣченную руку.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—что мнѣ сдѣлала эта дщерь Діавола. Она сгубила пальцы мои. Но успокойтесь: я не убивалъ ея. Въ Писаніи сказано: „не воздавай Зломъ за Зло“. Она не умерла, а лежитъ безъ чувствъ.

Онъ подошелъ къ ней и, помолившись надъ нею, сказалъ ей:

— Герміона, встань... Проснись, приди въ себя и ступай съ миромъ. Богъ да проститъ тебѣ причиненное мнѣ тобою зло, какъ я прощаю тебя.

Герміона открыла глаза и застонала.

— Это мы, Герміона, твои друзья,—сказалъ, наклонившись къ ней, Геронтій.—Не бойся, мы здѣсь, съ тобою.

— Ахъ, — слабымъ голосомъ проговорила Герміона, — гдѣ я? Что со мною? Я чувствую слабость въ тѣлѣ и какъ будто сердцу моему нанесена рана. Что было здѣсь? О, уведите, уведите меня отсюда... Скорѣе и дальше... Я больна. Уведите меня скорѣе, я чувствую, какъ что-то новое овладѣваетъ душою моею... Какъ прежняя жизнь кажется мнѣ гнусной... Но я не хочу, не хочу... Я буду бороться!.. Я не хочу погибать въ монастырѣ въ лишеніяхъ и трудахъ! Я еще молода, я хочу жить, я хочу жить! Мнѣ страшны своды вертепа, и не я хочу погребсти себя подъ ихъ могильными плитами... Вонъ, вонъ отсюда, скорѣе, пока не поздно.

Она при помощи своихъ друзей съ трудомъ поднялась.

Но, вдругъ упавъ снова на землю, она распростерлась ницъ передъ старцемъ Евагріемъ и простонала:

— Прости меня, святой отшельникъ! Прости! Я хотѣла погубить тебя, но сама чуть не погибла... Но я не хочу!—опять закричала она. — Не хочу. Тѣнь вертепа, стѣны монастыря страшатъ меня!... Они будутъ преслѣдовать меня, какъ призраки...

Она быстро поднялась.

— Иди съ миромъ, дочь моя!—проговорилъ Евагрій. — И да наставитъ тебя Господь на путь правый, на путь спасенія!

Друзья вывели изъ вертепа ослабѣвшую духомъ и тѣломъ Герміону.

* * *

Старецъ Евагрій, проводивъ своихъ неожиданныхъ гостей, рѣшилъ тотчасъ же отправиться въ Верхній Египетъ, въ Скитъ къ старцу Аполлосу и разсказать ему о ночномъ происшествіи.

Старецъ Евагрій чувствовалъ ужасную боль въ пальцахъ. Но еще сильнѣе боль была въ душѣ его. Онъ мучился мыслью, что испытанія его еще не кончены; что, несмотря на труды и молитвы, которыя онъ принялъ на себя въ послѣднее время, брань его можетъ возобновиться.

И онъ рѣшилъ въ душѣ своей, что велико было его преступленіе, если Богъ такъ караетъ его.

Онъ пойдетъ къ старцу Аполлосу и будетъ униженно умолять его снять съ него брань и сотворить за него молитву.

Теперь онъ чувствовалъ въ сердцѣ своемъ любовь къ тому, кого онъ такъ жестоко изгналъ отъ себя. Теперь онъ понялъ, какъ ужасно долженъ былъ страдать Матой, ввергнутый въ искушеніе. Но Матой былъ не опытенъ и молодъ. Евагрій былъ опытенъ и старъ, и цѣлая долгая жизнь была за нимъ. И если онъ, старикъ, истомленный трудами и лишеніями пустынной жизни, чуть не былъ низложенъ первой женщиной, которую онъ послѣ долгихъ лѣтъ одиночества увидѣлъ передъ собою, то какъ же могъ удержаться отъ искушенія ученикъ его?

И ему вспомнились слова: „горе тому, кто погубитъ единаго изъ малыхъ сихъ".

Ужасъ объялъ его. Да, грѣхъ его великъ, и одному ему не замолить его.

Вотъ что подвинуло его идти къ старцу Аполлосу.

Когда онъ подходилъ къ Скиту, то увидѣлъ въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ главнаго монастыря множество отдѣльныхъ келій, въ которыхъ жили и молились отшельники.

Проходя мимо одной изъ нихъ, онъ вдругъ остановился пораженный ужасомъ: вокругъ нея было множество Демоновъ, принявшихъ видъ женщинъ и другіе разные соблазнительные образы.

Они говорили непотребности, насмѣхались, ликовали.

Старецъ Евагрій, вздохнувъ, сказалъ самъ себѣ:

— Этотъ братъ согрѣшилъ, какъ и я, и потому лукавые духи окружили его и имѣютъ его своимъ игралищемъ.

Онъ рѣшительно подошелъ къ келіи, постучался въ двери и вошелъ.

Увидѣвъ брата, одиноко и уныло сидящаго въ своей келіи, онъ сказалъ ему:

— Братъ! я имѣю скорбь; но вѣрую Богу моему, что Онъ избавитъ меня отъ скорби, если ты сотворишь молитву о мнѣ.

Отъ этихъ словъ братъ пришелъ въ умиленіе и сказалъ старцу Евагрію:

— Отецъ! Я недостоинъ молиться о тебѣ.

Но Евагрій началъ упрашивать его, говоря:

— Не уйду отъ тебя, доколѣ не дашь мнѣ слово творить по одной молитвѣ за меня каждую ночь.

Какъ ни уклонялся монахъ, но въ концѣ концовъ далъ требуемое слово.

Евагрій ушелъ, успокоившись. Ему казалось, что онъ ввелъ брата въ начало благоугодной жизни, и преподалъ ему совершеніе молитвъ при наступленіи каждой ночи.

— Онъ спасетъ себя, — подумалъ, уходя, Евагрій,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣ будетъ польза,—прибавилъ онъ мысленно.

И, дѣйствительно, въ первую же ночь, братъ всталъ и, согласно данному слову, совершилъ молитву о старцѣ Евагріи.

По окончаніи ея онъ умилился и сказалъ самъ себѣ:

— О, окаянная душа! О старцѣ ты сотворила молитву, а о себѣ почему не молишь Бога?

И немедленно сотворилъ и за себя одну молитву.

Между тѣмъ, старецъ Евагрій подходилъ къ монастырю.

Онъ засталъ Аполлоса въ келіи, въ которой великій старецъ жилъ вмѣстѣ съ другимъ братомъ.

Никогда, въ продолженіе долгихъ лѣтъ не возникало между ними никакихъ недоразумѣній и ни малѣйшаго неудовольствія.

Когда Евагрій входилъ въ келію, старецъ Аполлосъ говорилъ своему сожителю:

— Поссоримся и мы хотя однажды, какъ ссорятся между собою люди.

Но тотъ отвѣчалъ:

— Я вовсе не знаю, какимъ образомъ можетъ породиться между нами ссора.

Аполлосъ возразилъ ему:

— Попробуемъ такъ: вотъ я поставлю посреди насъ глиняную посуду и скажу: „она моя“, а ты скажи: „она не твоя—а моя“. Изъ этого родится споръ, а изъ спора—ссора.

Сговорившись такъ, они поставили посуду посреди себя.

Аполлосъ, принявъ сердитый видъ, сурово сказалъ:

— Она—моя.

Товарищъ его отвѣтилъ:

— А я полагаю, что она моя.

Аполлосъ опять возразилъ:

— Не твоя она, а моя.

Тогда братъ его, подумавъ нѣкоторое время, отвѣтилъ:

— А коли она твоя—такъ и возьми ее себѣ.

Аполлосъ засмѣялся и проговорилъ:

— Нѣтъ, и такимъ образомъ не можемъ достичь того, чтобы поссориться. Сердце, стяжавшее навыкъ къ смиренію—неспособно къ сварливости и ссорамъ—оно готово на всѣ уступки для избѣжанія суровости и ссоры.

Тутъ онъ, наконецъ, увидѣлъ Евагрія.

— Здравствуй, братъ мой!—сказалъ онъ ему.—Вотъ ты пришелъ ко мнѣ. Успокоилось ли сердце твое, побѣдилъ ли въ немъ суровость къ согрѣшившему брату твоему? Отступила ли отъ тебя брань?

— Такъ, отче! — смиренно проговорилъ Евагрій. — Не питаю больше злобы къ брату моему Матою! Возлюбилъ я его душою. Но брань еще долго терзала меня послѣ ухода твоего, и долго я былъ ею мучаемъ. Но прошлою ночью, мнѣ кажется, я побѣдилъ ее.

Онъ раскрылъ свою мантію и показалъ Аполлосу свою сожженную руку.

Аполлосъ сочувственно взглянулъ на него.

— Видишь, до чего доводитъ суровость сердца и малодушіе! Вотъ и ты испыталъ, что значитъ Демонское искушеніе. Впередъ будь снисходительнѣе къ искушаемымъ въ погибель отчаянья и не приводи ихъ въ смущеніе жестокими словами. Ихъ должно ободрять милостивымъ словомъ утѣшенія, послѣдуя заповѣданію премудрѣйшаго Соломона: „избави ведомыя на смерть, и искупи убиваемыхъ". Теперь окончилось это спасительное смотрѣніе, которымъ Богъ научилъ тебя состраданію ближнимъ и тому, сколько сильны могутъ быть вражескія искушенія. Умолимъ же Бога общими молитвами, чтобы Онъ повелѣлъ удержать бичъ, который благоволилъ употребить для душевной пользы твоей и чтобы Онъ угасилъ росою Святаго Духа Своего огненныя стрѣлы дьявола, которымъ попустилъ уязвить тебя, по моему ходатайству.

Они стали на молитву и долго, продолжительно молились.

По окончаніи молитвы, въ келію старца Аполлоса вошелъ монахъ и сказалъ ему:

— Отче! Тамъ, у дверей твоей келіи спрашиваютъ тебя нѣкіе люди.

Аполлосъ вышелъ къ требовавшимъ его, и одинъ изъ нихъ, приблизившись къ нему, сказалъ:

— Авва! выслушай нашу распрю и постанови свой правый судъ.

— Охотно, друзья мои, говорите. Если грѣшное сужденіе мое можетъ примирить васъ, я не откажусь отъ него. Однако, въ чемъ дѣло?

Тогда изъ нихъ, повидимому, старшій заговорилъ:

„— Мы братья, авва... Недавно всѣ мы трое отправились на жнитво и нанялись выжать пространство опредѣленной мѣры. Одинъ изъ насъ—вотъ этотъ—указалъ онъ на одного изъ своихъ спутниковъ, — съ перваго дня почувствовалъ себя больнымъ и возвратился въ домъ свой. Два изъ насъ остались жать.

„И сказали мы другъ другу:

„— Братъ, ты видишь, что третій братъ нашъ впалъ въ болѣзнь; воодушевись ревностью, воодушевлюсь ею и я, въ надеждѣ на Бога; за молитвы брата нашего немощнаго, вдвоемъ сдѣлаемъ дѣло, за которое взялись втроемъ. Выжнемъ участокъ. Такъ ли мы поступили, авва?

— Такъ, други мои,—отвѣтилъ Аполлосъ.

„— Когда такимъ образомъ мы выжали все пространство,— продолжалъ разсказчикъ,—которое обязались выжать, и пришли получать плату за труды свои, то пригласили заболѣвшаго брата, сказавъ ему:

„— Приди, братъ, получи плату за трудъ свой.

„Но онъ отвѣчалъ намъ:

„— Какую плату получать мнѣ, когда я не жалъ?

„Но мы сказали ему на это:

— Твоими молитвами совершена жатва: и такъ приди, получи плату.

„Вотъ изъ этого у насъ родился споръ.

„Онъ говорилъ:

„— Не возьму денегъ, потому что я не работалъ.

„Но мы не хотѣли успокоиться, если онъ не возьметъ своей части. Вотъ не согласившись, мы и пошли всѣ трое судиться къ тебѣ, великому старцу".

Аполлосъ возразилъ ему:

— Одинъ Богъ великъ, другъ мой! Я же, смиренный слуга его, смиреннѣйшій изъ смиренныхъ. Но вы хорошо сдѣлали, придя ко мнѣ. Вотъ и у меня сейчасъ не вышло ссоры, которую я затѣялъ съ своимъ братомъ. Не выходитъ она и у васъ. Что скажешь ты?—обратился онъ къ заболѣвшему юношѣ.

— Что скажу я, авва?—проговорилъ тотъ.— Дѣйствительно, мы нанялись втроемъ и пошли жать, но я заболѣлъ съ перваго же дня. Нынѣ они принуждаютъ меня, говоря: „братъ, приди получи плату за работу, которой я не работалъ".

Но тотъ, который разсказывалъ Аполлосу все дѣло, прервалъ своего брата:

— Точно,—сказалъ онъ,—мы пошли жать и взялись выжать пространство, которое намъ отмѣрили. Если бы мы жали и всѣ трое, то лишь съ великимъ трудомъ могли бы выжать такой участокъ; за молитвы же этого брата мы двое выжали его скорѣе, нежели могли бы выжать трое, почему и сказали ему: „приди получи слѣдующую тебѣ плату". А онъ не хочетъ и слышать объ этомъ.

Аполлосъ, внимательно выслушавъ обѣ стороны, удивился такому спору и сказалъ одному изъ монаховъ своихъ:

— Ударь въ било [1]), чтобы братія, находящіеся по келіямъ, сошлись всѣ сюда.

Когда монахи сошлись къ мѣсту неожиданнаго судьбища, Аполлосъ сказалъ имъ:

— Придите, братія, и услышьте судъ.

Потомъ онъ изложилъ имъ дѣло и присудилъ больнаго брата принять слѣдующую ему плату и употребить ее по своему усмотрѣнію.

Братъ не ослушался и принялъ отъ своихъ братьевъ плату тутъ же при Аполлосѣ.

И тогда всѣ трое поцѣловались и отправились по своимъ домамъ.

Но братъ, принявшій плату, ушелъ печальнымъ.

Онъ плакалъ, какъ бы совершено было надъ нимъ неправосудіе.

Аполлосъ возвратился въ келію свою, въ сопровожденіи Евагрія.

Евагрій, пришедшій въ умиленное настроеніе духа отъ всего видѣннаго и слышаннаго, сказалъ ему:

— Авва! Умъ мой начинаетъ просвѣтляться и душа моя видитъ многое, чего не видѣла раньше.

— Братъ мой?!—возразилъ ему Аполлосъ.—Душа требуетъ

---

[1]) Деревянная доска, въ которую ударяютъ палкою. Било замѣняло собою колокола въ пустыняхъ.

еще большаго попеченія и раденія, нежели тѣло. Но надо поступать по разуму, а не по одной только ревности. Вотъ я повѣдаю тебѣ слѣдующее истинное событіе: были два благочестивые мірянина; согласившись между собою, они приняли монашество. Прекрасно. Поревновавъ исполнить евангельское слово, по усердію, но не по разуму, они оскопили себя какъ бы ради Царствія Небеснаго. Архіепископъ, узнавъ объ этомъ, отлучилъ ихъ отъ церкви.

„Они, думая, что поступили хорошо, пришли въ негодованіе противъ него и сказали:

„— Мы ради Небеснаго Царства скопили себя, а онъ отлучилъ насъ! Пойдемъ въ Іерусалимъ! Будемъ просить суда у архіепископа Іерусалимскаго.

„Они отправились, представили дѣло на разсмотрѣніе архіепископу Іерусалимскому.

„— И я отлучаю васъ.

„Тогда они пошли еще къ другому и сказали ему:

„—Мы пришли къ тебѣ, потому что ты старшій всѣхъ.

„Онъ сказалъ имъ:

„— И я отлучаю васъ. Вы впали въ заблужденіе.

„Отлученные всѣми они пришли въ уныніе и сказали другъ другу.

„— Эти епископы стоятъ одинъ за другаго и согласны между собою, какъ имѣющіе нужду въ единеніи, чтобы удерживать за собою силу. Но пойдемъ къ человѣку Божію, нѣкоторому святому, извѣстному своей великой святостью и подвижнической жизнью. Онъ пророкъ и не пріемлетъ лица человѣческаго.

„Когда они приближались къ тому мѣсту, гдѣ святительствовалъ человѣкъ Божій, открыто было ему о нихъ. И онъ выслалъ имъ на встрѣчу сказать:

„— Не входите въ этотъ городъ.

„Тогда они возвратились къ себѣ и сказали:

„— По истинѣ виноваты мы. Затѣмъ же оправдываемъ себя? Положимъ, что тѣ отлучили насъ несправедливо, неужели поступилъ такъ и этотъ пророкъ? Вѣдь Богъ открылъ ему о насъ.

„И очень упрекали себя за сдѣланное ими.'

„Сердцевѣдецъ, увидя, что они искренне обвинили себя, открылъ объ этомъ святителю.

„Онъ опять послалъ къ нимъ, велѣлъ привести ихъ къ себѣ, утѣшилъ, принялъ въ общеніе. Написалъ онъ и къ архіепископу ихъ: „пріемли сыновъ твоихъ: потому что они принесли искреннее покаяніе". И они пошли и вступили въ лоно Церкви".

Аполлосъ закончилъ разсказъ свой и обратился къ Евагрію съ поученіемъ.

— Видишь ли, какъ опасно поступать сверхъ мѣры. Но если грѣшно и страшно оскопить тѣло свое, хоть бы по усердію, то сколь страшнѣе и ужаснѣе оскопить душу свою? Ибо душа, лишенная милосердія и снисхожденія къ ближнему, быстро сохнетъ и черствѣетъ и превращается въ оскопленную душу. И такая душа легко побѣждается Діаволомъ. А Діаволы особенно стерегутъ мо-

нашескія души. И за каждую монашескую душу, увлеченную Діаволомъ, увлекшій ее получаетъ богатое вознагражденіе.

— Какъ это?—спросилъ Евагрій, съ увлеченіемъ слушавшій Аполлоса.

— Вотъ видишь ли,—проговорилъ Аполлосъ, принимаясь за новый разсказъ,—сказывалъ о себѣ одинъ изъ Ѳиваидскихъ старцевъ, что онъ—сынъ жреца идольскаго. Бывъ дитятею, онъ сиживалъ въ капищѣ и видѣлъ отца своего приносящаго жертвы идоламъ.

„Однажды, послѣ того, какъ отецъ вышелъ изъ храма, сынъ вошелъ тайно въ храмъ и увидѣлъ тамъ Сатану.

„Сатана сидѣлъ на тронѣ: многочисленное воинство предстояло ему. И вотъ! Приходитъ одинъ изъ князей его, поклоняется ему.

„Сатана спросилъ его:

„— Откуда ты?

„Онъ отвѣчалъ:

„— Я былъ въ такой-то странѣ, возбудилъ тамъ войну и большое смятеніе, произвелъ кровопролитіе и пришелъ возвѣстить тебѣ.

„Сатана спросилъ:

„— Во сколько времени сдѣлалъ ты это?

„Князь отвѣчалъ:

„— Въ тридцать дней.

„Сатана велѣлъ бить его бичами, сказавъ:

„— Только-то ты и сдѣлалъ въ такое продолжительное время!

„И вотъ другой пришелъ и поклонился ему, и Сатана спросилъ его:

„— Откуда ты?

„Демонъ отвѣчалъ:

„— Я былъ въ морѣ, воздвигъ бурю, потопилъ корабли, умертвилъ множество людей и пришелъ возвѣстить тебѣ.

„Сатана спросилъ:

„—Во сколько времени сдѣлалъ ты это?

„Демонъ отвѣчалъ:

„—Въ двадцать дней.

„Сатана повелѣлъ и этого бить бичами, сказавъ:

„—Почему ты въ столько дней сдѣлалъ такъ мало?

„И третій пришелъ и поклонился ему. И этому онъ сказалъ:

„—Ты откуда?

„Демонъ отвѣчалъ:

„—Я былъ въ такомъ-то селеніи. Тамъ праздновалась свадьба. Я возбудилъ ссоры и произвелъ большое кровопролитіе; сверхъ того убилъ самого жениха и пришелъ возвѣстить тебѣ.

„—Во сколько дней сдѣлалъ ты это?

„—Въ десять.

„Сатана повелѣлъ и этого, какъ дѣйствовавшаго нерѣвностно, бить бичами:

„И еще одинъ Демонъ пришелъ поклониться ему

„Сатана спросилъ:

„—Откуда?

„Демонъ отвѣчалъ:

„—Изъ пустыни. Исполнилось сорокъ лѣтъ, какъ тамъ борюсь съ однимъ изъ монаховъ и едва одержалъ надъ нимъ побѣду: ввергъ его этою ночью въ любодѣяніе.

„Сатана, услышавъ это, всталъ съ трона, началъ лобызать Демона, снявъ съ себя царскій вѣнецъ, который былъ на главѣ его, возложилъ на голову Демона, посадилъ его возлѣ себя на престолъ, сказавъ ему:

„—Ты совершилъ великое и славное дѣло.

„Увидѣвъ и услышавъ это, сынъ жреца сказалъ себѣ: „чинъ монашескій, должно быть, имѣетъ великое значеніе".

„И онъ принялъ христіанство и вступилъ въ монашество".

Евагрій внимательно выслушалъ этотъ новый разсказъ Аполлоса. Ему сдѣлалось жутко, при мысли, что и онъ чуть не погибъ отъ дьявольскихъ стрѣлъ искушенія.

— Какъ же,—укоризненно сказалъ онъ Аполлосу,—зная такія послѣдствія искушенія, ты умолилъ Бога послать его на меня?

Аполлосъ улыбнулся.

— Братъ мой!—возразилъ онъ.—Я неустанно молился все время, чтобы искушеніе не вовсе овладѣло тобою. Какъ видишь, Богъ услышалъ и эту молитву мою.

— Авва!—проговорилъ Евагрій.—Благодарю Господа, ниспославшаго мнѣ урокъ. Но развѣ я виноватъ, что всю долгую жизнь свою страстно ненавидѣлъ грѣхъ и въ особенности грѣшниковъ?

— Ненависть—грѣхъ,—быстро отвѣтилъ ему Аполлосъ,—но снисходи и сожалѣй грѣшниковъ. Надо любить грѣшниковъ и не бояться жить среди нихъ, ибо истинный подвигъ въ томъ, чтобы не только себя спасать, но спасать и своихъ ближнихъ, впавшихъ въ грѣхъ. За что ненавидѣть ихъ? О нихъ можно сожалѣть и сокрушенно плакать. Слушай еще, если не надоѣлъ я тебѣ своими разсказами...

— Я для того пришелъ къ тебѣ, авва, чтобы ты смягчилъ мою душу.

— Слушай же: епископу нѣкотораго города возвѣстили, что изъ числа замужнихъ женъ-христіанокъ двѣ ведутъ развратную жизнь.

„Опечалило епископа это извѣстіе; подозрѣвая, что, можетъ быть, и другія ведутъ себя подобнымъ образомъ, онъ обратился съ молитвою къ Богу, прося разрѣшенія недоумѣнія, чего и удостоился.

„Послѣ божественнаго страшнаго жертвоприношенія, когда присутствующіе приступали одинъ за другимъ къ принятію святыхъ тайнъ, епископъ видѣлъ на лицѣ каждаго состояніе души его, какимъ она подвержена грѣхамъ.

„Лица грѣшныхъ мужей видѣлъ онъ черными, какъ-бы выгорѣвшими отъ зноя; глаза у нихъ были красные, кровавые. У другихъ людей лица были свѣтлыя, а одежды яркой бѣлизны.

„Тѣло Господа однихъ, принимавшихъ Его, сожигало и опаляло; другихъ просвѣщало, содѣлывало подобными свѣту: входя въ уста, оно разливало свѣтъ по всему тѣлу.

„Между этими мужами были и пустынножители и проводившіе жизнь супружескую. Послѣ мужчинъ начали приступать женщины. И между ними увидѣлъ епископъ однѣхъ съ черными лицами, съ красными, кровавыми глазами, другихъ съ лицами бѣлыми и свѣтлыми.

„Между прочими женщинами подошли и тѣ двѣ, которыя были обвинены передъ епископомъ: тѣмъ большее обратилъ онъ на нихъ вниманіе

„Онъ увидѣлъ, что онѣ приступаютъ къ святому таинству съ свѣтлыми и честными лицами, облеченныя въ мантіи необыкновенной бѣлизны.

„Когда онѣ сдѣлались причастницами таинства Христова, то какъ бы освѣтилъ ихъ свѣтъ.

„Снова обратился епископъ къ молитвѣ, умоляя Бога объ объясненіи показаннаго ему въ откровеніи.

„Ему предсталъ ангелъ Божій и повелѣлъ обо всемъ предложить вопросы. Святый епископъ немедленно спросилъ о двухъ женщинахъ, справедливо ли или несправедливо онѣ были обвинены.

„Ангелъ отвѣчалъ, что все, сказанное о нихъ, сказано вѣрно. Тогда епископъ возразилъ ангелу:

„—Какимъ же образомъ, когда онѣ причащались тѣла Христова, лица ихъ сіяли, на нихъ самихъ были бѣлыя мантіи и отъ всего образа ихъ исходилъ не малый свѣтъ?

„Ангелъ сказалъ:

„—По той причинѣ, что онѣ раскаялись въ поступкахъ своихъ и отступили отъ нихъ: онѣ, посредствомъ слезъ, воздыханій и исповѣди, содѣлались достойными Божественнаго дара; въ добавокъ дали обѣщаніе, если получатъ прощеніе въ прежнихъ грѣхахъ, никогда не позволять себѣ порочнаго поведенія. За это онѣ удостоились Божественнаго измѣненія, разрѣшены отъ грѣховъ...

„Отселѣ обѣ женщины живутъ воздержно, благочестно и праведно.

„Епископъ удивлялся не столько измѣненію женъ—это случается со многими, въ наше время, на зарѣ Новой Истины,—сколько дару отъ Бога, который не только избавилъ ихъ отъ вѣчной муки, но даже сподобилъ благодати.

„Ангелъ возразилъ епископу:

„—Справедливо удивляешься, какъ человѣкъ! Но Господь и Богъ нашъ и вашъ, по естеству Своему,—благъ и милосердъ. Онъ оставляющихъ свои грѣховныя дѣянія не только избавляетъ отъ вѣчныхъ мукъ, но и удостоиваетъ почестей. Такъ Богъ возлюбилъ міръ, что Сына Своего Единороднаго далъ за него. Знай,—прибавилъ ангелъ нарочито внушительно, — что *никакія* согрѣшенія человѣческія не побѣждаютъ милосердія Божія, если только человѣки, посредствомъ покаянія, очистятъ прежде содѣянные

грѣхи добрыми дѣлами. Преблагій Богъ знаетъ немощи вашего рода, крѣпость страстей, силу и хитрость дьявола. Когда человѣки обращаются къ Нему Всеблагому и молятъ о благодати Его, Онъ снисходитъ какъ къ немощнымъ, разрѣшаетъ мученія ихъ и даруетъ блага, приготовленныя праведнымъ.

„Епископъ опять сказалъ ангелу:

„— Прошу тебя: объясни мнѣ и значеніе различныхъ видовъ, которые принимаются лицами, согрѣшающими различно, чтобы я, узнавъ это, вполнѣ освободился отъ невѣдѣнія.

„Ангелъ сказалъ ему:

„— Тѣ, у которыхъ лица свѣтлы и радостны, живутъ въ воздержаніи, чистотѣ и правдѣ, скромны, сострадательны и милосердны. Тѣ же, у которыхъ лица черны—преданы любодѣянію и прочимъ беззаконіямъ. Тѣ, у которыхъ глаза красны и кровавы, живутъ въ злобѣ и неправдѣ, любятъ обманывать, лукавствовать, хулители и человѣкоубійцы.

„Ангелъ присовокупилъ:

„— Помогай тѣмъ, которымъ желаешь спасенія. Для того именно удостоена услышанія молитва твоя, чтобы, просвѣщенный видѣніемъ, ты объяснялъ ученикамъ твоимъ—грѣхи, чтобы исправлялъ ихъ наставленіями и увѣщаніями. Когда они будутъ приносить покаяніе и обращаться къ Богу,—получатъ они спасеніе душамъ своимъ и обиліе будущихъ благъ. Ты же, подражая Господу своему, Который оставилъ небо и сошелъ на землю для спасенія рода людскаго, получишь величайшую награду".

Такъ кончилъ свой длинный и обстоятельный разсказъ авва Аполлосъ.

Старецъ Евагрій сокрушенно слушалъ его.

Да, именно такъ надо поступать умудренному благодатію Божіею. И именно онъ, проживній всю жизнь въ пустынѣ, поступалъ не такъ.

Всю свою долгую жизнь онъ провелъ въ заботахъ о спасеніи своей души, не думая о спасеніи душъ ближнихъ. Развѣ не исповѣдывалъ онъ, подъ видомъ великаго христіанскаго ученія, религію эгоизма, осужденную Христомъ и составляющую главную силу Діавола?

— Поди,—сказалъ ему Аполлосъ,—вернись къ себѣ въ пустыню. Молись усердно и сокрушайся о своемъ нерадѣніи ко благу и чистотѣ ближняго. Господь наказалъ тебя за это нерадѣніе. И когда душа твоя умягчится и познаетъ силу несокрушимой любви къ ближнему, ступай въ городъ и вырви ученика своего изъ цѣпкихъ рукъ грѣха и соблазна. Только снисхожденіемъ и любовью можно спасти человѣческую душу, тронутую грѣхомъ. Суровостью и жестокостью можно только озлобить ее. А озлобленіе—преддверіе паденія. Не запрещай веселости и смѣха. Смѣхъ бодритъ душу и похожъ на яркій лучъ весенняго солнца, освѣщающій человѣческую душу. Не всякому данъ даръ плача. И если улыбка—весенній лучъ, то слезы — благодатный весенній дождь для души, освѣжающій слишкомъ сухую почву. Но какъ не можетъ вѣчно свѣжить солнце, такъ не можетъ вѣчно идти

дождь. И дождь является только послѣ многихъ дней засухи. Не такъ ли, авва?

— Такъ, отче.

— Чѣмъ больше свѣтитъ солнце, тѣмъ обильнѣе идетъ дождь. Требовать отъ юнаго существа только слезъ такъ же неестественно, какъ требовать весною ежедневнаго и продолжительнаго дождя. Какъ старому человѣку естественно плакать, такъ молодому смѣяться. Въ этомъ нѣтъ грѣха, и вы, старцы и пустынники, напрасно пугаете души юношей, запрещая имъ смѣхъ. Ибо смѣхъ вложенъ въ человѣка, какъ и слезы, никѣмъ инымъ, какъ нашимъ Создателемъ.

* * *

Старецъ Евагрій покинулъ авву Аполлоса съ облегченной душой и совѣстью.

„Справедливо пользуется авва Аполлосъ такой славой и любовью",—думалъ онъ, идя къ себѣ въ пустыню.

Только послѣднія слова аввы смущали его и никакъ не укладывались въ его зачерствѣвшей старческой душѣ. Онъ всегда запрещалъ ученику своему смѣяться, находя, что смѣхъ тѣшитъ Діавола.

И самъ онъ, проживъ до глубокой старости, не помнилъ, чтобы когда-нибудь смѣхъ осквернилъ его душу.

— Вотъ плачъ, кому этотъ даръ дарованъ Господомъ, дѣйствительно составляетъ цѣлительное средство для души,—не могъ удержаться онъ, чтобы не прошептать этихъ словъ, которыми онъ осуждалъ новшество, проповѣдуемое Аполлосомъ.

Но душа Евагрія наполнялась теплымъ чувствомъ, несмотря на его размышленія.

Ему вдругъ неудержимо захотѣлось увидѣть и обнять своего ученика. И при мысли о томъ, что въ его келіи опять могъ бы жить Матой, радостная улыбка освѣщала его лицо.

— Матой, Матой!—прошепталъ онъ.—Милый юноша, котораго люблю, какъ сына... вернись, вернись ко мнѣ и прости все зло, которое я тебѣ сдѣлалъ, по черствости души моей и по суровости сердца моего.

И ему предоставилось, какъ онъ возвращаетъ къ прежней жизни „блуднаго сына". Какъ онъ встрѣтитъ его у порога вертепа своего и обниметъ его, и приласкаетъ, и накормитъ. Жить ему осталось ужъ недолго, и развѣ не счастье знать, что можно умереть на рукахъ любимаго человѣка, который закроетъ тебѣ вѣжды, уснувшія вѣчнымъ сномъ отдохновенія.

Ему вспомнился юноша. Ему вспомнились дѣтскіе годы Матоя, котораго онъ вызвалъ изъ прежней обстановки, изъ рукъ этого грѣшнаго города, изъ этой языческой и развратной атмосферы; котораго онъ воспитывалъ какъ сына и въ концѣ концовъ такъ жестоко ввергъ въ то состояніе, въ которомъ тотъ родился.

Но теперь онъ былъ увѣренъ, что вернетъ себѣ Матоя и уже—навсегда.

Онъ такъ живо представилъ себѣ радостную картину встрѣчи! Вотъ онъ придетъ къ Матою въ городъ, отыщетъ его и, при видѣ старца, лицо юноши запылаетъ отъ радости, и онъ падетъ къ ногамъ своего духовнаго отца и скажетъ:

— Авва, авва, прости меня, возьми меня отсюда!

И онъ возразитъ юношѣ:

— Не я тебя долженъ прощать, а ты меня. Но теперь все кончено, сынъ мой возлюбленный. Идемъ туда, гдѣ мы провели съ тобою столько лѣтъ, гдѣ познали столько тихаго безмятежнаго счастья и такъ мало горя.

И юноша, обрадованный, бросается ему на шею, и оба, счастливые, довольные, спокойные, возвращаются въ пустыню.

При этой мысли на уста старца легла радостная улыбка, и онъ тихо разсмѣялся.

И вдругъ онъ остановился въ испугѣ.

Смѣхъ впервые посѣтилъ его.

Это было дотого неожиданно, дотого странно, что Евагрій не могъ придти въ себя. Онъ ли это смѣялся? Или смѣхъ раздался поблизости? Нѣтъ нѣтъ, это—онъ, несомнѣнно онъ, вотъ еще губы его не распрямились и все еще улыбаются.

По старой привычкѣ онъ хотѣлъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, какъ бы ограждаясь отъ дьявольскаго наважденія.

Но потомъ подумалъ и рѣшилъ, пристально изслѣдовавъ душу свою, что въ этомъ смѣхѣ, вызванномъ радостью при мысли о возвращеніи на правый путь грѣшника,—нѣтъ и не можетъ быть ничего преступнаго.

— А вѣдь и то!—проговорилъ онъ, мало-по-малу приходя въ себя отъ изумленія,—видно, святый Аполлосъ правъ, что и смѣхъ такъ же необходимъ, какъ плачъ! Вонъ какъ свѣтло и отрадно стало на душѣ у меня! И никогда еще не ощущалъ я такого свѣтлаго чувства.

Потомъ, подумавъ немного, онъ продолжалъ, громко размышляя:

— Да, для души, не вѣдавшей смѣха,—сей послѣдній является истинною радостью. Но я такъ полагаю, что для души, никогда не вѣдавшей плача, слезы должны быть такъ же отрадны, какъ мнѣ—улыбка. И думается мнѣ, что Матой, никогда не проронившій слезинки, почувствовалъ бы большое облегченіе и радость, если бы могъ заплакать и если бы Господь даровалъ ему даръ Плача. Но что могло бы его заставить заплакать?

Тщетно искалъ онъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ не находилъ его.

И опять его мысли, отвлеченныя отъ суровыхъ пустынныхъ думъ, неожиданнымъ событіемъ, случившимся съ нимъ, съ прежней, привычной силой вернулись къ разсужденію о подвигѣ, плачѣ, покаяніи и молитвѣ.

Уныло продолжалъ онъ путь свой.

* * *

Къ вечеру подошелъ онъ къ келіи того брата, котораго искушали соблазнительные образы Демоновъ и котораго онъ просилъ молиться о себѣ.

Теперь Евагрій, всмотрѣвшись въ тьму, распространенную наступавшимъ вечеромъ, опять увидѣлъ около келіи брата Демоновъ, но они стояли уже повѣся головы, не дѣлали непристойныхъ тѣлодвиженій и казались скучными.

Старецъ понялъ, что молитва брата привела въ скорбь бѣсовъ. Онъ вошелъ къ брату и попросился переночевать у него.

— Молился ли ты за меня?—спросилъ онъ у него.

— Молился, авва... и послѣ молитвы о тебѣ присоединялъ о себѣ, побѣдивъ свою лѣнь.

— Умоляю тебя,—сказалъ ему Евагрій,—не положи себѣ въ трудъ присовокупить къ первой молитвѣ обо мнѣ и вторую.

Братъ, не будучи въ состояніи отказать гостю, согласился и на эту просьбу, но, будучи лѣнивымъ, согласился на это съ малою охотою.

Однако, тутъ же, среди ночи, всталъ онъ и дважды помолился о старцѣ.

И опять смирившись сказалъ самъ себѣ:

— О, окаянная душа. Приложи и за себя другую молитву.

Онъ помолился дважды и за себя. Такимъ образомъ онъ совершилъ четыре молитвы.

Старецъ Евагрій вышелъ изъ келіи и увидѣлъ бѣсовъ унылыми и молчащими.

Возблагодаривъ Бога, онъ вошелъ къ брату и сказалъ ему:

— Братъ! Сердечно благодарю тебя за твои молитвы, но чувствую, что скорбь моя, хотя и уменьшилась, все еще сильна. Умоляю тебя приложи еще одну молитву за меня.

— Но теперь уже ночь, авва!—пробовалъ возразить ему инокъ.

— Потрудись для меня, братъ мой!—умолялъ его Евагрій.

Инокъ всталъ съ своего ложа и сотворилъ три молитвы за гостя.

И, опять умилившись, прочиталъ и за себя три молитвы.

Евагрій опять вышелъ изъ келіи и увидѣлъ бѣсовъ гнѣвныхъ и злобныхъ. Они собирались уходить отъ келіи и, когда Евагрій началъ молиться, то они обратились въ бѣгство.

Тогда старецъ вошелъ въ келію и училъ брата не лѣниться, но непрестанно молиться Богу.

И Евагрій чувствовалъ, уходя на утро изъ келіи пріютившаго его брата, что въ прежнее время онъ не поступилъ бы такъ, какъ поступилъ въ этотъ разъ.

Онъ бы обрушился на лѣниваго брата съ укорами, нравоученіями и угрозами. Онъ бы нарисовалъ ему мрачную картину его паденія. И чего бы онъ добился? Быть можетъ, озлобилъ бы душу монаха, повергъ бы ее въ отчаяніе, направилъ бы его на ложный путь, какъ онъ сдѣлалъ это съ Матоемъ.

Но вотъ, очевидно, сердце его смягчилось, подъ вліяніемъ разумныхъ и сердечныхъ словъ аввы Аполлоса.

И опять онъ радостно улыбнулся, и улыбка эта уже не испугала его и не повергла въ смущеніе

Придя, наконецъ, въ свой вертепъ, онъ рѣшилъ отдохнуть

съ недѣлю отъ этого труднаго путешествія, совершеннаго имъ въ Верхній Египетъ, къ аввѣ Аполлосу, и затѣмъ, отдохнувши, пуститься въ новый путь, въ городъ, къ Матою, чтобы вернуть его ласковымъ словомъ къ прежней достойной жизни.

Раньше двинуться въ путь онъ не могъ бы, по причинѣ физической усталости.

— А вдругъ Матой навсегда погибъ для блаженной жизни?— въ страхѣ прошепталъ Евагрій, и сердце его замерло отъ ужаса.

VI.

Герміона вернулась въ городъ совершенно больной.

То, что она видѣла въ пустынѣ, до того поразило ея воображеніе, что она долго не могла придти въ себя.

Извѣстіе о смерти Зенона ее поразило еще больше. Какъ! Она оставила его почти здоровымъ, и его уже нѣтъ болѣе въ живыхъ! Но онъ ни на что не жаловался, кромѣ какъ на легкое нездоровье— и вотъ онъ умеръ!

Она пошла къ нему въ домъ, надѣясь увидѣть останки его, но Зенонъ умеръ отъ какой-то странной болѣзни, и его поспѣшили похоронить.

Она разспрашивала у слугъ подробности болѣзни своего друга.

Они сказали ей, что по городу давно уже ходятъ темные слухи о какой-то новой необыкновенной болѣзни, первые признаки которой обнаружились у жителей портовой слободки; тѣло распухало, вскакивали пузыри, черезъ день или два синѣвшіе и вскрывавшіеся. Оттуда вытекала темная, зловонная жидкость, и затѣмъ тѣло покрывалось язвами и струпьями.

Повидимому, болѣзнь привезли изъ какой-нибудь далекой чужой страны, такъ какъ ее до сихъ поръ не знали въ городѣ, по крайней мѣрѣ не говорили о ней. И надо было полагать, что болѣзнь эта заразительная, потому что быстро распространялась среди бѣднаго люда и именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ наиболѣе скученное населеніе.

Герміона выслушала эти подробности спокойно.

Ей еще сказали, что Зенонъ какъ разъ всю недѣлю, предшествовавшую дню заболѣванія, провелъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ портовомъ кварталѣ и, вѣроятно, принесъ на своихъ одеждахъ эту болѣзнь домой.

Войдя въ комнату, въ которой скончался Зенонъ, Герміона вдругъ почувствовала необыкновенную слабость и головокруженіе.

Она упала на колѣни передъ его ложемъ и склонила голову на ткани, на которыхъ такъ недавно еще лежалъ больной Зенонъ.

Рыданія подступили къ ея горлу, но плакать она не могла. Глаза ея были сухи и горячи, а въ горлѣ клокотало, и грудь сжималась, но слезы не шли

Матой съ грустью и болью смотрѣлъ на нее.

Она, казалось, его не замѣчала.

Ея спутники, Амонъ и Геронтій, приняли вѣсть о смерти Зенона довольно равнодушно.

Они рѣшили устроить поминки по покойномъ другѣ и выпить въ честь его какъ можно больше вина.

Они пробовали на другой день, послѣ возвращенія изъ пустыни потребовать у Герміоны то, что ею было проиграно по закладу. Но она такъ взглянула на нихъ, что они должны были молча удалиться изъ ея дома.

Къ удивленію Матоя, Герміона на другой же день вдругъ успокоилась и больше не говорила о Зенонѣ.

Юноша съ грустью всматривался въ это милое и дорогое ему лицо, на которомъ онъ читалъ теперь печаль и уныніе. Герміона чувствовала себя совершенно разстроенной и больной.

Ей нужно было отправляться въ театръ, гдѣ въ тотъ вечеръ назначено было представленіе, но, собравшись идти изъ дому, она поняла, что не въ состояніи была бы протанцовать весь вечеръ.

— Матой,—сказала она юношѣ, не отходившему отъ нея.— Ступай скорѣе къ Теонѣ и попроси ее придти ко мнѣ.

Теона жила недалеко и вскорѣ явилась на зовъ той, которую считала когда-то соперницей, а теперь подругой.

Тѣмъ не менѣе въ ея глазкахъ, похожихъ на голубые цвѣты, было на этотъ разъ что-то необыкновенное, и, какъ она ни старалась скрыть глубоко-затаенную радость, ей это плохо удавалось.

Зенонъ, богатый покровитель Герміоны умеръ. Конечно, это разстроитъ ея душу и... обстоятельства. Не толстый же Амонъ съ его вѣчно краснымъ носомъ и не его другъ Геронтій съ вѣчно посоловѣвшими отъ пьянства глазами станутъ поддерживать своими деньгами Герміону. Оба они обжоры и пьяницы, но любятъ ѣсть и пить на чужой счетъ. Свои деньги—которыхъ у нихъ много,—они берегутъ и не станутъ тратить на танцовщицу, хотя бы и на такую, какъ Герміона. Но безъ денегъ и сильной поддержки не легко быть любимой танцовщицей въ театрѣ такого города, какъ ихъ Александрія.

Теона продолжала соображать.

У Герміоны много долговъ, и, какъ скоро она лишится посторонней помощи и поддержки, всѣ кредиторы возстанутъ и начнутъ разомъ требовать деньги. Съ другой стороны Стратегій, покровитель Теоны, за послѣднее время нажилъ порядочныя деньги и безумно влюбленъ въ маленькую танцовщицу. Онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы поддержать ее. И онъ успѣлъ уже образовать порядочную партію противъ Герміоны.

— Бѣдная Герміона!—вздохнула Теона, и слезинка заблестѣла на голубыхъ глазахъ чувствительной соперницы.

Она вошла къ своей подругѣ.

— Бѣдная Герміона!—громко сказала Теона, обнимая подругу.—Бѣдный Зенонъ!

Герміона взглянула на нее молча, ничего не отвѣтивъ на ея слова.

— Не печалься,—проговорила Теона,—это общая наша судьба

Никто не знаетъ, когда придетъ часъ нашего отхожденія къ тѣнямъ. Но ты очень измѣнилась, Герміона. Ты больна? Или смерть Зенона подѣйствовала такъ на тебя? Ты его очень, очень любила.

— Да, я больна, Теона, и кажется, очень больна. Дрожь проникаетъ меня, голова кружится, я страдаю безсонницей. Что жъ Зенонъ? Я его любила, но любила какъ друга, какъ брата. Страстной, знойной любви я къ нему не ощущала. Мнѣ очень очень жаль его—и только...

Она прекратила разговоръ о Зенонѣ и замолчала.

Потомъ, рѣшительно встряхнувъ головою, она сказала:

— Но вотъ я хочу просить тебя, Теона: замѣни меня сегодня на театрѣ.

— О, что ты?!—удивилась Теона.

— Да... я не могу танцовать. Повторяю тобѣ, я очень больна. Въ ногахъ слабость... я бы упала среди танцевъ. Ты будешь танцовать тотъ танецъ, который придуманъ мною и который такъ нравился зрителямъ.

— Танецъ цвѣтовъ?—вскрикнула Теона и захлопала въ ладоши.—Ахъ, неужели я буду танцовать танецъ цвѣтовъ?

Герміона слабо улыбнулась.

— Отчего нѣтъ?—сказала она.—Но возьми мои цвѣтныя одежды. Мы повторимъ съ тобой этотъ танецъ, чтобы ты не ошиблась.

Теона сняла свой темный плащъ и окуталась семью шелковыми полупрозрачными шалями.

Герміона, лежа на диванѣ, слѣдила за ея движеніями.

Иногда она останавливала ее.

— Подыми обѣ руки кверху и закругли кисти ихъ надъ головою... вотъ такъ; выставь правую ногу... Теперь медленно снимай желтую шаль съ головы. У тебя это выйдетъ еще красивѣе, такъ какъ волосы твои похожи на золотую паутину, одного цвѣта съ шалью... Теперь сними такимъ же плавнымъ движеніемъ розовую шаль съ твоего лица. Накрась поярче губы... онѣ у тебя блѣдноваты... А руки набѣли до локтя... когда скинешь бѣлую шаль, чтобы онѣ не были темнѣе ея... Теперь обнажи грудь твою отъ красныхъ покрововъ. Улыбайся... вотъ такъ... хорошо. Но ты кружишься очень быстро... повтори еще! Въ концѣ — больше нѣги и страсти. Въ какомъ бы состояніи ни была душа наша, мы должны изображать то, что требуетъ танецъ, не давая зрителю заглядывать въ глубь нашей души. Онъ хочетъ наслажденія зрѣлищемъ, и ему нѣтъ дѣла до того, что у насъ лежитъ тяжесть на сердцѣ. И ты будешь прелестна...

Репетиція кончилась, и Герміона сказала:

— Устала я... ступай теперь. Не бойся. Ты будешь имѣть успѣхъ. Да и Стратегій постарается объ этомъ.

— Я и безъ Стратегія надѣюсь имѣть успѣхъ,—обидчиво сказала Теона.

— А! Тѣмъ лучше. Ступай же, время не терпитъ.

Теона подошла къ подругѣ и съ слегка покровительственнымъ видомъ поцѣловала ее.

Герміона улыбнулась.

— Бѣдная Герміона!—вздохнула Теона и захвативъ цвѣтныя одежды подруги, которыя были ей нѣсколько длинны, умчалась, какъ вихорь.

Герміона осталась одна.

Тщетно старалась она опредѣлить, что съ нею происходитъ. Голова ея горѣла, и глаза точно налиты были кровью, губы сохли, сердце билось такъ сильно, такъ учащенно, что она должна была удерживать его руками.

Тяжелый коверъ, скрывавшій дверь въ ту комнату, въ которой она лежала, приподнялся.

На порогѣ показался Матой.

Онъ былъ блѣденъ, и глаза его на блѣдномъ лицѣ горѣли темнымъ лихорадочнымъ огнемъ. Губы его были сухи и безцвѣтны. Черныя кудри его разсыпались по плечамъ, завиваясь въ кольца. Онъ былъ худъ, высокъ и строенъ. Темно-фіолетовый плащъ Зенона, въ которомъ онъ былъ одѣтъ во время перваго свиданія съ Герміоной, очень шелъ къ его лицу.

Во всей внѣшности его произошла замѣчательная перемѣна. Онъ уже не казался униженнымъ, робкимъ, испуганнымъ отшельникомъ, тайкомъ бѣжавшимъ изъ пустыни и боящимся всякаго свободнаго движенія. Въ глазахъ его не было прежней забитости и испуга. Прежняя печаль еще горѣла въ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда вспыхивали въ нихъ искры долго сдерживаемой страсти. Вспыхивали—и потухали.

— Герміона!—тихо произнесъ онъ.—Могу ли я войти къ тебѣ?

— Войди,—спокойно отвѣтила она.

Онъ вошелъ въ комнату.

— Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?—спросила его Герміона послѣ водворившагося тягостнаго для обоихъ молчанія.

— Я пришелъ, чтобы поговорить съ тобою,—отвѣтилъ онъ тихо.

— Говори.

— Герміона!—началъ онъ.—Герміона! Не такъ давно ты предлагала мнѣ свою любовь... Ты помнишь это? Это было въ ту ночь, когда ты рѣшила идти въ пустыню, чтобы соблазнить старца Евагрія.

Герміона закрыла лицо руками

— Не говори! Не вспоминай объ этомъ!—простонала она.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Но тогда...—продолжалъ онъ,—я не могъ рѣшиться принять твою любовь. Пустыня тяготѣла надъ моимъ разумомъ и сердцемъ. И ты была несвободна. Зенонъ, другъ мой, былъ живъ и любилъ тебя. Вотъ теперь мы оба свободны. Зенонъ умеръ и завѣщалъ мнѣ любить тебя. Умерла и пустыня во мнѣ. Ничто не связываетъ меня теперь съ нею. Я ушелъ отъ нея и никогда не вернусь туда. Воспоминаніе о ней, какъ о тяжеломъ, мрачномъ снѣ, порою тяготѣетъ еще надо мною. Но чѣмъ дальше

я буду жить, чѣмъ больше буду наслаждаться благами жизни, тѣмъ дальше будетъ уходить этотъ больной сонъ...

Герміона слушала его молча, и на лицѣ ея онъ читалъ равнодушіе и утомленіе.

Это смущало его, но то, что жило теперь въ его душѣ, звучало въ ней такъ сильно, что ему немногаго труда стоило побѣдить свое смущеніе.

Онъ продолжалъ:

— Я люблю тебя, Герміона. Прежде я не сказалъ бы тебѣ этого, считая это чувство великимъ грѣхомъ. Но я люблю тебя съ перваго нашего свиданія, съ перваго взгляда, брошеннаго на тебя. Теперь я свободенъ. Отчего мнѣ не сказать тебѣ этого? Ты знаешь,что говорилъ Зенонъ незадолго передъ смертью?

— Что говорилъ онъ?

— Онъ говорилъ, что онъ любитъ все то, что ты любишь. И онъ говорилъ еще, что, если бы ты полюбила при жизни его другаго человѣка—и онъ полюбилъ бы его. Вотъ какова была любовь его къ тебѣ. И эту любовь онъ завѣщалъ, умирая, мнѣ, какъ самое драгоцѣнное благо, которымъ владѣлъ онъ. „Люби ее, Матой",—были его послѣднія слова,—„люби ее, защищай, умри за нее". И вотъ я пришелъ къ тебѣ предложить мою любовь, мою защиту, мою жизнь. Ахъ, Герміона!— вздохнулъ онъ.—Если бы ты знала, какъ я люблю тебя... Какъ люблю я грустный взглядъ твоихъ очей, твою печальную улыбку, твой нѣжный серебристый голосокъ, твои волосы—густые и темные, твой станъ—прямой, какъ кипарисъ, и тонкій, какъ вѣтка лозы. Все, все, мнѣ дорого въ тебѣ. Я долго боролся съ этой любовью! Я бѣжалъ отъ нея въ пустыню... Но тамъ, сидя у порога пещеры, глядя на таинственное безмолвное небо, окруженный тьмою звѣздной ночи, я мечталъ не о Богѣ, не о душѣ своей, не о грѣхахъ міра, а о тебѣ, тебѣ одной. Ты одна владѣла моими мыслями, моими думами, ты одна управляла движеніями моего сердца. Молиться хотѣлъ я и не могъ, потому что на уста мои просилось твое имя, которое стало мнѣ дороже имени Бога. Ты видишь, я не боюсь больше, я все бросилъ, все возненавидѣлъ, чтобы всю силу любви своей сосредоточить на тебѣ—отрада жизни моей, радость существованія моего! Безсонныя тяжелыя ночи проводилъ я въ своемъ вертепѣ. И когда подъ утро, усталый и измученный, я засыпалъ тревожнымъ, тонкимъ сномъ, ты приходила терзать мое воображеніе, ты приходила мучить меня, ты шептала мнѣ слова любви, слова печали. Я зналъ, я чувствовалъ, что душа твоя поселилась съ моей душою. Я зналъ, я чувствовалъ, что и днемъ, среди ужасныхъ трудовъ, наложенныхъ на меня старцемъ Евагріемъ, ты будешь рядомъ со мною. Ты стала душою моею и тѣнью моего тѣла. И никуда, никуда, ни на одно мгновеніе я не могъ уйти отъ тебя, потому что слышалъ шаги твои за собою. И любилъ, и любилъ я тебя! И никого никогда не любилъ я такъ, какъ тебя, Герміона! О, Герміона, какъ я тяжко люблю тебя! Ты спасла мою душу отъ пустыни—какъ мнѣ не любить

тебя? И вотъ теперь. здѣсь, стоя передъ тобою, свободный духомъ и мыслью, я жду твоего отвѣта...

Она молчала.

Тягостное предчувствіе овладѣло тогда бѣднымъ Матоемъ.

— Не говори,—вскрикнулъ онъ,—что ты не любишь меня! Не говори этого, если ты не хочешь убить меня. Не смотри на меня такъ уныло и равнодушно... Ты терзаешь сердце мое. Ужъ не боишься ли ты грѣха? Не бойся, Герміона! Вотъ видишь, я, монахъ, отшельникъ, пустынникъ, всю жизнь проведшій передъ лицемъ Бога—я не боюсь Его. Я знаю, я—измѣнникъ, отступникъ, и мнѣ нѣтъ спасенія! И что же? Я смѣло иду на это, потому что ничего не боюсь, ничего. Ни проклятія неба, ни мукъ адовыхъ,—ничего. Да и что мученія адскія? Они будутъ продолжаться вѣчность. Но развѣ цѣлая вѣчность стоитъ одного мгновенія твоей любви?

Онъ замолкъ и поникъ головою.

Онъ и самъ не зналъ, откуда у него брались эти слова. За минуту передъ тѣмъ, когда онъ шелъ сюда, онъ не зналъ, что будетъ говорить Герміонѣ, какъ, какими словами объяснитъ онъ ей свою любовь. Но вотъ слова сами лились съ его устъ.

Давно, давно подготовлялось въ его душѣ то возмущенное чувство, которое выливалось теперь изъ его устъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, осуждавшихъ все его прошлое, перемѣшиваясь съ страстными, безумными словами любви.

И онъ не смущался, не удерживался, давалъ прорвавшемуся потоку свободно вылиться изъ его груди.

— Да, —горячо повторилъ онъ,—любить тебя... любить тебя одну, всю жизнь, до могилы... А тамъ уснуть, сномъ вѣчнымъ—и все еще любить тебя. И терзаясь въ неугасимомъ огнѣ геены огненной и томясь невыносимой жаждой и терпя раскаленное желѣзо на изъязвленномъ тѣлѣ своемъ—продолжать любить тебя, благословлять имя твое, молиться тебѣ... вотъ мое теперешнее блаженство, вотъ моя новая вѣра!.. Ради тебя—терпѣть вѣчную муку! Такого счастія не снилось мнѣ во снѣ, въ пустынѣ...

Герміона приподнялась на своемъ ложѣ и молча, съ широко раскрытыми глазами слушала его безумную рѣчь.

Онъ продолжалъ:

— Ты, можетъ быть, боишься, Герміона? Тебѣ нечего бояться. Ты все равно погибла, ты обречена.

— Я обречена?—вскрикнула она, наконецъ.

— Да! Я разсказывалъ старцу Евагрію о жизни твоихъ родителей и о ихъ кончинѣ... то, что ты говорила когда-то мнѣ. И вотъ, въ одну ночь... старецъ пришелъ въ изступленіе и увидѣлъ сонъ, въ которомъ ему была открыта новая жизнь твоихъ родителей за гробомъ.

Герміона встрепенулась.

— Скажи, скажи мнѣ!—проговорила она.

Онъ разсказалъ ей о видѣніи старца Евагрія.

— Ты видишь,—прибавилъ онъ,—тебѣ не на что разсчитывать.—Ты обречена на гибель. Богу старца Евагрія нужно, видно,

чтобы люди во что бы то ни стало страдали—здѣсь или тамъ. За краткое наслажденіе на землѣ, Онъ платитъ вѣчной мукой на томъ свѣтѣ. И я погибъ. Мы оба погибли! Намъ нечего больше бояться... Но если ты боишься, Герміона, то вспомни слова нашего друга Зенона. Онъ не вѣрилъ въ глубинѣ души этому суровому ученію. Истинный Богъ не можетъ быть такимъ жестокимъ и безпощаднымъ. Можетъ быть, человѣческая любовь,—такая, какъ моя къ тебѣ, полная страданія, самоотверженія и подвига—есть уже спасеніе и искупленіе...

Онъ опять замолчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями, не находя больше словъ въ душѣ своей.

— Герміона!—горестно воскликнулъ онъ.—Ты все молчишь. Значитъ ли это, что уста твои молчатъ, потому что молчитъ душа твоя? Скажи, скажи мнѣ хотя одно слово, молю тебя.

— Матой,—наконецъ, проговорила Герміона, печально глядя на юношу и, видимо, взвѣшивая каждое слово,—слушай же, что я скажу тебѣ. Ты говорилъ долго, и я дала тебѣ высказать твои чувства, потому что думала, что новая сила сообщается душѣ моей, что я заражусь твоимъ чувствомъ. Но душа моя безмолвствуетъ. Въ тотъ первый вечеръ нашего свиданія, въ саду, на скамейкѣ, подъ статуей Антиноя, мнѣ казалось, что я полюбила тебя. Ты говоришь, что и ты тогда полюбилъ меня. Намъ нужно было тогда же высказаться. Но ты молчалъ, ты былъ неприступенъ, ты съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня. И на другой вечеръ, когда я предлагала тебѣ мою любовь—ты уклонился отъ нея. Скажу тебѣ всю правду. Мысль о тебѣ тоже не давала мнѣ покоя. И когда я отправилась въ пустыню, къ твоему старцу—я надѣялась увидѣть тамъ тебя и отдать тебѣ любовь мою. Душа моя больна. Въ ней появляются порывы, сама не знаю, какъ и откуда. Пронесется вихрь, сомнетъ въ душѣ моей все, что живетъ въ ней, переломаетъ, исковеркаетъ, опустошитъ ее и все затѣмъ проходитъ... Какъ только мечта зародится во мнѣ—нужно ее удовлетворить тотчасъ же. Да, мнѣ кажется, я любила тебя. Сумѣй ты во-время подмѣтить это чувство и высказать мнѣ свое такъ же горячо, какъ ты сейчасъ это сдѣлалъ—я была бы твоею, я бы отдалась тебѣ на все то время, пока любила бы тебя, пока порывъ не прошелъ бы... Но вотъ онъ прошелъ... Я и теперь любуюсь тобою, потому что ты очень красивъ. Но я не сохранила въ тебѣ прежняго чувства любви...

— Ты ненавидишь меня!—горестно вскрикнулъ Матой.

— Ты ошибаешься: я не люблю тебя, но и не чувствую ненависти къ тебѣ. Я равнодушна къ твоей любви.

— О, Герміона, не говори такъ! Я умру отъ горя! И это неправда! Если бы ты была равнодушна ко мнѣ, ты бы не слушала такъ долго словъ любви, которыя я говорилъ тебѣ. Ты бы закрыла уста мои. Ты хочешь испытать меня и ты лжешь, лжешь, Герміона.

В. Свѣтловъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Берлинскіе матеріалы для исторіи новой русской литературы [1].

(Письма Батюшкова, Боратынскаго, С. Глинки, Грибоѣдова, Загоскина, Козлова, Срезневскаго, Тургенева, Хомякова и пр.)

К. Н. Батюшковъ—кн. В. Ѳ. Вяземской (мартъ 1816?)

Покорнѣйше благодарю Ваше Сіятельство за увѣдомленіе. Я уже получилъ на дняхъ письмо отъ Сінягина и очень буду радъ если князь ему еще разъ напомнитъ. Виноватъ предъ Вами, предъ Рейнгардомъ, передъ совѣстію; куплеты еще не готовы, но завтра доставлю ихъ Вамъ и буду цѣловать прахъ ногъ Вашихъ Азъ пренедостойный.

Берл. Кор. библ. собр. Ф. ф. Эн. а 3. На линейной бумагѣ, облатка вырвана, надпись: Ея Сіятельству княгинѣ Вяземской

---

[1]) См. *Русскую Старину* 1893 г., январь и апрѣль и 1895 г., апрѣль и сентябрь. Нами просмотрѣны лѣтомъ 1898 года всѣ картоны Фарнгагена фонъ Энзе, благодаря любезности хранителя д-ра Штерна, кому и приносимъ нашу сердечную благодарность. Многочисленные новые документы, извлеченные изъ этого архива, готовятся нами къ печати, равно какъ и статья „Фарнгагенъ фонъ Энзе и его русскія отношенія". Замѣчу кстати, что автографы хранятся въ особыхъ жестяныхъ ящикахъ на-ряду съ автографами иностранцевъ. Количество ящиковъ свыше 150. Есть и рукописная опись всѣхъ автографовъ. Вотъ перечень въ нѣмецкомъ алфавитномъ порядкѣ русскихъ и нѣк. др. автографовъ, пересмотрѣнныхъ нами и большею частію списанныхъ изъ картоновъ Фарнгагена, и общаго собранія рукописей: Апраксинъ (1746 г.), Бакунинъ, Балабина П., Баранова С. (1845), Барклай де Толли (1814), Батюшковъ, Бенкендорфъ, Бестужевъ, Блудова, Беннигсенъ, Боратынскій, Булгаринъ, Бутеневъ, Канкринъ, Карповъ (1767), Кастера (1716), Хомяковъ, Долгоруковъ, Михайл.-Данилевскій, Дашкова Е. Р. (1785), Давыдовъ (1814), Дмитріевъ (1837), Долгорукій (1765), Домашневъ (1776), Эйлеръ, Фаминцынъ А. С., Форлей (1734—67), Фроловъ, Глинка, Гнѣдичъ, Гоголь, Головинъ (18 вѣка), Головкины, Горловъ, Гульяновъ, Гречъ, Грибоѣдовъ, Герценъ, Языковъ, Ермоловъ (1846), Иловайскій (1824), Жуковскій, Кайсаровъ, Калайдовичъ, Каратыгинъ, Каченовскій, Кологривовъ, Корфъ, Козловъ, Козодавлевъ, Краевскій (1839), Крыловъ, Кутузовъ, Лобановъ-Ростовскій, Лобойко, Ломоносовъ, Мальтицъ, Мельгуновъ, Муравьевъ А., Невѣровъ, Одоевскій В., Огаревъ, Оленинъ, Орловы Г. и В. (XVIII в.), Павлова, Погодинъ, Позевой, Потемкинъ (1783), Пушкинъ, Путятинъ, Растопчина, Разумовскій (1751), Румянцевъ (1808), Румовскій С., Сабининъ, Рагосина, Шаховской, Шевыревъ, Шлецеръ, Щеголевъ, Сенковскій, Соллогубъ, Салтыковъ, Сперанскій, Срезневскій, Стахѣевъ, Штакельбергъ, Штелинъ, Стенбокъ (1726), Стратимировичъ, Струбе де Пирмонтъ (1748), Свиньинъ, Шимановска, Тепловъ (1748), Чернышевъ, Тургеневъ, Тютчевъ, Ушаковъ, Уваровъ, Вяземскій, Вейковъ, Воронцовъ (1746), Завадовскій и отдѣлъ Russland (a № a 49 и m 179).

Н. Шляпкинъ.

Помѣтки рукой князя П. А. Вяземскаго: „Batuschkoff", рукой Фарнгагена: „Batuschkoff an Fürst Wa-em-k-i".

Дату письма опредѣлить можно только приблизительно. Если просьба къ Сипягину—есть просьба объ отставкѣ (соч. Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова, III, стр. 367, 373 и 376), въ такомъ случаѣ письмо написано изъ Москвы въ мартѣ 1816 г., ибо въ апрѣлѣ (стр. 387—88) отставка уже состоялась. Князь Вяземскій былъ въ это время съ женой въ Москвѣ, ѣздилъ въ Спб. въ февралѣ, возвратился въ мартѣ и часто видался съ Батюшковымъ (Остафьевскій архивъ, I, стр. 38, 40, 43, 44, 48, 51, 55, sq). Кто Рейнгардъ—не знаю. Куплеты неизвѣстны, можетъ быть пѣснь Гаральда и пародія на нее (соч., III, 371—372).

Е. А. Боратынскій—кн. П. А. Вяземскому (1830 іюль—августъ).

Не доѣзжая до Тамбовской деревни, куда мнѣ была дорога, обстоятельства заставили меня вдругъ повернуть въ Москву, и такимъ образомъ я разъѣхался съ вашею посылкою, которая теперь въ рукахъ моего брата и будетъ мнѣ доставлена имъ самимъ только зимою. Я истинно былъ тронутъ этимъ знакомъ вашей памяти. Я видѣлъ въ немъ вниманіе ваше къ связи отдаленной, но въ которой вы справедливо полагаете много душевнаго. Я провелъ нѣсколько дней въ Пензѣ, куда предо мною пріѣхалъ (sic) Д. Давыдовъ. Это было въ самую ярмарку. Гуляя по рядамъ, гдѣ и вы гуляли третьяго году, мы много о всемъ говорили, и я досадовалъ на судьбу, которая, выбирая не въ пору, привела меня двумя годами позже или васъ двумя годами раньше въ Пензу. Между многими изъ вашихъ знакомыхъ, кажется, всѣхъ живѣе васъ помнитъ хорошенькая Золотарева. Навѣстилъ я воспѣтую Вами головку: она стоитъ вашихъ стиховъ и своей славы. О Москвѣ мнѣ сказать вамъ нечего. Я живу въ подмосковной и пріѣзжаю въ городъ изрѣдка и случайно. Въ послѣднюю мою поѣздку я познакомился съ княг. Одоевской, которая мнѣ показывала стихи ваши Аврорѣ Шериваль, которая была нѣкогда и моей вдохновительницей. Судя по нимъ она все еще заслуживаетъ свое имя и какъ прежде румяна и блистательна. Когда я васъ увижу? И такъ какъ.....[1]) провела зиму въ Петербургѣ, слѣдственно и вы его не скоро покините (sic). Будьте по крайней мѣрѣ мыслею (sic) въ Москвѣ. Проживать можно гдѣ хочешь и гдѣ судьбѣ угодно но жить надобно дома. Прощайте, любезный князь, еще разъ благодарю васъ за вашу па-

[1]) Далѣе старательно зачеркнуто какъ будто Нат... Вуя...

мять. Убѣжденіе въ пріязни вашей одна изъ сердечныхъ моихъ потребностей., Е. Боратынскій.

Берлинской Королевской библіотеки собр. Фарнгагена фонъ Энзе № à 7. На оригиналѣ рукой князя Вяземскаго помѣчено „Boratynski (le poete)“.

Знаки препинанія разставлены нами, орѳографія—безъ перемѣнъ. Дата письма (1830) опредѣляется благодаря указанію на пребываніе въ третьемъ году князя П. А. Вяземскаго въ Пензѣ: это было зимой 1828 года („Рус. Архивъ“ 1879 № 8, стр. 480. Остафьевскій архивъ, III, Спб. 1899, 172—180). Значитъ, письмо относится къ 1830 г. Ярмарка въ Пензѣ начинается 26 іюня—Петропавловская (Пам. книжка Пензенской губерніи 1889. Пенза, 1888, стр. 30). Д. В. Давыдовъ (1784—1839), извѣстный партизанъ поэтъ, и самъ принадлежалъ къ числу поклонниковъ Евгеніи Дмитріевны Золотаревой, дочери пензенскаго помѣщика. (Сочин. Давыдова, ред. А. Круглаго. Спб. 1893, I, стр. VI и 77. Ср. „Истор. Вѣстн.“ 1890, № 7, стр. 86—91.). „Простоволосая головка“ стихотвореніе Вяземскаго 1828 г. (Полное собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, изд. гр. С. Д. Шереметева, IV, Спб. 1880, стр. 23), посвященное Пелагеѣ Николаевнѣ Всеволожской, ур. Клушиной, которую Вяземскій въ письмѣ къ Пушкину называетъ „милой бабочкой“ и проситъ А. С. написать ей что-нибудь; было ли что написано, не извѣстно. Стихи Вяземскаго дѣйствительно красивы.

...Все въ ней такъ молодо, такъ живо,
Такъ не похоже на другихъ,
Такъ поэтически игриво,
Какъ Пушкина веселый стихъ....
Ея игрушка—сердцеловка,
Поймаетъ сердце и швырнетъ:
Простоволосая головка
Всѣхъ поголовно заберетъ!

Стихотворенія Вяземскаго съ именемъ Авроры Карловны Шерваль (Демидовой) не знаемъ, но кажется, что это—„Къ*“ (сочин. Вяз. IV, 76). Тамъ есть строки, подходящія къ выраженіямъ письма.

И чувству тайному въ возмездье
Вамъ безъ завѣсы завсегда,
Какъ ваше вѣрное созвѣздье
Горитъ поэзіи звѣзда...

(Намекъ, что Аврора (заря) всегда сопровождается звѣздою).

Стихотвореніе Боратынскаго „Аврорѣ Шерваль“ написано въ 1825 г. и дважды: по-русски и по-французски (сочиненія Боратынскаго. Казань 1884, стр. 94, изд. 1894 т. I, стр. 60). Княгиня Одоевская—вѣроятно, жена кн. В. Ѳ. Одоевскаго, кажется, ур. Ланская, въ зам. съ 1826 г.

С. Н. Глинка—А. Н. Гречу

Милостивый Государь 13 окт. (1842).
Алексѣй Николаевичъ

Если изъ оставшихся трехъ сотъ восьмидесяти рублей не получу сейчасъ 130 рублей, то я подамъ въ Главное Упра-

вленіе Цензуры объ уничтоженіи Русскаго Вѣстника ибо: кромѣ непріятностей и обмановъ по горячимъ слѣдамъ перваго года я ничего не вижу. А вамъ было время опросить: подлинно ли святыя, а не проклятыя деньги мнѣ слѣдуютъ. Вашъ покорный слуга С. Глинка.

Берл. Кор. библ., собр. Ф. ф. Э. № а 19 bis (отъ Булгарина послано Блюму, а отъ него Фарнгагену).

С. Н. Глинка (1775—1847), основатель „Русскаго Вѣстника" въ 1808 г., издавалъ его до 1820 г. и въ 1824 г., а затѣмъ журналъ возобновился въ 1841 при издателѣ Н. И. Гречѣ. (См. Никитенки: Записки и Дневникъ, I, Спб. 1893, стр. 417) и при сотрудничествѣ Н. А. Полеваго (Записки К. А. Полеваго, Спб. 1888, стр. 580). Разсчетливость Греча—фактъ общеизвѣстный. Алексѣй Николаевичъ (1814—1850)—сынъ Н. И., завѣдывалъ типографіей и конторой отца.

Н. Я. Горловъ—Блюму.

Письмо отъ 8 марта 1840 г. изъ Казани къ Блюму и редактору будущаго журнала Розбергу о готовности своей проф. Симонова, Казембека и др. помочь журналу.

Берл. Кор. библ. Ф. № а 20.

Н. И. Гречъ—неизвѣстному.

....An die Herrn Ewers, Struwe, Moier, Mongenstern, Lenz; Blum, Engelhardt, Erdmann meinen herzlichen Gruss. (Господамъ Эверсу, Струве, Мойеру, Моргенштерну, Ленцу, Блюму, Энгельгардту, Эрдману—сердечный привѣтъ).

Только обрѣзокъ, изъ оборота котораго видно, что Гречъ проситъ о мѣстѣ для племянника Моргенштерна въ Департаментѣ экономіи М. В. Д.—видимо адресовано въ Дерптъ лицу, знавшему университетскую корпорацію.

Берл. Кор. библ. Ф. № а 20.

А. С. Грибоѣдовъ—Н. И. Гречу.

(августъ, 1824).

Напрасно, братъ, все напрасно. Я что пріѣхалъ отъ Фока, то съ помощію негодованія своего и Одоевскаго, изорвалъ въ клочки не только эту статью но даже всякій писанный листокъ моей руки, который подъ рукою случился. Прощай. Крѣпко(?) Твой А. Г. (*сбоку*) Коли цензура ваша не пропуститъ ничего порядочнаго изъ моей комедіи, нельзя ли вовсе не печатать?—Или пусть укажетъ на сомнительныя мѣста, я бы

какъ-нибудь поддѣлался къ общепринятой глупости, урѣзалъ бы; и тогда весь 3-й актъ можно помѣстить въ Альманахѣ. (*Внизу приписано*) Ѣду.—Скажи Булгарину... да нѣтъ! я самъ скажу, онъ меня пойметъ!—P. S. 24-го окт.: Представь себѣ что я тотчасъ отвѣчалъ на твою записку, въ тотъ же день, какъ получилъ, и увѣренъ былъ, до сей минуты, что отослалъ этотъ самый листокъ Vide supra (*смотри выше*).

Берл. Кор. библ. Ф. а 20 на простой отъ времени пожелтѣлой бумагѣ малаго in 8°. На оборотѣ надпись Е. Вблгрд. М. Г. Николаю Ивановичу Гречу.

Письмо это, очень любопытное, какъ указаніе на воззрѣнія и столкновеніе Грибоѣдова съ цензурой, по нашему мнѣнію, относится къ 1824 г. А. С. Грибоѣдовъ пріѣхалъ съ Кавказа въ Спб. собирался за границу и жилъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ. Каратыгинъ писалъ въ іюлѣ 1824 г. о томъ, что Г. хлопочетъ о пропускѣ... комедіи Горе отъ ума. Альманахъ „Руская Талія“ разрѣшенъ цензоромъ Бируковымъ 15-го ноября 1824 г. и тамъ стр. 257—316 напечатаны изъ Горя отъ ума явленія 7, 8, 9 и 10—1 дѣйствія, явл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и послѣднее—III дѣйствія. Въ письмѣ къ Бѣгичеву (августъ 1824, по нашему предположенію), Грибоѣдовъ говоритъ: „Представь, что я сейчасъ только вспомнилъ объ Маврахъ, бѣгу въ цензуру...“.

Вѣроятно объ нихъ и идетъ здѣсь рѣчь. Фокъ Макс. Як. управляющій III отдѣленіемъ Собственной Е. В. Канцеляріи.

(Полн. соб. сочин. А. С. Грибоѣдова, Спб. 1889, подъ нашей редакціей, т. I, 190, 200, 192, XIX, 188).

М. Н. Загоскинъ—гр. А. Д. Блудовой.

16 апрѣля 1849 г.

Какъ бы я на васъ разсердился, графиня, если бъ только могъ на васъ сердиться: ну можно ли пріѣхать въ Москву для того чтобъ быть безпрестанно больной? вѣдь ужъ больше этой обиды вы не могли сдѣлать записному цицероне, который тогда только и счастливъ, когда можетъ пощеголять своею Москвою. Завтра я явлюсь къ вамъ вечеромъ. Сегодня у меня очень кошки скребутъ на сердце (sic), а дѣлать нечего—долженъ явиться вечеромъ на балъ съ веселымъ лицемъ. Позвольте хоть заочно поцаловать вашу ручьку. Всей душою вашъ покорнѣйшій слуга. М. Загоскинъ.

Берл. Кор. библ. Ф. а 49. Фарнгагену передано гр. А. Д. Блудовой. Объ ея отношеніяхъ къ Ф. будетъ подробно разсказано въ приготовляемой нами статьѣ: „Фарнгагенъ и его русскія отношенія“. Загоскинъ съ 1824 до смерти былъ Директоромъ Московской Оружейной Палаты.

И. И. Козловъ—А. Н. Муравьеву.

(1830—1840).

Vous m'avez oublié, cher pélerin, venež donc embrasser votre ami. Je crois que M de Laval vient ce soir—venez aussi. I. K.
(*Переводъ.* Вы забыли меня, милый странникъ, приходите обнять вашего друга. Я думаю, что графиня Лаваль придетъ также сегодня вечеромъ).

Берл. Кор. библ. Ф. № а 29. Помѣтка о полученіи 1844. Записка написана слѣпымъ поэтомъ—карандашемъ, на оборотѣ: Au cher André Mouraview (Милому Андрею Муравьеву) Муравьевъ Андрей Николаевичъ (1836—74) извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ и духовный писатель.

Е. П. Ростопчиной

(стихотвореніе).

1) *Молитва за себя.* С. Вороново 1840.
Нач. Не дай молю не дай мнѣ, Провидѣнье.
2) *У обѣдни.* Спб. 12-го января 1843 г.
Нач. Въ младенческіе дни слѣпаго безсознанья.
Берл. Кор. библ. Ф № а 46 и m 19.

И. И. Срезневскій—Н. Г. Устрялову.

Спб., 18 ноября 1851.

М. Г. Николай Герасимовичъ!

Болѣзнь моей матери. не позволяя мнѣ со вчерашняго дня отходить отъ ея постели, лишаетъ меня возможности явиться на диспутъ г. Красова. Ничтожныя замѣчанія, которыя я думалъ сообщить на диспутѣ нисколько бы не придали ему замѣчательности и потому потери нѣтъ, а впрочемъ да извинитъ меня ваша доброта. Имѣю честь быть М. Г. Вашъ покорнѣйшій слуга Измаилъ Срезневскій P. S. Позвольте мнѣ при этомъ просить Васъ передать г. Инспектору или кому слѣдуетъ что по вышеозначенной причинѣ болѣзни моей матери я не могу и завтра явиться на лекціи, будучи отъ этого самъ разслабленъ до изнеможенія.

Берл. Кор. библ. Ф № а 54. Письмо извѣстнаго слависта Изм. Ив. Срезневскаго къ историку Устрялову касается диспута И. Красова, выступившаго съ диссертаціей „О мѣстѣ нахожденія древняго Новгорода". Спб. 1851.

И. С. Тургеневъ—А. Ѳ. Видерту.

С.-Петербургъ, 5 апрѣля 1855.

Я ѣду завтра въ деревню, любезный Видертъ—(кстати вотъ Вамъ мой полный адресъ: Ивану Сергѣевичу Т—у Орловской губерніи въ городъ Мценскъ въ село Спасское лучше если къ этому прибавить нѣмецкій переводъ)—и только вчера получилъ Ваше письмо. Благодарю за присылку рецензій, которыя только уже слишкомъ лестны—должно приписать это новости предмета и представляемаго быта. Некрасовъ теперь у себя въ деревнѣ—въ Маѣ мѣсяцѣ будетъ у меня, а осенью непремѣнно поѣдетъ за границу. Съ нимъ я перешлю Вамъ всѣ обѣщанныя книги. Оказія, на которую я надѣялся—лопнула да и вообще теперь трудно что-нибудь переслать. Вотъ если миръ сдѣлаемъ—другое дѣло! Но это все въ мракѣ будущности. Очень сожалѣю я о Вашемъ нездоровьѣ и надѣюсь, что деревенскій воздухъ Васъ возстановитъ. Пишите ко мнѣ и я буду писать къ Вамъ. При оказіи пришлите 2-ю часть Вашего перевода на имя Панаева (т. е. въ редакцію Современника). Кланяйтесь всѣмъ добрымъ знакомымъ не забывая Пича. Жму Вамъ руку—изъ деревни напишу письмо побольше а теперь нѣкогда—хлопотъ полонъ ротъ. Прощайте, будьте здоровы и веселы. Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

Берл. Кор. библ. Ф. № а 57.

Авг. Ѳед. Видертъ (1830—1888), одинъ изъ собесѣдниковъ Фарнгагена фонъ-Энзе, не разъ упоминаемый въ его Tagebücher, родился въ Москвѣ, но пріѣхалъ въ Россію окончательно въ 1857 г. и принялъ русское подданство въ 1858 г. Былъ лекторомъ нѣмецкаго языка въ Спб. университетѣ, 1875—1888 г. Переводъ Записокъ Охотника, имъ сдѣланный, вышелъ въ Берлинѣ въ 1854 г., а въ 1857 уже вторымъ изданіемъ.

А. С. Хомяковъ—гр. А. Д. Блудовой.

Спб. 1850 г.

Увы поздно дали Вы мнѣ порученіе, Графиня, и я не могъ уже ничего найти на темномъ фонѣ; но посѣтивъ не мало магазиновъ пріобрелъ платье необычайно, говорятъ, дешево, а объ изящности предоставляю судить Вамъ самимъ, но къ несчастью на бѣломъ фонѣ. Мать моя измѣняетъ мнѣ, Муза давно измѣнила; но самъ я также не способенъ къ измѣнѣ

какъ и Елачичь. У Фридриха Барбароссы могла быть борода длиннѣе моей, но повѣрьте рыцарства въ ней было не болѣе.—Примите же ее подъ свое покровительство. Завтра буду имѣть честь быть у Васъ и съ Александромъ Николаевичемъ если у него перестанетъ головная боль.—Примите увѣреніе въ моей совершенной преданности и почтенія Вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Хомяковъ.

Берл. Кор. библ. Ф. № а 11 съ помѣтой A. Chomacoff. На уцѣлѣвшей облаткѣ видны буквы А. Х.

Елачичъ — извѣстный хорватскій банъ, прославившійся въ 1848—1849 г. Алекс. Ник.—вѣроятно Поповъ—изв. историкъ, между прочимъ войны 1812 года.

Сообщ. И. Шляпкинъ.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность.

(*Окончаніе*).

VII [1]).

Переписка Лопухина съ А. М. Кутузовымъ. Характеръ этой переписки.—Письма Лопухина къ Сперанскому. Письмо Сперанскаго.—Вопросъ о долгахъ Лопухина.—Письма Лопухина къ Д. П. Руничу. Значеніе ихъ.—Послѣдніе литературные труды Лопухина.—Отношеніе Лопухина къ Наполеону.—Кончина Лопухина.

Въ этой главѣ мы разсмотримъ переписку Лопухина съ масономъ Кутузовымъ и знаменитымъ Сперанскимъ, а также письма Лопухина къ Руничу, тоже своего рода знаменитости.

Выше (III гл.) мы говорили о шпіонствѣ за масонами. Лопухинъ увѣрялъ, что его письма распечатывали на почтѣ. Увѣреніе это не было голословнымъ. Московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель снималъ копіи съ писемъ, казавшихся ему почему-либо подозрительными, и отправлялъ эти копіи московскому главнокомандующему кн. Прозоровскому.

Къ числу такихъ писемъ и принадлежатъ 12 писемъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" 1871 г. т. IX—подъ заглавіемъ „Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II: секретная вскрытая переписка", и 13 писемъ (за время съ 20-го ноября 1790 г. по 17-е іюня 1791 г.), помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ, 1896 г. т. LXXXVIII, подъ заглавіемъ „Товарищи и птенцы Н. И. Новикова" (ихъ взаимная переписка). Изъ этихъ писемъ—13 отъ Лопухина къ Кутузову, 8 отъ Кутузова къ Лопухину, 3 отъ Невзорова и Колокольникова и 1 отъ Колокольникова къ Лопухину.

Переписка Лопухина съ Кутузовымъ относится къ 1790–1791 годамъ, времени ссылки Радищева, автора извѣстной книги „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". Алексѣй

[1]) См. „Вѣстникъ Времени и Исторіи" апрѣль.

Мих. Кутузовъ былъ другомъ Радищева и вмѣстѣ съ нимъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Проживая въ Берлинѣ, онъ не могъ знать всѣхъ подробностей ссылки своего несчастнаго друга и потому просилъ Лопухина сообщать ему обо всемъ, касавшемся Радищева. Почти во всѣхъ разбираемыхъ нами письмахъ мы встрѣчаемъ имя Радищева, и оно служитъ центромъ, вокругъ котораго вращается содержаніе интересной переписки. Въ первомъ письмѣ отъ 23-го сентября 1790 г. Philus (масонское имя Лопухина) сообщаетъ своему другу слѣдующую новость. „О Радищевѣ сказываютъ, что онъ, лишенный чиновъ и дворянства, отправленъ на 10 лѣтъ въ ссылку. Указа о семъ я еще не читалъ. О семействѣ его Государыня, сказываютъ, взяла попеченіе, свойственное ея милосердію. Книгу его, по сіе время, не могу достать прочесть для любопытства“. Другое письмо отъ 30-го сентября того же года почти цѣликомъ посвящено Радищеву. Общество, видимо, было взволновано его ссылкою. „Что жъ тебѣ сказать новаго?— спрашиваетъ Philus. Ничего интереснаго не знаю. Радищевъ, подлинно, сосланъ на 10 лѣтъ въ одно отдаленное мѣсто Сибири, слишкомъ за 5.000 верстъ отъ Москвы, черезъ которую уже онъ и провезенъ. Онъ, сказываютъ, въ раскаяніи, и многіе видѣли его. Я, совсѣмъ не зная его и даже лица его никогда не видавъ, по человѣколюбію только сожалѣю о его судьбѣ и о заблужденіяхъ его, и не знаю, то или другое заслуживаетъ большаго сожалѣнія въ разсужденіи истиннаго его блага... Сіе мучительное, конечно, для тѣла состояніе, въ которомъ онъ нынѣ находится, можетъ быть, полезно будетъ душѣ его, яко могущее ему способствовать увидѣть свои заблужденія, обратиться на путь христіанскій, на которомъ стоя не можно дѣлать такихъ дѣлъ, за каковое онъ теперь страждетъ. Да, конечно, я думаю, не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ“. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, Лопухинъ имѣлъ самое темное представленіе о винѣ Радищева и судилъ о немъ по слухамъ, рисуя себѣ автора „Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву“ какимъ-то злодѣемъ, достойнымъ ссылки. Новѣйшее изслѣдованіе о Радищевѣ акад. М. И. Сухомлинова [1]) и рецензія на трудъ Сухомлинова, написанная проф. А. И. Незеленовымъ,

---

[1]) По мнѣнію М. И. Сухомлинова, истинную причину опалы на Радищева было то обстоятельство, что императрица Екатерина прочитала его сочиненіе во время французской революціи, а послѣ нея. (Изслѣд. и статьи по русск. лит. т., I, стр. 571—573).

показываютъ ошибочность подобнаго взгляда на этого замѣчательнаго человѣка. Въ письмѣ отъ 31-го окт., уже за подписью Лопухина, мы читаемъ: „Ты желаешь отъ меня подробнаго описанія объ участи Радищева [1]). Я писалъ тебѣ все, что могъ узнать, въ прежнихъ письмахъ моихъ, которыя теперь всѣ почти должны быть у тебя. Что жъ впредь узнаю, не оставлю сообщить. Нынѣ одни говорятъ, что уже не велѣно его провозить въ Сибирь, а къ отцу, другіе, что онъ на дорогѣ умеръ..." И немного далѣе: „Онъ самъ себя повергъ въ несчастіе—это правда, но тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Мнѣ никогда не случалось его въ лицо видѣть, но слышалъ, что много имѣлъ достоинствъ. Что принадлежитъ до того, что, не взирая на дружбу вашу, сентименты ваши въ разсужденіи религіи и политики совсѣмъ не сходствуютъ, въ томъ, я думаю, теперь всѣ здѣсь увѣрены, кромѣ развѣ малаго числа несчастныхъ, которые не хотятъ себя лишать адскаго удовольствія зло мыслить о людяхъ".

Въ письмѣ къ Кутузову отъ 7-го ноября 1790 г. Лопухинъ безпокоится, не имѣя долго писемъ отъ Колокольникова и Невзорова; затѣмъ по поводу распускаемыхъ «злоязычниками» слуховъ о томъ, будто бы вышеупомянутые студенты находятся во Франціи и «посланы воспитываться въ духѣ анархическомъ», авторъ письма подробно трактуетъ какъ о несправедливости этихъ поклеповъ, такъ и о сущности масонскаго ученія. Въ томъ же письмѣ Лопухинъ высказываетъ искреннее свое желаніе предостеречь молодыхъ людей отъ знакомства «съ новоявившимися въ мірѣ иллюминатами». Насколько позволяютъ судить изслѣдованія масонства, иллюминаты не были свободны отъ вмѣшательства въ политику. Среди московскихъ масоновъ господствовало сильное предубѣжденіе противъ иллюминатовъ [2]), которыхъ они считали за людей, способныхъ на всякаго рода политическіе перевороты. Ясно, почему Лопухинъ такъ боялся общенія съ иллюминатами и предостерегалъ своихъ

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Кутузова отъ 2-го окт. 1790 г.

[2]) Г-нъ В. В. Сиповскій, о взглядѣ котораго на московск. масоновъ мы имѣли уже случай говорить (гл. II), свое окончательное мнѣніе о связи Новикова съ иллюминатами высказываетъ въ формѣ слѣдующаго раздѣлительнаго сужденія: «или онъ былъ иллюминатомъ *сознательно* и отвергалъ свою связь съ ними, руководясь убѣжденіемъ, что цѣль освящаетъ средство», что ради возвышенныхъ цѣлей иллюминатства можно было покривить душой; — или онъ былъ иллюминатомъ, самъ того не зная и, имѣя объ иллюминатахъ представленіе, какъ о какихъ-то злодѣяхъ, царе-убійцахъ, революціонерахъ, искренне отвергалъ всякую солидарность съ ними». («Новик., Шварцъ и московское масонство», стр. 15—16, примѣч.).

питомцевъ отъ знакомства съ ними. Въ концѣ письма находится упоминаніе о Радищевѣ. „О Радищевѣ ничего не знаю, не будучи знакомъ съ его знакомыми или интересующимися о немъ.... Отпишу къ тебѣ, ежели узнаю, что онъ умеръ или живъ".

Въ октябрѣ 1790 г. Лопухинъ былъ немного боленъ. Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ въ письмѣ своемъ отъ 1-го ноября восклицаетъ: «помни, сердечный другъ, что жизнь твоя многимъ надобна и что она есть сокровище, не тебѣ одному принадлежащее». Поблагодаривъ Лопухина «за пріятное увѣдомленіе объ облегченіи участи несчастнаго друга», Кутузовъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что мой другъ неудобенъ имѣть злыхъ намѣреній; но несчастіе его находится въ заблужденіи... Не удивительно мнѣ, что несчастнаго моего друга называютъ мартинистомъ, ибо сіе имя даютъ каждому безъ всякаго разбора; да и какъ сему быть иначе, когда ни о чемъ не размышляютъ, даже и самое слово мартинистъ есть по сіе время загадка, которую они не рѣшили». Вотъ любопытное указаніе на то, сколь загадочнымъ, въ самомъ дѣлѣ, представлялось современникамъ не только ученіе мартинистовъ, но даже самое слово „мартинистъ"! Въ глазахъ нашихъ предковъ и Радищевъ и Лопухинъ были одинаково мартинистами.

6-го ноября 1790 г. Колокольниковъ и Невзоровъ отправили изъ Лейдена письмо своему благодѣтелю.—Это письмо показываетъ, что Лопухинскіе питомцы, далекіе отъ политическихъ козней, старательно избѣгали злополучной Франціи. «Завтра (писали они) отправляемся мы въ путь, по совѣту вашему, въ Швейцарію, гдѣ остановимся или въ Бернѣ или въ Лаузанѣ, потому что въ обоихъ сихъ мѣстахъ имѣются академіи. Чтобы миновать Франціи, то мы поѣдемъ черезъ нѣкоторые города нѣмецкіе, а именно Клевъ, Кельнъ и Майнцъ; такимъ образомъ, мы не только минуемъ Франціи, но и Брабанта, гдѣ больше еще мятежа, нежели во Франціи». Отказавшись, по пріѣздѣ въ Страсбургъ, отъ мысли посѣтить Швейцарію («академіи не стоятъ того, чтобы ѣхать для нихъ издалека»), наши студенты задумали было, для усовершенствованія въ медицинѣ, химіи и естественныхъ наукахъ, отправиться въ Парижъ, но наканунѣ отъѣзда напалъ на нихъ обоихъ «духъ безпокойства», такъ что они «ни обѣдать, ни ужинать не могли, и поѣздка въ Парижъ не состоялась. (Письмо изъ Страсбурга отъ 20-го ноября 1790 г.).

Еще два слова о перепискѣ Лопухина съ Кутузовымъ. Въ

письмѣ отъ 28-го ноября Лопухинъ удивляется тому, что «господа блюстители благочинія», съ цѣлью обвинить въ чемъ-либо членовъ типографической компаніи, занимаются «развѣдываніями, подсматриваніями и подыскиваніями" и въ то же время спокойно относятся къ возмутительнымъ поступкамъ одного его „отмѣнно развратнаго" родственника Ивана Петровича Лопухина: при этомъ авторъ письма приписываетъ своему родственнику такія „щегольскія дѣла въ плутовствѣ, разныхъ неистовствахъ, тиранствѣ", что волосы становятся дыбомъ, и за человѣка дѣлается страшно. „Рубилъ онъ—говорится въ письмѣ о родственникѣ Лопухина—людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною и самъ тѣмъ питался" [1]). Много мы читали о звѣрствахъ помѣщиковъ, но о такой мерзости, о полной извращенности человѣческой натуры не читывали и не слыхивали..... Когда по справкѣ все доносимое на помѣщика оказалось справедливымъ, назвали его безумнымъ и опредѣлили отдать подъ опеку, гдѣ помѣщикъ продолжалъ разгульную жизнь, и „съ нимъ многіе разныхъ сортовъ люди пьютъ, гуляютъ и карманы набиваютъ".

Въ письмѣ отъ 3-го февраля 1791 г. Лопухинъ отвѣчаетъ на запросъ Кутузова (отъ 3-го декабря 1790 г.) о Карамзинѣ по поводу его „скоропостижнаго авторства" (имѣется въ виду изданіе „Московскаго журнала") и охлажденія къ масонамъ. „Карамзину хочется непремѣнно—пишетъ Лопухинъ—сдѣлаться писателемъ, такъ, какъ князю Прозоровскому истреблять мартинистовъ; но думаю, оба равный будутъ имѣть успѣхъ: обоимъ, чаю, тужить о неудачѣ". Ни то, ни другое чаяніе Лопухина не сбылось: кн. Прозоровскому удалось справиться съ мартинистами, а Карамзину суждено было начать собою новый періодъ русской литературы. Впрочемъ, Лопухинъ въ скоромъ времени измѣнилъ свое мнѣніе объ авторствѣ Карамзина, и въ 1794 г. въ одномъ изъ своихъ трудовъ восторженно, какъ мы видѣли, отзывается о новомъ слогѣ „любезнаго путешественника". Въ томъ же письмѣ Лопухина находится сообщеніе о Радищевѣ и сужденіе объ его поступкѣ. „О несчастномъ твоемъ Радищевѣ ничего я не слыхалъ послѣ того, какъ одинъ пріѣхавшій изъ Сибири сказывалъ мнѣ, что онъ проѣзжая встрѣтилъ его по ту сторону Перми.... Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ-нибудь истину своему

---

[1]) „Русская Старина" 1896 г. LXXXVIII, стр. 327.

государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и какъ я увѣренъ, приметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный».

Обратимся къ перепискѣ Лопухина со Сперанскимъ. Еще въ бытность свою статсъ-секретаремъ при императорѣ Павлѣ Лопухинъ нерѣдко тогда встрѣчалъ Сперанскаго, молодаго генералъ-прокурорскаго чиновника, который «особенно ему полюбился» и которому онъ оказывалъ покровительство [1].

Дошедшая до насъ переписка позднѣйшаго времени, а именно 1804, 1805 и 1806 годовъ, свидѣтельствуютъ, что Сперанскій былъ коротко знакомъ съ Лопухинымъ, читалъ, по его указанію, масонскія книги, вообще обнаруживалъ большую склонность къ мистицизму. „Нравственная философія самого Сперанскаго—говоритъ А. Н. Пыпинъ—издавна отличалась такимъ характеромъ, что ему могъ быть близокъ масонскій идеализмъ не только такого человѣка, какъ Фесслеръ [2], но даже и такого, какъ Лопухинъ". („Общественное движеніе при Александрѣ I", стр. 323).

Большая часть писемъ Лопухина къ Сперанскому („Русскій Архивъ" 1870 г., стр. 609 и слѣд.) отправлена изъ Москвы, одно (пятое) изъ Симферополя и одно, послѣднее (безъ обозначенія года и мѣсяца), вѣроятно, городское, изъ Петербурга, какъ заставляютъ предполагать нѣкоторыя данныя письма. „Я было—пишетъ въ этомъ письмѣ Лопухинъ—и сегодня собрался къ вамъ на островъ, да принужденъ былъ принять лѣкарство. Я очень нездоровъ весь. Особливо флюсы меня мучатъ".

Посмотримъ, сколь ревностно нашъ масонъ знакомитъ Сперанскаго съ мистическими твореніями и авторитетами своей школы.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 24-го октября 1804 г. Лопухинъ писалъ: «Kempis, Фенелонъ, Таулеръ всегда должны составлять наилучшее и самое питательное чтеніе для ищущихъ истины и прямаго дѣла... Завтра по тяжелой почтѣ отправляю къ

[1]) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Т. I. стр. 79.

[2]) Фесслеръ (1756—1839 г.), реформаторъ масонскаго ордена, отвергавшій такъ наз. «высшія степени», какъ чуждыя настоящему масонству, былъ вызванъ въ январѣ 1810 г. въ Россію Сперанскимъ и занималъ нѣкоторое время каѳедру еврейскаго яз., а потомъ философіи въ С.-Петербургской духовной академіи. Обвиненный въ недозволительномъ вольнодумствѣ, онъ долженъ былъ выйти изъ академіи и, наконецъ, удалился въ Саратовъ, гдѣ былъ лютеранскимъ суперъ-интендентомъ.

вамъ всѣ сочиненія M-me Guion, кромѣ 3-хъ томовъ, которыхъ недостаетъ». Другое письмо отъ 11-го ноября 1804 г. (изъ Москвы же) начинается такъ: «Сердечно обнимая васъ, любящаго и почтеннаго моего друга, спѣшу послать къ вамъ обѣщанную мною книгу. Она сокровище, единственная въ томъ родѣ, въ какомъ вы желали». Какую книгу послалъ Лопухинъ — мы не знаемъ. Въ письмѣ отъ 24-го ноября Лопухинъ упоминаетъ о присылкѣ Сперанскому какой-то «предрагоцѣнной» книги, «изъ самаго высокаго степени просвѣщенія писанной». Изъ того же письма мы узнаемъ, что Лопухинъ послалъ своему другу: 1) 4 экземпляра Quelques traits de l'église etc., т. е. 4 экз. своего сочиненія „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви" и 2) „Духовный путеуказатель, которой подлинно указатель доброй". (Полное заглавіе этого весьма рѣдкаго и важнаго въ глазахъ мартинистовъ сочиненія слѣдующее: „Духовный путеуказатель, служащій къ отвлеченію души отъ чувственныхъ вещей". Соп. ч. 2 № 3506, пер. съ нѣм.). Въ письмѣ изъ Симферополя отъ 30-го марта 1805 г. Иванъ Владиміровичъ жалуется на лихорадку и сообщаетъ о своемъ намѣреніи вернуться въ Москву. „Такою дальнею и безвременною отлучкою моею — пишетъ онъ — совершенно разоряется мое состояніе... а я бы не изъ сребролюбія, котораго, извѣстно, что я чуждъ и въ добродѣтель мою не ставлю (у меня безсребренничество природное, темпераментальное), но по прямой надобности желалъ бы я, чтобъ мнѣ оставили столовыя, и хотя бы половину нынѣ получаемыхъ". Слова эти показываютъ, какъ запутаны были въ то время денежныя дѣла Лопухина. Въ концѣ письма Лопухинъ выражаетъ свою радость по поводу того обстоятельства, что Сперанскому нравятся сочиненія M. G. (т. е. мистическія сочиненія г-жи Гюйонъ). „Они подлинно сокровище духовное. Читайте, пожалуйста, ея письма. Чтеніе ихъ особливо интересно и полезно". Лопухинъ совѣтуетъ своему „другу" выбрать что-либо изъ сочиненій M. G. для перевода. „Я бы ожидалъ отъ этого chef d'œuvre въ переводѣ", прибавляетъ онъ. Въ шестомъ письмѣ (Москва, 13-го октября 1805 г.) Лопухинъ писалъ: „Спѣшу послать къ вамъ книги: „Le chemin pour aller à Christ" [1]) и „La presence de Dieu". Извѣстно ли вамъ, что

---

1) Сочин. извѣстнаго мистика Якова Бема (ум. въ 1625 г.). Бемъ былъ главнымъ представителемъ мистическаго ученія и написалъ множество мистическихъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ странную смѣсь богословія, метафизики, алхиміи и астрологіи.

послѣдняя есть сочиненіе того же Дютуа, который писалъ „La philosophie Divine“; она въ своемъ родѣ изъ драгоцѣннѣйшихъ“.

Съ тѣмъ же письмомъ были посланы Сперанскому: „Les fruits de la Grâce“ (соч. Лопухина и кн. Репнина), „Idées diverses“ etc, (соч. кн. Репнина) и „Révélations etc. переводъ съ русскаго манускрипта нѣкотораго Красвича“. Большой интересъ заключается также въ седьмомъ письмѣ (Москва, 2-го ноября 1805 г.), въ которомъ Лопухинъ выражаетъ свой восторгъ по поводу «прилежныхъ занятій» Сперанскаго. „Кромѣ частной пользы—заключаетъ онъ—я увѣренъ, что вы будете важнымъ орудіемъ для общаго въ кругѣ истины, но употребленію на свѣтъ ея рѣдкихъ вашихъ свойствъ. P. S. Скоро выйдутъ сочиненія нѣкотораго Штиллинга; то-то сокровище“. Мы видимъ, какія огромныя надежды возлагалъ Лопухинъ на Сперанскаго, думая сдѣлать изъ своего «почтеннаго друга» ревностнаго масона. Письмомъ изъ Москвы отъ 19-го іюня 1806 г. Лопухинъ увѣдомляетъ Сперанскаго о высылкѣ ему 3-хъ экземпляровъ „преизящной“ книги „Пастырскаго Посланія“, т. е. „Пастырскаго посланія къ истиннымъ и справедливымъ свободнымъ каменщикамъ древней системы“. Въ томъ же письмѣ мы находимъ отзывъ Лопухина о „Сіонскомъ Вѣстникѣ“, журналѣ, издаваемомъ извѣстнымъ масономъ младшаго поколѣнія Лабзинымъ. „Вѣдь очень хорошій журналъ“!—восклицаетъ Лопухинъ: „желательно, чтобы ходъ его не остановился. Издателю спасибо!“ Приведемъ изъ этого письма еще нѣсколько строкъ, рисующихъ затруднительное финансовое положеніе Лопухина. „Я довольно здоровъ теперь,—пишетъ онъ,—только засуеченъ домашними обстоятельствами. Хлопочу о продажѣ деревень. Хочется расплатиться и успокоить себя подъ старость, приближающуюся немедленными шагами. А между тѣмъ инымъ хочется меня потѣснить, чтобъ воспользоваться“. Къ послѣднему письму (безъ даты) Лопухинъ, по просьбѣ Сперанскаго, приложилъ реестръ «нѣкоторымъ писателямъ, самымъ кореннымъ, которыхъ записалъ на память». Въ реестрѣ, кромѣ писателей, весьма любимыхъ нашими мистиками, какъ-то: Ѳомы Кемпійскаго, Масона, Арндта, Я. Бема, Пордеча, С. Мартена, Штиллинга, упомянуты еще слѣдующіе: Taulerus (Tauler), Rusbrochius, Molinos, St. Jean de la Croix, Catherine de Gênes; M-me Guion, Poiret, Fénélon, Arnold и Du Toit.

—

Въ томъ же „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г. напечатано

письмо М. М. Сперанскаго къ Лопухину. „Если люди — писалъ Сперанскій — въ понятіяхъ вѣчной истины и любви не будутъ говорить другъ другу правды, то я не знаю, въ чемъ же состоять будетъ святость ихъ союзовъ и польза ихъ сношеній? Споры ваши съ Тургеневымъ и вообще долговыя дѣла ваши извѣстны мнѣ были прежде, нежели вы о нихъ ко мнѣ написали: по привязанности моей къ вамъ, и даже по нѣкоторой ревности къ вашему имени, я долженъ былъ имѣть о нихъ познаніе. Быть богатымъ и употреблять богатство на предметы благотворенія, конечно, хорошо, но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было впрочемъ ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло непохвальное; а въ васъ оно и совсѣмъ не понятно. Оно опечалило друзей вашихъ, обрадовало завистниковъ и невѣжей, возродило старыя нареканія и, что всего горше, соблазнило слабыхъ. Въ чемъ состоитъ вся сія соблазнительная тяжба? Всѣ заимодавцы ваши имѣютъ право на ваше имѣніе: ибо долгъ, въ срокъ незаплаченный, есть завладѣніе чужаго. Въ числѣ сихъ должниковъ одинъ ищетъ быть прежде другихъ удовлетвореннымъ. Какая вамъ до сего нужда? Имѣніе не вамъ принадлежитъ, а заимодавцамъ. Положимъ, что вы вступаетесь за нихъ. Но кто далъ вамъ право учреждать степени нужды и удовлетворенія въ имѣніи чуждомъ? Вы владѣете имъ единственно по праву сильнаго, или, лучше сказать, по слабости долговыхъ нашихъ законовъ. Такимъ образомъ, вступивъ въ чужую тяжбу, въ дѣло вашихъ заимодавцевъ, и споря о чужомъ имѣніи, вы довели дѣло до сената. Здѣсь по крайней мѣрѣ время было остановиться; но вы поступили далѣе. Высшее правительство, не какими силами человѣческими, но Богомъ и Государемъ конечно по лучшему возможному плану учрежденное и не безъ Промысла существующее, рѣшило дѣло не по вашему мнѣнію. Простая гражданская скромность и умѣренность въ дѣлѣ корысти, не говоря уже о христіанскомъ смиреніи и самоотверженіи, должна была васъ заставить пожертвовать вашимъ мнѣніемъ; но вы рѣшились лучше предпочесть его всему, рѣшились назвать ихъ всѣхъ беззаконниками и сущими поборниками неправды (истинный смыслъ письма вашего къ Государю), нежели покориться...» Въ заключеніе Сперанскій проситъ Лопухина прислать ему экземпляръ «Записокъ», «въ знакъ прощенія за грубыя истины письма».

Не правда ли, какое ошеломляющее дѣйствіе производитъ на васъ это краснорѣчивое письмо, особливо послѣ всѣхъ за-

явленій о человѣколюбіи, незлобіи, «темпераментальномъ безсребренничествѣ» и тому подобныхъ высокихъ нравственныхъ качествахъ Лопухина? Хочется какъ-то даже не вѣрить Сперанскому: столь сильно запечатлѣлся въ нашей душѣ образъ честнаго и правдиваго Лопухина! Мы не намѣрены ни защищать нашего масона, ни обвинять его; мы предоставимъ ему только право голоса, право сказать что-либо въ свое оправданіе. Благосклонный читатель пусть самъ станетъ посредникомъ между обвинителемъ и обвиняемымъ. Скажемъ сначала, какъ образовались долги у Лопухина. Мы вѣдь знаемъ, что онъ былъ богатый человѣкъ и удѣлялъ большую часть своего состоянія бѣднымъ и на благотворительныя дѣла. Вотъ что разсказываетъ о благотворительности Лопухина извѣстный уже намъ Ѳ. П. Лубяновскій. «Сомнѣваюсь, было ли въ Москвѣ такое глухое захолустье, куда бы онъ по временамъ не заходилъ и гдѣ жители не сбѣгались бы поклониться и здоровья пожелать батюшкѣ Ивану Владиміровичу. «Не даромъ ты зашелъ къ намъ, Московскій нашъ Іоаннъ Милостивый,—говорили ему — есть у насъ и круглые сироты, и неизлѣчимо больные, и немощные старцы. Покажемъ тебѣ ихъ, но изволишь ли помочь имъ?» Пріятно ему было желаніе жителей помощи отъ него тѣмъ, кто въ ней подлинно нуждался. Страсть по евангельской любви помогать ближнему завлекала его: лѣвая рука не знала, что дѣлала правая. Не это была главная причина долговъ и неразлучныхъ съ ними заботъ его: были другія важнѣйшія, не отъ него“ [1]). Послѣ масонскаго погрома 1792 года всѣ пайщики типографической компаніи понесли огромные убытки, денежныя дѣла Лопухина приняли дурной оборотъ, и нашъ масонъ запутался въ долгахъ. «Это главная причина долговъ моихъ», говорилъ онъ по поводу убытковъ, понесенныхъ компаніей. Проживая въ Петербургѣ по дѣламъ Крымской коммиссіи, Лопухинъ подалъ Государю записку съ просьбою о покупкѣ у него деревень и о заимообразномъ пожалованіи денегъ. Въ запискѣ этой, переданной государю черезъ гр. Кочубея, были, по словамъ автора, «весьма справедливо и откровенно» описаны всѣ причины его долговъ. «Не родился я конечно, — писалъ, между прочимъ, Лопухинъ Государю,—охотникомъ до денегъ, но всегда ненавидѣлъ мотовство. Нельзя сказать, чтобъ никогда ничѣмъ я не жертвовалъ страстямъ моимъ и слабостямъ; однако жертвы

[1]) «Воспоминанія Лубяновскаго» („Русск. Архивъ“ 1872 г., стр. 135).

мои имъ, если имѣли, то самое малое вліяніе на долги мои. Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ, и никогда не давалъ ихъ, но, можетъ быть, слишкомъ всегда былъ противъ нихъ предубѣжденъ. Не только не игралъ я никогда въ большія игры, но даже и въ такія, какихъ меньше не играютъ въ знатныхъ бесѣдахъ... Страстно любя полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ, и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели. Въ томъ числѣ знатныя суммы употребилъ я не съ намѣреніемъ прибытка, однако, не имѣвъ намѣренія употребить ихъ и безвозвратно. Но какъ стеченіе разныхъ случаевъ, обстоятельствъ и расположеній человѣческихъ, все оное несчастію представя въ видахъ совсѣмъ превратныхъ, наконецъ разстроило весьма поразительнымъ разрушеніемъ, то я изъ тѣхъ суммъ, которыя возвратить мнѣ слѣдовало, едва ли гривну получилъ за рубль». («Записки», стр. 119 — 120). «Ни слова бы не сказалъ я,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ записки,—если бы не крайность заставила. Прибѣгаю къ средству сему, чтобъ сохранить мою честь, которой дорожу въ видахъ любви къ правдѣ и человѣчеству» («Зап.», 121).

Государь отказалъ въ просьбѣ Лопухину на томъ основаніи, что „денегъ въ кабинетѣ не было"; зато „пожаловалъ ему хорошую аренду". Не изъ корыстныхъ цѣлей затѣялъ Лопухинъ тяжбу съ кредиторами, а „съ прискорбностью" и вслѣдствіе „крайности", т. е. недостатка въ денежныхъ средствахъ, и при томъ увѣренный въ правотѣ своего дѣла. Послѣднее въ достаточной мѣрѣ подтверждается слѣдующими его словами: «Нѣкоторые изъ ближайшихъ тогда къ Государю,—говоритъ онъ про своихъ недоброжелателей,—оказали себя въ разсужденіи меня совсѣмъ не подражающими его добродѣтелямъ. Они по сіе время злобятся на меня за образъ моихъ мыслей о милиціи, въ планѣ коей они наиболѣе участвовали, и не постыдились въ пристрастіи и злобѣ обличить себя дачею такого голоса по дѣлу о долгахъ моихъ въ общемъ собраніи первыхъ 3-хъ департаментовъ, въ которомъ *совершенно отступили отъ всякой справедливости и законовъ*. Голосъ сей, съ пособіемъ малодушнаго угодничества, холодности къ правосудію и незнанію, былъ причиною, наконецъ, *самаго несправедливаго* и разорительнаго для меня рѣшенія онаго дѣла» («Записки», стр. 157).

Чтобы покончить съ вопросомъ о долгахъ Лопухина, при-

ведемъ, въ заключеніе, выдержку изъ статьи Воейкова: «Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ».

«Ив. Влад. (разсказываетъ Воейковъ, близко знавшій его) щедрою рукою разсыпалъ золото нищимъ: богатаго наслѣдственнаго имѣнія его было бы на сіе весьма достаточно. Стеченіе случаевъ, столь же бѣдственныхъ и непредвидимыхъ, какъ пожаръ, какъ наводненіе, разстроило дѣла его. Онъ вошелъ въ большіе долги; алчное корыстолюбіе сперва непомѣрными процентами, а потомъ стѣснительными мѣрами для обезпеченія своихъ денегъ, поставило его въ совершенную невозможность удовлетворить всѣхъ его заимодавцевъ, хотя продажею деревень его легко бы можно угасить всѣ долги и взысканія. Тутъ открылось обширное поле для обвиненія добродѣтельнаго — въ зломъ умыслѣ, безкорыстнаго — въ корысти! Это отравило послѣдніе годы сего добродѣтельнаго мужа. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ лѣтомъ въ 1814 году: онъ былъ неутѣшенъ, растроганъ и со слезами показывалъ мнѣ упреками наполненныя письма богатыхъ своихъ заимодавцевъ». («Новости литературы» 1825 г. Май). По смерти Лопухина, какъ свидѣтельствуетъ Лубяновскій, все имѣніе его было продано; старинный домъ Лопухинскій обратился въ достойное употребленіе, въ церковь, а кредиторы всѣ свое получили и не безъ лихвы» („Русскій Архивъ" 1872 г., стр. 135).

Кромѣ переписки Лопухина съ графомъ Сперанскимъ, „незабвеннымъ геніемъ, обновителемъ русскаго канцелярскаго слога, образовавшагося по слогу Уложенія и до учрежденія министерствъ доступнаго одному поколѣнію подъячихъ", для насъ представляютъ интересъ письма его къ тому лицу, которому принадлежатъ отмѣченныя кавычками слова [1]). Это — Дм. Пав. Руничъ, управляющій съ 1812 г. московскимъ почтамтомъ; позднѣе онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность должности попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, открывши въ университетѣ вредное ученіе (въ 1821 г.), и какъ ревностный пособникъ Магницкаго, составившаго своеобразный проектъ цензурнаго устава (1823 г.).

Письма Лопухина къ Руничу („Русскій Архивъ" 1870 г. стр. 1215—1236) важны для насъ, какъ единственный источникъ, откуда мы можемъ почерпнуть кое-какія свѣдѣнія о

[1]) „Русская Старина" 1896 г. Т. LXXXVIII, стр. 301. „Изъ Записокъ Д. П. Рунича".

послѣднихъ годахъ жизни Лопухина въ селѣ Воскресенскомъ. Первое письмо, отправленное изъ подмосковнаго села Савинскаго, имѣетъ дату 8 декабря 1812 г., послѣднее, 12-е письмо,— 14 іюня 1815 г. Всѣ письма, кромѣ перваго, отправлены были изъ села Воскресенскаго.

Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, какъ Лопухинъ проводилъ время въ деревнѣ, какими жилъ интересами, какъ относился къ событіямъ въ политическомъ мірѣ, напр., къ паденію Наполеона и т. д. Такъ, въ письмѣ XI отъ 5 апрѣля 1815 г. онъ сообщаетъ: „живучи въ глубокомъ уединеніи, утѣшаюсь только упражненіями своей маленькой домашней церкви, которая продолжаетъ заниматься сочиненіями и переводами". Въ письмахъ (отъ 7-го января 1813 г.) мы встрѣчаемъ и просьбы, обращенныя къ Руничу, какъ къ начальнику почтамта: то онъ проситъ пощадить почтоваго экспедитора, обвиненнаго въ опущеніи по службѣ, то посодѣйствовать, сколько возможно, распространенію „преполезнаго" журнала „Другъ Юношества". Замѣтимъ здѣсь кстати, что съ послѣднею просьбою Лопухинъ обратился также къ своимъ горячимъ приверженцамъ и послѣдователямъ, жившимъ въ Казани (С. А. Москотильникову, совѣтнику губерн. прав.); имъ же онъ поручалъ иногда дѣлать пособіе одному (а отнюдь не нѣсколькимъ — чтобы помощь была чувствительнѣе) изъ невольныхъ путешественниковъ, проходящихъ черезъ Арское поле, въ Сибирь на житье и на работу, и на вопросъ объ имени подателя предлагать только молиться: да пріидетъ царствіе Божіе и да будетъ воля Его [1]).

Большое наслажденіе доставляли нашему отшельнику литературные труды его племянника Александра Ковалькова, котораго онъ называетъ «чудомъ своего рода». Въ письмѣ отъ 10-го января 1814 г. мы читаемъ: «Вашему высокородію прилагаю въ гостинецъ деревенскую нашу проповѣдь, праздничную, сочиненіе извѣстнаго моего юноши писателя, который нынѣ сталъ и племянникъ мнѣ по женѣ моей [2]). Кромѣ извѣстной, напечатанной, сочиненія его, книги: «Плодъ сердца, полюбившаго истину», онъ продолжаетъ теперь 2 сочиненія: одно въ формѣ бесѣдъ...., другое же можно назвать Theosopho — герметическимъ. Его же до днесь написано 1142

---

[1]) М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I, стр. 224, 511.

[2]) На старости лѣтъ Лопухинъ сочетался бракомъ съ женщиной изъ простаго званія, Матреной Ефимовной Никитиной.

pag. infolio. И въ немъ, ежели Богъ поможетъ юношѣ, кажется, опишется и «и и ъ».

Самъ Иванъ Владиміровичъ, живя въ деревнѣ, тоже не прекращалъ своихъ литературныхъ занятій, по-прежнему сотрудничая въ журналѣ «Другъ Юношества». „Сердечно дружески обнимая васъ, любезный другъ Дм. Павл.,—читаемъ мы въ письмѣ X—спѣшу подарить своего рукодѣлья новопечатанной, и впервые въ Орлѣ, книжкою". Вѣроятно, говорится о книжкѣ: *«Нѣчто для размышленія о молитвѣ и сущности христіанства»*. Орелъ, губ. тип. 1814 г. 16° 44 стр. Сочиненіе это было напечатано также въ „Другѣ Юношества" 1814 г. ноябрь. Въ мартовской книжкѣ журнала за 1813 годъ напечатано оригинальное произведеніе Лопухина *„Примѣры истиннаго геройства или кн. Репнинъ и Фенелонъ въ своихъ собственныхъ чертахъ"*, а въ іюньской и іюльской книжкахъ того же года помѣщенъ Лопухинскій переводъ сочиненія кн. Репнина *„Разныя разсужденія для себя"*. Немного ранѣе, въ ноябрьской книгѣ „Друга Юношества" за 1812 г., появилась статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ: *„Нѣтъ пророкъ въ отечествіи своемъ"*, несомнѣнно принадлежащая Лопухину. Изъ всѣхъ этихъ статей наибольшій интересъ представляетъ вторая, гдѣ авторъ разсматриваетъ подвиги христіанскаго милосердія и благотворительности, свершенные кн. Репнинымъ и Фенелономъ; вся статья вообще проникнута чувствомъ уваженія къ памяти этихъ лицъ, а жизнеописаніе Репнина представляетъ собою панегирикъ добродѣтелямъ умершаго вельможи, вылившійся изъ чистаго сердца преданнаго и вѣрнаго друга.

Изъ писемъ же къ Руничу мы узнаемъ, какъ отнесся Лопухинъ къ извѣстію о паденіи Наполеона. Мы увидимъ, что во взглядѣ своемъ на знаменитаго человѣка онъ былъ солидаренъ съ мнѣніемъ большинства русскихъ людей. Наполеонъ I, достигнувъ апогея своей славы, вызывалъ огромное удивленіе среди современниковъ, благоговѣвшихъ передъ его геніемъ. Но лишь только счастье измѣнило своему любимцу, какъ на него со всѣхъ сторонъ посыпались озлобленные и негодующіе крики, и вмѣсто прежняго благоговѣнія явилась слѣпая ненависть къ поверженному кумиру. Лопухинъ, отрицавшій, по своимъ масонскимъ воззрѣніямъ, кровопролитіе, не могъ, конечно, сочувственно относиться къ военнымъ подвигамъ Наполеона, и вполнѣ понятна радость его, вызванная извѣстіемъ о паденіи до сихъ поръ грознаго врага. „Какая

радость! Слава Богу! (восклицаетъ онъ въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1814 г.). И какіе контрасты! La gloire de Sire Napoléon est morte à Paris et s'enterre ces jours-ci, dans mon selo Woskresensky, Ретяжи тожъ. Здѣсь у насъ на берегу пруда по сторонамъ дерева кладутся по два большихъ камня дикихъ. Одинъ на мѣстѣ отдыху, въ видѣ кресел, съ надписью: *19 Марта 1814 г. взятъ Парижъ.* А другой совсѣмъ необдѣланный, и какъ бы на могилѣ положенъ, съ надписью: *и память вражія погибе съ шумомъ.* Дорожка отъ нихъ ведетъ къ довольно огромному для деревни, изъ нѣсколькихъ большихъ гранитныхъ же камней, стоящему монументу съ надписью: «*Благочестію Александра I и славѣ доблестей Русскихъ въ 1812 году*». Въ письмѣ отъ 10-го мая 1814 года описываются и самыя похороны Бонапартовой славы. «Когда я, вставши съ каменныхъ кресел (говоритъ Лопухинъ), подошелъ къ могилѣ Славы Наполеоновой, и на лежащій на ней камень, съ вырѣзанною же надписью: «и память вражія погибе съ шумомъ», бросилъ песку при словахъ: „слава твоя прахъ и въ прахъ возвращается", то по ракетному сигналу сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ моранами громче пушекъ». Крестьянамъ на память торжества о побѣдѣ и одолѣніи врага были розданы, по словамъ Лопухина, 500 крестиковъ хорошей работы для обыкновеннаго ношенія. Въ концѣ того же письма приложена копія билета, которымъ хозяева приглашали сосѣдей „порадоваться на могилу". Вотъ этотъ билетъ: „Сегодня Маія 6-го въ селѣ Воскресенскомъ, Ретяжи тожъ, по силѣ помочи деревенской, погребается во прахъ свой слава Бонапартова. Хозяева просятъ сдѣлать имъ и себѣ честь и удовольствіе порадоваться на могилу. Погребеніе будетъ по полуночи въ 12-мъ часу, на берегу пруда, за плотиною возлѣ сидѣнья, еже съ надписью о плѣненіи Парижа".

Непріятно, конечно, звучатъ слова «порадоваться на могилу», особенно въ устахъ масона, проповѣдывавшаго любовь къ врагамъ, но столь сильна была въ русскомъ обществѣ ненависть къ побѣжденному, что Лопухинъ не могъ устоять противъ общаго теченія и, забывъ о прощеніи враговъ, присоединился къ числу ликующихъ. Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ интересномъ документѣ, показывающемъ, сколь отвратительною въ глазахъ Лопухина являлась жестокая, «адская», по его выраженію, политика Наполеона. Въ письмѣ (1813 г.) къ Невзорову Лопухинъ проситъ своего питомца напечатать сочиненіе послѣдняго „На-

полеонова политика или царство гибели народной", а въ началѣ книжки „выгравировать фронтиспись, или виньеть, представляющій обнаженнаго человѣка, у котораго изо всѣхъ жилъ пущена кровь, съ надписью: „Плоды Наполеоновой Политики". Просьба Лопухина была исполнена, и любопытная виньетка присоединена къ вышеназванному сочиненію Невзорова, напечатанному въ 1813 году въ Москвѣ, въ Университетской типографіи. Прошло два года, съ небольшимъ, послѣ похоронъ въ Ретяжахъ Бонапартовой славы — и тамъ уже служили панихиду по владѣльцѣ помѣстья. И. В. Лопухинъ скончался въ Ретяжахъ, 22-го іюня 1816 г., послѣ кратковременной болѣзни [1]).

VIII.

Отзывы современниковъ о Лопухинѣ.—«Записка о мартинистахъ», составленная гр. Ѳ. В. Растопчинымъ.—«Изъ старой записной книжки» кн. П. А. Вяземскаго.—Письмо Невзорова къ Поздѣеву.—«Воспоминанія» Ѳ. П. Лубяновскаго.—«Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ» А. Ѳ. Воейкова.—Отзывъ В. А. Жуковскаго.—Письмо къ Лопухину отъ Г. В.—Отзывъ императора Александра I.

Для полноты нашего изслѣдованія мы должны познакомить читателя съ отзывами современниковъ о Лопухинѣ. Большинство отзывовъ оказывается благопріятнымъ для личности нашего масона; только Д. Б. Мертваго, о которомъ мы уже говорили, гр. Растопчинъ и кн. П. А. Вяземскій, особливо второй, расходятся съ мнѣніемъ доброжелателей Лопухина. Хотя на гр. Растопчина и нельзя полагаться вполнѣ, какъ на достовѣрнаго свидѣтеля, но, изъ желанія быть безпристрастными, мы не въ правѣ обойти молчаніемъ его мнѣніе, будь оно даже внушено излишнею ненавистью къ мартинистамъ и къ Лопухину въ особенности. Въ „Запискѣ о мартинистахъ, представленной въ 1811 году великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ" гр. Растопчинъ, изложивъ свой взглядъ на дѣятельность московскихъ филантроповъ, задался цѣлью охарактеризовать нѣкоторыхъ изъ нихъ, и вотъ какое

---

[1]) «Словарь достопамятныхъ людей» Бантыша - Каменскаго. Галаховъ (Ист. Хрест.) и Порфирьевъ (Ист. русск. слов.) мѣстомъ смерти Л-на ошибочно называютъ село Савинское. Воейковъ въ «Нов. Лит.» 1825 г. № 5. стр. 75, говоритъ: «Лопухинъ скончался въ 1816 г. въ Орловской деревнѣ». Село Воскресенское или Ретяжи, Кромск. уѣзда, Орловской губерніи, было мѣстомъ рожденія, смерти и погребенія Лопухина. Свѣдѣніе объ этомъ находится въ надписи на портретѣ Лопухина, хранящемся въ Моск. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ („Русск. Архивъ" 1884 г. Кн. I стр. 3).

мнѣніе высказалъ онъ объ Ив. Вл. Лопухинѣ: „Лопухинъ, человѣкъ *самый безнравственный, пьяница, преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ* [1]), имѣющій 60.000 руб. дохода и разоряющій цѣлыя семейства, которымъ не платилъ, занимая у нихъ деньги; кропатель мистическихъ книгъ, подающій одною рукою милостыню бѣдняку и отгоняющій другою своихъ злосчастныхъ заимодавцевъ“ („Русскій Архивъ“ 1875 г. Кн. III, стр. 77—78). Въ той же „Запискѣ“ гр. Растопчина находимъ слѣдующее свѣдѣніе: „Новиковъ былъ перевезенъ въ Петербургъ [2]). Сначала его посадили въ крѣпость; но кн. Прозоровскій, по извѣтамъ нѣкоторыхъ отступниковъ отъ общества, донесъ, что за бывшимъ у него ужиномъ 30 человѣкъ бросали жребій, *кому изъ нихъ зарѣзать императрицу Екатерину, и что жребій палъ на Лопухина*“.

Мы полагаемъ, что достаточно вспомнить отношеніе Лопухина къ самодержавной власти, чтобы отвергнуть всякую возможность подобнаго случая изъ его жизни.

Кн. П. А. Вяземскій въ своихъ набросказъ, подъ заглавіемъ: «Изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 году», приводитъ Лопухина въ примѣръ того, «что каждая медаль имѣетъ свою обратную сторону, каждая лицевая свою изнанку». «Лопухинъ Ив. Вл., мартинистъ, пріятель и сподвижникъ Новикова,—говоритъ онъ—былъ (также) въ свое время передовымъ человѣкомъ. Чувство благочестія и человѣколюбія было ему сродно. Онъ былъ милостивъ и щедролюбивъ до крайности... (именно до крайности). Одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою занималъ деньги направо и налѣво, и не платилъ долговъ своихъ. Облегчая участь иныхъ, онъ разорялъ другихъ. Онъ не щадилъ и пріятелей своихъ и товарищей по мартинизму: вдова Тургенева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, долго не могла выручить довольно значительную

---

1) Не смѣшалъ ли графъ въ своей характеристикѣ двухъ Ивановъ Лопухиныхъ, и нѣкоторыя черты, присущія одному (Ивану Петровичу): «самый безнравственный», «преданный разврату и противоестественнымъ порокамъ» (см. выше письмо Л-на къ Кутузову отъ 28-го ноября 1790 г.), перенесъ на другаго, его родственника (Ивана Владиміровича)?!

2) Это показаніе гр. Растопчина опровергается слѣдующею выпискою изъ ордера кн. Жевахову, даннаго кн. Прозоровскимъ. «Вчера объявилъ я вамъ данный мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ содержащагося арестанта Новикова отправить въ Шлиссельбургъ крайне секретно: дорогой бы его никто не видалъ, жизнь его сохранить и утечку. А чтобъ никто не зналъ, куда его везуть, то взять дорогу на Владиміръ, оттуда на Шлиссельбургъ». (Лѣтописи русск. литерат. и древност., изд. Тихонравовымъ, т. V, стр. 38).

сумму, которую Лопухинъ занялъ у мужа ея. Нелединскій, товарищъ его по Сенату, такъ объяснялъ нравственное противорѣчіе, которое оказывалось въ характерѣ его. По мистическому настроенію своему, Лопухинъ воображалъ себѣ, что онъ свыше посланъ на землю для уравновѣшиванія общественныхъ положеній: онъ бралъ у одного и давалъ другому»[1]).

Выше мы касались вопроса о долгахъ Лопухина, доставившихъ ему столько огорченія, и причинѣ ихъ. Такъ или иначе образовались долги у Лопухина, но они были, и факты, сообщаемые кн. Вяземскимъ, имѣютъ свою долю вѣроятія. Утѣшительнымъ здѣсь является то обстоятельство, что по смерти Лопухина всѣ кредиторы, какъ свидѣтельствуетъ Лубяновскій, «получили свое и не безъ лихвы». Тотъ же Лубяновскій приводитъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» разсказъ одного изъ кредиторовъ Ив. Вл., разсказъ, который до нѣкоторой степени подтверждаетъ догадку, высказанную Нелединскимъ относительно причинъ «нравственнаго противорѣчія» въ характерѣ Лопухина. «Одинъ изъ кредиторовъ Ив. Вл.—говоритъ Лубяновскій—самъ разсказывалъ мнѣ. Просилъ онъ его уплатить ему часть должной суммы на приданое дочери, замужъ выходила; обѣщано, сумма и день уплаты назначены, должникъ самъ хотѣлъ прійти съ деньгами и сдержалъ слово. Кредиторъ ожидалъ его съ роскошнымъ завтракомъ, не мало и другихъ гостей со стороны жениха и невѣсты. Закусили. Лопухинъ съ привѣтнымъ спасибо ушелъ, не сказавъ ни слова о деньгахъ. Кредиторъ за нимъ; тотъ поворотилъ въ калитку ветхаго домика въ переулкѣ; кредиторъ за угломъ притаился и, выждавъ, пока тотъ вышелъ, вошелъ и спрашивалъ, былъ ли тамъ Л.? Лопухинъ ли сейчасъ отъ нея вышелъ, отвѣчала заливаясь слезами мать, окруженная шестью малолѣтними дѣтьми—она не знаетъ, а Богъ чрезъ этого господина сотворилъ чудо милосердія, даровалъ ей изъ рукъ его 4000 рублей на искупленіе ея (дѣтей этихъ отца) изъ ямы, гдѣ онъ содержится, по неосторожному ручательству».

Нѣтъ словъ, вышеописанный поступокъ Лопухина съ своимъ кредиторомъ является довольно страннымъ. Но кто осмѣлится бросить камнемъ въ человѣка, который, благодаря этой выходкѣ, сдѣлалъ доброе дѣло и въ то же время не принесъ большаго вреда богатому кредитору своему, имѣвшему средства угощать своихъ гостей роскошнымъ завтракомъ?!

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1873 г., 2150.

Что касается другихъ современниковъ Лопухина, то всѣ они относятся съ полнымъ сочувствіемъ къ нему, преисполнены благоговѣнія передъ его нравственными доблестями и называютъ его «истиннымъ христіаниномъ», «мужемъ совѣта», «глубокаго разума», «незабвеннымъ согражданиномъ» и т. д. Въ такомъ родѣ намъ извѣстны отзывы о Лопухинѣ слѣдующихъ лицъ: Невзорова, Лубяновскаго, Воейкова, Жуковскаго и лица, скрывшаго свое имя подъ иниціалами Г. В. Слова М. И. Невзорова о Лопухинѣ проникнуты чувствомъ горячей любви и преданности къ своему воспитателю и наставнику, но заподозрить Невзорова въ неискренности нѣтъ никакого основанія. Вѣдь, если бы Лопухинъ не былъ такимъ, какимъ выставляетъ его Невзоровъ, то что была бы за цѣль у послѣдняго благоговѣть передъ первымъ?! Значитъ, Лопухинъ обладалъ благородными душевными качествами и заслужилъ посредствомъ ихъ признательность и любовь своего питомца.

Какъ самъ масонъ, Невзоровъ очень высоко ставитъ масонскую дѣятельность Ивана Владиміровича и называетъ его— «однимъ изъ первыхъ драгоцѣнныхъ камней въ коронѣ свободнаго каменщичества». «Когда онъ—вспоминаетъ Невзоровъ— сидѣлъ на стулѣ великаго мастера и говорилъ, тогда истинно сама воплощенная любовь, самъ духъ Христовъ и христіанское откровеніе евангельское устами его исходили» [1]). Начавши издавать съ 1813 года журналъ свой «Другъ юношества» подъ видоизмѣненнымъ заглавіемъ «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ», Невзоровъ нашелъ нужнымъ, изъ чувства уваженія и благодарности къ своему благодѣтелю, украсить новое изданіе его именемъ. Въ посвященіи журнала Ив. Вл. Лопухину онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „М. Г.! Дражайшій благодѣтель и отецъ! Болѣе 30 лѣтъ имѣю счастіе наслаждаться отеческими вашими милостями, и въ теченіе онаго времени истинно какъ сынъ былъ согрѣваемъ огнемъ вашей любви во всѣхъ отношеніяхъ. Вы мой Іосифъ, воспитавшій меня нравственно и питавшій физически. Я долженъ признаться передъ всѣмъ свѣтомъ, что ежели во мнѣ есть какіе плоды нравственности, то они началомъ, или, можно сказать, рожденіемъ и растеніемъ своимъ обязаны вамъ. Первыя ваши наставленія были свѣтлые и благодѣтельные лучи блистающей звѣзды [2]),

---

[1]) «Отрывокъ изъ посланія М. И. Невзорова къ О. А. Поздѣеву». «Библіографическія Записки» 1858 г. № 21, стр. 646.

[2]) Л—нъ, какъ намъ извѣстно, былъ основателемъ ложи «Блистающей Звѣзды».

среди ложныхъ и суетныхъ мірскихъ мудрованій и признаковъ ударившіе на мое сердце и обратившіе его къ источнику всѣхъ свѣтовъ, солнцу правды, которое сіяетъ и наче возсіяетъ благодатію своею на бѣдный и всякаго рода развратами обезславленный нашъ міръ!...

Вы посвятили себя, все свое достояніе и всю жизнь отъ младыхъ лѣтъ на служеніе Богу, исполняетесь всегда Иліиною ревностью, и всегда и вездѣ, гдѣ только можете, служите ему преподобіемъ и правдою, просвѣщая сущихъ во тьмѣ и мракѣ словомъ и дѣломъ, устрояя сердца отцовъ къ дѣтямъ и человѣковъ къ ближнимъ своимъ. Итакъ, по всѣмъ правамъ и достоинствамъ журналъ мой, при новомъ названіи его «Другомъ юношества и всякихъ лѣтъ», почитаю для себя должностью украсить вашимъ именемъ, которое для всѣхъ почитателей истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей есть велико и будетъ навсегда славно» [1]).

Трудно повѣрить, чтобы съ такими восторженными словами обращался кто-либо къ человѣку, «самому безнравственному, пьяницѣ, преданному разврату и противоестественнымъ порокамъ», какимъ, по отзыву гр. Растопчина, былъ Лопухинъ! И умеръ М. И. Невзоровъ († 1827 г.) съ именемъ И. П. Тургенева и Ив. Вл. Лопухина на языкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Жуковскій [2]).

Другимъ лицомъ, пользовавшимся покровительствомъ Лопухина, былъ Ѳ. П. Лубяновскій, къ которому мы неоднократно обращались за свѣдѣніями. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ даетъ самый лестный отзывъ объ Иванѣ Владиміровичѣ.

«Иванъ Влад.—говоритъ Лубяновскій—не только во все время ученія моего въ Московскомъ университетѣ, но и въ началѣ службы моей былъ мнѣ, мало скажу, другимъ отцомъ: будь я сынъ его, не былъ бы онъ и тогда мнѣ лучшимъ отцомъ. Онъ оставилъ по себѣ «Записки», и кто не читалъ ихъ, кто не видалъ въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, мужа глубокаго разума и возвышенной въ истинномъ духѣ евангельскомъ добродѣтели?" „Оправясь отъ болѣзни — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній"—продолжалъ я обычныя прогулки съ Ив. Влад. Побывъ съ нимъ часъ, другой, мнѣ казалось, я дѣлался умнѣе и сердцемъ лучше. Съ глубокимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ высокою евангельскою добродѣтелью соединялъ онъ столько простоты, до-

---

[1]) «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ» 1813 г. № 1.
[2]) Собр. соч. Жуковскаго. Письмо къ А. И. Тургеневу. Т. VI стр. 414.

брожелательства, пріятства въ обхожденіи, что не разстался бы съ нимъ, не перестать бы его слушать“ [1]). И это говоритъ человѣкъ, который, несмотря на близкія отношенія къ Лопухину, все-таки не былъ масономъ. «Нога моя—заявляетъ онъ—никогда не была ни въ одной московской ложѣ или въ какомъ тайномъ обществѣ, хотя я слылъ у многихъ не только масономъ, но и мартинистомъ».

Не менѣе интересную характеристику Лопухина найдемъ мы у Александра Өедоровича Воейкова (1778—1839 г.), извѣстнаго журналиста и автора сатиры «Домъ сумасшедшихъ»: «Сенаторъ Ив. Вл. Лопухинъ—по словамъ Воейкова—принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, коихъ память воскрешаетъ въ душѣ сладкое и тихое чувство умиленія любви, а не удивленіе страха. Имя его произносится съ благословеніемъ, съ признательностью, съ слезами. Онъ всему на свѣтѣ предпочиталъ добродѣтель; его жизнь—безпрерывная цѣпь благотвореній». Подведя итогъ дѣятельности Лопухина, Воейковъ приходитъ къ слѣдующему выводу. «Нашъ незабвенный согражданинъ имѣетъ троякое право на нашу признательность. Первое, какъ писатель благомыслящій. Его сочиненія исполнены духомъ Евангелія и горячею любовію къ ближнимъ. Второе, какъ судья просвѣщенный, человѣколюбивый и дѣятельный... (Третье) сей вѣрный подданный и усердный сынъ отечества обладалъ въ высокой степени гражданскимъ мужествомъ; онъ никогда

«Змѣей предъ трономъ не сгибался.
Стоялъ—и правду говорилъ» [2])
(Державинъ. Ода «Вельможа»).

Но еще рельефнѣе выступитъ передъ нами нравственный обликъ Лопухина, когда мы узнаемъ, что знаменитый поэтъ В. А. Жуковскій «въ самую тяжелую, рѣшительную пору своей жизни, когда разбита была лучшая изъ его надеждъ, *со страхомъ замѣчая въ себѣ какое-то отдаленіе отъ религіи*, обращается за рѣшеніемъ обуревавшихъ его сомнѣній» къ старому масону [3]). «Какъ былъ счастливъ для меня—пишетъ поэтъ въ своемъ дневникѣ въ ночь съ 25-го на 26-го февраля 1813 г.—тотъ день, въ который рѣшился говорить съ

[1]) «Русскій Архивъ». 1872 г., стр. 135.

[2]) «Воспоминаніе о селѣ Савинскомъ». «Сія подмосковная деревня—говоритъ авторъ статьи—куплена родителями сенатора И. В. Л—ва за 1000 рублей, которые всѣ заплачены серебряными копѣечками. Она лежитъ по Дмитровкѣ въ 40 верстахъ отъ древней русской столицы» (Новости Литературы 1825 г. № 5).

[3]) Тихонравовъ. Соч. т. III, ч. I стр. 417.

Иваномъ Владиміровичемъ Лопухинымъ, дабы узнать мнѣніе истиннаго христіанина и уважаемаго всѣми мужа» [1]). И этотъ истинный христіанинъ возвращаетъ его на путь вѣры и надежды [2]). Въ письмѣ къ Ал-дру И. Тургеневу, написанномъ уже послѣ смерти Лопухина, 21-го октября 1816 г., Жуковскій говоритъ: «Что ты сдѣлалъ для Ковалькова, того молодаго человѣка, о которомъ писалъ Иванъ Владиміровичъ къ князю? И сдѣлалъ ли что-нибудь? Братъ! Это завѣщаніе нашего добраго благодѣтеля: надо исполнять во всей силѣ его» [3]). Авторъ книги «О внутренней церкви»,—говоритъ Тихонравовъ,—встрѣчаетъ пансіонера Жуковскаго въ семьѣ старика Тургенева, для дѣтей котораго онъ былъ такимъ же *добрымъ благодѣтелемъ*, какимъ и для Жуковскаго, направляя ихъ къ созиданію своего внутренняго храма... Очень рано стали Жуковскій и Александръ Воейковъ посѣщать Лопухина въ его подмосковной—Савинскомъ [4]). Могущественно и глубоко было вліяніе Лопухина и Тургенева на этого юношу, только-что начинавшаго развиваться и уже обращеннаго мыслію къ иному міру, къ царству истины [5]). Подъ вліяніемъ Тургеневскаго кружка, въ которомъ видное мѣсто занималъ Лопухинъ [6]), «залегли въ глубину души Жуковскаго тѣ нравственныя начала, тѣ живыя дѣятельныя религіозныя вѣрованія, которыя такъ осязательно выражаются въ первомъ періодѣ поэтической дѣятельности Жуковскаго и вырываются съ новою силою, въ послѣдніе годы его жизни, въ мелкихъ статьяхъ теологическаго характера» [7]).

Намъ остается еще указать на одно мнѣніе о Лопухинѣ, высказанное неизвѣстнымъ лицомъ Г. В. Въ январской книжкѣ «Друга юношества» за 1810 годъ напечатано «Письмо отъ Г. В. къ И. В. Л., который прислалъ къ нему манускриптъ своихъ Записокъ». Вскорѣ послѣ написанія «Записокъ» [8]),

---

[1]) Зейдлицъ. Жизнь и поэзія Жуковскаго., стр. 57.

[2]) Тихомировъ. Т. III, ч. 1-я.

[3]) Соч. Жуковскаго. Т. VI, стр. 401.

[4]) Въ саду села Савинскаго было озеро; на срединѣ его Юнговъ островъ съ памятникомъ Фенелону. Описаніе Юнгова о-ва и памятника сдѣлано Жуковскимъ (В. Евр.» 1809 г. № 4).

[5]) Тихонравовъ. Т. III. ч. 2-я, стр. 151.

[6]) Въ кружокъ этотъ Л—нъ ввелъ также «казанскаго негоціянта и литератора» Каменева, автора баллады «Громвалъ» (1802 г.), значеніе которой указано впервые Пушкинымъ. У нихъ (Л—на и К—ва) былъ общій другъ въ Казани С. А. Москотильниковъ.

[7]) Тихонравовъ. Соч. т. III. ч. 1-я, стр. 417.

[8]) «Записки» Лопухинъ не самъ писалъ, а диктовалъ, на что онъ

Лопухинъ началъ раздавать рукописныя ихъ книжки своимъ знакомымъ. Сперанскій, какъ мы видѣли, просилъ Лопухина прислать ему экземпляръ «Записокъ». Жуковскій получилъ «Записки» съ письмомъ къ нему Лопухина, изъ Москвы. отъ 15 іюня 1809. («Русскій Архивъ». 1884 г. кн. I, стр. 151). Нѣкто Г. В. также получилъ «Записки» Лопухина и, по прочтеніи ихъ, написалъ Ив. Вл. хвалебное письмо. «Изъ послѣднихъ страницъ замѣтно,—пишетъ, между прочимъ, неизвѣстный авторъ—какъ будто В. В. П. утомились долговременнымъ сраженіемъ со страстями и пороками человѣковъ и какъ будто желаете сойти съ поля брани; неужели вы хотите привести въ отчаяніе всѣхъ беззащитныхъ, которые въ васъ только видѣли свою защиту, всѣхъ, ищущихъ правосудія, которые въ васъ видѣли оплотъ законовъ; всѣхъ ищущихъ совѣта, которые въ васъ видѣли мужа совѣта? Нѣтъ! Я заблуждаюсь; для васъ жить и дѣйствовать на пользу отечества и человѣчества есть одно и то же. Вы будете подавать намъ собою примѣръ терпѣнія, твердости духа, величія такъ же, какъ и прежде...» Вспомнимъ заступничество Лопухина за духоборцевъ, вспомнимъ его участіе къ горькой судьбѣ осужденныхъ крестьянина Стрѣльникова, старобрядцевъ Сергѣева и Максимова, вспомнимъ, наконецъ, его судейскую дѣятельность—и въ словахъ неизвѣстнаго автора мы не найдемъ преувеличенія.

Но не у всѣхъ современниковъ вызвали «Записки» такое чувство, какъ у Г. В. Нашлись (правда, немногіе), которые называли Лопухина «самолюбцемъ, какова де другова не сыщешь». «Возопили—говоритъ Лопухинъ—или, прямѣе сказать, лихо зашептали противъ нихъ («Записокъ»)... какъ бы я тяжкое уголовное преступленіе учинилъ, что «Записки» свои писалъ...» Не сѣтуя на своихъ хулителей, Иванъ Владиміровичъ замѣчаетъ: «За «Записки» безъ придирки можно охотнику побранить только того, у кого въ нихъ ложь, а въ моихъ, право, и ни крошечки» [1]).

Въ заключеніе приведемъ одинъ отзывъ о Лопухинѣ, правда, краткій, но имѣющій для насъ большую цѣнность, какъ отзывъ лица, занимавшаго исключительное положеніе. Лицо это—императоръ Александръ I. Лубяновскій въ своихъ «Воспоми-

указываетъ въ одномъ изъ примѣч. къ «Запискамъ», а также въ ст. «Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ».

[1]) «Нѣсть пророкъ въ отечествіи своемъ». «Др. юнош.» 1812 г. ч. II, стран. 88.

наніяхъ» разсказываетъ слѣдующее. «Въ это время (1809 г.) я имѣлъ неожиданную радость: въ Москвѣ тогда пожалована благодѣтелю моему сенатору Лопухину Александровская лента. «Она давно его», сказалъ Императоръ, подписывая грамоту. Затѣмъ изволилъ спросить меня, зналъ ли я Лопухина, и когда я заключилъ отвѣтъ свой объ немъ признательностью за всѣ его благодѣянія, назвавъ его другимъ отцомъ своимъ, то Его Величество не безъ удовольствія поздравилъ меня, что я не познакомился съ неблагодарностью. «Благодарность на на семъ свѣтѣ—говорилъ—рѣже бѣлаго ворона: меня спроси я про то знаю». Обращаясь затѣмъ къ Лопухину, изволилъ произнесть слова: «*Ты много объ немъ говорилъ, а я вотъ какъ знаю его: Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и для меня не покривитъ душою*» [1]).

Насколько императоръ Александръ I цѣнилъ и уважалъ Лопухина, видно изъ того, что онъ имѣлъ намѣреніе назначить Ивана Владиміровича на отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія.

Князь П. А. Вяземскій разсказываетъ со словъ Лубяновскаго, что намѣренію императора не суждено было осуществиться по странному случаю. «Государь велѣлъ пригласить Лопухина къ обѣду. Лопухинъ вовсе не былъ питухъ; но, необдуманно соблазнясь лакомыми винами, которыя подавали за круглымъ столомъ, онъ ничего не отказывалъ, охотно выпивалъ все предлагаемое, а иногда въ промежуткахъ подливалъ себѣ еще вино изъ бутылокъ, которыя стояли на столѣ. Къ тому же, его лицо, краснокожее и расцвѣтающее почками багрово-синими, напоминало стихи Княжнина:

Лицо
Одѣто въ красненькій сафьянный переплетъ;
Не вѣрю я тому, а кажется, онъ пьетъ.

Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ вообще склоненъ къ подозрѣнію. Возліянія и вліянія недогадливаго Лопухина не могли ускользнуть отъ наблюдательнаго и пытливаго его взгляда. Ему не только казалось, но онъ убѣдился, что Лопухинъ пьетъ. «Нѣтъ (сказалъ онъ приближеннымъ своимъ, вставъ изъ-за стола). Этотъ не годится мнѣ въ министры!» Тѣмъ министерство его и кончилось: онъ возвратился сенаторомъ въ Москву, какъ и выѣхалъ сенаторомъ [2]).

Въ «Запискахъ» Мертваго мы нашли указаніе на «склон-

[1]) „Русскій Архивъ" 1872 г., стр. 499.
[2]) „Русскій Архивъ" 1876 г. I, стр. 102.

ность Лопухина къ пьянству», въ глазахъ гр. Растопчина Лопухинъ былъ человѣкомъ «самымъ безнравственнымъ», «пьяницей»; здѣсь, если вѣрить разсказу современника, самъ царь убѣдился въ томъ, что Лопухинъ пьетъ. Въ «Нравоучительномъ катихизисѣ» Лопухинъ ратуетъ за умѣренное употребленіе пищи и питья, а въ соч. «О внутренней церкви» къ членамъ Антихристовой церкви причисляетъ, между прочимъ, пьяницъ и плотоугодниковъ всякаго рода. Если справедливо, что личность писателя отражается въ его произведеніяхъ, то мы должны отвергнуть показанія всѣхъ вышеупомянутыхъ современниковъ Лопухина, какъ идущія въ разрѣзъ съ убѣжденіями человѣка, считавшаго себя членомъ «внутренней, Христовой, а не Антихристовой церкви». Безъ сомнѣнія, Лопухинъ *выпивалъ*, да это и не запрещалось масонскими правилами, но не *пилъ*, не былъ пьяницей.

Сравнивъ отзывы о Лопухинѣ его современниковъ, какъ почитателей, такъ и недоброжелателей, безпристрастный читатель самъ можетъ рѣшить, кому изъ упомянутыхъ въ этой главѣ историческихъ показателей слѣдуетъ отдать предпочтеніе при рѣшеніи вопроса о нравственныхъ качествахъ нашего масона.

* * *

Ознакомившись съ масонскою и государственною дѣятельностью Ивана Владиміровича Лопухина и разсмотрѣвъ цѣлый рядъ его произведеній, постараемся сдѣлать общій выводъ объ этой замѣчательной личности.

Лопухинъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей нашего масонства въ концѣ XVIII вѣка. Преданный всею душою масонскимъ занятіямъ, Иванъ Владиміровичъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ предпріятіяхъ своего кружка. Онъ былъ великимъ мастеромъ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ, былъ надзирателемъ русскихъ братьевъ, велъ дѣятельную переписку съ провинціальными масонами, удѣлялъ большую часть своего состоянія на дѣла благотворительности, переводилъ и издавалъ масонскія книги и самъ писалъ сочиненія. Мы видѣли, что въ его сочиненіяхъ характеръ масонскаго ученія изложенъ съ достаточной полнотою и обстоятельностью, хотя у него, какъ у человѣка, не получившаго религіозно-философскаго образованія, и не было навыка къ отвлеченному мышленію.

Познаніе Творца, натуры и самого себя, самосовершен-

ствованіе, нравственное перерожденіе, любовь къ ближнему, смиреніе и уничиженіе передъ Богомъ и людьми, глубокое самоотверженіе, вѣротерпимость, насилованіе воли и молитва— вотъ главные пункты масонскаго ученія, излагаемаго Лопухинымъ. Объясняя стремленія и цѣли масонскаго общества, характеръ его ученія, Лопухинъ въ то же время является апологетомъ своего ордена: онъ старается защитить масонство отъ нареканій и обвиненій въ томъ, что оно, какъ тайное общество, можетъ быть опаснымъ и вреднымъ для государственной власти. Таковъ Лопухинъ, какъ масонъ. Существуютъ несомнѣнныя данныя, что масонство, въ извѣстныхъ случаяхъ, служило предлогомъ не только для веселыхъ пирушекъ, преслѣдованія корыстныхъ и другихъ неблаговидныхъ цѣлей, но и для прикрытія разврата. По мнѣнію гр. Растопчина, Лопухинъ не далеко ушелъ отъ такого масонства, но знакомство съ жизнью и литературными трудами Ивана Владиміровича заставитъ всякаго непредубѣжденнаго человѣка отвѣтить на такое мнѣніе «заслуженнымъ укоромъ».

Что касается государственной дѣятельности Лопухина, то въ ней отразились лучшія стороны нашего масонства. Добрый, честный и правдивый, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, Лопухинъ во всѣхъ предпріятіяхъ, какія ему поручались, постоянно руководился чувствами правды, христіанской любви и состраданія къ ближнимъ. Достаточно вспомнить его дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя Московской уголовной палаты, службу въ Сенатѣ и разборъ дѣла духоборцевъ. Поборникъ правды, Лопухинъ никогда не задумывался высказывать ее прямо въ лицо государю; благородство и смѣлость выраженій, которыми проникнуты его донесенія по поводу сформированія земскаго войска, бросаются въ глаза каждому. Лесть и притворство были чужды этой открытой душѣ, и лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли служитъ кратковременное вращеніе Лопухина въ сферѣ придворной жизни въ царствованіе императора Павла. Такой человѣкъ не могъ не имѣть сильнаго, благотворнаго вліянія на окружающихъ, и яркій примѣръ этого мы видѣли на Жуковскомъ, для котораго Лопухинъ, по собственному его признанію, былъ «добрымъ благодѣтелемъ». Лопухинъ обладалъ большою силою воли, что мы можемъ прослѣдить на главнѣйшихъ моментахъ его жизни. Не получивши въ юности систематическаго образованія, онъ старался пополнить пробѣлы его усиленнымъ чтеніемъ, и не однѣхъ только книгъ религіозно-

нравственнаго содержанія. Въ собственныхъ сочиненіяхъ Лопухинъ, по словамъ одного изъ русскихъ достопамятныхъ людей, не отличался блестящими мыслями, глубокостью и изяществомъ слога, но у него видно здравомысліе, большая начитанность и много благонамѣренности [1]. Не оспаривая этого мнѣнія, слѣдуетъ добавить, что ясность и отчетливость мыслей почти во всѣхъ сочиненіяхъ Лопухина обличаютъ усиленную работу мышленія. Важное значеніе иностранныхъ языковъ было для него очевидно, и онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, изучить ихъ. Труды его въ этомъ отношеніи увѣнчались, какъ мы знаемъ, полнымъ успѣхомъ. Неспособный по слабости здоровья къ военной службѣ, Лопухинъ задумалъ посвятить себя гражданской дѣятельности. Но—для служенія на новомъ поприщѣ у отставнаго офицера недоставало должной подготовки. Энергично принялся онъ за изученіе законовъ, знакомился съ уголовными дѣлами, ходомъ судопроизводства и, пріобрѣвши такимъ образомъ необходимыя свѣдѣнія, вскорѣ выступилъ въ роли председателя Московской уголовной палаты, гдѣ обнаружилъ какъ основательное знаніе законовъ, такъ и доброе свое сердце. Его мысли о значеніи судебныхъ доказательствъ, о преступности уголовныхъ приговоровъ, составляемыхъ безъ соображенія побудительныхъ причинъ преступленія, о безполезности суровыхъ наказаній ставятъ его одинаково высоко, какъ юриста и какъ человѣка. Отмѣтимъ еще одну, весьма симпатичную черту характера нашего масона. Теоретическое ученіе Лопухина не противорѣчило его практической дѣятельности; слово и дѣло почти всегда у него были въ строгомъ согласіи. Вообще, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ одного историка литературы, что частная и общественная дѣятельность Лопухина представляетъ рѣдкій примѣръ гражданской доблести, непоколебимой твердости нравственныхъ правилъ и высокой, истинно-христіанской любви къ ближнему [2]. Такою свѣтлою личностью является передъ нами Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Правда, есть на его имени два пятна (но гдѣ же ихъ нѣтъ?!): тяжба его о долгахъ, встрѣтившая сильнаго обличителя въ лицѣ Сперанскаго, взглядъ на освобожденіе крестьянъ; но и здѣсь можно отыскать смягчающія вину обстоятельства. Не изъ чувства наживы или корысти, какъ предполагалъ Спе-

[1]) С. Д. Полторацкія. «Русская Старина» 1872 г. іюнь.
[2]) Карауловъ. «Очерки ист. русск. лит.», стр. 189.

ранскій, а вслѣдствіе «крайней нужды», «по прямой надобности», и при томъ увѣренный въ правотѣ своихъ требованій, затѣялъ Лопухинъ тяжбу съ своими заимодавцами.

Въ оправданіе же взгляда Лопухина на крестьянъ можно сказать слѣдующее. Не сочувствуя освобожденію крестьянъ, Лопухинъ все-таки не былъ приверженцемъ крайнихъ крѣпостническихъ тенденцій, онъ считалъ только освобожденіе преждевременнымъ и вреднымъ для Россіи. Мы охотно вѣримъ, что человѣкъ, «стыдившійся (по собственному его признанію) даже выговаривать слово холопъ», былъ вполнѣ безпристрастенъ и искрененъ въ своемъ протестѣ противъ освобожденія крестьянъ, и что только желаніе, къ сожалѣнію, неправильно понятаго, блага своему государству побуждало его возставать противъ человѣколюбиваго дѣла.

Не будемъ же строго относиться къ невольнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ И. В. Лопухина, а преклонимся передъ гражданскимъ мужествомъ, стойкостью убѣжденій и благородствомъ характера одного изъ замѣчательныхъ людей, какихъ воспитало въ своей средѣ московское масонство, стремившееся, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, поднять нравственный уровень русскаго общества посредствомъ литературы и просвѣщенія.

А. Суровцевъ.

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе*).

XIV [1]).

Едва присутствующіе заняли мѣста, какъ рабы, по знаку Цезаря, стали наполнять чаши виномъ.

— Возліяніе богу пиршествъ и веселья, сыну Зевса и Семелы! — возгласилъ амфитріонъ.

Возліяніе Бахусу-Діонису было совершено.

— Здоровье побѣдителя понтійскаго царя Митридата-Эвпатора! — снова возгласилъ Цезарь.

— Мы выпьемъ пока за здоровье благороднаго Люція-Лицинія Лукулла, — возразила Кліо. — А за здоровье побѣдителя Митридата мы осушимъ чаши, когда онъ разскажетъ о своихъ побѣдахъ... Согласны, благородные римляне?

— Согласны, прекрасныя дочери Эллады! — воскликнули мужчины.

Лукуллъ, поправивъ на головѣ лавровый вѣнокъ, чтобы собраться съ мыслями, началъ:

— Я долженъ начать съ горестнаго для нашихъ прекрасныхъ сотрапезницъ повѣствованія.

— Почему же для насъ именно? — перебила его Кліо.

— Потому, что я начну съ моего перваго похода противъ Митридата, — отвѣчалъ Лукуллъ. — Мы съ Суллою, получивъ извѣстіе, что вся Македонія подчинилась Митридату и что онъ съ понтійскимъ войскомъ двигается къ Аѳинамъ, — чтобы предупредить его, высадили наши центуріи и когорты въ Пиреѣ и тотчасъ же двинулись на Аѳины. Сулла, взбѣ-

---

1) См. апрѣльскую книгу.

шенный извѣстіемъ, что греки—вся Эллада ждетъ Митридата съ распростертыми объятіями, какъ освободителя ея отъ римскаго ига, приказалъ мнѣ разрушить городъ Перикла и Сократа—до основанія.

— О!—возмутились гетеры:—какое варварство!—И ты?...

— Я долженъ былъ повиноваться грозному приказу—къ сожалѣнію,—добавилъ Лукуллъ.—На глазахъ безпощаднаго Суллы всѣ центуріи и когорты бросились на беззащитный городъ, какъ сыны Тартара—и началось ужасное разрушеніе... Огонь и желѣзо сдѣлали свое страшное дѣло... Багровое пламя пожара клокотало всю ночь, и къ утру слѣдующаго дня все—Акрополь, Одимпикомъ, Одеонъ, зданія Стадій, Пниксъ, Керамикъ, Агора, Стоя, Діомея—все это представляло безобразныя груды развалинъ...

— О, безсмертные боги!—всплеснула руками Кліо.—И грозная Немезида медлитъ поразить своими бичами городъ Сципіоновъ, Гракховъ!

Другія гетеры плакали.

— О, наша Эллада!—О, наша гордость—Акрополь, Пропилеи!

— Зевсъ-громовержецъ не поразилъ Суллу своими стрѣлами!

— Къ сожалѣнію—нѣтъ,—пожалъ плечами Лукуллъ, поднося ко рту кусокъ жирной мурены, откормленной тѣломъ рабовъ.—Въ тотъ же день мы двинулись навстрѣчу Митридату и сошлись съ нимъ при Херонеѣ, на томъ самомъ полѣ, гдѣ...

— Гдѣ восемнадцатилѣтній волченокъ вонзилъ свои смертоносные зубы въ тѣло бѣдной Эллады,—утирая слезы, пояснила Мельпомена.

— Да, прекрасная муза трагедіи,—подтвердилъ Лукуллъ.—Но тутъ поразило насъ невиданное зрѣлище. Представьте себѣ двигающуюся на насъ громаду, словно ходячій лѣсъ, и впереди этого движущагося бора—юныя, прелестныя дѣвичьи личики подъ блестящими шлемами, въ латахъ, со щитами, натянутыми тетивами—на коняхъ!.. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ... Какое-то волшебство... Наши центуріи и когорты двигались, полныя изумленія...—Вдругъ эти дѣвочки съ пронзительнымъ крикомъ понеслись на насъ... Въ воздухѣ какъ-то жалобно-задорно запѣли сотни стрѣлъ, ударяясь въ наши латы и щиты... И тутъ только опомнились передовыя когорты, и

первое метательное копье, брошенное опытною рукою легата Афридія, поразило предводительницу амазонокъ...

— Такъ это были амазонки!—изумилась Кліо.

— Амазонки.

— А я думала, что это сказки, которымъ повѣрилъ Геродотъ.

— Оказалось—не сказки... И эта предводительница амазонокъ была дочь Митридата, прелестная Клеопатра.

— И Афридій убилъ ее?—спросила Эвтерпа.

— И мы такъ подумали, когда Митридатъ, увидѣвъ ее падающею съ коня, ураганомъ примчался къ ней и подхватилъ къ себѣ на руки, унося вглубь своего войска и увлекая за собой прочихъ амазонокъ.—Но оказалось, что Клеопатра не была убита, и въ послѣдней моей битвѣ съ Митридатомъ и Тиграномъ, при Эдессѣ, въ Малой Азіи, она съ прочими дѣвчонками дерзко нападала на меня лично, бросая въ меня стрѣлы и метательныя копья, и однимъ изъ нихъ поразила на смерть Афридія, ранившаго ее при Херонеѣ.

— Клянусь богами!—воскликнулъ юный Цезарь:—да это сама Беллона!

— Опасныя же эти прелестныя дѣвочки!—воскликнулъ и Цицеронъ.

— И твои воины ни одной изъ нихъ не захватили въ плѣнъ, чтобъ показать это чудо Риму?—спросила Мельпомена.

— Къ сожалѣнію—нѣтъ:—онѣ на своихъ быстроногихъ коняхъ улетали, точно птицы... Такихъ удивительныхъ коней я въ жизни не видалъ.

— Ну, хоть бы одну мертвую привезли въ Римъ, заливъ тѣло ея медомъ,—замѣтила Кліо.

— Но въ томъ и бѣда, что онѣ своихъ убитыхъ подружекъ уносили съ поля точно на крыльяхъ.—ко лжи прибавлялъ новую ложь Лукуллъ, желая выпутаться.—Такимъ образомъ изъ-за раненой дочери Митридатъ проигралъ первую свою битву съ нами при Херонеѣ.

— Но вѣдь его вскорѣ поразилъ, въ его же царствѣ, мертвый Марій,—замѣтилъ Крассъ.

— Какъ мертвый?—удивилась Терпсихора.

— Да, мертвый... Во время битвы, когда онъ въ пьяномъ безуміи носился по полю съ своею ужасной Сивиллой, у него разорвалось сердце, и Римъ ему, мертвому, устроилъ небывалый тріумфъ.

Пиръ, между тѣмъ, шелъ своимъ чередомъ. Хорошо выдрессированные рабы продолжали ставить передъ пирующими новыя яства и подливать въ чаши вино. Не менѣе Лукулла обжорливый, Крассъ уже два раза выходилъ изъ-за стола, чтобы, пощекотавъ въ пищепреемникѣ перышкомъ, извергнуть изъ желудка переполнявшую его пищу и снова пожирать лакомыя блюда.

Наконецъ, по знаку хозяина, рабы внесли на блюдахъ какія-то круглыя темнокрасныя ягоды и поставили передъ каждымъ и каждой изъ пирующихъ.

— Что это за ягоды? — спросила Кліо. — Я никогда такихъ не видѣла.

— О! — самодовольно улыбнулся Лукуллъ. — Эти чудныя, невиданныя въ Римѣ и во всей Европѣ ягоды — изъ садовъ Митридата. Онѣ удивительно вкусны. Послѣ пораженія Митридата при Эдессѣ и послѣ взятія Тигранопѣрты, столицы Арменіи, я воротился съ войскомъ къ своему флоту, который стоялъ въ морѣ недалеко отъ Антіохіи и кружнымъ путемъ, оставивъ mare Internum, черезъ моря Эгейское, Ѳракійское, Геллеспонтъ и Пропонтиду вступилъ въ Понтъ Эвксинскій, — продолжалъ хвастать мнимый побѣдитель при Эдессѣ. — Мнѣ хотѣлось поразить Митридата въ самомъ его царствѣ, въ Понтѣ. Но его тамъ не оказалось. Послѣ пораженія своего при Эдессѣ, онъ воротился въ Синопъ и со всѣмъ своимъ флотомъ отплылъ въ свою столицу — Пантикапею, у входа изъ Понта Эвксинскаго въ Меотійское море. Тогда я, высадившись не далеко отъ Синопа, въ городѣ Церазусъ — по-гречески Керазунтъ, пошелъ опустошать страну и забирать золото вездѣ, гдѣ я его находилъ. Случайно я увидѣлъ на деревьяхъ вотъ эти ягоды, и мнѣ мои воины сказали, что онѣ очень вкусны. Отвѣдавъ ихъ, я, любитель вкуснаго, пришелъ въ восторгъ. И вотъ эти ягоды теперь передъ вами. Услаждайте ими вашъ вкусъ, благородные друзья мои.

Всѣ стали лакомиться... вишнями!

— Но какъ зовутъ эти ягоды? — спросилъ Цезарь.

— Я назвалъ ихъ pruni cerasi, по имени города Cerasus, — отвѣчалъ Лукуллъ.

— Въ самомъ дѣлѣ — вкусно, — заговорилъ Крассъ, пожирая невиданное лакомство... Онѣ такъ освѣжаютъ во рту.

— Особенно послѣ того, какъ ты поупражнялся въ твоемъ пищеводѣ съ перышкомъ, — подумалъ про себя Цезарь.

Потомъ Лукуллъ приказалъ рабамъ принести изъ своего

сада нѣсколько кадокъ съ посаженными въ нихъ вишневыми деревцами.

— Это—показалъ онъ на большенькія деревца—вывезенныя мною, вырытыя съ грунтомъ, — прямо изъ Керазунта, а меньшенькія взошли уже здѣсь отъ посаженныхъ въ землю косточекъ отъ этихъ prunorum cerasorum [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ въ триклиній введены были флейтисты, подъ игру которыхъ отяжелѣвшая отъ ѣды и вина Терпсихора нѣсколько потанцовала.

XV.

Хвастливые разсказы Лукулла сильно воспламеняли воображеніе честолюбиваго Помпея. Чѣмъ-то волшебнымъ, казалось ему, вѣяло отъ таинственнаго Востока съ его амазонками и баснословными богатствами восточныхъ царей. И ему страстно захотѣлось помѣряться силами съ титаномъ Востока—съ Митридатомъ.

Но мечтамъ его не скоро суждено было сбыться. Не мало было дѣла и въ Римѣ, гдѣ свирѣпствовалъ самодержецъ Сулла, въ своихъ «проскрипціяхъ», осудившій на казнь сотни тысячъ «маріанцевъ» и приверженцевъ «пролетаріевъ». Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ казнилъ 15 «консуляріевъ» — бывшихъ консуловъ, 90 сенаторовъ, 2.600 «всадниковъ»—equestres и болѣе 100.000 граждань. Пользуясь этими казнями, ловкій Крассъ скупилъ всѣ имѣнія казненныхъ за безцѣнокъ, и въ его рукахъ очутилось почти полъ-Рима.

На югѣ Италіи возстали рабы подъ предводительствомъ страшнаго Спартака. Помпей добивался у Суллы, чтобъ его послали усмирять рабовъ; но Сулла поручилъ это дѣло болѣе хитрому изъ своихъ сторонниковъ — Крассу. Три года длилась война со Спартакомъ, и только черезъ десять лѣтъ послѣ описанной нами въ предыдущей главѣ пирушки у Лукулла Крассу удалось поразить могучаго врага, который и палъ въ битвѣ, а остальныя шайки Спартака добилъ уже Помпей.

Теперь ему мерещился Митридатъ, который, казалось, быстрыми шагами подвигался ко всемірному владычеству. Но и

[1]) Что Лукуллъ вывезъ въ Италію вишни изъ Керазунта — это историческій фактъ.

тутъ все еще не сбывались мечты его о заманчивомъ Востокѣ и Митридатѣ съ очаровательными амазонками.

— Войска въ Римѣ мало, — сказалъ ему на его докуки Сулла:—все войско въ Галліи, съ этимъ мальчишкой — Цезаремъ.

— О! мнѣ стоитъ только топнуть ногою въ землю, и изъ нея выйдутъ легіоны.—самоувѣренно возразилъ Помпей.

Наконецъ, мечты его сбылись. Да и пора было. Митридатъ, заручившись союзомъ всѣхъ царей Малой Азіи и нанявъ въ помощь своимъ войскамъ скиѳовъ и народы, живщіе по Дунаю, заявилъ, что идетъ на Римъ.

— Иду доставать орлиное гнѣздо! — сказалъ онъ въ военномъ совѣтѣ.

— Да слѣдуютъ съ тобою всѣ боги Понта и Эллады!— благословилъ его все болѣе и болѣе дряхлѣвшій Фокіонъ.

— Отецъ! — восторженно заговорила Клеопатра, присутствовавшая на совѣтѣ:—я видѣла во снѣ, что копыта копей моихъ амазонокъ топчутъ мостовую римскаго Форума, а я съ высоты Капитолія диктую постыдный миръ Риму!

Но едва кончился военный совѣтъ, какъ изъ Колхиды прилетѣла вѣсть, что римскій флотъ съ навмархомъ Сервиліемъ во главѣ и съ Помпеемъ на главной триремѣ уже присталъ въ устьяхъ Фазиса.

Дѣйствительно, Помпей, обдумавъ планъ кампаніи и заручившись совѣтами легатовъ и центуріоновъ, уже сражавшихся съ Митридатомъ подъ начальствомъ Марія въ самомъ царствѣ Митридата, рѣшилъ напасть съ сѣвера на союзника понтійскаго царя—на царя Арменіи, Тиграна, и потому высадился въ устьяхъ Фазиса, чтобъ оттуда произвести развѣдки и дать отдыхъ воинамъ, утомленнымъ борьбою съ страшными бурями въ Понтѣ Эвксинскомъ.

Воины съ жадностью бросились въ Фазисъ, чтобъ купаньемъ укрѣпить истомленные члены. Но едва они начали купаться, какъ до слуха Помпея и Сервилія донеслись отчаянные крики купающихся. Они поспѣшили на берегъ, гдѣ воины съ ужасомъ выскакивали изъ рѣки.

— Что случилось?—спрашивалъ Помпей.

— О, великіе боги!—отвѣчали ближайшіе:—тамъ въ рѣкѣ какія-то чудовища...

— Изъ второй когорты они пожрали пять гоплитовъ.

— Изъ нашей центуріи утащили десять воиновъ.

— Вонъ, вонъ!.. смотрите!—они топятъ еще нѣкоторыхъ.

— Мнѣ вонъ какъ чудовище изуродовало ногу — кровь такъ и льетъ.

Это были, конечно, тѣ чудовища, о которыхъ упоминаетъ Павзаній Періегетъ.

«Въ греческихъ рѣкахъ, — говоритъ онъ, — не водится никакихъ животныхъ, опасныхъ для людей, но такія водятся въ Индѣ и въ Нилѣ, въ Египтѣ, и въ Фазисѣ. Въ этихъ рѣкахъ есть очень большія животныя, пожирающія людей, похожія своею наружностью на сомовъ (γλάνις), встрѣчающихся въ рѣкахъ Гермѣ и Меандрѣ, но только тѣ сильнѣе и чернѣе» [1]).

— Однако эти чудовища не показываются на поверхности рѣки, — замѣтилъ Помпей, пристально вглядываясь въ воду. — Хоть бы посмотрѣть, что это за чудовища.

— Ужъ не они ли стерегли золотое руно царя Айэта, отца Медеи, которую похитилъ Язонъ? — улыбнулся Сервилій, тоже вглядываясь въ воду. — Покажись хоть одно на поверхности, я бы поразилъ его копьемъ, какъ поражаю дельфиновъ.

— Да какъ ихъ увидишь? — замѣтилъ Помпей. — Вода какая-то темная, съ свинцовымъ, не то оловяннымъ отцвѣтомъ [2]).

Помпей и Сервилій пошли далѣе по берегу Фазиса. За ними слѣдовали ликторы и нѣсколько воиновъ.

— Въ молодости, читая «Ἀργοναυτικά» Аполлонія Родосскаго, никогда не думалъ я, что боги приведутъ меня увидѣть царство Айэта, — задумчиво проговорилъ Сервилій. — Такъ мнѣ и кажется, что тамъ въ лѣсу я увижу повѣшенное на деревьяхъ «золотое руно» и подъ нимъ — эту страшную змѣю, которая сторожила его.

Помпей, зрѣніе котораго было очень острое, взглянувъ на деревья, къ которымъ они приближались, съ удивленіемъ остановился.

— Я вижу на деревьяхъ руно, но только не золотое, —

[1]) Павзаній Періегетъ, IV, 34, 2.

[2]) Арріанъ въ своемъ «Periplus» говоритъ: — «Вода въ Фазисѣ имѣетъ цвѣтъ какъ-бы свинцовый или оловянный, но, постоявши, она очищается. Посему принято за правило, чтобы мореплаватели, входя въ Фазисъ, не привозили съ собой другой воды, и когда они приходятъ въ рѣку, то старую воду, которая была на кораблѣ, всю выливаютъ; не исполнившіе же этого, какъ говорятъ, подвергаются несчастному плаванію. Вода Фазиса не портится и можетъ оставаться десять лѣтъ не только не гніющею, но дѣлается еще вкуснѣе. «Periplus», IV, 5.

сказалъ онъ, указывая на какія-то шкуры, подвѣшенныя къ вѣткамъ деревьевъ.—Что бы это значило?

Они подошли ближе. Такихъ подвѣшенныхъ шкуръ оказалось много.

— Надо узнать, что это,—сказалъ Помпей.—Вступая въ непріятельскую страну, надо все тщательно изслѣдовать.

И потомъ, кликнувъ ликторовъ, онъ велѣлъ одному изъ нихъ подняться на дерево и сѣкирою перерубить ремни, поддерживавшіе странную шкуру.

Ликторъ исполнилъ приказъ полководца, и одна изъ шкуръ очутилась на землѣ. Ликторъ тутъ же распоролъ ее сѣкирой, и тамъ оказались человѣческія кости — цѣльный скелетъ.

— Человѣческій скелетъ,—удивился Помпей.—Вѣроятно, это такой способъ казни у колховъ.

— О, нѣтъ, благородный Гней—сказалъ Сервилій.—Все тѣ же «Ἀργοναυτικά» объясняютъ это. Аргонавты—я это очень хорошо помню—выйдя на берегъ, увидѣли, какъ вотъ и мы, на высокихъ ивахъ, на верхушкахъ, подвѣшенные трупы умершихъ. И далѣе Аполлоній говоритъ: — «И теперь еще считается у колховъ за преступленіе жечь трупы мужчинъ или даже зарывать ихъ въ землю и засыпать курганами. Ихъ кладутъ въ необдѣланныя бычачьи кожи и далеко за городомъ вѣшаютъ на деревья; но и земля получаетъ свое, какъ и воздухъ, ибо ей предаются трупы женщинъ; таковъ ужъ у нихъ законъ».

— Теперь и я припоминаю, другъ Сервилій,—заговорилъ Помпей.—Готовясь къ походу противъ Митридата, я прочелъ все, что греческіе и римскіе писатели говорили о народахъ, населяющихъ Кавказъ и сосѣднія страны варваровъ. — Дѣйствительно, въ « Παραδοξόγραφοι γραῖκοι» я нашелъ одно мѣсто, гдѣ прямо говорится то же, что у Аполлонія—что именно колхи не хоронятъ умершихъ, но вѣшаютъ ихъ на деревьяхъ [1]). То же самое я нашелъ и у Нимфодора Сиракузскаго, который говоритъ, что у колховъ не принято ни сжигать, ни хоронить трупы мужчинъ. Трупы эти они кладутъ въ свѣжія кожи животныхъ и вѣшаютъ на деревьяхъ. Трупы же женщинъ они предаютъ землѣ. И это Нимфодоръ поясняетъ словами: — «колхи почитаютъ всего больше небо и землю» [2]).

— Итакъ это ихъ и кладбища и колюмбаріи, — заключилъ Сервилій.

---

[1]) „Παραδ. γραῖκ.". XXIII. — [2]) Nymphodorus Syracusanus fragm. XVII.

Въ это время отъ кораблей спѣшилъ къ нимъ одинъ изъ квесторовъ.

Увидѣвъ его, Помпей сердито сдвинулъ брови, думая, что имъ угрожаетъ какая-нибудь опасность.

— Что случилось?... Съ какими вѣстями, квесторъ? — быстро спросилъ онъ.

— Твои, о императоръ, ликторы-развѣдчики привели армянскаго царевича, сына Тиграна, который желаетъ повергнуться къ стопамъ вождя державнаго Рима, — быстро проговорилъ квесторъ.

Лицо Помпея озарилось гордою радостью.

XVI.

Дѣйствительно, когда Помпей и Сервилій приблизились къ кораблямъ, то издали еще замѣтили небольшую группу людей въ восточныхъ одѣяніяхъ.

При видѣ Помпея, всѣ они упали на землю ничкомъ. Помпей приблизился и въ переднемъ изъ нихъ онъ, по богатству одѣянія, призналъ царевича.

— Встань съ земли, сказалъ онъ ласково.

Никто не шевелился, и казалось, будто они цѣлуютъ землю.

— Встань!..—уже рѣзче повторилъ Помпей: —я повелѣваю!

Тотъ, въ комъ онъ призналъ царевича, привсталъ на колѣни, не смѣя, по восточному обычаю, поднять глаза на повелителя.

— Кто ты? — спросилъ его Помпей.

— Я сынъ царя Арменіи, Тиграна,—робко отвѣчалъ царевичъ.

— Зачѣмъ ты явился ко мнѣ?—снова спросилъ Помпей.

— Повергнуть мою службу и мою жизнь къ стопамъ великаго вождя державнаго Рима.

— Что побудило тебя къ этому?

— Несправедливость и нелюбовь ко мнѣ отца.

— Ты, можетъ быть, заслужилъ эту нелюбовь?

— Видятъ боги — нѣтъ... Мой отецъ женился второй разъ на дочери понтійскаго царя Митридата, и когда отъ нея пошли дѣти, онъ рѣшилъ отдать свой престолъ сыну понтійки, а мнѣ не хочетъ даже дать сатрапіи.

— А это кто съ тобой? — указалъ Помпей на продолжавшихъ лежать армянъ.

— Это мои вѣрные слуги, а теперь твои, великій вождь Рима.

— Какимъ богамъ ты поклоняешься?

— Ваалу, Молоху и Астартѣ.

— Встань совсѣмъ и не падай больше на землю ницъ.

— Я дѣлаю это по обычаю моей страны [1]).

Послѣ этого Помпей, велѣвъ царевичу слѣдовать за собой, вмѣстѣ съ Сервиліемъ взошелъ на корабль и ввелъ молодого армянина въ свою каюту.

— Какъ твое имя?—спросилъ онъ царевича.

— Тигранъ-Артакса, потому что я родился въ столицѣ Малой Арменіи — въ Артаксатѣ.

— А въ столицѣ Митрадата ты бывалъ?

— Очень часто, господинъ.

— Кто же при дворѣ Митрадата наиболѣе приближенные къ нему?

— Виночерпій Мосхинъ, начальникъ флота колхъ Артосъ, потомъ старый его учитель-грекъ Фокіонъ, изъ римлянъ—Гай Постумъ, тоже бывшій его учитель, египтянинъ Радама и римлянинъ Сервилій.

Митридатъ глянулъ на своего навмарха.

— То Сервилій Руфъ, другой линіи Сервиліевъ, а я—линіи Юніевъ.—сказалъ навмархъ.

— А кто совѣтникъ твоего отца?—спросилъ снова Тиграна Помпей.

— Царевичъ и сатрапъ Тиридатъ—правая рука моего отца.

Помпей вынулъ мечъ изъ ноженъ и протянулъ его къ Тиграну-Артаксѣ.

— Положи руку на мечъ и клянись твоими богами въ вѣрности Риму.

Тигранъ повиновался.

— Клянусь Вааломъ, добрымъ и злымъ, который лѣтомъ превращается во всесожигающее солнце, въ огонь, въ смерть—во все злое,—въ Молоха. Клянусь доброю Милитою, которая превратится въ злую Астарту и пожретъ меня вмѣстѣ съ Молохомъ, если я измѣню Риму и его великому вождю Помпею.—весь дрожа проговорилъ Тигранъ.

Помпей вложилъ мечъ въ ножны.

---

[1]) Аппіанъ говоритъ: „Тигранъ бросился передъ Помпеемъ, какъ передъ сильнѣйшимъ, по обычаю варваровъ, на землю" —Prooemium. 104.

— Senatus populusque romanus предоставилъ мнѣ власть давать право гражданства тому, кого я признаю достойнымъ,— сказалъ онъ.—Съ этой минуты ты—civis romanus.

Затѣмъ Помпей сталъ разспрашивать новаго гражданина, что онъ знаетъ о намѣреніяхъ Митридата, а равно о планахъ его отца.

Тигранъ отвѣчалъ, что Митридатъ и его отецъ въ союзѣ съ колхами, иберами, албанцами и скиѳами намѣрены идти на Римъ и взять его, какъ о томъ прорекла Пиѳія въ Дельфахъ, и на ихъ знаменахъ изображено: — «За всемірное владычество».

Лицо Помпея выразило глубочайшее презрѣніе.

— Гдѣ въ настоящее время твой отецъ?—спросилъ онъ.

— Въ Тиграноцертѣ, великій вождь,—отвѣчалъ Тигранъ.

— А путь къ Артаксатѣ лежитъ черезъ какія земли?

— Черезъ земли лазовъ, мосховъ, гогареновъ и сиранцеповъ и мимо горы Арагадзъ, около которой, въ виду горы Масиса, называемой іудеями Араратомъ...

— О, я читалъ объ этой горѣ въ іудейскихъ книгахъ,— перебилъ Помпей Тиграна:—по іудейскимъ преданіямъ, на горѣ Араратѣ, во время всемірнаго потопа, остановился великій корабль ихъ праотца Ноя, вмѣщавшій въ себѣ его семейство и по парѣ всѣхъ животныхъ земли. Такъ что въ виду этой горы?

— Въ виду этой горы римскій полководецъ Марій разбилъ войска Митрадата и моего отца.

— Да, это мнѣ извѣстно, — сказалъ Помпей.— А Артаксата далеко отъ этихъ горъ?

— Между ними, въ нѣсколькихъ часахъ перехода, при рѣкѣ Араксѣ.

Помпей горѣлъ нетерпѣніемъ начать войну, тѣмъ болѣе, что обстоятельства ему благопріятствовали. Царь Арменіи находился далеко отъ Артаксаты, и въ Малой Арменіи почти не было войска. Митридатъ, между тѣмъ, не успѣвъ призвать ни Тиграна, ни Артока, царя иберовъ, ни Оройза (Ὀροίζης), царя албанцевъ съ ихъ войсками, едва-ли рѣшился бы одинъ остановить Помпея съ его легіонами, которые, занявъ Арменію съ Артаксатою, дадутъ возможность Помпею съ большею половиною своего войска ударить на иберовъ и албанцевъ и порознь разбить ихъ.

Поэтому, оставивъ Сервилія съ флотомъ въ устьяхъ Фазиса, онъ немедленно выступилъ въ походъ. Тигранъ-Ар-

такса и его свита, хорошо знающіе пути своей страны, служили проводниками римскаго войска. Мало того, дорогой они снабжали римлянъ продовольствіемъ и всѣмъ необходимымъ.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней перехода по землямъ туземцевъ, безмолвно покорившихся римлянамъ при видѣ грозныхъ легіоновъ и при нихъ царевича Арменіи, войска Помпея увидѣли на горизонтѣ гигантскій снѣжный конусъ Арарата.

— Какое безмолвное величіе! — невольно воскликнулъ Помпей, пораженный невиданною имъ доселѣ грозною картиной.—Олимпъ, жилище боговъ, передъ этимъ исполиномъ—ничтожество!

День былъ невыносимо знойный. Внизу, въ долинѣ Аракса, зеленѣли виноградники и виднѣлись сѣрыя стѣны Артаксаты.

— Такой зной—и солнце безсильно передъ снѣгами этой горы.—задумчиво сказалъ Помпей.

— Это вѣчные снѣга, великій вождь, — замѣтилъ Тигранъ.—Съ той поры, какъ невѣдомая сила создала міръ, даже огненный, всемогущій Молохъ не въ силахъ растопить снѣга нашего великаго Масиса.

Нѣкоторые изъ воиновъ, при видѣ священной горы, съ криками благоговѣнія и восторга пали ницъ. То были іудеи, служившіе вмѣстѣ съ галлами и тевтонами, въ рядахъ римскаго войска.

— Съ этой священной горы началось новое человѣчество,—говорили они.

— Тамъ Іегова остановилъ ковчегъ прародителя Ноя!

— О, Адонай Господь! — и наши глаза удостоились видѣть эту святыню!

Извѣщенные Тиграномъ о приближеніи римскаго войска, знатнѣйшіе граждане Артаксаты съ своими жрецами во главѣ вышли на встрѣчу Помпею.

Молодыя дѣвушки, дочери знатнѣйшихъ гражданъ, украшенныя вѣнками, бросали цвѣты по пути, по которому вступалъ въ Артаксату на бѣломъ конѣ Помпей рядомъ съ квесторомъ Афраніемъ.

Теперь только Помпей почувствовалъ, что передъ нимъ—сказочный, волшебный Востокъ.

— Какія прелестныя дѣвушки!—говорилъ онъ Афранію.

— Такія же прекрасныя, какъ и римлянки, — согласился послѣдній.

— Нѣтъ,—что-то иное въ ихъ глазахъ—это ихъ знойное солнце,—возразилъ Помпей.—А все я не вижу амазонокъ.

— Увидишь, благородный Гней,—утѣшалъ его Афраній.

Помпей въ Артаксатѣ, въ виду Арарата!... Какою гордою радостью билось его сердце!

— Объ этомъ я мечталъ на пиру у Лукулла — и мечты мои сбываются,—видя, какъ его легіонные орлы входили въ городъ, восторженно прошепталъ онъ.

Его вниманіе привлекли страшные, раздирающіе душу крики дѣтей. Онъ глянулъ въ сторону и увидѣлъ на гранитномъ возвышеніи мѣдное, раскаленное докрасна чудовище — великана съ бычачьей головой и протянутыми руками, на которыя жрецы бросали дѣтей, и тѣ съ предсмертнымъ крикомъ, въ корчахъ, скатывались въ раскаленную пасть чудовища.

Помпей невольно вздрогнулъ.

— Что это?—съ ужасомъ спросилъ онъ слѣдовавшаго за нимъ Тиграна.

— Это городъ Артаксата, часть населенія котораго во всей чистотѣ сохраняетъ религію Вавилона и Финикіи, въ честь твою приноситъ жертвы богу Молоху.

— Но это варварство! — воскликнулъ Помпей — Неужели это армяне?

— Нѣтъ, великій вождь,—это финикіяне, потомки граждань Тира и Сидона, ведущіе обширную торговлю съ Арменіей... Армяне такихъ жертвъ не приносятъ, — отвѣчалъ Тигранъ.

— О, Востокъ! — подумалъ Помпей: — объ этомъ ли я мечталъ на пиру у Лукулла!

XVII.

Оставивъ часть войска въ Артаксатѣ подъ начальствомъ Афранія, съ остальными легіонами Помпей двинулся къ сѣверу, въ землю албанцевъ, къ сторонѣ нынѣшняго Дагестана, чтобъ наказать этихъ варваровъ, которые, какъ донесено было Помпею, первыми приняли сторону Митридата. Мало того, къ нимъ прибылъ на подмогу и отрядъ амазонокъ изъ Понта.

Амазонки особенно возбуждали пылкое воображеніе Помпея.

Страбонъ, говоря объ этомъ походѣ Помпея, такъ описываетъ часть нынѣшняго Закавказья:

«Отъ сѣверныхъ настушескихъ народовъ ведетъ трехдневный, длинный, тяжелый путь въ гору, а потомъ по узкой долинѣ рѣки Арага («Ἄραγος»—конечно — Арагва!) — четырехдневная узенькая дорожка, проходимая лишь для одного человѣка (это, безъ сомнѣнія, первобытный путь нынѣшней военно-грузинской дороги — какая древность!). Конецъ дороги ограждаетъ неприступная крѣпость. Проходъ изъ Албаніи (нынѣ Дагестанъ) идетъ сперва по тропинкѣ, высѣченной въ скалахъ, потомъ по болоту, которое образуетъ рѣка Алазоній (нынѣ Алазань), ниспадающая съ Кавказскихъ горъ. Дорога же изъ Арменіи идетъ черезъ ущелья рѣкъ Кира (Κῦρος—Кура) и Арага (Арагва). На берегахъ каждой изъ нихъ, до соединенія ихъ, находится по городу, укрѣпленному въ скалахъ, въ разстояніи другъ отъ друга на 16 статій. На рѣкѣ Кирѣ лежитъ городъ Армозика (Ἁρμοζική), на другой — Севсамора (Σευσάμορα). Этими проходами воспользовался шедшій изъ Арменіи Помпей» [1]).

По всѣмъ видимостямъ войско Помпея переходило рѣку Киръ или около нынѣшняго Мцхета, либо около Тифлиса.

Это отчасти подтверждаетъ и камень съ греческой надписью 75 года нашей эры, найденный около Мцхета. Вотъ что гласитъ камень въ переводѣ К. Гана:—«Императоръ цезарь Веспасіанъ, августъ, великій первосвященникъ, облеченный трибунскою властью въ седьмой разъ, императоръ въ четырнадцатый разъ, консулъ въ шестой разъ и выбранный на седьмой, отецъ отечества, цензоръ, и императоръ Титъ, цезарь, сынъ августа, облеченный трибунскою властью въ пятый разъ, цензоръ, и Домиціанъ, цезарь, сынъ августа, консулъ въ третій разъ, выбранный на четвертый, — царю иберовъ Митридату, царя Фарасмана и Ямазды сыну, другу цезаря и другу народа римскаго—выстроили крѣпость» [2]).

«Перейдя рѣку Киръ, или, по Плутарху, Кирнъ, Помпей—говоритъ Плутархъ—полный чувствъ гнѣва и мести, отправился противъ албанцевъ, опрокинувъ всѣ палисады, которыми непріятель заграждалъ переходъ черезъ рѣку. Отсюда дальше шелъ длинный затруднительный путь по безводной степи, вслѣдствіе чего Помпей взялъ съ собою 10.000 бурдюковъ и наполнилъ ихъ водой, и съ такимъ запасомъ отправился противъ непріятелей. Онъ засталъ ихъ у рѣки Абанта вы-

---

[1]) Страбонъ, XI, 5.
[2]) Сборникъ матеріаловъ для опис. мѣст. и племенъ Кавказа. Тифлисъ. т. IV, 1884, стр. 114.

строенными въ боевомъ порядкѣ. Ихъ было 60.000 пѣхоты и 12,000 конницы, но они были плохо вооружены и одѣты большей частью въ звѣриныя шкуры».

Здѣсь Помпей въ первый разъ увидѣлъ и амазонокъ.

Стройные ряды когортъ и блестящее ихъ вооруженіе видимо поразили албанцевъ. Эти блестящіе на солнцѣ своею позолотой легіонные орлы на высокихъ древкахъ, эти окружающіе Помпея ликторы съ пуками палокъ и сверкавшими на солнцѣ сѣкирами, — все это, закованное въ латы, этотъ блескъ желѣза — все это не могло не внушать дикарямъ суевѣрнаго страха. А этотъ вождь странныхъ римлянъ, сіявшій на бѣломъ конѣ своими доспѣхами словно солнце!

— Это стадо пастуховъ, — съ презрѣніемъ обратился Помпей къ легату Каю Ригору.

— Дѣйствительно, стадо коровъ и овецъ, — улыбнулся легатъ.

— Но лѣвое ихъ крыло очень заманчиво и красиво, — указалъ Помпей на отрядъ амазонокъ: — эти юныя дѣвичьи личики, эти маленькіе щитки, метательныя копья — все это не позволяетъ причислить ихъ къ варварамъ.

— Онѣ всѣ, говорятъ, изъ Понта.

— Желательно бы посмотрѣть ихъ поближе.

— Вотъ возьмемъ ихъ въ плѣнъ и посмотримъ.

По знаку Помпея взвыли трубы центурій, и когорты двинулись на непріятеля. Однако дикари не дрогнули, а напротивъ — бросились на сомкнутые ряды римлянъ и вступили въ отчаянный рукопашный бой.

Помпей замѣтилъ, что на него устремился, повидимому, предводитель албанцевъ. На немъ были латы и шлемъ съ распущенными крыльями горнаго орла.

— Остерегись, императоръ! — крикнулъ легатъ Ригоръ: — дикарь въ тебя мѣтитъ.

Дѣйствительно, въ воздухѣ просвистѣло копье и ударилось въ панцырь Помпея «въ томъ мѣстѣ — поясняетъ Плутархъ — гдѣ соединяются листы».

Не будь листы панцыря или чешуи плотно пригнаны одна на другую, копье албанца поразило бы Помпея.

Послѣдній далъ шпоры коню, и не успѣлъ албанецъ бросить второе копье, какъ копье Помпея пронзило отчаяннаго албанца насквозь.

— Habet! — радостно прокричалъ легатъ Ригоръ.

— Habet!—habet!—habet! [1])— повторили ликторы.

Албанецъ, однако, не упалъ съ коня, а только уронилъ копье, направленное на Помпея:—съ копьемъ послѣдняго въ груди, онъ смотрѣлъ на своего побѣдителя широко раскрытыми, удивленными глазами.

— Кто ты, храбрый воинъ?—спросилъ его Помпей на своемъ родномъ языкѣ.

Албанецъ только покачалъ головой.

— Кто ты, мой отважный противникъ?—повторилъ Помпей вопросъ по-гречески.

— Я—Косисъ—былъ отвѣтъ.

— Вождь албанцевъ?—царь ихъ?

— Нѣтъ... я... братъ царя...

— Братъ царя Оройза?

Косисъ [2]) слабо кивнулъ головой и свалился съ коня.

Битва, между тѣмъ, кипѣла по всему полю. Помпей бросился къ тому мѣсту лѣваго крыла непріятеля, гдѣ сражались амазонки. Послѣднія, какъ птицы, налетая на когорты и пустивъ стрѣлу или копье, вновь отлетали, увлекая раненыхъ или убитыхъ подружекъ.

— Habet!—habet—Безчисленныя «habet»—словно глухіе удары бичей, слышались по всему полю битвы.

Римляне дружно тѣснили врага. Вѣчныя битвы на всѣхъ концахъ міра научили ихъ побѣждать. Легіонные орлы уже носились среди смѣшавшихся и оторопѣвшихъ албанцевъ.

— Habet!—habet!—продолжало оглашать воздухъ.

— Дрогнули варвары!—дрогнули!

— Побѣда!—побѣда!—прогремѣло по полю!

— Vivat imperator victor Gnejus Pompejus! — раздался окончательный крикъ.

— На щиты побѣдителя!

Тысячами труповъ было усѣяно поле побѣды. Началась разборка убитыхъ и снимапіе съ нихъ доспѣховъ и цѣнныхъ золотыхъ украшеній.

Однако между убитыми не нашли ни одной амазонки.

Плутархъ говоритъ: — «Когда римляне стали снимать доспѣхи съ убитыхъ непріятелей, то нашли нѣсколько малень-

---

1) Habet!—habet!—это обыкновенный крикъ зрителей въ римскихъ циркахъ во время боя гладіаторовъ. Удачный ударъ гладіатора, поразившій противника, сопровождается криками толпы: — habet! — т. е. „имѣетъ“:—мѣткій, смертельный ударъ.

2) *Κῶσις*—у Плутарха.

кихъ амазонскихъ щитовъ и полусапожекъ—сандалій, но труповъ женщинъ не нашли» [1]).

Около одного амазонскаго щитка найдена была окровавленная записка, писанная по-гречески. Когда ее подали Помпею, онъ прочелъ:

«Мы съ отцомъ спѣшимъ къ вамъ отъ Босфора на помощь. Поддержите честь Понта и его царя, Митридата Великаго.—Клеопатра».

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) «Помпей» Плутарха, гл. XXXV.

Памяти Н. С. Лѣскова.

I.

Пять лѣтъ тому назадъ 21-го февраля 1895-го года умеръ въ Петербургѣ извѣстный писатель Ник. Сем. Лѣсковъ, занимавшій въ литературѣ совершенно независимое положеніе и по причинѣ своего крайне оригинальнаго таланта, и по разнообразію сюжета своихъ многочисленныхъ произведеній.

Онъ родился въ Орловской губерніи 4-го февраля 1831 года. Судя по интимному тону нѣкоторыхъ его сочиненій, имѣющихъ мѣстами автобіографическое значеніе („Овцебыкъ", „Печерскіе антики", „Томленье духа", „Юдоль", „Изъ воспоминаній Меркула Праотцева"), дѣтство его протекло подъ вліяніемъ православнаго духовенства въ собственной семьѣ и англійскаго протестантизма въ родственномъ ему домѣ Шкотта. Дѣдъ его былъ священникомъ села „Лѣсокъ" Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи, но отецъ выхлопоталъ себѣ на службѣ въ Орловской палатѣ уголовнаго суда дворянское званіе и былъ женатъ на дворянкѣ Алферьевой, изъ семьи мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Поэтически настроенный съ дѣтства вліяніемъ „погоста" и съ задатками сильнаго характера, Лѣсковъ поступилъ въ Орловскую гимназію. Здѣсь однако онъ болѣе посвящалъ себя чтенію беллетристовъ изъ богатой библіотеки г-жи Зиновьевой, племянницы извѣстнаго писателя Масальскаго. Вообще слѣдуетъ сказать, что Лѣсковъ придавалъ и низшей и самой высшей школѣ минимальное значеніе въ своемъ умственномъ ростѣ. Когда въ 30-хъ годахъ, послѣ его романа „Некуда", появились отзывы о немъ съ намеками на протекціи ему со стороны дамъ, Лѣсковъ писалъ: „Изъ грязи меня никакая писательница никогда не вытаскивала, и утверждаю, что ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ нѣтъ и не было ни одного человѣка, которому бы я былъ чѣмъ-нибудь серьезно обязанъ". Когда въ пылу полемики его упрекали тѣмъ, что онъ нигдѣ не кончилъ курса образованія, онъ имѣлъ много основаній сказать противникамъ: «Полагаю, что многимъ изъ насъ весьма неудобно считаться другъ съ другомъ на этихъ счетахъ: мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. Мы не тѣ литераторы, которые развивались въ духѣ извѣстныхъ

началъ и строго приготовлялись къ литературному служенію. Намъ нечѣмъ похвалиться въ прошломъ; оно у насъ было по большей части и мрачно, и безалаберно. Между нами почти нѣтъ людей, на которыхъ бы лежалъ хоть слабый слѣдъ кружковъ Бѣлинскаго, Станкевича, Кудрявцева или Грановскаго. Мы плачевные герои новомоднаго покроя, всѣ посрывались: „кто съ борка, кто съ сосенки“ и

„Никакой поэтъ Эллады
„Не прославитъ насъ въ поэмѣ.

„Время насъ дѣлало литераторами, а не наши знанія и дарованія“.

Къ этимъ строкамъ слѣдуетъ сдѣлать поправку: Лѣскова выдвинули въ ряды очень замѣтныхъ беллетристовъ не только „случайность“ и „время“, но именно его глубокое знаніе русской жизни и природное дарованіе. При этомъ и книжно онъ былъ весьма образованъ, какъ немногіе изъ его противниковъ.

Въ писателѣ, впрочемъ, онъ болѣе цѣнилъ мыслителя, а не художественность или ученость съ міросозерцаніемъ гимназистовъ, какъ это замѣчается въ новѣйшей школѣ писателей. Когда въ его кабинетѣ говорили о томъ, что въ настоящее время во главѣ многихъ журналовъ и газетъ стоятъ издатели и редакторы, нигдѣ не окончившіе курсъ наукъ, хозяинъ рѣзко замѣчалъ:

— Удивляюсь, какъ это среди насъ можно говорить, гдѣ кто кончилъ курсъ наукъ. Что за департаментская точка зрѣнія на человѣка! При опредѣленіи его на службу, спрашиваютъ его аттестаты и дипломы; а въ литературѣ нужны только способные люди. Или вы думаете, что лучшее пониманіе вещей есть ученое пониманіе? Ну, такъ я вамъ скажу, что литераторъ—не ученый, а болѣе чѣмъ ученый. Кромѣ ученыхъ знаній, онъ понимаетъ, куда съ этимъ багажемъ слѣдуетъ ѣхать... Въ этомъ его преимущество. Когда говорятъ о литераторѣ, помимо его трудовъ, я ничего о немъ не понимаю. Я нигдѣ не кончилъ курса, но не могу сказать, чтобы я не учился, такъ какъ до сѣдыхъ волосъ не разстаюсь съ книгой. Можно ли сказать, что я не проходилъ высшаго образованія? Въ литераторѣ важно личное его настроеніе, а не то, гдѣ онъ окончилъ курсъ наукъ. Ваши начальники отдѣловъ и директора департаментовъ всѣ окончили курсъ въ университетахъ, а развѣ годятся они съ ихъ настроеніемъ и вкусами въ литературѣ?

Ему пришлось оставить гимназію въ четвертомъ классѣ и поступить на службу въ Орловскую уголовную палату суда, а въ 1849 г. перевестись въ Кіевъ. „Въ Кіевѣ“, пишетъ Лѣсковъ о себѣ: я выучился пѣть одну латинскую пѣсню, прочиталъ кое-что изъ Штрауса, Фейербаха, Бюхнера, Бабефа. Вопросы, занимающіе насъ теперь, тогда еще не поднимались, и во множествѣ головъ свободно и властно господствовалъ романтизмъ, господствовалъ, не предчувствуя приближенія новыхъ направленій, которыя заявятъ свои права на русскаго человѣка и которыя русскій человѣкъ извѣстнаго направленія приметъ, какъ онъ принимаетъ все, т. е. не совсѣмъ искренно, но горячо, съ аффектаціею и съ не-

ресоломъ. Тогда еще мужчины не стыдились говорить о чувствахъ высокаго и прекраснаго, а женщины любили идеальныхъ героевъ, слушали соловьевъ, свиставшихъ въ густыхъ кустахъ цвѣтущей сирени, и всласть заслушивались турухтановъ, таскавшихъ ихъ подъ руку по темнымъ аллеямъ и разрѣшавшихъ съ ними мудрыя задачи святой любви». Въ повѣсти „Дѣтскіе годы“ (изъ воспоминаній Меркула Праотцева) Лѣсковъ вспоминаетъ „святую любовь“ къ женщинѣ въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ:

— „Учиться вездѣ можно, отвѣчала она: даже и въ тюрьмѣ и на службѣ—и учиться непремѣнно должно не для правъ и не для чиновъ, а для самого себя, для своего собственнаго развитія. Безъ образованія тяжело жить». Мнѣ помнится, что я подъ конецъ мазурки далъ ей слово, что буду учиться и именно такъ, какъ мнѣ она внушила, т. е. не для полученія привилегіи и правъ, а для себя, для своего собственнаго усовершенствованія и развитія.

Странная, прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая въ моей жизни, какъ мимолетное видѣніе, а между тѣмъ бросившая въ душу мнѣ свѣтлыя сѣмена: какъ много я тебѣ обязанъ и какъ часто я вспоминалъ,—предтечу всѣхъ моихъ грядущихъ увлеченій,—тебя, единственную изъ женщинъ, которую я любилъ и не страдалъ и не каялся за эту любовь! О, если бъ ты знала, какъ ты была мнѣ дорога, не тогда, когда я былъ въ тебя влюбленъ моей мальчишеской любовью, а когда я зрѣлымъ мужемъ глядѣлъ на женщинъ хваленаго, позднѣйшаго времени и... съ болѣзненной грустью видѣлъ полное исчезновеніе въ новой женщинѣ высокихъ, воспитывающихъ молодого мужчину инстинктовъ и влеченій, исчезновеніе, которое восполнятъ развѣ *новѣйшія* женщины, выступающія послѣ отошедшихъ новыхъ“.

Старый Кіевъ, до-Бибиковскихъ мѣръ, былъ дорогъ Лѣскову по многимъ причинамъ, имѣющимъ значеніе для его біографіи. Онъ писалъ о немъ:—«Жаль превосходнѣйшей аллеи рослыхъ и стройныхъ тополей, которая вырублена уже при Анненковѣ для устройства на ея мѣстѣ нынѣшняго увеселительнаго балагана, съ его дрянными развлеченіями. Но всего болѣе жаль тихихъ куртинъ верхняго сада, гдѣ у насъ былъ свой лицей. Тутъ мы, молодыми ребятами, бывало проводили цѣлыя ночи до бѣла свѣта, слушая того, кто намъ казался умнѣе, кто обладалъ большими противъ другихъ свѣдѣніями и могъ разсказать намъ о Кантѣ, о Гегелѣ, о „чувствахъ высокаго и прекраснаго“, и о многомъ другомъ, о чемъ теперь совсѣмъ и не слыхать рѣчей въ садахъ нынѣшняго Кіева. Теперь, когда доводится бывать тамъ, все чаще слышишь только что-то о банкахъ и о томъ, кого во сколько надо цѣнить на деньги. Любопытно подумать, какъ это настроеніе отразится на нравахъ подростающаго поколѣнія, когда настанетъ его время дѣйствовать».

„Нравы собственно говоря измѣнились еще болѣе, чѣмъ зданія, и тоже можетъ быть не во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему. Перебирать и критиковать этого не будемъ, ибо „всякой вещи свое время подъ солнцемъ“, но пожалѣть о томъ, что было мило намъ

въ нашей юности, надѣюсь, простительно, и кто, подобно мнѣ, уже пережилъ лучшіе годы жизни, тотъ, вѣроятно, не осудитъ меня за маленькое пристрастіе къ тому старенькому сѣрому Кіеву, въ которомъ было еще очень много простоты, нынѣ совершенно исчезнувшей.

Во время пребыванія на службѣ въ Кіевѣ, положеніе Лѣскова сблизило его съ покойнымъ Ст. Ст. Громекой, который перетащилъ Лѣскова съ казенной должности въ Русское Общество пароходства и торговли. Коммерческая служба требовала безпрестанныхъ разъѣздовъ и иногда удерживала Лѣскова въ самыхъ глухихъ захолустьяхъ. Онъ изъѣздилъ Россію въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, и это дало ему большое обиліе впечатлѣній и запасъ бытовыхъ свѣдѣній. Затѣмъ контрагентство у англичанина-радикала Шкота, по управленію имѣніями Нарышкиныхъ и Перовскихъ, также содѣйствовало обогащенію Лѣскова познаніями и описано имъ въ „Загонѣ" и въ „Продуктѣ природы" (переселенческій сборникъ: „Въ путь дорогу")

Такимъ образомъ дѣтство среди православнаго духовенства и квакеровъ (см. „Юдоль"); служба съ чиновниками; кіевская молодежь; уходъ съ государственной службы на коммерческую; барки Шкота съ простымъ народомъ—предшествовали литературной дѣятельности Лѣскова. Въ Петербургѣ онъ увлекался, не безъ критики, однако, русской аристократіей и ея протестантской набожностью (М. Пейкеръ, Ю. Засѣцкая, редстокисты, пашковцы и т. д.); вновь охладѣвалъ къ „Великосвѣтскому расколу" и „Сентиментальному благочестію"; ожесточенно нападалъ на крайности 60-хъ годовъ и совершенно былъ преобразованъ проповѣдью Л. Н. Толстого о Христѣ. При этихъ условіяхъ необходимо долженъ былъ сформироваться оригинальный писатель съ большимъ запасомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о русскомъ бытѣ. Въ своей литературной дѣятельности Лѣсковъ переходилъ отъ одной крайности къ другой и самъ жаловался на свое „безпокойное воображеніе", мѣшающее ему остановиться на опредѣленныхъ симпатіяхъ. Онъ съ паѳосомъ говоритъ о византійскихъ церковникахъ въ „Соборянахъ" и во многихъ мѣстахъ „Великосвѣтскаго раскола"; но точно также онъ идеализируетъ и протестантизмъ („Юдоль").

Это справедливо, однако, только въ партійномъ смыслѣ. По существу же вчитываясь въ его произведенія, чувствуешь постоянно одно и то же идеалистическое настроеніе автора и вѣру въ человѣческое достоинство и разумъ.

Многія стороны русской жизни въ 60-хъ годахъ должны были непріятно поразить Лѣскова, и онъ написалъ по этому поводу романъ „Некуда", принесшій автору много непріятностей по литературѣ.

— Я, говорилъ онъ неоднократно мнѣ; могъ изобразить 60-тые годы неумѣло и безтактно, но я не мѣшалъ другимъ критиковать меня и дѣлать лучше. Съ удовольствіемъ прочелъ бы я на старости лѣтъ о минувшей эпохѣ болѣе художественный романъ, чѣмъ мое „Некуда". Но я не могу считать за таковые романы съ „Маркушками", „Полояровыми" и „Неждановыми". У меня

есть мученики идей и страдальцы за ближнихъ (Райнеръ, Лиза Бахарева „Овцебыкъ", „Загадочный человѣкъ"...) а у другихъ либо мерзавцы, либо умалишенные „Бѣсы". Ругани я принялъ за „Некуда" достаточно [1]). А между тѣмъ мой вымыселъ о легкихъ и безхарактерныхъ людяхъ, берущихся за большое дѣло и роняющихъ его, остается и нынѣ вѣрнымъ русской жизни. И теперь, садись и пиши второе „Некуда" о большинствѣ нашихъ толстовцевъ.

Лѣсковъ развертывалъ „Русскую мысль", гдѣ былъ напечатанъ его разсказъ „Зимній день" и прочитывалъ по адресу толстовцевъ слѣдующія строки: — они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, которые все собирались „работать надъ Боклемъ", то противны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ".

Жизнь Н. С. Лѣскова должна была непремѣнно сдѣлать его противникомъ всякихъ „скорохватовъ" и фразеровъ, которыми изобиловало наше отечество, только-что вырвавшееся изъ рукъ помѣщиковъ и чиновниковъ на свободу. Послѣ обличительныхъ романовъ по адресу послѣреформеннаго поколѣнія, Лѣсковъ написалъ уже по другому адресу „Мелочи архіерейской жизни", „Поповская чехорда", „Полунощники", „Чертовы куклы", „Зимній день", Загонъ" и еще не напечатанный романъ „Зайчій ремизъ".

Чистымъ художникомъ Н. С. Лѣсковъ никогда не былъ, и въ самыхъ лучшихъ его произведеніяхъ, писанныхъ съ большимъ спокойствіемъ духа, нельзя не усмотрѣть горячаго проповѣдника излюбленныхъ имъ взглядовъ на жизнь и людей.

Наиболѣе ярко его посмертное міросозерцаніе отразилось въ XI томѣ его сочиненій.

Такимъ образомъ сочиненія Н. С. Лѣскова цѣнны не объективнымъ творчествомъ писателя, а именно страстнымъ исканіемъ идеала и борьбою за его торжество.

Вся жизнь его прошла въ безпощадной критикѣ всякій разъ, когда предлагалась программа, не имѣющая почвы ни въ бытовыхъ условіяхъ страны, ни въ личныхъ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ онъ боролся противъ фальсификаторовъ реальныхъ идей въ романѣ „Что дѣлать"? (См. „Сѣверн. Пчела" 1863 г. № 142); противъ революціонеровъ, которыхъ можно было сосчитать по пальцамъ въ то время, какъ они кричали о готовомъ войскѣ („Овцебыкъ," „Некуда". „Загадочный человѣкъ"); противъ „лепетуновъ" толстовскаго толка, о которыхъ онъ высказалъ свое

[1]) Интересно, что въ то время какъ либеральная пресса негодовала на „Некуда", «цензура, говоритъ С. Венгеровъ (Критико-біографическій словарь, т. IV, стр. 198): всего менѣе раздѣляла общее тогда мнѣніе объ „Некуда". «Кто повѣритъ, говоритъ П. Д. Боборыкинъ въ своей автобіографіи, что „Некуда", всего болѣе повредившее мнѣ въ глазахъ молодежи, вызвало цѣлую цензурную исторію. Романъ былъ порученъ двумъ цензорамъ, которые просматривали его въ редакціонной квартирѣ».

А. Ф.

мнѣніе въ „Зимнемъ днѣ“ и т. д. Отрицательная работа Н. С. Лѣскова однако шла всегда рука объ руку съ положительными сторонами въ русскихъ людяхъ, которымъ онъ посвятилъ преимущественно второй („Праведники“) и одиннадцатый томы своихъ сочиненій.

Не сомнѣваясь въ значительности вліянія Н. С. Лѣскова на своихъ читателей, хочется думать, что имъ будетъ интересно знать и нѣкоторыя черты его литературной жизни, такъ сказать, у себя дома, за письменнымъ столомъ. Жизнь писателя исполнена не одной славы въ русскомъ обществѣ. Ему приходится часто очень плохо и отъ цензурныхъ условій, и отъ редакторской недогадливости о средствахъ своихъ сотрудниковъ, и отъ недобросовѣстности критиковъ къ доброму имени писателя и т. д. У меня имѣется по этому предмету любопытная переписка Н. С. Лѣскова къ С. Н. Шубинскому, редактору „Историческаго Вѣстника“, въ которомъ Лѣсковъ работалъ съ первыхъ дней его возникновенія по день своей смерти.

II.

Кто знавалъ Лѣскова или любитъ его по произведеніямъ, тотъ съ удовольствіемъ прочтетъ его письма къ С. Н. Шубинскому о повседневной жизни писателя за литературнымъ столомъ. Во многихъ изъ нихъ бросается въ глаза то, что онъ часто торгуется съ редакторами изъ-за гонорара и не въ силахъ удержать самого себя отъ оцѣнки собственныхъ произведеній. Но эти черты въ характерѣ Н. С. Лѣскова свидѣтельствуютъ о томъ, какъ не жирно живется даже крупному писателю, если до старости лѣтъ онъ торгуется съ издателями и энергично отстаиваетъ свое значеніе въ литературѣ противъ враждебныхъ ему со всѣхъ сторонъ отзывовъ тупыхъ лицъ.

Онъ пишетъ къ С. Н. Шубинскому:

Посылаю Вамъ, уважаемый Сергѣй Николаевичъ беллетристику въ размѣрѣ ³/₄ листа. Она не худа или по крайней мѣрѣ—весела. Писалъ ее не только больной, но почти не *живой*. Мой 1-й докторъ дѣйствительно сплоховалъ и когда я, возвратясь отъ Суворина, слегъ и у меня началась лихорадка съ обмороками, то былъ призванъ Мейеръ и нашелъ у меня воспаленіе легкихъ. Вотъ Вамъ и сюрпризъ. Съ этимъ - то,—въ промежутки между леденящимъ ознобомъ и 40 градуснымъ жаромъ и написалъ Вамъ „Мелочи архіерейской жизни“ [1]). Ихъ такъ многіе любятъ, что все прочтутъ не безъ удовольствія. Кажется, я былъ и цензуренъ.

Н. Лѣсковъ. Мая 1 1880 г.

Голованъ весь написанъ *вдоль*, но теперь надо его пройти *впоперекъ*. Срокъ Вами мнѣ данный былъ 20-го числа; 21-го можете за нимъ прислать. „Кустарный пророкъ“ будетъ готовъ къ 20-му

¹) «Мелочи архіерейской жизни» частью печатались въ 1878 г. въ газетѣ «Новости», позднѣе—въ «Историческомъ Вѣстникѣ». А. Ф.

или къ 10-му ноября. Я никогда и никого не доводилъ до затрудненій, а Васъ тѣмъ паче. Будьте же покойны. Благодарю Васъ за то, что Вы меня знаете лучше другихъ и въ спорѣ своемъ Вы были правы. Никакихъ обязательствъ съ „Петербургскою Газетою" я не имѣю, а обѣщалъ имъ дать обработаннымъ одинъ *имъ подходящій матеріалъ*, котораго не хотѣлъ понять г. Масловъ [1]). Болѣе ничего. Но на работу у меня дѣйствительно есть спросъ по условіямъ для меня болѣе выгоднымъ, только это не въ „Петербургской Газетѣ", а въ *„Р. Рѣчи"* и въ *„Руси"*, съ которыми мнѣ удобно, потому что я раздѣляю ихъ взгляды на интересующіе меня вопросы вѣры и народности. Вотъ и все.

Всегда Вамъ преданный
Н. Лѣсковъ. 16 октября.

P. S. Два письма Аксакова очень интересны [2]) по его оцѣнкѣ моихъ скромныхъ работкахъ въ Вашемъ „Вѣстникѣ". Ласка идетъ до того, что и говорить застѣнчиво, а гонораръ предоставляетъ самому себѣ назначить свободною рукой, лишь-бы были „Праведники". „Голованъ" однако вышелъ слабѣе другихъ. Надо бы его хорошенько постругать. Не торопите до послѣдней возможности.

1881 г.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что статья *готова*. Названіе ея «*Дворянскій бунтъ на Добрынскомъ приходѣ*». Объемъ ровно 2 листа. Написалось, кажется, хорошо — сильно, но цензурно. Выпусковъ не могу потерпѣть никакихъ ни на одно слово. Говорю это впередъ и заранѣе. Вы были не правы и напрасно труслива въ словахъ объ увольненіи безъ прошеній. Я уступилъ и сожалѣлъ, потому что потомъ это все рѣзче еще сказано въ „Новостяхъ" [3]). Теперь есть мѣста сильныя „объ архіереяхъ", но я знаю, какъ это надо сдѣлать, и сдѣлалъ цензурно; но выпускать *ничего* не стану и ни за что, и знаю, что это будетъ *только* трусость. А можетъ быть ее и не будетъ—это лучше. Два дня писалъ и все разорвалъ. Статьи написать не могу, и на меня не разсчитывайте. Я не понимаю, что такое пишутъ. Куда гнутъ и чего желаютъ. Въ такомъ хаосѣ нечего пытаться говорить правду, а остается одно—почтить дѣломъ старинный образъ „святаго молчанія". Я ничего писать не могу.

Всегда Вамъ преданный
Н. Лѣсковъ. 12 марта

Посылаю къ Вамъ за обѣщанною статьею о Мордвѣ и прилагаю присланные мнѣ изъ типографіи оттиски новаго труда г. Майнова. Когда будете посылать въ типографію, сошлите и эту никуда негодную и ровно ничего не стоющую литературу. Тутъ нѣтъ ни только ничего бытоваго и «живаго», но даже ничего,

---

[1]) А. Н. Масловъ завѣдывалъ тогда редакціей «Еженедѣльнаго Новаго Времени».

[2]) Это частная переписка Аксакова съ Лѣсковымъ и не напечатанная гдѣ-либо.

[3]) Лѣсковъ уволенъ изъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго просвѣщенія «безъ прошенія», о чемъ онъ и заявилъ, съ объясненіемъ причинъ, въ свое время въ газетѣ «Новости». А. Ф.

кромѣ примѣровъ и выкладокъ, которыхъ самъ чортъ не свѣритъ. И на что это кому-нибудь нужно? Какой вздоръ, только, не печатается русскими „учеными обществами". Душевное состояніе мое также мучительное, точно я кого отравилъ или сдѣлалъ подлогъ или иную подлость. Не знаю, какъ жить и еще что-то дѣлать.

Н. Лѣсковъ 11-го ноября.

Законами, о которыхъ пишете, я бъ могъ, т. е. съумѣлъ бы, заняться, но тоже не хочу. Кажется, это долженъ бы нѣсколько знать Костомаровъ. Семинаристы могутъ знать, да у нихъ всегда отвратительная точка зрѣнія. Я все еще не научился спать, какъ порядочному человѣку слѣдуетъ, а впредь не знаю, что будетъ. Гатцукъ въ дѣлахъ выходитъ просто молодецъ и прелюбезный человѣкъ: вмѣсто отвѣтовъ онъ высылаетъ деньги и проситъ не нудить себя спѣшкою. Это по-человѣчески

Н. Лѣсковъ. 10-го декабря.

1882 г.

Въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» будутъ напечатаны общеинтересныя выдержки изъ частной переписки недавно скончавшагося епископа рижскаго Филарета (Филаретова) съ Н. С. Лѣсковымъ.

Если Вы будете помѣщать некрологъ Филарета, то поставьте вышеприведенныя слова въ концѣ, а иначе поставьте ихъ при оглавленіи статей. Въ письмахъ Филарета ко мнѣ (мы были дружны) я нашелъ много общеинтереснаго и начинаю статью.

Н. Лѣсковъ.

О будущемъ годѣ ничего Вамъ не могу сказать, кромѣ того, что статья по письму Самарина написана, объемъ ея (полагаю) около $4^{1}/_{2}$ или 5 листовъ, а заглавіе ея „Русскіе дѣятели въ остзейскомъ краѣ". Тамъ Суворовъ, Самаринъ, архіереи: Филаретъ Гумилевскій (историкъ), Филаретъ Филаретовъ и Платонъ, нынѣшній митрополитъ кіевскій. Статья живая, полу-историческая, полу-полемическая съ введеніемъ нѣкоторыхъ увеселяющихъ и характерныхъ анекдотовъ.—Вы ее можете получить, когда хотите, но лучше пусть она лежитъ у меня до надобности. Я не могу себя удерживать отъ размышленія о написанномъ и отъ желанія поправлять тамъ то или другое. Впрочемъ можете и взять, если это для Васъ покойнѣе. О письмахъ Филарета Дроздова писать не могу. Надо все это прочитать... Это вѣдь очень работно, а написать для критическаго отдѣла замѣтку лучше съумѣютъ тѣ, кто критикуетъ, не читая.

8-го октября.

Статью Вамъ посылаю. Эта статья мною любимая и сдѣлана съ любовью и тщательно. Она историческая, но пригнана къ вопросу современному и живому, — о выборномъ началѣ, которое начали ломать и не знаютъ, чѣмъ замѣнить. Самовластіе архіереевъ даетъ плоды,—прихоть приходовъ обнаруживаетъ глупость и незрѣлость общества. Писано все безъ всякихъ тенденцій [1].

---

[1]) «Поповская чехарда и приходская прихоть» напеч. въ «Историч. Вѣстн.» 1883 г. № 2.

Ставьте ее первую, а „Остзейскую“ въ слѣдующія книжки. Въ статьѣ этой по моему около $2\frac{1}{4}$ или $2\frac{1}{2}$ листовъ, прошу Васъ прислать мнѣ записку на деньги *200 руб. именно подъ нее съ поименованіемъ.* Я беру авансъ, но не *долгъ сплаю.* Я этого не люблю, и разговоры бываютъ именно оттого, что статья не поименована. Берется именно подъ данную работу — изъ разсчета за все долженъ идти и вычетъ по ея напечатаніи. А мало-ли что мнѣ можетъ придуматься еще написать! Какое до того дѣло, когда авансъ лежитъ на другой работѣ *принятой.*

10-го декабря.

1883 г. 25-го января.

Я отдаю Короленкѣ [1]) статью «Русскіе дѣятели въ остзейскомъ краѣ» за 6-ть дней до выпуска февральской книжки. Статья, разумѣется, сдѣлана, какъ могу и какъ умѣю, со всѣмъ стараніемъ. Что она лежала 5 мѣсяцевъ у меня, а не у Васъ,— отъ этого, надѣюсь, она не проиграла. Я видѣлся съ людьми, говорилъ, думалъ и многое совсѣмъ передѣлалъ, какъ указывало уясненіе себѣ этой картины и нравовъ. Не хотите ли Вы маленькую статью *въ листъ* для мартовской книжки—*очень любопытную* по запискамъ Измайлова. Повторяю, *очень любопытная* — о притворщикахъ русскаго патріотизма. Заглавіе: «*Сеничкинъ ядъ въ тридцатыхъ годахъ*». Отвѣтьте тотчасъ. Суворину она не годится по направленію и я долженъ ее отдать Потовичу или Оболенскому. Мнѣ ее очень жаль.

Сегодня получилъ отъ брата покойнаго митрополита Макарія XII томъ исторіи съ надписью: „На память о покойномъ авторѣ“, который, оказывается, меня „зналъ и отличалъ“. Снова отрадно.

Вчера былъ на большомъ балѣ, гдѣ за ужиномъ Квистъ сталъ разсказывать, какія въ «Историческомъ Вѣстникѣ» бываютъ превосходныя статьи Л—ва. Былъ сконфуженъ и нѣсколько обрадованъ, что люди насъ знаютъ и во что-то цѣнятъ. Почтенъ былъ общимъ вниманіемъ. И то отрадно.

Очень радъ за Васъ, любезный Сергѣй Николаевичъ, что Вы сподобились гоненія и теперь страждете. Уповаю, что «болѣзнь сія не къ гибели, но наипаче къ прославленію». Хорошо тоже, что это не по «наскучившему» Вамъ съ Суворинымъ вопросу, гдѣ впутывается скучное духовенство. Подите же, на чемъ споткнулись—на французской революціи [2]).

Получилъ дружественныя письма изъ Кіева, изъ Москвы и изъ Варшавы отъ Щебальскаго. Всѣ говорятъ въ одно: „статья честная и Вы поступили, какъ слѣдуетъ и мужественнѣе многихъ“, Вы, только, меня осуждали. Докладъ Майкову тоже исполнилъ съ усердіемъ, а золотую медаль, мнѣ слѣдующую, просилъ прямо изъ Министерства отослать въ Орловскую гимназію на помощь бѣднѣйшему ученику, отправляющемуся въ университетъ. Видѣть Васъ всегда очень радъ, да это и легко, такъ какъ

[1]) Короленко завѣдывалъ конторой «Историчесаго Вѣстника», однофамилецъ извѣстнаго писателя.

[2]) Статья была запрещена цензурой.

я всякій день дома съ утра до 2-хъ и 5 до 9 вечера и никогда не велю отказывать, боясь причинить этимъ кому-нибудь досаду и неудобства. Да и (бабушка моя говорила) «черезъ то и люди и дѣти ко лжи пріучаются»... Будьте здоровы и мужественны въ перенесеніи бѣдствій. Ужасна бѣда, которую сдѣлалъ по неряшеству, а когда дѣлаешь, что слѣдуетъ, тогда можно съ достоинствомъ выносить, что пошлетъ Провидѣніе.

Всего Вамъ добраго желаю и радъ, что Вы меня теперь оставили съ приставаніями о „маленькихъ" статьяхъ, которыя отрываютъ отъ большаго и портятъ дѣло.

31-го марта.

Прежде чѣмъ Вы положили не касаться въ „Историческомъ Вѣстникѣ" вопросовъ церковной исторіи, я взялъ для рецензіи слѣдующія книги:

1) „Житія сѣверно-русскихъ святыхъ, какъ исторический матеріалъ". Яхонтова.

2) „Государственное ученіе Филарета". Н. В.

3) „О свободѣ совѣсти", Кипарисова.

4) „Руководящіе типы", Невзорова.

5) „Эпиктетъ".

Изъ нихъ: 1) „Житія", 2) Государственное ученіе", 4) О свободѣ совѣсти и 4) „Эпиктетъ" разрѣзаны и измѣчены и такъ какъ я уже ихъ прочелъ и положилъ себѣ написать о нихъ для иного изданія, то прошу Васъ приказать снести эти 4 книги со счета „Историческаго Вѣстника" и поставить мнѣ въ мой личный счетъ.

3-го апрѣля.

Пожалуйста, напишите, когда т. е. въ какой день въ недѣлѣ Васъ, навѣрно, и непремѣнно можно заставать дома вечеромъ. Это иначе невозможно. Видѣться и переговорить представляются надобности, а стоять у дверей какъ хотите нельзя. Это просто ужъ и не по лѣтамъ, и не по нраву, ни по приличію, ни почему не идетъ и нигдѣ это не дѣлается и всякъ этого избѣгать станетъ. А что до меня, то это мнѣ рѣшительно не по характеру—какъ себѣ хотите. А видѣться нужно бываетъ, чтобы сказать и условиться какая работа заматывается въ умѣ. Иное такъ носишь, носишь да и бросишь. Нельзя же редактору жить въ свѣтѣ „неприступнымъ" постоянно. Вы это чудите что-то. Говоръ такой идетъ, что „что-то секретное дѣлаете"... Это теперь неудобно есть. Будьте дома хоть по воскресеньямъ съ утра до 2-хъ часовъ, ужъ чего еще проще [1]).

15 апрѣля.

Вчера читалъ въ Хлопушкинскомъ кружкѣ.

20 апрѣля.

Посылаю достопочтенству Вашему великую библіографическую

[1]) Вѣроятно Н. С. Лѣсковъ посѣтилъ С. Н. Шубинскаго въ непріемные часы, когда самъ г. Шубинскій могъ отлучиться изъ дому. Обыкновенно редакторъ «Истор. Вѣстн.» принимаетъ много ужъ лѣтъ ежедневно до 12 ч. сотрудниковъ и никто изъ нихъ не жалуется на С. Н. Шубинскаго въ этомъ отношеніи. А. Ф.

рѣдкость—мою записку о расколѣ. Ее желаетъ получить Семевскій и я имѣю основаніе подозрѣвать, что онъ пожалуй на сихъ дняхъ добылъ одинъ ея экземпляръ изъ академіи наукъ (ихъ отпечатано 80 экз. по числу тогдашнихъ членовъ Государственнаго Совѣта и попечителей округовъ. Гдѣ остальные *неизвѣстно*, можетъ быть, у Головнина). Надо ее напечатать и пожалуй *немедленно*, можетъ быть, въ іюлѣ. Мой экземпляръ надо *сберечь* и не разрывать его. Пусть такъ и набираетъ не спѣша одинъ наборщикъ прямо съ книги и потомъ книгу эту мнѣ возвратите. Гонораръ желаю самый малый 50 руб. за листъ. Думаю, что это недорого за эту работу, полную живаго интереса для историковъ и для всего раскольничества. Конечно нѣтъ необходимости помѣщать всю записку сразу въ одной книгѣ, а можно ее раздѣлить на двѣ по 2 листа. Да добудьте мнѣ, пожалуйста, „Отеческія Записки", гдѣ обо мнѣ писано. Это, можетъ быть, дастъ мнѣ поводъ и охоту написать Вамъ любопытное литературное воспоминаніе: „Исторію романа „Некуда".

23 апрѣля.

Замѣтка о Марко Вовчкѣ была моя и я думаю, что Петровъ ошибается: М. А. не могла быть въ Орловскомъ институтѣ, я ея развитіе всецѣло принадлежитъ ея прекрасному мужу, котораго я очень хорошо зналъ и любилъ, да и обязанъ ему всѣмъ моимъ направленіемъ и страстью къ литературѣ. Онъ давно умеръ.. Но на что же Вы будете отвѣчать? Пусть Петровъ разъяснитъ: была ли она въ институтѣ, и очеркнетъ характерную и милую личность „пана Опанаса". Къ осени купилъ у Грота полдюжины карточекъ съ подходящими евангельскими текстами и попытаюсь привести ихъ къ отсутствующему [1]) изъ дома хозяина Вашей квартиры.

23 іюля.

Осенью 1883 г. Лѣсковъ поѣхалъ въ Москву и, по возвращеніи оттуда, тотчасъ же пишетъ Шубинскому.

Вчера я вернулся изъ Москвы, куда ѣздилъ не праздно: сдѣлалъ нѣкоторыя свои книжныя дѣла и кое-что добылъ по части рукописей, Одна покупка есть превосходная. Рукопись попа города Великихъ Лукъ: „Удивительныя новости о семи мудрецахъ" 1702 года. Повѣсти *превосходныя*, Богъ вѣсть съ какого латинскаго оригинала,—всѣ любовныя и дѣйствительно „удивительныя". Напечатаны онѣ нигдѣ не были и я полагаю, что мой экземпляръ есть *уника*, въ чемъ удостовѣряетъ меня и Гатцукъ—хорошій знатокъ старой литературы. Писано все уставомъ съ заставицами и зачальными литтерами. Добра въ нихъ очень много и прелюбопытнаго. Есть и еще нѣчто, но это самое дорогое и по истинѣ *прелюбопытное*.

Каждая повѣсть не болѣе одного листа и читаться будутъ онѣ со смѣхомъ и съ интересомъ. По моему это кладъ для историческаго журнала.

20 октября.

[1]) Лѣсковъ опять добродушно острить надъ тѣмъ, что онъ можетъ не застать дома С. Н. Шубинскаго. А. Ф.

Вы знаете, что я не ревнивъ къ литературной славѣ своей и не чуждъ способности понимать значеніе обстоятельствъ. Вѣроятно А. С. Суворинъ поступилъ такъ, какъ было необходимо и сдѣлалъ исключенія съ толкомъ. Прошу Васъ, только, прислать мнѣ *для меня* оттискъ статьи, какова она была *безъ исключеній*, и также дать мнѣ такой оттискъ продолженія статьи, которое набрано для декабрьской книги.

Я Вамъ говорилъ, что Вы напрасно держите эту статью до нынѣшняго остраго момента, когда время для тенденціозной лжи, а не для строгой исторической правды, но Вы всегда любите давать предпочтеніе системѣ передъ живыми соображеніями. Что же съ Вами дѣлать.

1 ноября.

1884 г.

Нѣкоторый важный сановникъ пожелалъ продиктовать мнѣ свои воспоминанія изъ царст. Имп. Николая, а другое властное лицо довѣрило мнѣ секретныя бумаги съ тѣмъ, чтобы какъ одними, такъ и другими матеріалами воспользовался „непремѣнно *я самъ и обработалъ бы ихъ собственноручно*“.

Диктантъ я весь записалъ съ стенографисткою (двѣ тетради), а секретными бумагами пользуюсь и дѣлаю мои выборки. У Васъ, я слыхалъ отъ Васъ, матеріала страшное изобиліе и я это вижу и по составу книжекъ чувствую, но (чѣмъ чортъ не шутитъ), можетъ быть, и Вамъ еще какую-нибудь дрянь [1] „на затычку“ надо. Не пожалуйте ли поговорить и повидаться какъ-нибудь около 8 час. вечера до *субботы*. Если же не пожалуете, то я не буду считать себя въ неловкости, что не предложилъ Вамъ того, чѣмъ располагалъ въ историческомъ родѣ. Но чтобы намъ не говорить даромъ, то я впередъ считаю нужнымъ сказать Вамъ, что менѣе 200 руб. за листъ я не могу взять ни одного гроша и то вижу въ этомъ чувствительный убытокъ, т. к. листъ Вашъ на 6 тыс. буквъ больше обыкновеннаго журнальнаго листа, а я съ своего пера живу и дешевить причины не имѣю. Диктантъ мы можемъ у меня просмотрѣть и ознакомиться съ средою, которую объемлетъ воспоминаніе. Первый этюдъ изъ нихъ подъ заглавіемъ: „Слуги воли Монаршей“ (особенные довѣренные Госуд. Николая) у меня готовъ и я хочу послать его въ воскресенье Аксакову, т. к. онъ отвѣчаетъ его правильной мысли, что неисполненіе „воли Монаршей“ при Николаѣ было *хуже* чѣмъ когда-либо.

7 февраля.

Я послалъ Вамъ вчера письмо о дѣлѣ, и возвратясь домой, нашелъ у себя Ваше письмо объ обѣдахъ. Очень благодарю тѣхъ, кто обо мнѣ вспомнилъ и поручилъ Вамъ пригласить меня, благодарю и Васъ, что Вы приняли на себя это порученіе. Затѣмъ разумѣется, осталось бы, только, сказать по-архіерейски: „благо-

[1]) Лѣсковъ острить здѣсь надъ привычками многихъ редакторовъ жаловаться или хвастаться на обиліе у нихъ матеріала, несмотря на то, что печатаемыя ими въ журналахъ статьи либо составлены по чужимъ книгамъ, либо блестятъ ординарностью взглядовъ. А. Ф.

дарю, пріемлю и ничто же вопреки глаголю". Обаче нѣчто нудитъ меня къ иному отвѣту.

Во 1-хъ я нахожусь въ сомнѣніи: дѣйствительно ли кто-то поручилъ Вамъ „пригласить" меня? Не есть ли это, только, Ваша личная ко мнѣ любезность или быть можетъ, это товарищеская любезность С. Н. Терпигорова, и во 2-хъ я опасаюсь не сдѣлаю ли я непріятности моимъ присутствіемъ какимъ-нибудь другимъ, менѣе ко мнѣ расположеннымъ членамъ редакціи, изъ тѣхъ напр., которые имѣютъ достаточныя причины меня презирать и оберегать отъ общенія со мною свое превосходство".

Лѣсковъ.

8 февраля.

Я услыхалъ, что Вы нездоровы и хотѣлъ бы Васъ посѣтить. Въ такомъ ли Вы настроеніи, что пускаете къ себѣ пріятелей или посѣщенія Вамъ теперь сугубо тяжки? Я не хотѣлъ бы сдѣлать Вамъ непріятнаго. Если же Васъ можно видѣть, то когда именно, чтобы, навѣрно, *безъ отказа?* Я все-таки не могу заставить себя это переносить и, признаюсь Вамъ, идучи къ Вамъ, всегда даю чужія карточки, чтобы отказъ шелъ не мнѣ, а кому-то чужому. Вы такъ и не узнаете, когда я бывалъ у Васъ, а за то имѣете визиты людей, которые въ сущности Васъ не посѣщали. Это лучшее мщеніе, которое я могъ Вамъ измыслить и какъ мой примѣръ увлекаетъ другихъ, надѣюсь, мы Васъ доѣдимъ этимъ способомъ.

Лѣсковъ.

19 апрѣля.

Одинъ изъ старыхъ кадетъ 1-го корпуса сдѣлалъ мнѣ милый подарокъ снимокъ съ ретушированнаго силуэта бригадира Боброва, о которомъ мы говорили въ „трехъ праведникахъ", прилагаю Вамъ этотъ портретъ „бригадира" и „царя кадетскихъ пироговъ" Не захотите ли Вы его награвировать и приложить къ „Историческому Вѣстнику", приложеніе, кажется, было бы милое и очень любопытное, а кадетъ I корпуса еще много на свѣтѣ.

Да, не знаете ли Вы, напечатаны ли гдѣ-нибудь двѣ поэмы Рылѣева о Бобровѣ? помнится, будто что-то такое гдѣ-то было. Я ихъ могу имѣть цѣлостью въ рукописи самого Рылѣева, при портретѣ можно бы еще нѣчто прибавить о Бобровѣ.

4 сентября, 1884 г.

Очень радъ, что замѣтка Вамъ нравится. Заглавіе перемѣните Пусть будетъ: „Одинъ изъ трехъ праведниковъ". Я думалъ что надо непремѣнно, „къ портрету". Такъ и соедините: вверху крупно поставьте: „Одинъ изъ трехъ праведниковъ", а ниже въ скобкахъ, „къ портрету А. П. Боброва". Это будетъ хорошо. Догадка Ваша на счетъ литографіи б. м. вѣрна и потому вычеркните все, что касается моихъ догадокъ на счетъ портрета китайскою тушью. Это и не важно, но проговариваться и не надо, когда есть сомнѣніе.

28 октября.

Замѣчаніе Ваше о заглавіи не вѣрно. Заглавіе мѣтко и ѣдко. Но, быть можетъ, оно неудобно, предлагаю Вамъ два на выборъ:

1. *„Площадный скандалъ“* или 2. *„Всенародный гросфатеръ“*.

Выбирайте одно изъ трехъ. Далѣе я ничего предлагать не могу и не *желаю*. Я даю заглавіе *по первому впечатлѣнію*. Все, что Вы пойдете выдумывать, будетъ хуже. При несогласіи Вашемъ на одно изъ этихъ заглавій, прошу Васъ намедленно рукопись мнѣ возвратить. Объясненій у насъ на этотъ счетъ, конечно, не будетъ. Деньги мнѣ необходимы, но мнѣ не желательно ходить въ учрежденіе, гдѣ ихъ выдаютъ. А потому, если работы мои Вамъ угодны—прошу Васъ тотчасъ учесть ихъ по таксѣ Вашей можливости и *прислать* мнѣ деньги, какъ и другіе мнѣ присылаютъ. Деньги я имѣю обычай получать впередъ по учетѣ рукописи и инаго правила держаться не хочу.

„Слова“ вычеркивать можете—мысли цѣлыя нѣтъ.

21 декабря.

Простите меня ради праздника, уважаемый Сергѣй Николаевичъ! Въ письмѣ моемъ не было ничего умышленно рѣзкаго, а была м. б. неумѣстная *краткость*, показавшаяся за рѣзкость.

Я всегда готовъ уступить во всемъ требованіямъ редакціи и умѣю ихъ понимать и цѣнить. Но Вы простите за чистосердечіе, владѣете какимъ-то секретомъ... выводить нервныхъ людей изъ послѣдняго спокойствія.—Что такое тамъ нужно „усмирять“—усмиряйте. Кажется, и такъ все смирно. Заглавіе еще одно предлагаю: „Дурной примѣръ“. Больше я не могу ничего придумать, все это, по-моему, напрасныя хлопоты.

Декабря, 1884 г.

III.

Новый 1885 г. Ник. Сем. встрѣтилъ повидимому радостно и въ день своихъ именинъ посылаетъ друзьямъ письмо, любопытное по изложенію и подробностямъ его личной жизни. Онъ пишетъ: „День иже во святыхъ отца нашего Николы Студійскаго, Творца иконъ и списателя каноновъ, приходится сей годъ въ чистый понедѣльникъ (1-й день поста). Празднество будетъ малое, но радушное. Прокофью Герасимову заказаны: 1) Кулебяка съ рыбой и съ грибами, 2) Карпъ жареный и 3) форель, соусъ провансаль. Вина русскія, но добрыя;—старыя изъ дорогаго ящика. Потребленіе трапезы начнется въ 12 час. ночи. Съѣздъ и разъѣздъ гостей по ихъ благоволенію. Позовъ посылается сестрѣ моей съ мужемъ, Сергѣю Николаевичу Шубинскому съ Екатериной Николаевной, которая должна бы меня посѣтить, супругамъ Свирскимъ (мужъ артистъ, жена докторъ и другъ мой) и, быть можетъ, придетъ мой сосѣдъ бар. Штромбергъ съ женой!“—

27 января.

Препровождаю Вамъ статейку объ архіерейскихъ „нареченіяхъ и хиротоніяхъ“, о которыхъ всѣ говорятъ и *никто* ничего основательнаго не знаетъ. Это также любопытно и такъ же безизвѣстно, какъ „чинъ“ коронаціи, съ которыми мы познакомили публику и сдѣлали ей тѣмъ удовольствіе. Чинъ *хиротоніи* выдуманъ при Павлѣ и сдѣланъ *въ его вкусъ*. Павелъ велѣлъ его „напечатать и пустить въ народъ“, „яко театръ духовный“. Его на-

печатали въ Москвѣ въ синодальной типографіи, но потомъ вскорѣ убрали чинъ съ полокъ и его ни за что нельзя стало доставать. Есть два чинка для митрополита да его протодіакона, которымъ приходится по этой павловской фантазіи дѣйствовать при поставленіи архіереевъ. Я сдѣлалъ оттуда вытяжку и обозрѣніе. Все это вполнѣ цензурно, серьезно и любопытно. Поступайте съ этой статьей какъ хотите и когда хотите, но деньги у меня, по извѣстнымъ Вамъ исторіямъ, льются какъ вода, а потому *въ денежномъ отношеніи* я ждать не могу. Въ статьѣ этой, по моему вѣрному разсчету, есть около листа, а потому пришлите мнѣ авансовую записочку на сто рублей.

Лѣсковъ.

Что же дѣлать?! надо мужественно сносить человѣческія непріятности. Статья была основательна и вполнѣ цензурна. Я понимаю отчасти въ чемъ дѣло: они стыдятся приговора о Верховскомъ... Но я читалъ, какъ это прошло въ газетѣ *„Жизнь"*. Я, вѣдь, Васъ не подводилъ и себя не хотѣлъ убыточить. Статья эта *хорошая*, интересная и живая, а на „вѣянія", которыя изъ за угла вѣются, ни у кого отгадки быть не можетъ. Статья эта непремѣнно пройдетъ въ свое время. Прошу Васъ сберечь мнѣ два оттиска. Кстати посылаю замѣтку о 400-лѣтнемъ юбилеѣ учрежденія цензуры.

Январь, 1885 г.—Лѣсковъ.

Препровождаю Вамъ, Сергѣй Николаевичъ, статью для исторіи раскола прелюбопытную. Много лѣтъ идетъ споръ о безпоповскомъ бракѣ, да никто не показалъ *картины* совершенія сего брака. Это здѣсь и предлагается съ воспроизведеніемъ „чина", кажется, до сихъ поръ никому изъ историческихъ изслѣдователей неизвѣстнаго.

Потомъ препровождаю Вамъ и самую рѣдкую *книжицу*, давшую возможность написать эту статью. Прошу Васъ пожертвовать ее отъ меня въ Публичную Библіотеку.—Лѣсковъ.

Прилагаю замѣтку въ защиту Ахматовой; увѣренъ, что она Вамъ понравится и что Вы употребите усиліе всунуть ее *гдѣ нибудь* въ *апрѣльскую книжку*.

•Если же бы почему-нибудь Вы не могли ее напечатать въ этой книжкѣ, то прошу Васъ возвратить мнѣ эту статейку немедленно. Очень досадно будетъ послать ее въ *Свѣтъ* или Амикусу. Другихъ изданій нѣтъ.

За хлопоты о скопцахъ очень благодарю, но, вѣдь, Вы знаете, что у меня чухны да нѣмцы. Мнѣ *послать* некого. Пожалуйста пошлите своего посыльнаго и напишите мой адресъ. 10 р. возьмите изъ моего гонорара. Докончите это одолженіе. Мнѣ *некого* послать.—Лѣсковъ.

Я всегда „содержу Васъ въ памяти" и всегда радъ доставить „Историческому Вѣстнику" что-либо живое и интересное. Мнѣ очень пріятно было встрѣтить нѣсколько убѣдительныхъ для меня доказательствъ, что въ публикѣ, читающей Вашъ журналъ, есть люди, очень дружественно встрѣчающіе мое имя и даже ожидающіе моихъ работъ. Поработали мы вмѣстѣ уже не мало и,

какъ видится, не безъ успѣха. Мнѣ даже было странно слышать нерою вниманіе именно къ моимъ работамъ въ „Истор. Вѣст." и при томъ всегда съ сочувствіемъ къ тому, что принято называть „интересомъ" и „направленіемъ". Насъ одобряютъ люди зрѣлаго возраста и съ удовольствіемъ читаютъ юноши.

Это отрадно. Дай Богъ, чтобы перетрясая недавнюю старину, мы положили свою лепту на то, чтобы сохранить и пронести до лучшихъ временъ добрыя преданія литературы, окончательно, кажется, позабывшей свое благородное призваніе и обратившейся въ прислужничество, за которое надо краснѣть.

10 сентября.

Статьи „церковно-историческія" отнюдь не суть „статьи духовнаго содержанія". Это было два раза разъясняемо Сенатомъ, по поводу двухъ разбирательствъ. „Духовныя" это *догматическія*, а не историческія. Я все-таки думаю, что Вы не отстояли того, что могли отстоять. Теперь о всемъ, касающемся церковной исторіи, остается молчать. Лѣсковъ.

Я въ большомъ затрудненіи, какъ Вамъ отвѣтить, уважаемый Сергѣй Николаевичъ! Цензурныя стѣсненія въ разработкѣ тѣхъ историческихъ вопросовъ, которые мнѣ наиболѣе по сердцу и наиболѣе по плечу моему—совсѣмъ меня подавили. Я переглядѣлъ весь мой сырой матеріалъ и ужаснулся. Весь подборъ—все соприкасается тѣмъ или инымъ бокомъ къ исторіи церковнаго управленія. Я люблю, чтобы мои счеты были чисты и аккуратны, и обезпечилъ все, что забиралъ у Васъ, готовыми работами, отдѣланными старательно и совѣстливо; и вотъ,—ничто, готовое и сданное въ печать, не проходитъ!!

Какая досада! Я постараюсь найти что-либо свѣтское, но не будетъ то, чѣмъ я люблю служить „Историческому Вѣстнику". Постараюсь, но обѣщать не смѣю къ сроку.

26 декабря.

1886 годъ.

Я снова боленъ и лежу, но кое-какъ работаю, въ ожиданіи возможности уѣхать хоть на костыляхъ. Посылаю вамъ при семъ:

1) Статейку объ іезуитѣ Гагаринѣ и

2) Замѣтку о кабацкихъ вывѣскахъ и о графѣ Ал. Н. Толстомъ.

Обѣ онѣ пригодны въ одинъ номеръ.

(Повѣсть изъ прологовъ кончилъ и ею доволенъ).

Объемъ повѣсти 3—3½ листа. Охотниковъ на полученіе ея, конечно, имѣю. Вамъ, разумѣется, уступаю первое право. Прошу васъ смѣтить мои счеты съ Вами, что я вамъ долженъ, вслѣдствіе несчастныхъ затрудненій и что будетъ отъ того отбавлено, тѣмъ, что набрано и что теперь посылается. Сосчитавъ это, надо будетъ опредѣлить остатокъ, который еще останется, на повѣсть. Затѣмъ, полагая повѣсть (до окончанія разсчета) всего въ 3 листа—остальные мнѣ надо будетъ додать, чтобы было съ чѣмъ ѣхать. Три листа составятъ 450 руб. (минусъ) столько, сколько есть за мною долгу. О распоряженіяхъ Вашихъ прошу Васъ меня увѣдомить. Повѣсть готова и можетъ быть передана вамъ къ

1-му іюня. До полученія отъ Васъ отвѣта я буду ждать съ отвѣтомъ Гатцука. Если бы Вы меня навѣстили—добро бы сдѣлали.

20 мая.

Извините меня, достоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, что я не могу послать Вамъ теперь рукопись повѣсти „О боголюбезномъ скоморохѣ“. Повѣсть еще немного не закончена и притомъ она въ самомъ примитивномъ видѣ, то-есть вся измаранная. Ее надо переписать, выправить и еще разъ переписать. Это у меня такъ дѣлается. Иначе вещь не въ своемъ видѣ. Я Вамъ писалъ, что повѣсть вполнѣ цензурна, а Вы мнѣ отвѣчаете: „Я не вѣрю“... почему это? Развѣ не я самъ всегда *удерживалъ* Васъ, когда Вы хотѣли посылать рукописи мало-мальски сомнительныя? Вы не можете сказать, что это было не такъ. Потомъ развѣ Вы думаете, я мало гордъ для того, чтобы не давать поводовъ говорить обо мнѣ съ Ѳеоктистовымъ? Я очень радъ, что она Васъ испугала и что Вы мнѣ не вѣрите. Это Васъ займетъ и сдѣлаетъ вамъ пріятное досажденіе отъ самого себя.

22 мая.

Четыре дня, какъ я уже хожу и даже помаленьку выхожу изъ дому. Работы для Васъ сдѣлалъ двѣ: „Повѣсть о скоморохѣ“ и статью „О женскихъ способностяхъ и о сопротивленіи злу“. Первая написана вся, но вчернѣ—только „вдоль“ и еще не „впоперекъ“. Въ ней отъ 3½ до 4 листовъ. Ее надо отшляфовать и переписывать, что я и сдѣлаю въ Аренсбургѣ, куда пора ѣхать. Статья состоитъ изъ большаго, въ два печатанные листа, письма Пирогова къ Эдифѣ Ѳеодоровнѣ Раденъ о значеніи дѣлъ великой княгини Елены Павловны съ моимъ предисловіемъ и послѣсловіемъ. Объемъ ея отъ 3 до 3½ листовъ, два раза переписана и доведена до отдѣлки, выше которой я дать уже не могу. Она *совсѣмъ готова* къ печати и, по существу трактуемаго въ ней предмета, ее надо не задерживать. Она имѣетъ большой интересъ *историческій* и еще большій *современный*. На случай указано въ рукописи мѣсто, гдѣ удобно раздѣлить статью надвое. Это на 17-мъ листѣ. Если же не захотите дѣлить—тѣмъ лучше. Какъ мнѣ досталось это письмо, писанное къ Раденъ, объясню въ самомъ началѣ статьи. Вы, можетъ быть, не знаете, что я по рекомендаціи Грота и Побѣдоносцева былъ приглашаемъ въ Михайловскій дворецъ, чтобы принять на себя составленіе „исторіи дѣятельности великой княгини Елены Павловны“ и имѣлъ въ своихъ рукахъ многія ея бумаги, а отъ „исторіи“ отказался. Письмо Пирогова (на нѣмецкомъ языкѣ) Раденъ дала мнѣ съ тѣмъ, что оно мнѣ, можетъ быть, пригодится. Я сдѣлалъ себѣ съ него переводъ и берегъ его до лучшаго случая. Случай этотъ теперь насталъ. Семевскій слыхалъ объ этомъ письмѣ и искалъ его, но *не нашелъ,* потому что оно у меня. Статья совершенно цензурна, и я ею очень дорожу. Это вдохновительно, серьезно и умно, и *теперь кстати* [1]).

---

[1]) Письмо Н. И. Пирогова трактуетъ о полезности для женщинъ медицинскаго образованія, въ чемъ Пироговъ убѣдился на Крестовоздви-

Мои „Соборяне“ переведены и вышли въ „Универсальной библіотекѣ“. Это былъ мнѣ совершенный сюрпризъ. Теперь должны скоро выдти по-французски „На краю свѣта“ и разсказы изъ „Историческаго Вѣстника“. Конечно, я пальцемъ не шевелилъ, чтобы это было сдѣлано.

14 іюня.

Благодарю Васъ, любезный другъ Сергѣй Николаевичъ, за исполненіе моей просьбы и за милое письмо. Помимо того, что Провидѣнію угодно было дозволить намъ обоимъ любить честность и благородство поступковъ, мы съ Вами достаточно съѣли соли и горечи вмѣстѣ, чтобы знать другъ друга и одинъ другому вѣрить. Это отрадно и это въ то же время есть своего рода право и обязательство.

Купилъ 57 записей о скандалахъ 30—40 годовъ и заплатилъ 60 руб. Очень любопытно. Стану писать. Назову: **Шепотники и фантазеры.**

Апокрифы, вымыслы и шутки безмолвной поры. (эпиграфъ) „Бѣста имъ рвенія велико на всяку прю, на зависти и клеветы, и рети, и шептанія, и плища, и суесловія, и иніи дьячество имяху за шепты“. Акты исторіи I и II, 381, 367.

Сдѣлаемъ это въ родѣ „мелочей архіерейской жизни“ и потянемъ отрывками на полгода, т. е. книгъ на 6, листа по 1½. Матеріалъ не строго достовѣрный, но любопытный по характеристикѣ времени. Вообще я очень набрался историческимъ матеріаломъ и за все заплатилъ наличными. Купилъ тоже замѣтки „О помилованіяхъ“. Это очень важно къ мотивамъ суда присяжныхъ и само по себѣ прелюбопытно.—Ахилла [1]) открываетъ мнѣ двери въ европейскую литературу. Получилъ требованія на согласіе изъ Лондона и изъ Бадена. Конечно, все это само собою—безъ всякихъ моихъ заботъ.

17 іюля.

1887 годъ.

Пошлите это набирать. Далѣе прикажите ходить ко мнѣ всякій день за гранками второй половины, съ которою придется много работать. За мною, по обыкновенію, дѣло не стоитъ, такъ что есть еще человѣкъ, съ которымъ не о чемъ жаловаться. Прикажите новый наборъ опять принести мнѣ въ *гранкахъ*. Дописокъ уже не будетъ, но надо строго провѣрить исправленіе. Карандашемъ по печатаному неловко править.

2 февраля.

Прилагаемый маленькій и очень смѣшной кусочекъ псевдоисторической литературы очень забавенъ и хорошъ для обертки. Задерживать его не стоитъ, потому что онъ малъ, а къ осени обстоятельства о войнѣ, можетъ быть, измѣнятся и это баснословіе потеряетъ всю свою пикантность и даже „причину бытія“.

женской общинѣ сестеръ милосердія въ Севастополѣ. Статья, съ письмомъ Пирогова, напечатана Лѣсковымъ въ «Истор. Вѣстн.» подъ заглавіемъ: „Загробный свидѣтель за женщинъ“. А. Ф.

[1]) Ахилла одинъ изъ героевъ „Соборянъ“.

Если можете, поставьте это въ апрѣльскую книжку. Это будетъ хорошо. А если не можете, то возвратите безъ задержки.

14 февраля.

12 апрѣля 1887 г.

Сергѣй Николаевичъ! сердечно благодарю Васъ, что Вы, получивъ въ свои руки изданіе „Дешевой библіотеки", сейчасъ же обо мнѣ вспомнили. Я знаю, что Вы хорошій другъ и милый человѣкъ, но это вниманіе почему-то особенно меня тронуло. А. С. Суворинъ очень хорошо сдѣлалъ, что передалъ это дѣло въ Ваши руки. Не знаю, какія Вы отъ этого получаете выгоды, но дѣло непремѣнно выиграетъ много, и оно можетъ имѣть большое развитіе. Указываемые Вами два разсказа: „Кадетскій монастырь" и „Скоморохъ" отдаю въ Ваше распоряженіе на тѣхъ условіяхъ, какія Вы предлагаете. Не сомнѣваюсь, что Вы даете сколько можете и обидѣть меня не захотите. Я всегда Вамъ вѣрю и вполнѣ на Васъ полагаюсь. Но я совѣтывалъ бы присоединить къ тѣмъ двумъ еще—„Спасеніе погибшаго" изъ „Русской Мысли,"—ибо онъ тоже относится къ „праведникамъ"—не великъ, довольно всѣмъ нравится и нигдѣ, кромѣ московскаго журнала, неизвѣстенъ. Экземпляръ присоединяю для прочтенія и соображенія. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы всѣ эти добряки собрались вмѣстѣ и это какъ разъ составитъ томикъ („Кадетскій Монастырь" 2 л. „Скомороховъ" 2 л. и „Погибавшій" 1 л.=5 л.). Сообразите и извѣстите.—Затѣмъ еще просьба: Переговорите съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, къ которому мнѣ трудно попасть въ такое время, когда съ нимъ можно говорить. 1) У меня есть 175 экземпляровъ „Соборянъ". Это *все*, что остается со скидкою 40%?... 2) Въ складѣ магазина „Новое Время" есть 118 экземпляровъ моей книги „Смѣхъ и Горе".

Книга эта веселая и пріятная для дорожнаго чтенія. Она лежитъ въ забытьи и не попадаетъ на своею колею. Между тѣмъ она непремѣнно пошла бы на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ ее даже и спрашиваютъ. Мнѣ съ нею возиться не рука и дорожиться сею не время. Номинальная цѣна ея 1 р. 50 к. Не облегчитъ ли меня Алексѣй Сергѣевичъ, сдѣлавъ несомнѣнно необременительное для себя пріобрѣтеніе этой книги, по той цѣнѣ, какую онъ самъ найдетъ справедливою, мнѣ не разорительною и себѣ не безвыгодною. Я думаю, ей бы хорошо перепечатать титулъ и обертку, назначить цѣну вмѣсто 1 р. 50 к.—одинъ рубль и дать мнѣ напр.: по 35 к. за экземпляръ. Я полагаю, что то было бы нехудое, а даже хорошее ходкое пріобрѣтеніе для лавокъ желѣзныхъ дорогъ.—Пожалуйста поговорите съ нимъ объ этомъ и рѣшите, какъ рѣшали раньше покупки прошлаго года. Прилагаю Вамъ очень схожую мою фотографическую карточку. Это дѣлалъ самоучка, но сдѣлалъ лучше всѣхъ. Въ Пассажѣ она только печатана съ негатива.—Редакція „Русской Мысли" чрезвычайно хлѣбосольна. Меня заласкали и закормили. Впечатлѣніе они производятъ чисто „московское". Я этого жанра не люблю и не подхожу къ нему. Въ общемъ это какой-то разборъ и „семибоярщина", а это, по-моему, въ редакціонномъ дѣлѣ никуда не годится. Довольно

автору согласовать свою работу со взглядами одного редактора, а не примѣняться къ разнымъ воззрѣніямъ. Это всегда вредно отзывается на задушевной работѣ и можетъ охладить энергію. Они однако ждутъ романовъ Г. П. Данилевскаго, Григоровича, Я. П. Полонскаго, Щедрина и Гл. Успенскаго. Въ виду такого изобилія я не стану писать романъ, а ограничусь повѣстью небольшаго размѣра и такого содержанія, чтобы она подходила не на одинъ заказъ.

7 мая.

Теперь же понялъ. „Безстыдникъ", конечно, не годился, но не годился и „демократы", ибо тамъ все-таки есть національное раздраженіе. Я отдаю Вамъ „Пигмея" и „Трехъ праведниковъ". Онъ исполненъ мира и святости и при томъ онъ *лучше* „Демократа". За услуги Ваши не умѣю Васъ и благодарить. Дѣйствительно „все сдѣлано" и при томъ такъ хорошо, какъ я самъ безъ Васъ сдѣлать бы не съумѣлъ. Всегда Вамъ преданный и благодарный.

Н. Лѣсковъ.

5 октября.

Я безъ вины виноватъ предъ Вами и долженъ представить въ томъ объясненіе. Между тѣмъ временемъ, какъ я писалъ къ Вамъ съ предложеніемъ работы и тѣмъ, какъ получилъ Вашъ отвѣтъ, прошло много дней. Въ это время былъ здѣсь редакторъ „Русской Мысли" и просилъ у меня работки. Не получая отъ Васъ увѣдомленія, я думалъ, что Вамъ предложенная мною работа („Инженеры безсребренники") не нужна, или не подходитъ и далъ ее Лаврову. Затѣмъ, черезъ недѣлю, я получилъ отъ Васъ письмо и записку на 150 рублей. Это поставило меня въ затрудненіе, изъ котораго я старался выдти, но не успѣлъ въ этомъ и мнѣ теперь не остается ничего иного, какъ сказать это Вамъ и возвратить при семъ Вашу записку на 150 руб., которыхъ я не бралъ и взять не долженъ. Работу же для Васъ я сдѣлаю другую.—

Что касается „Очарованнаго странника", то я думаю Суворину тутъ не въ чемъ не согласится, ибо, не говоря о томъ, что я не виноватъ въ запрещеніи „Кадетскаго Монастыря" и „Пигмея", „Очарованный странникъ" не хуже двухъ названныхъ разсказовъ, а веселѣе, и объемомъ вдвое больше, т. е. въ немъ одиннадцать листовъ. Слѣдовательно въ чемъ-же тутъ поводъ къ несоглашенію?—Записка Ваша прилагается здѣсь.

7 ноября.

Экземпляръ „Запечатлѣннаго Ангела" при этомъ посылаю. Я его просмотрѣлъ и ничего не нашелъ тамъ ни прибавить, ни убавить. О цѣнѣ говорить нечего. Достается этотъ грошъ кровью и нервами, а оплачивается какъ мочала. Относительно Вашей мнѣ укоризны за отдачу разсказа въ другой журналъ, Вы несправедливы. Я Вамъ сказалъ не сочиненіе, а простую правду. Дѣло вышло въ недоразумѣніи по поводу неполученія отъ Васъ отвѣта. Я думалъ, что типы Брянчанинова и Чихачева, какъ монаховъ, показались Вамъ неудобными. Никакія иныя соображенія о „се-

ребренникахъ“ мѣсто не имѣли, и вообще это не въ моемъ правѣ. Я никого не продаю ни за большія деньги, ни за малыя. Впрочемъ Вамъ убытка никакого тутъ и нѣтъ, такъ какъ я напишу Вамъ другой разсказъ, вѣроятно, не хуже того, который уступилъ другой редакціи.

Если нужно скорѣе сквитовать счетъ, который возникъ собственно черезъ непринятіе Вами разсказа мною доставленнаго, то я прошу Васъ сквитовать „Запеч. Ангеловъ“, что какъ разъ составитъ эту же самую сумму и ее стоитъ только передать изъ одной кассы изданія въ другую. Это меня нимало не обидитъ, а будетъ мнѣ даже пріятно. Счетъ такой небольшой, что лучше чтобъ его совсѣмъ не было. Отъ этого и мнѣ, и Вамъ будетъ покойнѣе.—Что я Вамъ съумѣю написать—это мнѣ еще неясно. Позвольте мнѣ два-три вечера покопаться въ моихъ матеріалахъ и выбрать подходящее, тогда я Вамъ не забуду сообщить заглавіе...

Теперь я Вамъ навѣрное могу назвать только компиляцію по одному старинному любопытному апокрифу (рукописному „евангелію) о сошествіи Христа въ адъ. Заглавіе этой вещи такое: „Пасхальная ночь въ преисподней..“ („Легенда о сошествіи въ адъ“). Объемомъ она листа въ полтора или до двухъ. Вручена Вамъ будетъ черезъ недѣлю, а печатать совѣтовалъ бы въ той книжкѣ, которая выйдетъ ближе къ Пасхѣ. Возможно, что по усмотрѣнію цензоровъ, статью эту направятъ въ духовную цензуру, но за то несомнѣнно и то, что она вынесетъ это благополучно. Это въ родѣ „разговоровъ о царствѣ мертвыхъ“, только говорятъ все лица библейскія и сатана, и ангелы его, и Христосъ, и цари. Падутъ адскія хитрости, а въ концѣ гдѣ твоя, аде, побѣда! Сатана получаетъ шишъ. Пожалуйста по полученіи результата изъ цензуры объ „Ангелѣ“—извѣстите меня о немъ и сдѣлайте распоряженіе сквитовать счетъ за мой возникшій; чтобы его не было.

8. IX 87.

Сосчитаться для меня лучше, чѣмъ откладывать. Прикажите сквитать этотъ счетъ и усердно благодарю Васъ за одолженіе. Отказъ Вашъ отъ Пасхальной ночи меня не ставитъ въ затрудненіе. Если бы вещь не была интересна и любопытна для всѣхъ, знающихъ каноническую исторію о воскресеніи, то—я думаю,—я не сталъ бы надъ нею трудиться. Сужденіе Ваше мнѣ кажется неправильнымъ. Заглавіе же не печатайте, такъ какъ я не хочу обременять Васъ тѣмъ, что не очень мило, и одновременно съ этимъ посылаю обѣщаніе этого разсказа въ другое изданіе. Неудовольствія Ваши на меня не имѣютъ основанія.

3 октября 1887 г.

„Зерцало“ есть книга переводная, это я знаю. Тутъ и Пекарскій не нуженъ, но она была у насъ книгой универсальною, какъ въ Англіи брошура «о вѣжливости». Потому, что ею интересовались, можно понимать—какъ она приходилась по обстоятельствамъ. Что я не попадаю въ тонъ «Историческаго Вѣстника»—это я тоже знаю, но помогать себѣ въ этомъ не хочу и не могу. Я думаю заодно съ тѣми, кому кажется, „что всѣ роды литературныхъ произведеній хороши, *кромѣ скучнаго*“. Я люблю во-

просы живые и напоминанія характерныя, вѣскія и поучительныя. Терпѣть не могу вещей, относящихся къ разряду: ни то, ни сё. „Что интересно, весело, приправлено во вкусѣ и имѣетъ смыслъ, то и хорошо, а всякая литературная „вода съ Аполлонова тѣла“ есть тѣ же помои, которыхъ сколько ни лей, все до нихъ никому нѣтъ дѣла. Къ этому разряду относится всё „изобиліе матеріаловъ“, о которыхъ говорятъ во многихъ редакціяхъ.—Пусть въ это попадетъ, кто хочетъ...

7 ноября.

Посылаю Вамъ историческую справку о характерѣ старинной русской прислуги, вопросъ о которой Манасеинъ вноситъ въ генварѣ въ Государственный Совѣтъ. Теперь время показать, что это такое было въ достохвальную старину, въ которой газетные невѣгласы ищутъ помощи отъ всѣхъ золъ. Полагаю, что статья цензурна.

IV.

Статья о Бурнашевѣ готова. Можете (если угодно) прислать и взять ее, или даже прямо отправить въ наборъ, такъ какъ соглашаться или не соглашаться не съ чѣмъ, а мелочи можно согласить въ корректурѣ. Объемъ статьи около 2-хъ листовъ. Я поспѣшилъ, какъ могъ, оставивъ обозрѣніе Пирогова, но опасаюсь, что дамъ Вамъ удовольствіе сказать, что теперь (5-го марта) это уже поздно. Однако, если Вы захотите это сказать, то, пожалуйста, скажите немедленно. Я не люблю держать готовой работы дома и эту статью послѣ сего дня беречь у себя не стану.

5-го марта.

Сегодня приходили изъ литературнаго общества спрашивать о Пироговѣ. Я не охотникъ читать публично и сказалъ, что обозрѣніе еще переписывается, что и справедливо. Переписанное я прочту *еще разъ* и дамъ Вамъ въ концѣ марта.

20-го марта 1888 г.

Есть большая и довольно нетерпѣливая надобность намъ съ Вами повидаться и имѣть дѣловой разговоръ на свободѣ и съ матеріаломъ въ рукахъ. Какъ бы Вы хотѣли это сдѣлать и когда? „Заходить“ на перепутьи не годится, а надо сойтись и договориться до дѣла за дѣломъ же. У меня все готово и я могу Васъ ввести во все съ полною основательностью. Квартира моя и моя одинокая жизнь, кажется, даютъ болѣе удобствъ, чѣмъ Ваше жилище. Позвольте мнѣ просить Васъ назначить любое время, когда Вы можете пожаловать ко мнѣ на *одинъ часъ*. Одинъ часъ свободнаго времени будетъ очень для насъ достаточно, а между тѣмъ я не скрою отъ Васъ и предъявлю Вамъ *доказательства*, что люди просятъ у меня объ работѣ съ легкомысленнымъ довѣріемъ, что я въ нихъ не написалъ ни скуки, ни глупости.

Одну работу по апокрифу для Васъ выбранную и написанную, Суворинъ читалъ и, вѣроятно, Вамъ о ней говорилъ. Ему она очень нравится и еще есть редакторъ, который ее желаетъ получить. (Я Вамъ это представлю). Отъ Васъ ни слуху, ни духу, а мнѣ дадутъ дороже. Что же мнѣ дѣлать съ Вами?.. Второе: у

меня просятъ—почти рвутъ изъ рукъ легенды изъ прологовъ за очень хорошія цѣны. Я отвѣчаю, что „не могу", что „все обозрѣніе обѣщано Шубинскому, и я не могу оттуда вытаскивать ничего кромѣ Азы"... Вы видѣли „Азу". Кажется, пора бы сговориться и кончить, чтобы эту большую работу снять съ моихъ рукъ, такъ какъ она уже вполнѣ готова и мнѣ съ нею болѣе дѣлать нечего. Приходите, разложимъ чисто написанныя тетради. Я Вамъ все укажу и на все объясненія дамъ и кончите это, наконецъ въ Славу Божью и къ обоюдному удовольствію. Жду отъ Васъ отвѣта. Лучшее время, кажется, было бы утромъ. Пріѣзжайте завтракать и до хлѣба соли все себѣ уяснимъ и пошабашимъ.

15 апрѣля.

Простите, что я замедлилъ отвѣчать Вамъ о Трубачевѣ. Дать экземпляръ не штука—особенно человѣку, котораго Вы рекомендуете, но у меня уже разобрали довольно этихъ экземпляровъ и никто не напечаталъ статей, кромѣ „Кіевлянина". Взяли экземпляры: Арсеній Введенскій и Бибиковъ—послѣдній прямо съ цѣлью составить и предложить Вамъ мой „исторически литературный портретъ", какъ это дѣлаютъ теперь французы. Не сдѣлали мнѣ эти господа *ничего*, а экземпляръ стоитъ 20 рублей... Я хотѣлъ узнать отъ нихъ: нѣтъ ли у нихъ чего-нибудь уже готоваго? Арсеній Введенскій сказалъ, что онъ будетъ радъ помѣстить у Васъ статью въ листъ [1]). Что Вы на это скажете? Если же онъ Вамъ удобенъ менѣе, чѣмъ Трубачевъ, то, пожалуйста, возьмите у Зандрака билетъ Трубачеву.

26 января.

Спѣшу просить у Васъ прощенія и возвращенія мнѣ назадъ моего обѣщанія пристраивать извѣстное Вамъ литературное произведеніе.

Когда дѣло дошло до того, чтобы писать объ этомъ третьему лицу, я припомнилъ такія обстоятельства, которыя никакъ не дозволяютъ мнѣ сближать съ этой личностью людей, которые сами съ нею не ознакомились и не освоились съ ея слишкомъ оригинальнымъ характеромъ и правилами. Надѣюсь, Вы знаете, что я не сторонюсь отъ услугъ, которыя могу принести кому-либо, но это такой исключительный характеръ, что я могъ бы служить этой особѣ развѣ, только, моимъ личнымъ трудомъ или жертвою, но никакого третьяго лица вмѣшивать въ дѣло не могу.

24 апрѣля.

Вспомнилось мнѣ, что я обѣщалъ моимъ ближнимъ поѣхать съ ними на этихъ дняхъ посмотрѣть дачу въ Усть-Нарвѣ и является опасеніе, что какъ разъ это можетъ совпасть со званнымъ днемъ, на который Вы обѣщали доставить мнѣ приглашеніе. Выйдетъ тогда, что оба случая могутъ столкнуться, и я, конечно, вынужденъ буду исполнять первое—ранѣе данное обѣщаніе, а отъ зова позднѣе пришедшаго отказаться. И это мнѣ будетъ очень тяжело и непріятно; но и можетъ быть даже обидитъ

---

[1]) Эта статья о Лѣсковѣ была напечатана Ар. Введенскимъ въ „Историч. Вѣстникѣ въ маѣ 1890 г.

приглашающаго и послужитъ къ поселенію въ немъ несоотвѣтственныхъ понятій насчетъ характера моихъ къ нему отношеній; а я этого не желалъ бы, ибо вообще не желаю никого ничѣмъ обидѣть. А потому, пожалуйста, не говорите ничего нашему другу о томъ, чтобы онъ приглашалъ меня, такъ какъ это сильно, но совершенно напрасно стѣснитъ меня и подвергнетъ новымъ случайностямъ наши отношенія, покоящіяся нынѣ на самыхъ удобныхъ основаніяхъ [1]).

2 мая.

Августовская книжка очень интересна. Особенно любопытны сводки разнорѣчивыхъ свѣдѣній о „Зельмирѣ". Это по истинѣ лучше всякой мнимо-художественной размазни въ романической формѣ. Очень жаль, что этюдъ раздѣленъ надвое, а не данъ за одинъ разъ. Любопытно, что можно изъ него вывести независимымъ умомъ безъ подсказовъ автора. Критическій этюдъ Арсенія Ивановича Введенскаго о Саліасѣ очень вѣренъ. Отзывъ о книгахъ Скабичевскаго безобиденъ, но неясенъ. Романъ Д. Л. Мордовцева совсѣмъ какъ сценическое оперное либретто. Даже передъ стычкой стрѣльцы и казаки поютъ. Вотъ ужъ именно „Ишь ты, поди жъ ты".

Здоровье мое, повидимому, поправилось.

Не знаю, что будетъ съ возвращеніемъ въ городъ. Отъѣзжаю 15-го августа. Читалъ очень много и въ томъ жилъ. Не писалъ и не пишу *ничего*. Все это опротивѣло.

4 августа, Шмецкъ.

Вотъ что я могу Вамъ пообѣщать, Сергѣй Николаевичъ:

Разбойникъ Худеяръ.

По народнымъ преданіямъ Орловской губерніи. Это будетъ не велико, живо и интересно, какъ само по себѣ, такъ особенно при сравненіи съ тѣмъ, что наткалъ на народной основѣ такой почтенный ткачъ, какъ покойный Н. И. Костомаровъ. „Худеяръ"-то, вѣдь, нашъ орловецъ, „проломленная голова" и жилъ совсѣмъ не при Грозномъ. Если хотите, то и заявите объ этомъ.

20 ноября 1890 г.

1891 г.

По нѣкоторымъ Вашимъ словамъ и еще болѣе по общему тону вчерашняго разговора, я думалъ, не понятъ ли я Вами невѣрно? Я отнюдь не ищу случая для написанія чего-либо по имѣющимся у меня письмамъ, и еще менѣе забочусь искать помѣщенія для написаннаго. Я уступалъ, только, вашему желанію, получить отъ меня что-нибудь и думалъ, что это для Васъ полезно и что Вы увѣрены въ томъ, что я если далъ работу, то это будетъ не чепуха. *Только*, поэтому,—не въ своихъ видахъ, а *для Васъ*. Я соглашался написать Вамъ нѣчто и избралъ матеріалъ любопытнѣйшій, но какъ въ оцѣнкѣ этого рода бумагъ мы не сходимся, то я этого для Васъ и не стану дѣлать, а сдѣлаю, если захотите,

---

[1]) Рѣчь идетъ о С. Н. Терпигоревѣ, съ которымъ Лѣсковъ временами ссорился и мирился. А. Ф.

что-нибудь другое и уже не теперь, а въ другое время, когда Вы мнѣ скажете, что Вамъ отъ меня что-нибудь нужно и полезно. О письмахъ же ничего говорить не будемъ, такъ какъ во взглядѣ на нихъ я съ Вами не согласенъ [1]).

Я Вамъ говорилъ о бывшемъ редакторѣ „Иллюстраціи" Ѳедорѣ Францевичѣ *Александровъ*, котораго Гоппе отрѣшилъ и онъ теперь является въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Я съ вѣчной докукой ко всѣмъ за такихъ людей. Пожалуйста, нѣтъ ли у Васъ перевода или компиляцій, или книгъ для разбора? Онъ очень аккуратный человѣкъ, и Вы не отомщевайте мнѣ на немъ за Величко, да и на этого не сердитесь. Богъ съ нимъ. Позабудьте объ этомъ и постарайтесь дать что-нибудь заработать Александрову. Усердно Васъ прошу о немъ.

14 ноября.

Послѣ того, какъ мы разстались съ Вами, я имѣлъ ужаснѣйшій припадокъ астмы и удивляюсь, какъ живъ остался. Думаю, что это я повредилъ себѣ, споря о Соловьевѣ. Духъ не выноситъ этого множества несчастныхъ людей [2]).

„Блаженны умершіе".

17 ноября.

Примите мой привѣтъ и поздравленіе. Хотѣлъ бы всѣхъ Васъ увидѣть сегодня но.. „мнѣ крылья связаны и пути мнѣ всѣ позаказаны". [3]) Однако при всемъ томъ въ душѣ моей не темно и не холодно. Дай Вамъ Богъ всего того, что нужно для добра Вамъ.

24 ноября.

1892 г.

О нездоровьѣ Вашемъ слышу и соболѣзную. Бѣдны и недостовѣрны знанія медицинской науки. Консиліумы стали ничтожны отъ ничтожества характеровъ, такъ какъ всѣ люди другъ другу врутъ, рисуются и бахвалятъ—а больной это у нихъ самое последнее дѣло. Что такое „хорошее" Вы могли слышать о моемъ здоровьѣ,—я о томъ недоумѣваю. Я не мучаюсь, *когда я голоденъ*, но если это, по чьему-нибудь мнѣнію, хорошо, то можно сказать, только, что „о вкусахъ не спорятъ". Когда бы здоровье позво-

---

[1]) Укоры въ этомъ письмѣ г. Шубинскому объясняются тѣмъ, что на предложеніе Лѣскова напечатать въ «Историч. Вѣст.» одно изъ очень характерныхъ писемъ Ив. С. Аксакова, хранившееся у Лѣскова, Шубинскій отвѣтилъ, что „письма вообще плохіе документы.. они пишутся въ возбужденномъ состояніи духа и авторы часто, на другой же день, раскаиваются въ нихъ и отказываются отъ того, что тамъ написано вчера"... Лѣсковъ возбужденно отвѣтилъ:—Да, вы правы въ томъ случаѣ, если бы я говорилъ о письмахъ нервныхъ и увлекающихся людей. Но Аксаковъ извѣстенъ своей аккуратностью и основательностью вообще, а имѣющееся въ моемъ распоряженіи письмо совершенно при томъ дѣловаго характера, въ которомъ не можетъ быть ни увлеченій, ни ошибокъ.

А. Ф—въ.

[2]) Лѣсковъ всегда былъ большимъ сторонникомъ Вл. С. Соловьева и всегда защищалъ его отъ нападокъ «множества людей». А. Ф.

[3]) Н. С. Лѣсковъ говоритъ о своей болѣзни.

яяло, я бы давно пришелъ къ Вамъ, но мое здоровье не таково, чтобы о немъ говорить.

1 февраля.

1893 г.

Достоуважаемый Сергѣй Николаевичъ, на вчерашнее письмо Ваше о рукописи, озаглавленной, „Страничка изъ путешествія по нашему сѣверу“, я спѣшу Вамъ отвѣтить, что такой статьи я не составлялъ, и ее не подписывалъ, и Вамъ не посылалъ. Лѣсковы есть и другіе, и въ числѣ ихъ, можетъ быть, есть и Николай, а можетъ быть что статья эта составлена какимъ-нибудь остроумнымъ шутникомъ и прислана для того, чтобы устроить какое-нибудь qui pro quo. Словомъ: я ничего въ этомъ разъяснить не могу; а совѣтую Вамъ посмотрѣть, не представляетъ ли присланная Вами „страничка“ выписки изъ чего-либо ранѣе уже напечатаннаго?

21 II 93 г. Вашъ Ник. Лѣсковъ.

1894 г.

29 января. Графиня Софья Андреевна Толстая говоритъ, что Левъ Николаевичъ „держалъ экзаменъ на кандидата въ Спб. университетѣ и выдержалъ по 4 предметамъ, но потомъ бросилъ и уѣхалъ въ Ясную Поляну“. Но намъ припоминается, что онъ какъ будто какимъ-то университетомъ возведенъ въ степень *доктора исторіи* (послѣ „Войны и мира“) и по своему обыкновенію тоже это забросилъ, такъ что оно и позабылось. Черезъ двѣ недѣли онъ вернется въ Москву и его объ этомъ спросятъ. Самъ онъ письменно отвѣчать на это не станетъ. О. Н. Ф. Лѣсковѣ. [1]) Отчего бы ему не обратиться въ „Новое Слово“? Тамъ его имя сейчасъ же получитъ извѣстность, какъ уже получили извѣстность Пыпинъ и др. [2]). А мнѣ такъ непріятно, что онъ на меня обижается. Да, признаюсь, удивительно и для чего Вы ему въ этомъ отказываете! Какое мнѣ до этого дѣло!

1895 г.

Очень можетъ быть, что къ Вамъ обратятся съ какими-нибудь предложеніями по поводу исполнившихся 35 лѣтъ моихъ занятій литературою. Сдѣлайте милость, имѣйте въ виду, что я не только не ищу этого (о чемъ, кажется, стыдно и говорить), но я не хочу никого собою безпокоить и не пойду ни въ какой трактиръ и у себя не могу дѣлать трактира. А потому эта праздная затѣя никакого осуществленія не получитъ и ею не стоитъ безпокоить никого, а также и меня. 3 января.

---

[1]) Н. Ф. Лѣсковъ прислалъ прекрасно написанную рукопись въ «Истор. Вѣст.», съ подписью Н. Лѣсковъ и настаивалъ на помѣщеніи своей фамиліи, несмотря на то, что это могло ввести въ заблужденіе читателей и смѣшать его съ Н. С. Лѣсковымъ.

[2]) Совершенно неизвѣстный въ литературѣ А. Пыпинъ подписывался въ «Новомъ Словѣ» своей фамиліей, не догадываясь, что этимъ можно смѣшать его съ извѣстнымъ писателемъ А. Н. Пыпинымъ изъ «Вѣстника Европы». Во избѣжанія такого недоразумѣнія среди читателей Н. Ф. Лѣсковъ, родомъ сѣверянинъ, не желая выбирать себѣ псевдонимъ, все-таки впослѣдствіи подписывался въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Н. Лѣсковъ-Карельскій. А. Ф.

Въ томъ же, 1895 году, 21 февраля, Н. С. Лѣсковъ скончался...

Приведенныя нами его письма, почти за 15 лѣтъ его сотрудничества въ „Историческомъ Вѣстникѣ", открываютъ намъ множество чертъ въ его характерѣ и рисуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ черновую жизнь писателя, наполненную ежедневныхъ тревогъ и заботъ по поводу каждаго новаго произведенія, выходящаго изъ подъ его пера. Съ одной стороны писателю угрожаетъ редакторъ, увѣренный, что ему, со стороны, виднѣе недостатки рукописи, чѣмъ самому творцу, и что онъ, какъ редакторъ, обязанъ болѣе дорожить интересами подписчиковъ, чѣмъ дорогими мыслями писателя; съ другой стороны, каждая книжка того же „Историческаго Вѣстника" мучила Лѣскова страхами о томъ, выдетъ ли она съ его именемъ на свѣтъ Божій—благополучно изъ цензуры и т. д. Лѣсковъ считалъ жизнь писателя мученической, говоря неоднократно мнѣ: „Литераторъ—по призванію всегда чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, котораго Блонденъ носилъ бы у себя въ корзинѣ за спиной, переходя по канату черезъ Ніагарскій водопадъ". Это сравненіе весьма точно передаетъ душевное состояніе писателя, имѣющаго въ литературѣ какую-либо миссію.

А. Фаресовъ.

Посѣщеніе.

РАЗСКАЗЪ.

Петербургская сторона въ 1825 году имѣла очень печальный видъ. Кипучая жизнь этой мѣстности при Петрѣ Великомъ, дома его ближайшихъ сотрудниковъ и вельможъ уже не существовали. Оживленныя нѣкогда движеніемъ улицы, самыми названіями своими, указывавшія на первоначальное ихъ населеніе: Дворянская, Посадская, Оружейная и другія,— теперь были пустынны и тихи. Маленькіе, рѣдко стоявшіе, домики казались жалкими передъ дворцами, широко раскинувшейся, по ту сторону Невы, столицы. Наводненіе 1824 года разрушило множество старинныхъ зданій. Только первый дворецъ Петра, скромный домикъ на берегу Невы, въ которомъ мебель, рамы и многія мелочи были сдѣланы руками самого царя, уцѣлѣлъ совершенно. Наводненіе пощадило этотъ историческій памятникъ, благодаря предусмотрительной заботливости Императрицы Екатерины, приказавшей заключить его въ каменный футляръ. Почти всѣ дома и постройки по сосѣдству были смыты или попорчены водою и удивительнымъ казалось, какимъ чудомъ уцѣлѣлъ небольшой домикъ съ мезониномъ, стоявшій почти наискосокъ отъ бывшаго дома Меншикова, позднѣе, въ 1716 году, занимаемаго герцогомъ Курляндскимъ.

По всему было видно, что маленькій домикъ выдержалъ страшную борьбу съ грозной стихіей: весь онъ покосился, сѣрая краска почти совсѣмъ смылась и оставалась только мѣстами въ видѣ грязныхъ пятенъ; окна нижняго этажа были заколочены досками, а забора вокругъ не существовало совсѣмъ. Только ступени высокаго крыльца, сдѣланнаго заново, выдѣлялись на общемъ грязномъ фонѣ, какъ новая заплата на старомъ платьѣ. Старинные дубы, пощаженные временемъ, осѣняли домикъ съ обѣихъ боковыхъ сто-

вѣрно ихъ могучей защитѣ обязанъ онъ былъ своимъ спасеніемъ.

Въ солнечный апрѣльскій день 1825 года, когда старые дубы, расправляя на солнцѣ свои тяжелыя вѣтви, точно еще шире и покровительственнѣе простирались надъ маленькимъ домикомъ, въ мезонинѣ самого домика шла спѣшная уборка. Высокая, некрасивая женщина лѣтъ 35, съ утратившимъ свѣжесть, утомленнымъ лицомъ, съ темными тѣнями подъ глазами, суетливо прибирала комнату: вытирала пыль съ мебели и оправляла подушки и перину на массивной двуспальной кровати.

Въ небольшой комнатѣ съ сырыми стѣнами и плѣсенью по угламъ, съ крошечными оконцами, мало пропускавшими свѣтъ даже въ этотъ яркій день, кромѣ суетившейся женщины, находились еще двое стариковъ. На жесткомъ диванѣ, обитомъ черной кожей, обложенный подушками полулежалъ старикъ лѣтъ семидесяти. Его еще не совсѣмъ сѣдые волосы были растрепаны, небритое лицо съ узкими полосками бакенбардъ, казалось отекшимъ и дряблымъ. Грязный, старый халатъ висѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ, дотого худо было тѣло старика. Одни глаза съ кроткимъ, дѣтски безпомощнымъ, просящимъ взглядомъ, смягчали всю неряшливую неприглядность фигуры. Противъ него на высокомъ стулѣ сидѣла старушка въ темномъ платьѣ безъ таліи, съ коротенькой до плечъ пелериною и бѣломъ кисейномъ чепцѣ съ оборочкой вокругъ лица и большимъ бантомъ, завязаннымъ подъ самое горло. Сидѣла она очень прямо; ея большіе, черные глаза, широко открытые, смотрѣли какъ-бы за предѣлы комнаты. Иногда она закрывала ихъ, и тогда, точно отъ внутренней, скорѣе душевной, чѣмъ физической, боли, сморщивался ея безкровный лобъ. Потомъ глаза открывались снова и подолгу напряженно смотрѣли въ одну точку. Въ глазахъ былъ блескъ, но не отражались впечатлѣнія. — Она была совершенно слѣпа.

Надъ семействомъ Воробьевыхъ тяготѣла „немилость Божья“, какъ они сами говорили, когда переставали молиться и начинали роптать.

Раньше старики жили безбѣдно, съ своей единственной дочкой Машенькой, въ собственной маленькой усадьбѣ, имѣли нѣсколько душъ крестьянъ и даже барствовали по своему. Погорѣвши до тла и не имѣя чѣмъ обстроиться, они перебрались въ Петербургъ и на оставшіяся крохи купили домикъ на Петербургской сторонѣ. Старикъ поступилъ на службу писцомъ, и можно было кое-какъ существовать. Машенька выросла некрасивой, но доброй сердцемъ и большой рукодѣльницей. Лѣтъ пять, какъ она вышла замужъ за почтоваго чиновника изъ ихъ родныхъ мѣстъ, близъ Тихвина, и съ болью въ сердцѣ оставила своихъ одинокихъ родителей. Разлука съ дочерью тяжело отозвалась на здоровьѣ стариковъ, а наводненіе 8-го ноября 1824 года

окончательно доконало ихъ. Низъ маленькаго домика, въ которомъ жили старики, такъ попортило, что оставаться въ немъ было невозможно, а поправить было не на что. Рабочіе, получавшіе, первое время послѣ наводненія, по 6 руб. въ день, и весь годъ держали страшно высокія цѣны. А потомъ и поправлять было некому. Старикъ, спасая изъ воды свое имущество, жестоко простудился, получилъ ревматизмъ въ костяхъ, еще усилившійся послѣ зимы, проведенной въ холодномъ, сыромъ, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ мезонинѣ. Ревматизмъ палъ на сердце, и теперь дни старика были сочтены. Всегда слабое зрѣніе старушки, отъ постоянныхъ слезъ и работы въ полутемной комнатѣ, совсѣмъ пропало. Оставаться долѣе одцимъ стало невозможно. Еще по зимнему пути пріѣхала Машенька за стариками, и ждали только, когда станетъ потеплѣе и дорога просохнетъ, чтобы выѣхать.

Приведя въ порядокъ комнату, Машенька подошла къ отцу съ чистой рубашкой и длиннополымъ коричневымъ сюртукомъ.

— Ахъ, матушка, не мучь ты меня этою возней, не все-ли равно, что на мнѣ надѣто.

— Ну дайте, голубчикъ папаша, мнѣ хочется, чтобы вы красавчикомъ показались Ольгѣ Николаевнѣ. Ну, потерпите малость, знаю, что трудно;—вотъ и готово, только припомажу и причешу волосики, и будете молодцомъ.

— Не до нарядовъ мнѣ, Машенька, и такъ едва дышу, а тутъ еще сборы да парады эти, говорилъ раньше выѣзжать надо, доживу ль еще до завтра-то, добиваетесь, видно, чтобъ околѣлъ здѣсь и бросите меня одного какъ собаку.

— Богъ съ вами, папаша, доѣдемъ благополучно, еще поправитесь у насъ. Садикъ, огородъ тамъ у меня, будете на солнышкѣ сидѣть, да силъ набираться.

— Когда мебель-то увезутъ?

— Завтра утромъ подводы пріѣдутъ; а ужъ жаль-то какъ, все равно, что за-даромъ отдали, сюда взяли, думали, память объ своемъ углѣ на всю жизнь останется.

— Богъ съ ними и съ вещами, сами-то какъ доберемся, да и тамъ-то не радость у тебя, камнемъ на шеѣ висѣть будемъ.

— Проживемъ, папаша, Костино жалованье хотя небольшое, да и недорого вѣдь у насъ. Ольга Николаевна обѣщала вамъ помощь каждый мѣсяцъ присылать и пособіе у генерала для васъ выпросить.

Старикъ безнадежно махнулъ рукой и съ угрюмымъ, недовольнымъ лицомъ отвернулся отъ дочери.

Машенька подошла къ высокому туалету краснаго дерева со множествомъ ящичковъ и полочекъ и крошечнымъ кусочкомъ зеркала посрединѣ. Она поправила крупныя букли своей затѣйливой прически и повязала лентой талію подъ самую грудь, вынула изъ одного изъ безчисленныхъ ящич-

ковъ туалета письмо Кости, своего обожаемаго до влюбленности мужа, и стала читать.

Грохотъ тяжелой кареты подъ окнами заставилъ Машеньку оторваться отъ письма. Торопливо поцѣловавъ, она спрятала его въ карманъ и быстро вышла изъ комнаты. Пройдя двѣ сосѣднія каморки уже почти пустыя, она вошла въ маленькую, темную прихожую и отворила входную дверь. Съ лѣстницы пахнуло зловоніемъ. Прислушавшись, Машенька уловила звукъ поднимавшихся шаговъ.

Въ прихожую вошла не молодая барыня съ тонкимъ, надменнымъ лицомъ, въ богатомъ салопѣ съ длиннымъ горностаевымъ воротникомъ и широкой шляпѣ—токѣ съ страусовыми перьями. Она окинула взглядомъ крохотную прихожую, сосѣднія пустыя комнаты, съ окованными желѣзомъ укладками на полу, и спросила:

— Не раздѣваться?

— Да, да конечно, входите такъ, дорогая Ольга Николаевна.

— Боюсь, простужусь потомъ... Ничего, вотъ здѣсь положите. Господи, какой ужасный воздухъ у васъ на лѣстницѣ, я чуть не задохнулась. Да и здѣсь страшно сыростью пахнетъ. Вѣдь это же вредно вашимъ старикамъ.

— Что подѣлаешь, топили мало очень, вотъ ужъ какъ я пріѣхала, стали больше протапливать,—сконфуженно, точно оправдывалась Машенька. Едва перебивались—папаша съ мамашей. Кабы не жильцы, и совсѣмъ бы имъ не справиться. Теперь выѣхали всѣ, одни мы остались...—сюда пожалуйте.

Продолжая много и торопливо говорить, она вела Ольгу Николаевну къ старикамъ.

— Завтра выѣзжать хотимъ, очень плохъ папаша, боюсь, довезу ли, вчера ночью думали помретъ, въ четыре часа доктора призывали говоритъ скорѣе везите, а то поздно будетъ.

— А мамашѣ не лучше?

— Словно мертвая, по часамъ слова не вымолвитъ; не накормишь и не спроситъ, ничего-то ровно видѣть не стала.

— Господи, какой ужасъ.

По сухому, равнодушному лицу Ольги Николаевны прошла тѣнь, ей стало стыдно, что она точно любоваться пріѣхала на такое горе, что внутренно-равнодушная она играла роль участливой и доброй, только для того, чтобы натѣшиться благодарностью и любовью этихъ бѣдняковъ.

Но лицо ея, съ брезгливой складочкой у губъ, опять сдѣлалось сухимъ и недовольнымъ, когда при входѣ въ комнату стариковъ она увидѣла, что они оба остаются на своихъ мѣстахъ и ей самой приходится подходить къ каждому изъ нихъ, чтобы поздороваться.

А давно ли подобострастно склонялся къ ея ручкѣ писецъ Воробьевъ, когда она удостоивала выходить къ нему по большимъ праздникамъ въ свою пріемную. Конечно подобная мелкота и до передней ихъ превосходительствъ не

допускалась, но для Воробьева дѣлалось исключеніе. Генералъ съ генеральшей покровительствовали старикамъ, когда-то мелкимъ сосѣдямъ по имѣнью, опредѣлили старика на службу и благословляли Машеньку при выходѣ замужъ.

О Воробьевѣ велѣно было докладывать; онъ робко входилъ, присаживался на кончикъ штофнаго стула и приносилъ свои почтительнѣйшія поздравленія.

А теперь и руки не поцѣловалъ, даже не привсталъ съ подушекъ. Лицо скорѣй недовольное, чѣмъ радостное. Старуха едва руку, точно нехотя, протянула.

Такія мысли мелькали въ головѣ Ольги Николаевны въ то время, когда она сухо, точно по обязанности, спрашивала о здоровьѣ и днѣ отъѣзда.

— Все откладываютъ, ваше превосходительство, то дороги и тепла ждали, то изъ-за скарба вотъ этого тянутъ, вѣрно смерти моей ждутъ. Говорилъ, скорѣй выѣзжать,—не слушаютъ, хочется имъ меня здѣсь, какъ собаку, одного бросить.

Визгливыя, рѣзкія ноты въ голосѣ старика, его несдержанность въ ея присутствіи еще сильнѣе раздражили Ольгу Николаевну.

Машенька сидѣла какъ на иголкахъ, она хорошо видѣла, какъ еще болѣе омрачилось и до того недовольное лицо ихъ покровительницы.

— Не сердитесь, дорогая,—заискивающе шептала она,—что папаша такъ кричитъ при васъ, это все отъ болѣзни. Видитъ Богъ, мы всѣ чувствуемъ, какъ много вамъ и генералу обязаны, за всѣ благодѣянія ваши каждый день за васъ молимся и Костя мой тоже.

Ольга Николаевна улыбнулась; она вспомнила свадьбу Машеньки, влюбленнаго Костю — толстаго увальня, огромнаго, неповоротливаго, пожиравшаго страстными взглядами свою невѣсту.

Она заговорила мягче и привѣтливѣе.

— Успокойтесь, доѣдете прекрасно, мы постараемся все, что возможно, для васъ сдѣлать. Поѣзжайте какъ бы въ отпускъ, а черезъ годъ опять на службу возвращайтесь, васъ очень цѣнили, и всѣ жалѣютъ теперь.

Въ первый разъ улыбнулся старикъ, потерявшее на минуту суровость страданія лицо его просвѣтлѣло, сдѣлалось кроткимъ и добрымъ, какъ у ребенка.

Черезъ минуту онъ заговорилъ печальнымъ упавшимъ голосомъ:

— Ужъ гдѣ возвратиться, хотя бы умереть-то у Машеньки довелось. Не увидитъ старуха моя могилки моей, да хоть чувствовать будетъ, что я по близости лежу, помолиться придетъ, да посидѣть на могилку-то...

Старикъ всхлипывая, по-дѣтски, заплакалъ.

Ольга Николаевна взглянула на старушку.

Слѣпая сидѣла по-прежнему неподвижно, только изъ безмолвныхъ глазъ ея непрерывно капали слезы, и судорожно вздрагивали губы.

Громкій стонъ старика заставилъ Машеньку броситься къ отцу.

— Господи! папаша, голубчикъ, что съ вами?

Старикъ приподнялся съ подушекъ, тщетно силясь вобрать въ себя больше воздуха, задыхаясь рвалъ на себѣ рубашку.

Хриплое клокотанье мокроты въ груди не давало ему вздохнуть.

Ольга Николаевна, поддерживая ему голову, въ ужасѣ старалась не смотрѣть въ лицо и страшно боялась, что онъ сейчасъ умретъ при ней. Ужасъ и тоска какимъ-то холодомъ охватывали ее.

Машенька на колѣняхъ, вся блѣдная, трепещущая обнимала отца и безсвязно говорила:

— Папаша, папаша, не бойтесь, милый, сейчасъ легче будетъ, пройдетъ...

Слѣпая встала и вся дрожа, цѣпляясь за мебель, подошла къ дивану.

И вдругъ въ сердцѣ эгоистичной, черствой барыни, точно что-то тяжело, съ болью повернулось, она какъ-то вдругъ поняла весь ужасъ положенія этихъ бѣдняковъ, поняла, какъ мерзостно ея равнодушіе къ такому страданью. Ей стало страшно стыдно за себя и жаль ихъ, какъ самыхъ близкихъ и дорогихъ людей, жаль до боли, до слезъ непритворныхъ, горячихъ, неудержимо лившихся теперь изъ ея глазъ.

Вмѣстѣ съ Машенькой имъ наконецъ удалось немного успокоить и уложить больнаго.

Онъ лежалъ тихо съ закрытыми глазами, постепенно набирая все глубже воздуха въ свою больную грудь.

— Бѣдные мои голубчики, все, что въ силахъ, я сдѣлаю для васъ,—говорила Ольга Николаевна, не стыдясь и не удерживая своихъ рыданій. Ни въ чемъ вы не будете нуждаться—завтра я пришлю вамъ свой дормезъ и людей васъ проводить. Не бойтесь тратъ, Машенька, только облегчите бѣдныхъ нашихъ стариковъ; не возражайте, я такъ хочу... сдѣлайте это для меня. Господи, какъ я упрекаю себя, что всѣ эти тяжелые для нихъ безъ васъ годы, я даже не навѣстила ихъ, а ужъ какъ, видно, трудно-то имъ было однимъ. Завтра все устроимъ, уложимъ васъ, страдалецъ мой бѣдненькій, какъ на постельку въ каретѣ, и не почувствуете, какъ доѣдете. Непремѣнно напишите мнѣ, Машенька, сейчасъ по пріѣздѣ къ себѣ; у меня все сердце объ васъ изболится. Теперь я поѣду, мнѣ такъ тяжело и больно, такъ жаль васъ всѣхъ,—нѣтъ, не удерживайте меня, я не могу...

Она подошла къ старику, обняла его и неожиданно для себя самой благословила.

Онъ съ взволнованнымъ, растроганнымъ лицомъ прижимался какъ ребенокъ къ ея груди.

Машенька, цѣлуя руки Ольги Николаевны, просила благословить и ее.

— И меня благословите, голубушка вы наша, Господь васъ вознаградитъ за всѣ ваши милости,—робко проговорила слѣпая.

— Благословляю васъ всѣхъ, родные мои, на счастье, отъ всей души, хоть и недостойна благословлять васъ,—всѣ вы много чище, проще и добрѣе меня. Не говорите о милостяхъ, мнѣ стыдно, что я раньше не пришла къ вамъ на помощь.

Машенька накинула платокъ и пошла провожать Ольгу Николаевну до улицы.

Теперь онѣ не замѣчали ни пустыхъ, засоренныхъ комнатъ, ни вонючей, темной лѣстницы, ни грязнаго двора,— онѣ шли обнявшись, какъ сестры, одна все плакала и благодарила, — другая, забывъ о брезгливости, цѣловала Машеньку въ мокрые глаза и лицо.

Оставшись одна въ своей каретѣ, Ольга Николаевна глубоко задумалась.

Она долго не могла разобраться въ тяжелыхъ мысляхъ, заслонившихъ отъ нея привычные стремленія и взгляды. Она начинала понимать, почему старикъ, прежде всегда такой подобострастный, былъ сегодня золъ и равнодушенъ и только подъ конецъ сдѣлался мягче и ласковѣе. Тогда онъ боялся будущаго—бѣдности, нищеты и искалъ въ ней поддержки— теперь боялся только смерти.

Нищета и смерть—двѣ страшныя силы: одна вырываетъ между людьми бездну различій, униженій, происковъ и притворства, другая—равняетъ всѣхъ и все сглаживаетъ. Несчастный больной знаетъ, что ничто уже не спасетъ его отъ скораго, неизбѣжнаго, страшнаго конца — отсюда его равнодушіе къ ней, къ ея присутствію. На что они ему? Ея богатство и положеніе ему не помогутъ. Теперь онъ равенъ ей,—нѣтъ, онъ выше,—онъ хорошо понялъ то, что она еще только начинаетъ сознавать: безполезность и ничтожество житейскихъ заботъ, надеждъ, волненій и даже чувствъ передъ неизбѣжнымъ и вѣчнымъ уничтоженіемъ. Одно только могло тронуть бѣднаго умирающаго,—не то, что она, богатая и властная пріѣхала къ нимъ въ ихъ жалкую конуру, гдѣ денежная помощь ея,—одна только искренняя, до боли захватывающая сердце, жалость къ нему,—вотъ такому, каковъ онъ есть, безобразному, даже грубому.

Она ѣдетъ теперь въ свой домъ, гдѣ все держится ея заботами: свѣтскія отношенія, весь стройный порядокъ, всякая мелочь, до свѣжихъ цвѣтовъ на столѣ столовой; сколько усилій, стараній, волненій все это требуетъ. И вдругъ, какъ никогда прежде, она сознаетъ, какъ все это не важно и не прочно.....

Она поняла, что сердце нужно отдавать не этимъ условнымъ ненужностямъ и если весь съ такимъ трудомъ созданный порядокъ въ ея домѣ рухнетъ, всѣ съ такими ухищреніями завязанныя и поддерживаемыя отношенія порвутся, и то не бѣда; есть горе безъисходное, есть нужда страшная и истинное счастье только въ возможности облегчить такое горе и такую нужду.

Ей вдругъ стало противно все въ ея не искренной, пустой, фальшивой жизни.

Сумрачная, блѣдная, съ страдальческимъ, точно постарѣвшимъ, лицомъ, вошла Ольга Николаевна въ свой элегантный домъ.

Е. Лебедева.

Къ вопросу о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ.

(Историческая справка).

Россія давно уже обнаруживаетъ естественное стремленіе отыскивать и расширять рынки для своихъ товаровъ въ глубинѣ Средней Азіи, такъ какъ европейскіе рынки наполнены болѣе дешевыми фабриками Западной Европы; при томъ же наши мануфактуры, щедро поддержанныя покровительственными пошлинами, какъ говорится, «заработались», наготовили массу товаровъ какъ разъ въ то время, когда покупательная сила населенія внутри Россіи ослабѣла, когда рядъ спекуляцій вызывалъ лихорадочное возбужденіе производства, несоразмѣреннаго съ дѣйствительной потребностью.

Въ слѣдующіе годы этотъ кризисъ можетъ еще болѣе осложниться, и мы не застрахованы отъ того, что наше мануфактурное производство, нѣкоторыя отрасли котораго получили лихорадочное развитіе, не пойдетъ къ упадку. Настоятельная необходимость искать новыхъ рынковъ на Востокѣ давно и хорошо сознается нашими торговопромышленными сферами, но необходимо, чтобы представители ихъ могли дѣйствовать въ этомъ направленіи по расчищенной дорогѣ, чтобы это стремленіе имѣло подъ собою твердую почву, подготовленную всестороннимъ изученіемъ; безъ такого изученія многія попытки завязать караванныя и другія сношенія оставались не только безъ результата, но даже оканчивались съ явнымъ убыткомъ для піонеровъ, и это, главнымъ образомъ, потому, что предварительно не были обслѣдованы пути, потребности населенія, условія перевозки и т. п. необходимыя вещи, такъ что иногда нами отправлялись товары, которые вовсе не шли на Востокѣ или шли за такія цѣны, которыя не окупали провоза. Для выясненія этого вопроса не мѣшаетъ привести краткую историческую справку о сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ.

Небезъизвѣстенъ фактъ, что стремленіе русскихъ товаровъ на средне-азіатскіе рынки: къ предѣламъ Персіи, Кашгаріи, Афганистана, Индіи и др. странъ не есть явленіе новое; это для насъ, такъ сказать, историческій импульсъ.

Еще въ ту отдаленную эпоху, когда и Россіи не существовало, по южной параллели восточной Европы уже завязаны были товарныя сношенія между дальней Азіей и Римской имперіей. Главный путь, шедшій сперва черезъ Персію и Сирію, во время Восточной Римской имперіи отодвинулся къ сѣверу; именно послѣ войны Юстиніана съ персидскимъ царемъ Хозроемъ прежній торговый токъ раздвоился: одинъ направился изъ Китая и Индіи къ сѣверной части Каспійскаго моря и оттуда къ колоніямъ, ютившимся по сѣверному побережью Чернаго моря; другой, менѣе важный путь, былъ проторенъ изъ Аравіи по сѣверному берегу Краснаго моря и чрезъ Египетъ въ Грецію. Оба эти пути остались и по прекращеніи войнъ съ Турціей, при чемъ возобновилось и торговое движеніе черезъ Сирію. Но главное посредничество въ римско-китайской торговлѣ осталось за колоніями сѣвернаго Черноморья, разбогатѣвшими болѣе всего отъ этой торговли; главнымъ пунктомъ здѣсь былъ городъ Херсонъ. Въ царствованіе Юстина II въ Византіи поселилось много жителей Средней Азіи, что также указываетъ на дѣятельныя сношенія Византіи съ Азіей черезъ сѣверныя побережья Чернаго и Азовскаго морей. Главнымъ узловымъ складочнымъ пунктомъ на пути изъ Индіи и Китая въ Византію служилъ центральный округъ страны Мевера-Ун-Негръ (или страна за Оксусомъ, т. е. за р. Аму-Дарьей), Бухара съ городами Бухарой, Тавашемъ, Бейкендомъ и Зендине. Благодаря своему центральному положенію, она уже во время Сассанидовъ (874—1004) считалась богатѣйшимъ рынкомъ Востока.

Въ первыя времена существованія Руси этотъ византійско-азіатскій транзитъ дѣятельно продолжался, а затѣмъ русскіе и сами завели свою торговлю съ отдаленнымъ сказочнымъ Востокомъ; объектомъ этого торга послужили какъ русскіе товары (медъ, скора, воскъ и пр.), такъ и европейскіе. Торгъ происходилъ, какъ извѣстно изъ русской исторіи, черезъ посредство болгаръ, жившихъ въ низовьяхъ Волги. Болгары не допускали арабовъ и др. восточныхъ торгашей въ Россію, пугая ихъ разсказами объ убійственномъ климатѣ и дикости нравовъ этой страны, а сами перехватывали товары въ качествѣ коммиссіонеровъ; главнымъ пунктомъ этихъ сно-

шеній служила Итиль (теперешняя Астрахань) при устьяхъ Волги; главные предметы тогдашняго экспорта изъ Россіи — мѣха и невольники, вымѣниваемые на дорогіе камни, на шелковыя ткани, пряности, вино, золотыя и серебряныя издѣлія; ходячею монетою служили арабскіе денары и диргемы. Позднѣе—русскіе стали непосредственно торговать съ Азіей; извѣстны богатые караваны, плывшіе внизъ и вверхъ по Волгѣ, служившіе лакомой приманкою для лихихъ людей — приволжскихъ разбойниковъ. Сами русскіе до Азіи не доходили, предоставляя дальнѣйшій обмѣнъ персіянамъ, армянамъ, грекамъ, евреямъ и другимъ посредникамъ. Изъ южной Россіи русскіе товары шли черезъ волокъ между Дономъ и Волгой; часто русскіе возили этимъ путемъ греческіе товары, выплывая черезъ Азовское море въ устье Дона, у крѣпости Саркель переволакивались въ Волгу, спускались къ Итилю и выходили въ Каспійское море [1]).

Такимъ образомъ, Россія гораздо раньше другихъ европейскихъ государствъ завязала сношенія съ Востокомъ; только къ XIV вѣку свѣдѣнія о Средней Азіи дошли до Западной Европы. На каталанской картѣ 1375 г. уже обозначены гг. Самаркандъ и Бухара. Около того же времени завязались торговыя сношенія между этими странами, при томъ не безъ участія русскихъ купцовъ. Въ періодъ татарскаго владычества ихъ много жило въ Большой Ордѣ, которая купцовъ не притѣсняла. Въ договорѣ Полочанъ съ Ригою (1407 г.) въ числѣ товаровъ, посылаемыхъ изъ Полоцка къ Нѣмцамъ, показаны: жемчугъ, шелкъ, дорогое оружіе и др. произведенія Востока. Ордынскіе гости часто ходили съ товарами въ Москву, Тверь, Новгородъ, гдѣ часто ихъ вымѣнивали на западно-европейскіе товары.

Въ южной Россіи азіатскій транзитъ не прекращался и въ средніе вѣка. Въ «Сборн. грам. г. Вильны» (XVI вѣкъ) читаемъ: «для всего, что привозится изъ Малой Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи и Сиріи въ Московское государство, Швецію, Данію, нѣтъ другой болѣе вѣрной и прямой дороги, какъ отъ Кафы черезъ Перекопъ, Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ и Кіевъ [2]).

[1]) Писатель Ибнъ-Хордадбе въ «Книгѣ путей и государствъ» говоритъ: «купцы избираютъ путь въ странѣ славянъ, къ заливу столицы Хозарской, затѣмъ въ море Джурджану (такъ наз. юго-восточн. часть Каспійскаго моря»).

[2]) Въ 1475 г. ѣхалъ изъ Персіи черезъ Россію венеціанскій посланникъ Амвросій Контарени; съ нимъ поѣхали черезъ Каспійское море

Съ начала XV в. дѣлаются попытки завязать болѣе непосредственныя сношенія между Московіей и Азіей. Первая попытка—геройское «хожденіе за три моря» тверскаго купца Аѳанасія Никитина, хотя и не увѣнчалась успѣхомъ, но вызвала подражателей. Русскіе купцы нѣсколько разъ ходили съ товарами, то по приказамъ Великихъ Государей московскихъ, то по собственному почину, манимые легендарными богатствами сказочной Индіи.

Затѣмъ Россія имѣла соотношеніе, хотя и косвенное, къ торговому пути изъ Восточнаго Китая и Кашгара въ Россію. Тѣ горныя цѣпи, какія отдѣляютъ Кашгаръ, Памиръ, Кульджу и сосѣднія малоизвѣстныя страны отъ Россіи и окаймляютъ долины рѣкъ Или, Нарына, Сыръ-Дарьи, прорѣзаны удобными проходами: тѣми проходами, которые соединяютъ долину р. Тарима и Кашгарію съ долиной р. Или, давно возили въ Россію бумажныя ткани и др. кашгарскіе товары, а изъ Россіи получали желѣзныя издѣлія: затѣмъ въ высокой части Тарбагатая, къ востоку отъ хребта Тасъ-Тау, очень удобный, историческій проходъ Хабаръ-Ассу. Въ теченіе послѣднихъ двухсотъ лѣтъ, кашгарскіе купцы, во избѣжаніе киргизскихъ грабежей, шли черезъ этотъ проходъ къ долинѣ р. Иртыша и производили торговыя сношенія черезъ Томскъ, Тару, Тобольскъ и Тюмень съ Россіей, главнымъ образомъ съ Ирбитомъ, Троицкомъ и Оренбургомъ; въ этихъ городахъ образовались даже факторіи бухарцевъ. Тотъ же окольный путь выбирали и русскіе торговцы, проникавшіе за Тарбагатай. Эти сношенія на нѣкоторое время, лѣтъ сто тому назадъ, были задержаны стѣснительными мѣрами русскаго правительства, учредившаго въ 1745 г. таможни и воспретившаго торгъ ревенемъ и проѣздъ путешественниковъ. Потомъ они возобновились, а къ концу XIX в. имъ предстоитъ свободнѣе развернуться и дойти до солидныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны, благодаря р. Или, къ намъ имѣетъ коммерческое тяготѣніе Кульджа, Джюнгарія и Кашгарія, т. е. весь, такъ называемый, Китайскій Туркестанъ — богатыя страны, отрѣзанныя отъ собственно Китая пустынями Гоби, а отъ Индіи—высочайшими въ мірѣ горами.

Насколько удобны были торговыя сношенія съ Азіей чрезъ Россію, доказывается также тѣмъ, что такіе опытные

купцы съ шелковыми тканями и сорочинскимъ пшеномъ, для продажи россіянамъ и татарамъ. Онъ нашелъ въ Астрахани россійскихъ купцовъ, у которыхъ занялъ денегъ (см. гл. 8 его «путеописанія»).

и дальновидные торговцы, какъ англичане, усердно старались именно черезъ Россію проложить путь въ центральную Азію и Индію. Еще въ половинѣ XVI в. они выхлопотали у царя Ивана Васильевича право свободнаго проѣзда черезъ Россію въ Среднюю Азію для торговыхъ цѣлей. Уже въ 1558 г. англійскій посолъ А. Дженкинсонъ поѣхалъ въ Бухарію съ охранными грамотами Великаго Государя Московскаго. Грамоты эти, однако, не спасли англичанъ отъ лихихъ грабежей со стороны низовой вольницы и азіатскихъ кочевниковъ, такъ что завязать торговлю черезъ Россію съ Азіей имъ не пришлось, тѣмъ болѣе, что вскорѣ ихъ торговыя привилегіи были отняты, потомъ были возобновлены только въ 1577 г. при Годуновѣ. Осенью 1588 г. англичанинъ Флетчеръ пріѣхалъ съ грамотою отъ королевы Елизаветы, которая просила царя Московскаго о дозволеніи англійскимъ торговымъ гостямъ проѣзжать черезъ его земли въ Бухарію, Шемаху, Персію, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ другимъ гостямъ воспрещено было туда ѣздить. На это отвѣчали, что царь велитъ пропускать англійскихъ купцовъ въ эти страны безпошлинно, но и государевы люди въ тѣ страны тоже будутъ ходить: «какъ можно тому стать, чтобъ государевымъ людямъ туда не ходить? и то великое государево жалованье къ англійскимъ гостямъ, что имъ позволено ходить въ такія дальнія государства, а другимъ иноземцамъ за версту далѣе Москвы ходить не велѣно».

Англичанамъ естественно было искать болѣе короткій сухопутный путь въ Индію, куда водою ѣхать, при тогдашнихъ способахъ морскаго транспорта, было далеко и неудобно. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ отъ англійскаго короля Іакова былъ посолъ Мерикъ и просилъ, чтобы позволено было англичанамъ ѣздить Волгою въ Персію, а рѣкою Обью,—въ Восточную Индію. «Мы думаемъ», говорилъ Мерикъ, «что дорога рѣкою Обью отыщется, и станутъ англійскіе и русскіе люди въ Индію ходить, и такія прибыли царской казнѣ будутъ, какихъ прежде не бывало; отыскана въ Индію дорога, но далеко оборачиваться,—въ три года, это время долгое!» Ему отвѣчали: «Волгою ходить страшно, а объ остальномъ станутъ говорить, какъ покончутъ Свейское дѣло». Въ іюлѣ 1620 г. пріѣхалъ опять Мерикъ просить дороги Волгою въ Персію. Царь и патріархъ собрали гостей и торговыхъ людей и спросили: «не будетъ ли намъ убыточно, если англичанамъ дорогу дадутъ». Торговые люди сказали, что хотя имъ убытокъ

будетъ, но ради государственныхъ выгодъ они потерпятъ; при этомъ они совѣтовали наложить большую пошлину; англичане же надѣялись устроить это дѣло совсѣмъ безпошлинно, такъ оно и не состоялось. Вообще, кромѣ англичанъ хлопотали о транзитѣ черезъ Россію въ Персію послы французскій и датскій, но такъ же безуспѣшно. Правительство наше держалось охранительной системы въ томъ смыслѣ, что не допускало иностранцевъ на тѣ восточные рынки, гдѣ пріобрѣли право гражданства русскіе торговцы.

Съ расширеніемъ русской торговли и производительности, съ улучшеніемъ условій внутренней торговли, у государей русскихъ укрѣпилась мысль расширить собственный русскій торгъ на азіатскихъ рынкахъ и провести купцовъ русскихъ въ Индію. Что это считалось выгоднымъ для Россіи—ясно доказываетъ попытка Петра I, предпринятая имъ несмотря на все его западничество; попытка эта—экспедиція кн. Бековичъ-Черкасскаго—окончилась, правда, неудачею, за то окончательно установила принципъ выгодности сношеній Россіи съ Востокомъ, такъ какъ о водвореніи русскихъ фабрикатовъ на рынки Западной Европы нечего было и мечтать, особенно, если принять въ разсчетъ, что въ то время качественный перевѣсъ европейскихъ издѣлій надъ русскими и относительное развитіе промышленности въ Западной Европѣ были несравненно выше, чѣмъ въ настоящую эпоху. Въ то же время прекратились и попытки иностранцевъ проникнуть въ Индію черезъ Россію.

Но не взирая на естественное тяготѣніе нашихъ издѣлій къ азіатскимъ рынкамъ, намъ еще долго послѣ Петра I все не удавалось завоевать тамъ себѣ прочное коммерческое положеніе; никакого правильнаго, систематическаго торга еще не могло и быть по отсутствію удобныхъ путей и по необузданности азіатскихъ народовъ; приходилось пролагать пути чрезъ негостепріимныя степи, подвергаясь риску нападенія разныхъ разбойничьихъ племенъ, у которыхъ до XIX в. сохранилась еще поговорка: «если грабители нападутъ на палатку твоего отца, то пристань къ нимъ и дѣли добычу». Были только отдѣльныя попытки посылать русскіе товары въ Бухару, причемъ русскіе очень рѣдко отваживались туда проникать, а поручали сбытъ бухарцамъ и персіанамъ. Только въ эпоху управленія Неплюева Оренбургскимъ краемъ русскіе пріобрѣли нѣкоторую популярность въ степяхъ, и торговыя сношенія за этотъ періодъ усилились: за время 1748—1755 г.г. на

оренбургскую линію, кромѣ марены, хлопка, азіатскихъ тканей, шелка, шерсти и др. товаровъ было привезено до 50 пудовъ золота и 4.000 п. серебра, въ слиткахъ и монетѣ (почти все индѣйскими рупіями). Неплюевъ попробовалъ даже отправить караванъ въ Индію, но проба эта вышла неудачною, такъ какъ довѣренныя лица, продавъ товаръ по дорогѣ, бѣжали съ деньгами въ Мекку. Съ тѣхъ поръ прошло еще столѣтіе, въ теченіе котораго русскимъ все не удавалось завязать постоянныя и непосредственныя торговыя сношенія съ полудикой Азіей и сказочною Индіей. До 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія въ Средней Азіи все-таки было больше русскихъ товаровъ, чѣмъ англійскихъ, хотя русскіе и сносились съ ней мѣновымъ способомъ черезъ Оренбургъ. Затѣмъ—англійскіе купцы непосредственно проникли въ Бухару и стали сами, безъ посредниковъ, снабжать ее разнообразными товарами. Оренбургскій генералъ-губернаторъ Перовскій, для охраненія русскихъ интересовъ, предпринялъ, зимою 1839 г., экспедицію въ среднеазіатскія степи, окончившуюся очень плачевно: почти весь обозъ и треть отряда погибли въ пустынѣ.

Не безъинтересно отмѣтить, что въ этомъ мятежномъ краѣ, гдѣ ни въ грошъ не ставилась душа человѣческая, процвѣталъ торгъ невольниками. До русской экспедиціи 1873 года Хива была главнымъ пунктомъ этого торга: здѣсь туркмены продавали плѣнныхъ, захваченныхъ ими на берегахъ Каспійскаго моря, въ Персіи, Афганистанѣ и др. Изъ невольниковъ всего дороже продавались, за ихъ рабочую силу, русскіе[1]).

Безпокойное сосѣдство среднеазіатскихъ независимыхъ народовъ отторгало насъ отъ естественныхъ рынковъ, при чемъ—разумѣется—въ такой странѣ правильная торговля и экономическое завоеваніе могли наступить только вслѣдъ за завоеваніемъ политическимъ. Такое завоеваніе было сдѣлано не только ради экономическихъ интересовъ, но, главнымъ образомъ, ради укрѣпленія нашего вліянія въ Азіи и обезпеченія границъ; да и нельзя было останавливаться на полдорогѣ. Русскія войска дѣйствовали такъ успѣшно и поспѣшно, что завоевали не только фактически, но и нравственно всю обширную страну; до сихъ поръ владычество наше держится главнымъ образомъ на обаяніи русскаго имени.

---

[1]) Русскихъ продавалъ въ рабство, напр., даже одинъ оренбургскій купецъ З*, и это—не единичный примѣръ.

Право русскихъ на восточные рынки признается также и нашими главными соперниками—англичанами[1], но систематически пользоваться этими правами долго не удавалось; только въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія русскіе купцы посылаютъ уже свои караваны въ Бухару, Кашгаръ и др. мѣста, и съ покореніемъ Ташкента въ 1866 г., т. е. почти черезъ 600 лѣтъ послѣ «хожденія» Аѳанасія Никитина, сношенія стали болѣе постоянными.

Съ 70-хъ годовъ русскіе торговцы стали твердой ногою въ Средней Азіи. Торговля русскими товарами хотя медленно, но постепенно стала разрастаться, а районъ сбыта—расширяться. Нѣкоторыя русскія фирмы завели постоянныхъ агентовъ на главныхъ рынкахъ и завязали непосредственныя сношенія съ мѣстными производителями сырья и съ потребителями русскихъ фабрикатовъ [2].—

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ для развитія культуры въ Средней Азіи сдѣлано довольно много, по крайней мѣрѣ гораздо больше, чѣмъ на Кавказѣ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, за 50 лѣтъ. Дальнѣйшее развитіе, въ смыслѣ разработки мѣстныхъ естественныхъ богатствъ, облегчается съ проведеніемъ Закаспійской ж. д., отъ Каспійскаго моря черезъ Аму-Дарью и Бухару, до Самарканда.

---

[1]) Въ годичномъ засѣданіи лондонскаго королевскаго географическаго общества, 22 мая 1865 г., авторитетный президентъ его сэръ Р. Мурчисонъ, ради успокоенія англійскаго общественнаго мнѣнія, высказалъ такія знаменательныя вещи.

„Надо вспомнить“, говорилъ онъ, «что задолго до водворенія англичанъ въ Индіи русскіе вели торговлю съ Китаемъ, Бухарой, Самаркандомъ и др. Съ незапамятныхъ временъ караваны проходили черезъ киргизскія степи, бывшія подъ властію Россіи. Въ послѣднее время торговля эта почти прекратилась вслѣдствіе противодѣйствія Кокана и набѣговъ дикихъ племенъ, безпокоившихъ предѣлы Россіи вдоль всей границы отъ форта Перовскаго на Сыръ-Дарьѣ до озера Иссыкъ-Куль. Русское правительство вынуждено было занять г. Чимкентъ и образовать новую передовую линію, т. е. поступало по той же системѣ, какую усвоило англійское правительство въ Индіи».

Въ томъ же духѣ высказались статсъ-секретарь по индійскимъ дѣламъ Нордзкотъ и др. выдающіеся люди.

[2]) Недавно еще въ газетѣ «Pesther Lloyd», ревниво относящейся къ нашимъ экономическимъ успѣхамъ на азіатскихъ рынкахъ, было высказано: «Русскія войска, слѣдомъ за которыми шелъ русскій купецъ, снова открыли міру средне-азіатскія страны, въ теченіе цѣлой половины тысячелѣтія погруженныя въ мракъ глубочайшаго варварства и считавшіяся погибшими для человѣчества... Великіе торговые центры татарской расы: Ташкентъ, Коканъ и Самаркандъ пришли опять, благодаря Россіи, въ болѣе близкое соприкосновеніе съ общимъ торговымъ движеніемъ... Быстрое распространеніе культуры американскаго хлопка, замѣчающееся за послѣдніе годы, особенно же въ окрестностяхъ Ташкента и Самарканда, позволяетъ составить себѣ понятіе о томъ, какого грандіознаго развитія должны достигнуть торговля и промышленность въ этихъ странахъ, когда здѣсь водворится осѣдлое населеніе“.

Для изученія Востока и прежде всего нашихъ собственныхъ владѣній въ Азіи представляются теперь болѣе широкіе горизонты, чѣмъ когда-либо, тѣмъ болѣе, что русскіе много сдѣлали для мѣстной цивилизаціи, прекративъ тамъ хищническій режимъ и давъ первый толчекъ къ ассимиляціи различныхъ по хозяйственному типу элементовъ населенія. Благодаря намъ обезопасились исконные торговые пути, распространяется обработка земель, расширяется ороненіе, производится дѣятельная работа надъ возстановленіемъ бывшей плотины Султанъ-Бентъ на Мургабѣ, что доставитъ до 300 т. дес. богатѣйшей культурной площади для разведенія наиболѣе цѣнныхъ растеній, вродѣ хлопка, табака и т. п.

Но многое еще остается сдѣлать, особенно въ отношеніи торговомъ, гдѣ мы не только не подвигаемся впередъ, но какъ будто даже идемъ назадъ. Дѣло въ томъ, что достигнутымъ нами политическимъ спокойствіемъ въ Средней Азіи воспользовались прежде всего не мы сами, а посторонніе, къ вящшей нашей обидѣ. Такъ было, напр., въ Бухарѣ, которая теперь связана съ Россіей рельсовымъ путемъ. Какъ сказано выше, на этомъ главномъ рынкѣ Средней Азіи нѣкоторыя отрасли торговли раньше были въ русскихъ рукахъ, теперь онѣ отъ насъ отошли, и почти вся русско-бухарская торговля ведется бухарцами, афганцами, мультанцами (индусами) и евреями: между тѣмъ обороты ея считаютъ въ 30—40 м. р. Купцы эти сами ѣздятъ за товаромъ въ Нижній, Москву и Оренбургъ, не прибѣгая къ посредничеству русскихъ. По трактату, заключенному русскимъ правительствомъ съ бухарскимъ эмиромъ въ 1873 г., русскимъ, кромѣ другихъ выгодъ, предоставлено свободно торговать во всемъ ханствѣ, заниматься всякими промыслами, пріобрѣтать недвижимость, плавать по р. Аму-Дарьѣ, устраивать по берегамъ ея пристани и склады. Но всѣми этими льготами русскіе почти не воспользовались; до 1885 г. сюда не было даже телеграфа; только въ послѣднее время установились непосредственныя сношенія русскихъ съ Бухарой, да и то первенствующая роль вѣроятно будетъ принадлежать Лодзи, которая уже порѣшила устроить большое постоянное агентство въ Бухарѣ. Наше правительство, для возстановленія русской торговли и для охраненія ея отъ вторженія иностранцевъ, должно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ; въ 1881 г. оно запретило ввозъ иностранныхъ мануфактуръ въ русскія среднеазіатскія владѣнія и обложило высокой пошлиной индійскіе чаи, краски и ки-

сею. Хорошо, что съ каждымъ годомъ все болѣе уясняются различныя мѣры для упроченія нашего экономическаго вліянія. Такъ, напримѣръ, образуется солидное акціонерное общество для устройства пароходства по Аму-Дарьѣ; до сей поры мы не воспользовались этой рѣкою съ 1.370 в. судоходнаго пути, составляющей важную артерію не только для внутреннихъ торговыхъ оборотовъ въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, но и для сношеній съ сѣверными частями Индіи.

Что касается нашихъ русскихъ торговцевъ, то они еще не умѣютъ пользоваться созданными для нихъ въ Средней Азіи и въ ближайшихъ областяхъ благопріятными условіями, отчасти по малому знакомству съ условіями края, отчасти по недостатку предпріимчивости. Между тѣмъ для торговли здѣсь представляется много удобныхъ клапановъ въ смыслѣ развитія сношеній съ прилегающими богатыми странами. Въ Индію и Афганистанъ ведутъ нѣсколько удобныхъ горныхъ проходовъ; Мешхедъ и др. торговые центры Персіи расположены вблизи нашего новаго торговаго пути. Такія страны, какъ Кашгарія, Памиръ, Бадахшанъ, представляютъ для насъ естественный рынокъ, ибо отъ Индіи онѣ отдѣлены цѣпями Гималайскихъ горъ, Гиндукуша и ихъ развѣтленій, составляющихъ какъ бы водораздѣлъ между бассейнами р. р. Инда и Аму-Дарьи; это тяготѣніе подтверждается и позднѣйшими свѣдѣніями (не только изъ русскихъ, но и изъ англійскихъ источниковъ) о томъ, что русскіе товары стали проникать, конечно, черезъ 3—4-я руки, въ такіе углы, гдѣ ихъ прежде не было. Можно утѣшиться только тѣмъ, что, по всѣмъ даннымъ, экономическое завоеваніе китайскаго и афганскаго Туркестана, органически связанныхъ съ русскимъ Туркестаномъ рѣчными бассейнами и удобными торговыми путями, должно быть только вопросомъ времени; вмѣстѣ съ этимъ для насъ ipso facto откроется и удобный путь въ сѣверную Индію, ибо дороги, ведущія отъ бассейна Аму-Дарьи къ долинѣ Инда, пролегаютъ по мѣстамъ культированнымъ, мимо ряда большихъ городовъ. Сюда же перенесется и центръ тяжести пресловутаго «восточнаго вопроса».

Но это не значитъ, что мы должны складывать руки, когда можно значительно ускорить приближеніе этого времени, когда намъ грозитъ вторженіе на наши же рынки иноземныхъ элементовъ, которые зорко слѣдятъ за всѣми нашими промахами и промедленіями. Мы тѣмъ болѣе должны въ на-

стоящую минуту напрягать всѣ усилія для изученія и расширенія этихъ рынковъ, что Англія, столь опытная въ установленіи торговыхъ сношеній, далеко неравнодушно смотритъ на широкія экономическія задачи Россіи и на то, что Россія въ 30 лѣтъ прошла болѣе половины того пути въ Индію, котораго сама Англія такъ настойчиво добивалась въ XVII столѣтіи.

Въ началѣ XVIII ст. судьба отдала въ ея руки Остъ-Индію, и вотъ уже 180 лѣтъ происходитъ поступательное движеніе англичанъ къ Средней Азіи, при чемъ они прошли не больше, чѣмъ русскіе въ послѣднія 30 лѣтъ. Въ 80-хъ годахъ оба теченія сталкиваются, и теперь долженъ настать моментъ, если можно такъ выразиться, *экономическаго оттиранія* англичанъ отъ среднеазіатскихъ рынковъ, конечно, если сами русскіе не пожелаютъ опустить то, что плыветъ имъ въ руки. Намъ только остается, по отношенію къ Востоку, самимъ отрѣшиться отъ восточной, азіатской малоподвижности, которая до сихъ поръ мѣшаетъ намъ въ отысканіи новыхъ рынковъ. Если нѣкоторые изъ нашихъ купцовъ, болѣе предпріимчивые, и отправляютъ караваны въ азіатскія страны, то дѣлается это почти всегда безъ достаточнаго предварительнаго изученія пути и условій рынковъ, потому эти попытки кончались большею частью убытками, тогда какъ если бы была затрачена на предварительныя экономическія изслѣдованія хотя $^{1}/_{10}$ часть той суммы, которая потеряна въ этихъ попыткахъ «на авось», то вмѣсто убытковъ получились бы, несомнѣнно, значительные барыши. Мы уже не говоримъ о тѣхъ караванахъ, которые посылались изъ тщеславія и другихъ цѣлей, не имѣющихъ отношенія къ вопросу объ установленіи постоянныхъ сношеній. И до сихъ поръ наши торговыя сферы не думали о предварительныхъ изслѣдованіяхъ и экспедиціяхъ, какъ бы уповая, что правительство за нихъ все устроитъ, а имъ останется только снимать пѣнки. Но тутъ и выходитъ, что правительство всего устроить не можетъ: новыя и хорошія предпріятія попадаютъ въ руки иностранцевъ, и тѣ снимаютъ пѣнки, а наши замоскворѣцкіе, шуйскіе, тверскіе и другіе негоціанты жалобно плачутся на кризисъ и на обиды, чинимыя имъ иностранной конкурренціей. И это — люди, у которыхъ часто зря пропадаютъ такія суммы, какихъ хватило бы на десятокъ экспедицій, на водвореніе новыхъ промысловыхъ культуръ въ Средней Азіи и на другія хорошія дѣла.

А. Субботинъ.

ПРОЙДОХА.

Воспоминанія именитаго купца стараго времени.

На улицѣ грязь—сапожникъ князь
Пословица.

(*Окончаніе*) [1]).

XVIII.

Вдругъ губернаторъ прислалъ мнѣ письмо, чтобы я поспѣшилъ внести въ казначейство на обезпеченіе богадѣльни, согласно подпискѣ и Уставу, двадцать пять тысячъ. Это меня такъ ошеломило, что я прочиталъ письмо, забылъ его на конторкѣ въ лавкѣ, а самъ ушелъ въ трактиръ, съ горя тамъ изрядно дерябнулъ и загулялъ... А когда, чрезъ недѣлю, выходился (пилъ я безъ перерыва, всегда дома, не меньше недѣли) и тихонько подымался по лѣстницѣ въ лавку, то подслушалъ, какъ прикащики толковали про письмо губернатора.

— Еще одумается и представитъ деньги,—говорилъ одинъ.—Съ губернаторомъ опасно тягаться; напишетъ сюда, такъ стребуютъ...

— Нѣ-ѣтъ, братцы, коли не внесъ до полученія Владиміра,—продолжалъ другой,—такъ теперь не внесетъ, скалыга, хоть каленымъ желѣзомъ его пытай...

— А славно бы, ребята, кабы его, аспида, схватили и упрятали подальше за этотъ обманъ,—вставилъ третій.—Въ переполохѣ, мы поживились бы на его счетъ...

— Извѣстно, охулку бы на руку не положили,—согласился съ младшими старшій прикащикъ.—Мы бы всѣхъ васъ отлично наградили изъ богатства нашего пропоицы, изверга...

Я кашлянулъ, они услыхали и смолкли. Я, по обыкновенію, провѣрилъ книги, счета, не нашелъ къ чему придраться и принялся за книжку, по которой брали отъ разносчика на завтраки булки, калачи и проч., для всѣхъ, по штукѣ въ день, по положенью; наткнулся, въ одномъ мѣстѣ, на запись двухъ лишнихъ саекъ и спросилъ старшаго: почему это случилось?

---

[1]) См. книжку № 5.

— По ошибкѣ,—хладнокровно отвѣтилъ онъ.—Кто-нибудь изъ мальчиковъ съѣлъ по лишней сайкѣ.

— По ошибкѣ? Да нешто ошибки позволяются?

— Но онѣ вездѣ случаются. Вѣдь за всѣми не возможно усмотрѣть.

— Вотъ я, пропоица, какъ ни бываю пьянъ,—а всегда, однако, вижу, сколько ты мнѣ вечерами приносишь денегъ за проданный. въ день, товаръ и вмѣстѣ съ деньгами твои рапортички всѣ сберегаю; помню даже, сколько за загулъ выпилъ хереса, портвейну и пива, а какъ вытрезвляюсь—пересчитываю пустыя бутылки и счетъ мой всегда сходится со счетомъ погребщика. Какъ же ты, трезвый, поставленный стеречь чужое добро, и ошибки дѣлаешь, и не знаешь, кто по сколько сжираетъ саекъ?

— Да двѣ сайки стоятъ пять коп.,—сущій пустякъ, и я удивляюсь, что вы...

— Ты, я думаю, удивляешься и тому, что я, твой хозяинъ, изверъ, еще здѣсь, а не въ ссылкѣ и ты не воленъ награждать такихъ же, какъ ты самъ, остолоповъ, моимъ богатствомъ?

— Заглазно мало ли что говорится...

— Молч-чать! Пятьдесятъ рублей штрафу съ тебя за сайки.

— Я на этотъ штрафъ не согласенъ.

— Такъ пошолъ вонъ, не то....

— Нонѣ, извините, не прежняя пора, а тронете — къ мировому васъ потяну, подъ арестомъ насидитесь...

— Вонъ, говор-рю!... ты мнѣ больше не нуженъ.

— Дайте мнѣ полный разсчетъ, и я уйду.

— Не дамъ, а тебя же еще подъ судъ упеку.

— Отскочите: у меня все исправно, а отъ васъ я не уйду до тѣхъ поръ, покуда все вамъ сдамъ при свидѣтеляхъ и получу отъ васъ росписку, что все приняли отъ меня въ полномъ порядкѣ, а жалованье и чрезъ судъ вытребую отъ васъ, да васъ же еще пропечатаю въ газетахъ, на всю Россію ошельмую: на судѣ разскажу, что вы прогнали меня изъ-за вашего обмана — неуплаты капитала на богадѣльню.

Руки мои, правда, сильно чесались, а кулаки сжимались, но я, бладаря судьямъ праведнымъ, при всѣхъ сдержался, а потомъ, по одиночкѣ, все-таки передубасилъ его и нѣсколькихъ младшихъ прикащиковъ въ своемъ уже кабинетѣ, чтобы не нашли себѣ свидѣтелей. Отъ старшаго я получилъ, впрочемъ, исправную здачу, но за это прогналъ его, а чтобы не судиться,—съ полнымъ разсчетомъ.

Вечеромъ я направился къ стряпчему за совѣтомъ, какъ быть съ губернаторскимъ письмомъ?

— Ничего не отвѣчайте,—посовѣтовалъ онъ мнѣ, порывшись въ какихъ-то книгахъ.—Если не хотите вносить—судебнымъ порядкомъ—взыскивать съ васъ этихъ денегъ нельзя: пожертвованія могутъ быть только добровольныя, а не принудительныя: напр., сегодня вы богаты—и обѣщали, завтра васъ разорили, и вы, какъ бѣдный,—не въ состояніи сдержать обѣщанія. Сегодня

вы одинокій и вамъ ничего не жаль, а завтра женились и предпочли прожить капиталъ съ женой и т. д. Въ этомъ именно смыслѣ есть даже сенатское рѣшеніе, которымъ обязаны руководствоваться всѣ суды.

— Можете дать мнѣ прочесть это рѣшенье?

— Кладите пять сотенныхъ на столъ и вычитаете.

— Извольте.

Я прочелъ и успокоился: по печатному рѣшенью я увѣрился, что судомъ капитала съ меня не взыщутъ.

Тѣмъ временемъ Марѳа извѣстила меня, что призрѣнники и призрѣнницы съ жиру сбѣсились: не слушаются, работать отказались, вещи рвутъ, надъ нею издѣваются за ея хлопоты и заботу объ уменьшеніи расходовъ на нихъ, священникъ поддерживаетъ ихъ сторону, отъ нея отворачивается, а дьяконица при всѣхъ шлюхой ее обозвала, потому требовала, чтобы я защитилъ ее, или вознаградилъ, и она тотчасъ же уѣдетъ домой.

Злость меня взяла, и я отправился расправиться со всѣми, но, чтобы не наткнуться на губернатора или исправника,—не прямымъ, а окольнымъ путемъ, почему мнѣ пришлось впервые проѣхать чрезъ весь заповѣдный крестьянскій лѣсъ, который прельстилъ меня своими столѣтними деревьями по сажени толщиною. Въ деревню я нарочно въѣхалъ тихонько ночью и безъ колокольчика, чтобы до утра келейно все разузнать.

—Наконецъ-то ты, увалень, приползъ,—встрѣтила меня Марѳа.—Оставилъ меня куфарничать для нищихъ, они костятъ меня на всѣ корки за то, что я берегу твое добро, а ты украсился орденами и въ усъ не дуешь, скотъ эдакій. Будь проклятъ тотъ часъ, въ который я спозналась съ тобой, лиходѣемъ...

— Не бранись, пожалуйста, а разскажи толкомъ и повѣрь, я въ обиду тебя не дамъ.

— Я сама никому не поддамся, но я не хочу дольше здѣсь слыть даромъ твоей, мерзкая образина, полюбовницей.

— Нешто мало даю я тебѣ денегъ?

— Да чортъ тебя дери съ твоими пустячными деньгами, коли въ меня тычатъ пальцами... Не можешь сдѣлать меня своей женой, такъ давай богатства, нищихъ же по шеямъ...

— Разберу ужо, не сумлѣвайся, и никого не пощажу.

— „Разбер-ру"?! Эхъ ты, сквал-лыга... Не выводи ты меня изъ терпѣнья, не то я всѣ твои подлыя шашни раскрою, по владимірке тебя спроважу, ей-ей спроважу, коли не сдѣлаешь по-моему, а мнѣ терять вѣдь нечего.

Она долго еще осыпала меня упреками, угрозами и ревѣла, какъ корова, а унялась только послѣ получки отъ меня десяти сотенныхъ ассигнацій. Спрятавъ деньги, она умылась и приласкалась ко мнѣ, а я, точно воскъ, растаялъ предъ ней: ея ухарство и азартъ дѣлали меня ягненкомъ и нравились мнѣ.

Раннимъ утромъ я обошолъ вокругъ богадѣльни и вездѣ наглядѣлся на мусоръ, грязь и безпорядокъ. Вошелъ я въ богадѣльню къ старикамъ и засталъ ихъ еще дрыхавшими.

— Что вы прохлаждаетесь еще, когда ужъ 9 часовъ утра?— крикнулъ я.—Вставать и за дѣло, дармоѣды эдакіе.

— За какое это дѣло намъ приниматься?—спросилъ одинъ.— Мы, чай, не на барщинѣ.

— Прохлаждаться намъ по Уставу положено,—замѣтилъ другой,—потому плести лапти, которыми ты торгуешь въ свою пользу, мы не желаемъ.

— Насъ начальство опредѣлило сюда на спокой,—трактовалъ третій;—такъ мы не попустимъ командовать нами твоей бабенкѣ.

— Кто не хочетъ подчиняться установленному мною порядку,—можетъ сегодня же выбираться вонъ отсюда: ослушниковъ я держать, кормить и поить не стану.

— Ты за нашъ прокормъ награжденье получилъ, ну и далжӧнъ насъ содержать: тебѣ за все заплочено начальствомъ.

— Да и прокормъ твой сталъ дрянь, и гоняться за нимъ не очень-то стоитъ.

— Тутъ есть правленіе, ему надо бы распоряжаться, а змія твоя всѣхъ оттерла отъ дѣла, сама жретъ на повалъ, а насъ впроголодь держитъ. Пустилъ ты свинью за столъ, она и ноги разложила на столъ. Мы ее въ шею отсюда погонимъ.

— Кто осмѣлится обидѣть Марѳу—я тому шею сверну, а всѣхъ васъ сегодня же разсортирую.

Перешолъ я къ старухамъ и тамъ нашелъ тѣ же грязь, вонь и сталъ ихъ распекать.

— Ты, батюшка, по наущенію ехидной Марѳы, напрасно накидываешься на насъ,—затараторила одна.—Мы живемъ тише воды, ниже травы, а она лопается отъ обжорства.

— Отчего вы перестали чулки вязать?

— Оттого, что не хотимъ работать на Марѳу,—отвѣтила другая;—она черезъ день ихъ мѣняетъ, хоть такая же, прости Господи, лапотница, какъ мы, грѣшныя, а разыгрываетъ барыню.

— Покодь Марѳушка фуфырится—проку тутъ не будетъ,— подхватила третья.—Она ставитъ себя выше даже батюшки, въ церкви выпячивается въ самый впередъ, ко Св. Кресту прикладываться лѣзетъ первою: я, говоритъ, здѣсь старше всѣхъ, богаче всѣхъ, а надъ богадѣльней — полная хозяйка, что хочу, то творю и ничьего переченья мнѣ—не потерплю. Вы, говоритъ, старушонки, ниже мнѣ кланяйтесь, почтенье мнѣ отдавайте, не то голодать васъ заставлю, за ворота всѣхъ вышвырну.

— Она даже дерется за ослушанье ея приказа,—продолжала четвертая,—а заступиться за насъ некому: и старшина, и староста, и писарь бѣсами около нея увиваются, чуть ли не каждый вечеръ у нея бражничаютъ, благо денегъ, питій и закусокъ у нея вволю.

— Довольно вамъ языки-то чесать, дармоѣдки. Я вотъ половину изъ васъ повыгоню, такъ остальныя присмирѣютъ.

— Что жъ? Гони, не больно-то и пожалѣемъ твою противную богадѣльню: Христовымъ именемъ не хуже здѣшняго прокормимся.

— Кормъ-то твой одно названье, а работа одолѣваетъ, каждый кусокъ какъ въ ротъ берешь,—усчитываетъ: выгоднѣй дѣ-

литься съ твоимъ приказчикомъ, ражимъ дѣтиной, чѣмъ насъ содержать.

Плюнулъ я, вернулся домой, призвалъ старосту и писаря, а они подтвердили жалобы Маѳы. Тогда я пошелъ къ священнику, куда явился и дьяконъ.

— Вы содержите богадѣльню на свой счетъ,—заговорилъ священникъ,—вы и въ правѣ ожидать экономіи и удешевленія стоимости всѣхъ предметовъ потребленія. Но руководительство заведеніемъ требуетъ умѣнья, сноровки и знанія, а все это присуще мужчинѣ, а не женщинѣ, такъ какъ женская вспыльчивость и кичливость способны только портить общественное дѣло: женщины ко всему примѣшиваютъ слухи, дрязги и ссоры...

— Все это совершенно справедливо,—поддержалъ дьяконъ.— Перемѣните хозяйку на хозяина богадѣльни, и все пойдетъ хорошо.

— Объ этомъ подумаемъ и разсудимъ ужо, послѣ, но теперь я вамъ доложу, что и старики и старухи самому мнѣ надѣлали сегодня такую кучу дерзостей и обидъ, что оставлять ихъ безнаказанными я рѣшительно не могу, иначе они завтра все раззорятъ....... Я и полагаю исключить нѣкоторыхъ, для острастки прочимъ.

— Надо разобрать это правленіемъ и объ виновныхъ составить протоколъ,—замѣтилъ священникъ.—Это будетъ по Уставу, по которому и работать ихъ безмездно заставлять не положено.

— И старики и старухи народъ вѣдь темный, не понимаютъ, что творятъ,—вставилъ дьяконъ.—Между тѣмъ Маѳа Ивановна разными пустословіями и придирками до крайности раздражила ихъ, а они, въ ослѣпленіи, не довольны и вами, своимъ благодѣтелемъ.

— Жрать и лежебочничать они, однако, отлично умѣютъ— возразилъ я;—такъ пусть же снова попробуютъ скитаться и вспомнятъ, худо ли было имъ жить въ богадѣльнѣ. Разбирать ихъ продерзостей мнѣ, кажется, нечего: я ихъ довольно выслушалъ за свои хлѣбъ-соль и пріютъ, а староста и писарь называли мнѣ буяновъ и буянокъ, которыхъ и по ихъ мнѣнію необходимо удалить, пока краснаго пѣтуха еще не пустили: вѣдь, не поя и не кормя, врага не наживешь, а этимъ врагамъ терять нечего, они и опасны здѣсь.

— Поступайте такъ, какъ вамъ совѣсть подсказываетъ,—сдавался дьяконъ.—Наше же мнѣніе, совершенно безпристрастное, мы выразили вамъ.

— Соберите правленіе и потолкуемъ,—кончилъ священникъ,— авось придемъ къ соглашенію.

Вечеромъ въ засѣданіи, къ которому я вызвалъ и старшину,— мы большинствомъ голосовъ (я, старшина и староста) рѣшили исключить по десяти стариковъ и старухъ, а на другой день прогнали ихъ. Причиною этому была, правда, Маѳа, требованіемъ поклоненія себѣ, но я все-таки былъ ей бладаренъ: она избавила меня отъ расхода сразу на 20 человѣкъ, а это было мнѣ выгоднѣе признательности нищихъ и пріятнѣе ихъ поклоновъ:

Марѳа утроила свою ласковость ко мнѣ за то, что я угодилъ ей, такъ какъ оставшіеся нищіе ужь не смѣли пикнуть противъ нея.

XIX.

Покончивъ съ дрязгами, я призвалъ къ себѣ старшину, писаря и старосту, попотчивалъ ихъ, да спросилъ:

— Хотите ли, братцы, зашибить деньгу за маленькую мнѣ, съ вашей стороны, услугу?

— Еще бы не хотѣть, коли карманы наши пусты!—отозвался старшина. Извѣстно хотимъ. Приказывайте—все исполнимъ.

— Разум-мѣется исполнимъ,—подтвердилъ староста.—Мы завсегда твои слуги низкіе.

— А я прежде попрошу васъ объявить намъ: чего именно отъ насъ потребуете?—освѣдомился писарь,—а потомъ отвѣчу вамъ, можемъ ли угодить.

— Пособите мнѣ купить лѣсъ, принадлежащій вашей волости,—вотъ чего мнѣ надо.

— О, этого нельзя, никакъ, думаю, нельзя,—отозвался старшина.—Лѣсъ обчественный; самимъ намъ нуженъ.

— Не „нельзя",—возразилъ писарь,—а трудно добыть на это разрѣшеніе: въ дарственной особая, помнится мнѣ, оговорка объ этомъ сдѣлана, да и роща—наша гордость: вѣдь по всей округѣ одна только наша барыня покойница сберегла лѣсъ, а даривши его намъ—завѣщала беречь его на память объ ней.

— Антересно вамъ положить въ карманъ по тысячѣ цалковыхъ, такъ не разводите мнѣ бобы про барыню и память объ ней, а берітесь дружнѣй за работу; одними, предупреждаю васъ, только языками, т. е. подбейте крестьянъ подписать обчественный приговоръ на продажу лѣсной дачи; все же остальное я самъ, безъ васъ, оборудую.

— Собственно вамъ, простите за откровенность,—предварялъ меня староста,—хрестьяне не согласятся ни за какія, кажись, деньги, продавать рощу: всѣ рѣчистые старики не долюбливаютъ васъ, не довѣряютъ вамъ и даже злы на васъ за .....

— За что они на меня злы?

— За разныя оказіи, начиная, примѣрно съ Алены и кончая Мароой... Соблазнъ и дебоширства,—толкуютъ они,—развелъ онъ и народъ съ панталыку сбив-ваетъ....

— На всѣ толки про меня — мнѣ, право, наплевать, а касательно лѣса я, на случай покупки его, выставлю вамъ покупателемъ лѣсника изъ зарѣчья Егорова, благо онъ мужикъ ловкій, со всѣми въ ладу и оболванитъ кого угодно.

— Стало быть, вы насъ безъ лѣса оставите?—дознавался старшина.—Это ужь того... не ладно.

— А не полагали ли вы, что я куплю лѣсъ любоваться на него, или, чтобы не довѣряющіе мнѣ и обозленные на меня му-

жики пользовались имъ? Нѣ-ѣтъ: срублю и продамъ, а вы разживетесь, каждый изъ трехъ, тысячью рублями, сверхъ тѣхъ денегъ, какія прійдутся на вашъ пай изъ общей суммы. Тысяча же такой капиталъ, какого никто изъ васъ въ своемъ карманѣ и не держивалъ.

— Но это—затянулъ староста,—это будетъ.... продажа нами общества не по чести...

— Что же стоитъ честь, ежели нечего ѣсть?

— Голодному честь, извѣстно, безчестье,—пояснилъ писарь.—По-моему необходимо подумать, какъ сдѣлать, чтобы и крестьяне,—овцы, были цѣлы, и вы и мы,—волки, были сыты.

— Это точно обдумать нужно,—поддержалъ старшина.

— Думать нечего, да мнѣ и некогда ждать, пока вы станете думать, а прямо начинайте сегодня же подговоръ: сперва—о продажѣ, а какъ поладите — объ цѣнѣ. Я дамъ за лѣсъ на угадъ 50—60.000 руб. Изъ нихъ схватите себѣ тоже львиную долю, какъ начальство, да отъ меня по тысячѣ и сразу разбогатѣете. Желаете по сотенной сію же минуту берите въ задатокъ, а, чтобъ вы не разболтали чего не слѣдуетъ, не отреклись я мои триста бы не пропали за вами,—подмахнете мнѣ припасенную прикащикомъ съ Егоровымъ подписочку. Вотъ она и деньги. Идетъ, что ли?

Всѣ молчали, переглядывались между собою и пялили глаза на деньги.

— Позвольте прочесть подписку,—заговорилъ писарь, тяжело вздохнувъ.—Посмотримъ, чего отъ насъ добиваетесь.

— На, читай вслухъ про всѣхъ. Жду я отъ васъ въ сущности пустяковѣ—разговоровъ, а за это большія деньги плачу вамъ только потому, впрочемъ, что вы славные ребята, и я желаю поправить ваше бѣдное положеніе.

— „Мы, нижеподписавшіеся, симъ обязываемся,—читалъ писарь,—способствовать всѣми, отъ насъ зависящими средствами, къ устройству продажи крестьянами нашей волости, принадлежащей ей заповѣдной лѣсной рощи купцу Вавилѣ Федуловичу (сирѣчь мнѣ) или крестьянину Андрею Егорову, а за наши хлопоты и трудъ первый или второй уплачиваютъ намъ по тысячѣ рублей, изъ нихъ: при подписаніи сего договора—въ задатокъ—по сто рублей; послѣ подписанія общественнаго приговора—по двѣсти рублей, по утвержденіи этого приговора уѣзднымъ присутствіемъ — по двѣсти рублей, а по выдачѣ губернскимъ присутствіемъ разрѣшенія и по подписаніи купчей крѣпости—по пятисотъ рублей. Іюля „ “ дня 186⁰/₀ г.“.

— Все,—произнесъ чтецъ.—Это не страшно. Мы можемъ и подписать и способствовать безъ опасенія: это дѣлаютъ всѣ факторы, маклеры.

— Разъ вы согласны—подписывайте.

— Я, Господи прости, мое прегрѣшеніе, начну подписывать, а вы, старшина и староста, за мной уже смѣло подписывайте: за компанію вѣдь и жидъ удавился,—острилъ писарь.—Потомъ слѣдомъ за нашими подписями благоволите и вы, почтеннѣйшій Ва-

вило Федулычъ, для правильности взаимнаго договора, подписать, что обязуетесь въ точности исполнить это самое обязательство объ выдачѣ намъ, въ показанные сроки, прописанныхъ денегъ. Затѣмъ я спишу другую, точно такую же подписку, и ее всѣ четверо тоже подпишемъ и возьмемъ: одну — вы, покупатель, а другую — мы, продавцы, нашу же я спрячу къ себѣ.

— Вотъ это резонъ, — одобрилъ старшина. — Всѣмъ будетъ спокойнѣе на душѣ.

— Ладно, списывай копію, а я сразу прибавлю твои слова на обѣихъ подпискахъ.

Кончивши писанье, я выдалъ имъ деньги и подписку. Мы стали пить литки съ меня.

— Помните, други, что языки должны вы держать крѣпче за зубами,—предупредилъ я ихъ,—т. е. рѣшительно никому и изъ вашихъ домашнихъ не проговариваться про нашу сдѣлку, чтобы ее не испортить, а чтобы вы скорѣй были съ деньгами—приложите стараніе.

— Намъ досконально извѣстно, что коли „взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ",—рѣшилъ писарь за всѣхъ.

Я покатилъ къ Егорову (мы еще раньше осмотрѣли и оцѣнили лѣсъ) и столковался съ нимъ на томъ, что онъ покупалъ лѣсъ для меня; пока срубаемъ, сплавляемъ и продаемъ его—онъ служитъ у меня распорядителемъ, а по окончаніи операціи—получаетъ отъ меня за все двадцать пять тысячъ, ежели же приметъ въ дѣло другаго, а не меня—платитъ мнѣ неустойки тоже 25,000 руб. Обо всемъ этомъ мы дали другъ другу по письменному договору. Потомъ я вручилъ ему на расходы двѣ тысячи и послалъ его въ покупатели, а самъ направилъ подмазаться къ Егорову, слѣдить за нимъ и подстрекать мужиковъ продать лѣсъ—пару пройдохъ и будто прогнанныхъ мною приказчиковъ, тоже съ деньгами на угощенія, такъ какъ „сухая ложка ротъ деретъ", а мужики за водку готовы и душу продать. Мои агенты сдружились съ горлодерами, поили ихъ: сперва—по одиночкѣ, потомъ — толпами, наконецъ — деревенскими сходками и, когда совсѣмъ наладили,—старшина созвалъ волостной сходъ, и, хотя на немъ вылокали 15 ведеръ водки, но за то рѣшили избавиться отъ рощи за 70 тысячъ, съ тѣмъ, чтобы капиталъ раздѣлить поровну между всѣми домохозяевами волости. На томъ же сходѣ выбрали уполномоченныхъ (старшину, писаря, нашего и сосѣдняго села старостъ) совершить акты, получить и представить міру капиталъ. Бабы ревьмя ревѣли, укоряли и сдерживали мужей, но ихъ никто не слушалъ, а всѣ пили и радовались, что получатъ рублей по триста на брата. Объ ходѣ дѣла мнѣ врозь доносили: Егоровъ, оба приказчика и Марѳа. Она особенно ретиво собирала и расписывала мнѣ все до мельчайшихъ подробностей, а я изъ Питера руководилъ Егоровымъ, приказчиками и ею, чрезъ особыхъ гонцовъ и письмами.

Дошло дѣло до уѣзднаго присутствія, и одинъ членъ—посредникъ воспротивился продажѣ, да накаталъ въ цѣлую тетрадь особое мнѣніе и испестрилъ его разными законами и цифрами.

Егоровъ досталъ, отъ секлетаря, копію съ мнѣнія и привезъ мнѣ въ Питеръ вмѣстѣ съ уполномоченными, осовѣвшими отъ незадачи. Мнѣніемъ этимъ членъ доказывалъ, что по смыслу дарственной записи крестьяне не въ правѣ продавать лѣса, а могли только сами имъ пользоваться и то понемножку; что другаго лѣса у волости не было, слѣдовательно, въ случаѣ, еслибъ произошолъ пожаръ,—крестьянамъ негдѣ было бы достать бревенъ на обстройку, ибо вся окружность была вообще малолѣсная; что волостной лѣсъ, по его количеству, качеству и существовавшимъ цѣнамъ стоилъ до двухъ сотъ тысячъ, а крестьяне, продавая его за 70.000 руб.,—поступали въ крайній ущербъ себѣ, лишь по своей распущенности и подстрекательству злонамѣренныхъ людей; что крестьяне занимались своимъ хозяйствомъ настолько плохо, что на волости скопилось казенныхъ недоимокъ до 70.000 руб., а съ продажею лѣса—хозяйства ихъ совсѣмъ разстроятся; что самыя деньги за лѣсъ принесутъ имъ не пользу, а вредъ: они, склонные къ мотовству, употребятъ ихъ на прогулъ и временную роскошь, а потомъ впадутъ въ конечную нищету.—

Прочелъ я мнѣніе разъ, другой, даже третій и меня въ потъ ударило, и я было растерялся: членъ горячо излагалъ сущую правду. Раскинулъ я умомъ и заключилъ, что вѣдь я веду коммерцію, а она съ правдой ни въ чемъ никогда не сходится, но однако не прекращается, но существуетъ, стало быть пусть себѣ членъ распинается за правду, а я буду гнать свою коммерческую линію, а что онъ славно все росписалъ, такъ и противъ него можно росписать, благо бумага все терпитъ. Ринулся я къ сирянчему, и онъ за семьсотъ сочинилъ, отъ уполномоченныхъ, тоже чудесное, въ губернское присутствіе, прошеніе, наставилъ въ немъ также разныхъ законовъ и цифръ въ пользу продажи. Онъ разъяснилъ, напр., что крестьяне, получивъ волю, вышли изъ-подъ опеки, а стали свободными гражданами, почему, какъ не малолѣтніе, не умалишенные и не расточительные, — они въ правѣ самостоятельно распоряжаться своею собственностью; что коль скоро лѣсъ имъ подаренъ, то они и являются неограниченными его владѣльцами, иначе не было бы смысла дарить имъ лѣсъ; что почти всѣ они ремесленники, но не хлѣбопашцы, а какъ ремесло — вѣрное средство къ прокормленію, а хлѣбопашество—гадательное, то они, отъ несчастныхъ случаевъ, гораздо лучше и скорѣй въ состояніи оправиться ремесленными заработками и задатками, чѣмъ рубкою лѣса и постройкою изъ него избъ, чего они и дѣлать не умѣютъ, а вынуждены нанимать мастеровъ; что охрана лѣса вызываетъ расходъ на стражу, которая и сама злоупотребляетъ довѣріемъ и порождаетъ напрасные убытки и раздоры; что стоитъ возникнуть усиленному спросу на солдатскіе простые сапоги—и крестьяне въ одинъ годъ заплатятъ всѣ начисленныя на нихъ недоимки; что полученными за лѣсъ деньгами, они обзаведутся, на наличныя, товаромъ, а это дастъ имъ возможность сработать утроенное количество обуви и прибылью поправить ихъ хозяйственный бытъ и внести недоимки; наконецъ, что разгулу предаются не всѣ, а только частица и то въ празд-

ники, когда не работаютъ, по неимѣнію иного развлеченія, а самый разгулъ приноситъ казнѣ акцизный огромный доходъ, составляющій косвенный налогъ.

Прошеніе это отъ имени уполномоченныхъ они, подъ началомъ Егорова, свезли въ губернію, сдали въ крестьянское присутствіе и остались тамъ на квартерѣ и харчахъ Егорова ждать конца, а чтобъ скорѣй его добиться,— Егоровъ мозолилъ глаза членамъ присутствія и канючилъ предъ ними убыточнымъ проживательствомъ бѣдняковъ.

XX.

Присутствіе вняло мольбамъ крестьянъ и Егорова и разрѣшило имъ продать лѣсъ, но съ тѣмъ, чтобы до подписанія купчей крѣпости покупщикъ внесъ въ Казначейство всю условленную, за лѣсъ, сумму. Егоровъ привезъ мнѣ эту и другую радостную вѣсть о смѣнѣ и отъѣздѣ губернатора, котораго я боялся за невзносъ капитала на обезпеченіе богадѣльни. Я насулилъ Егорову туруса на колесахъ и отослалъ его назадъ, а самъ купилъ только-что выпущенныхъ сто рублевыхъ билетовъ по 90 руб. штуку на всѣ 70.000 руб., смѣло махнулъ съ ними въ губернію, сдалъ ихъ въ Казначейство по номинальной цѣнѣ за сто, т. е. сберегъ 7.000 р., получилъ квитанцію, да спросилъ казначея: зачѣмъ велѣно представить деньги въ казну, когда лѣсъ крестьяне продавали *свой*.

— На крестьянахъ накопилось 69.242 руб. недоимки, которая теперь погасится представленными вами деньгами,— отвѣтилъ мнѣ казначей.— Объ этомъ присутствіе увѣдомило насъ третьяго дня особою бумагою.

Меня кинуло разомъ въ жаръ и ознобъ.

— Ну, а ежели откажутся: крестьяне—продать лѣсъ, либо ихъ уполномоченные—подписать купчую, по неполученію денегъ?

— Тогда возвратимъ ихъ вамъ назадъ. Впрочемъ, покупка ваша такая, говорятъ, выгодная, что вы, конечно, постараетесь сохранить ее за собою.

Я поблагодарилъ старичка-казначея за разъясненіе, бросился въ гостинницу, занялъ нумеръ и призвалъ къ себѣ Егорова.

— Вотъ, братецъ ты мой, квитанція въ пріемѣ отъ меня денегъ,—началъ я робко.—А знаешь ли ты, подъ какимъ условіемъ разрѣшили продажу?

— Еще бы не знать?! Знаю,—отвѣтилъ онъ, ухмыляясь.— Деньгами сквитывается вся волостная недоимка. Капиталъ, значитъ, мимо носа крестьянъ прошолъ.

— Но вѣдь и намъ легко, пожалуй, профериппилиться?

— На этотъ счетъ не безпокойтесь: опаснаго для насъ человѣка—писаря, я, слава Богу, еще наканунѣ рѣшенья,— какое ожидалось—я раньше пронюхалъ,— спровадилъ восвояси выдуманной мною, для нашего благополучія, внезапной, тяжкой болѣзнію его жены, о чемъ сынъ мой Панфилъ, по моему приказу, привезъ ему вѣсть, а чтобы меньше грустилъ, одинокимъ, въ

пути,—я выдалъ ему причитавшіяся деньги, да сотню накинулъ на женнное лѣченіе. Прочихъ же трехъ уполномоченныхъ, мой аблокатъ (онъ тутъ возлѣ меня обрѣтается), Панфилъ, племянникъ Ѳедоръ, да я старательно держимъ во тьмѣ и посмѣнно кружимъ по трактирамъ и накачиваемъ, какъ въ былые годы наемщиковъ — рекрутовъ, ну они, очекурѣлые, и подпишутъ купчую, благо подсобника-старшину я тоже ужъ ублатворилъ сполна и добылъ отъ него, какъ и отъ писаря, росписку въ полученіи на самомъ договорѣ съ ними; скулить ему и не повадно. Нате договоръ съ росписками.

— Ладно, ладно,—отозвался я, посмотрѣлъ росписки и положилъ ихъ въ карманъ.— А будетъ ли купчая законная безъ подписи четвертаго уполномоченнаго? Это необходимо заблавременно дознаться.

— Я ужъ дознался—вполнѣ законная: писаря присутствіе исключило изъ уполномоченныхъ, какъ служащаго и не мѣстнаго крестьянина. По переданному мною нотаріусу разрѣшительному журналу присутствія онъ, нотаріусъ, все уже приготовилъ и ждетъ только квитанцію и всѣхъ насъ. Къ цифрѣ, какая слѣдуетъ нотаріусу за купчую по таксѣ, я обѣщалъ накинуть пару сотенъ, чтобы перья не скрипѣли.

— Ты, Антонычъ, какъ я вижу, дока, право, дока.

— Натерся помаленьку и смѣкаю, что пальца въ чужой ротъ класть нельзя: откуситъ. Нужные свидѣтели тоже ужъ припасены. По канцеляріямъ я также порядочно разсорилъ, а мой аблокатъ равно заслужилъ воздаянія.

— За все разсчитаюсь безъ спора, а тебя озолочу.

— Золото нонѣ, говорятъ, дорого, я и бумажками предоволенъ буду.

Въ сумеркахъ всѣ мы сошлись къ нотаріусу. Онъ разсадилъ насъ вокругъ стола, громко прочелъ на мое имя купчую и велѣлъ намъ ее подписывать. Началъ я, за мною продолжали уполномоченные, а кончили свидѣтели. Наступила минута развязки.

— Таперя пожалуйте намъ деньги,—заговорилъ непричастный староста Прокофьевъ,—намъ пора ужъ домой.

— Вѣстимо, деньги выкладывайте намъ,—поддержалъ причастный староста Борисовъ.—Кончили писанье — примемся капиталы сосчитывать.

— Капиталъ вашъ въ губернскомъ казначействѣ,—ошарашилъ ихъ нотаріусъ, почему дать вамъ, мнѣ, къ сожалѣнію, нечего.

— Стало быть, мы,—молвилъ старшина Гурьевъ,—изъ казначейства получимъ капиталъ?

— Нѣ-ѣтъ, онъ зачтенъ за недоимку, числившуюся на вашей волости.

— Ка-акъ? за недоим-мку?—зарычалъ, точно звѣрь, Прокофьевъ.—Это враки, либо граб-бежъ.

— Не горячитесь и рѣзкихъ словъ не произносите, а выслушайте....

— Что слушать? Это обманъ, какъ есть обманъ,—перебилъ

Борисовъ. За нашъ лѣсъ наши деньги не намъ, а въ казначейство? Да это неслыханная оказія!...

— Безъ денегъ не домой возвращаться, а въ рѣкѣ утопиться должны мы,—вставилъ Гурьевъ.— Да это, съ нами крестная сила, что-то ужь не суразное дѣется...

— Успокойтесь и, повторяю, выслушайте. Волости, согласно ея общественному приговору, губернское крестьянское присутствіе разрѣшило продать лѣсъ подъ условіемъ, чтобы договоренная за лѣсъ сумма была внесена покупателемъ въ казначейство на погашеніе всей считавшейся на волости казенной недоимки въ 69.242 руб. Деньги эти и поступили уже въ казначейство, откуда выдана покупщику вотъ эта самая квитанція, а остальныя 758 руб. получаете вы. Вы же всѣ трое уполномочены тѣмъ же общественнымъ приговоромъ и присутствіемъ только подписать купчую крѣпость.

— Подписать—дѣло плевое, а главное—получить деньги,—перебилъ Прокофьевъ.—И подавайте намъ наши 70.000, потому намъ строго наказано привезти ихъ сполна. Намъ безъ денегъ глазъ обчеству показать нельзя... Не грабьте же насъ....

— Вы исполнили данное вамъ порученіе — подписали купчую, а вмѣсто денегъ возьмите вы, г. старшина, эту квитанцію и передайте ее вашему волостному обществу.

— Нѣ-ѣтъ, извините, я квитанцію не возьму,—отрекался Гурьевъ.—Я одинъ отдуваться не желаю: меня со свѣта сживутъ....

— Зачесть деньги за недоимку распорядилось прямое, по закону, ваше начальство—присутствіе, противъ котораго вашъ волостной сходъ не смѣетъ возражать, слѣдовательно, къ вамъ онъ тѣмъ болѣе никакой претензіи предъявлять не можетъ.

— Какъ же обчеству не претендовать на насъ,—вопилъ Борисовъ коли вмѣсто огромаднаго капитала, котораго всѣ ждутъ, какъ манны небесной, — мы имъ подадимъ квитанцію, — никому не нужный лоскутокъ бумаги? Это, какъ угодно, подвохъ: ежелибъ обчеству заранѣе объявили про зачетъ,—оно бы лѣса продавать не стало.

—Извѣстно подвохъ,—подтверждалъ Гурьевъ.—Насъ слали не за квитанціей, а за деньгами, мы ихъ и обязаны представить обчеству.

Собственно за квитанціей обчество послало бы не насъ, самыхъ почетныхъ и надежныхъ людей, а десятскаго,—толковалъ Прокофьевъ.— Безъ денегъ мы отсюда не уйдемъ: тутъ съ нами денной грабежъ, разбой сотворили....

— Я вамъ прочитаю всю бумагу присутствія и квитанцію отъ перваго до послѣдняго слова, и вы убѣдитесь, что я говорю вамъ правду. Кромѣ того я выдамъ вамъ копію съ бумаги и подлинную квитанцію, для вашего оправданія передъ обществомъ.

— Для насъ, безъ денегъ, нѣтъ оправданія,—настаивалъ Прокофьевъ.—Вы насъ разоряете, позорите и грабите, точно разбойники, съ кистенемъ на большой дорогѣ.

— Я вынужденъ буду послать за полиціею, чтобы она васъ

убѣдила, или составила протоколъ и запрятала, за ваши слова, подъ арестъ до суда: вы меня оскорбляете какъ должностное лицо, во время исполненія мною служебныхъ моихъ обязанностей.

— Насъ обобрали какъ липку,— голосилъ Борисовъ,—и насъ же подъ арестъ, въ судъ, ну, валяйте, дерите съ одного вола семь шкуръ...

— Зовите, зовите полицію,— бѣсновался Прокофьевъ,—пусть она насъ забираетъ, сажаетъ, но разсудитъ съ этимъ вонъ пьяницей, купцомъ...

— Не смѣйте, въ моемъ присутствіи, оскорблять его, человѣка почтеннаго, не то худо вамъ будетъ...

— Почт-теннаго? Да онъ многихъ уже по міру пустилъ своими плутнями, сироту обезчестилъ, выдалъ замужъ за своего брата и обоихъ погубилъ; устроилъ богадѣльню и отдалъ ее въ кабалу своей милой; начальство даже обманулъ, а теперь до насъ, мошенникъ, добрался, вотъ каковъ этотъ, по-вашему, — почтенный человѣкъ, а по-нашему — кровопійца окаянный....

Опасаясь разстроить дѣло вмѣшательствомъ, я, будто бы ничего не слыхалъ, тихонько удалился въ другую комнату и оттуда слушалъ, какъ уполномоченные продолжали настаивать на выдачѣ имъ денегъ, покамѣстъ аблокатъ привелъ квартальнаго съ будочниками.

— Ваше благородье, будьте отцомъ роднымъ, заставьте отдать намъ деньги.—взмолились всѣ трое, упавъ передъ квартальнымъ въ ноги. - Безъ денегъ намъ въ воду, либо въ петлю лѣзть приходится: насъ безъ ножа зарѣзали.

— Встаньте и помолчите, пока я узнаю, въ чемъ дѣло,—строго приказалъ онъ имъ.— Обижены, повѣрьте мнѣ, не будете.

Онъ обратился къ нотаріусу, который разложилъ передъ нимъ всѣ бумаги, и онъ внимательно ихъ прочелъ.

— Всѣхъ денегъ вамъ дѣйствительно не слѣдуетъ, — объявилъ онъ имъ. — Совершенно напрасно вы тутъ спорите и шумите.

— Коли такъ, - заговорилъ Прокофьевъ,—мы, извините, ваше бл̂ародіе, къ самому губернатору жаловаться пойдемъ, сичасъ идемъ.

— Да онъ первый, какъ предсѣдатель присутствія, подписалъ журналъ о продажѣ вашего лѣса и объ обращеніи вырученныхъ за него денегъ на покрытіе недоимки, считавшейся за волостью,— вразумлялъ ихъ квартальный,—а ему жаловаться на него же самаго, поймите, нельзя: онъ надъ собою не судья и не воленъ отмѣнить того, что постановило все присутствіе, во главѣ съ нимъ самимъ.

— Волость продавала лѣсъ нашему же мужику Егорову, а не питерскому вонъ купцу, мазурѣ,—возразилъ Прокофьевъ;—по какому же случаю онъ очутился покупателемъ?

— Очень просто: Егоровъ переуступилъ ему свое право, онъ и купилъ лѣсъ на законномъ основаніи.

— Волость уполномочила подписать купчую четверыхъ, а

насъ здѣсь только трое,—продолжалъ Прокофьевъ,—писаря же, нашего бумажнаго человѣка, нарочно, думаю, анафемы эти услали, чтобъ легче насъ надуть.

— Въ журналѣ присутствія поименованы только вы трое: писарь не общественникъ, не можетъ быть, по закону, какъ оговорено въ журналѣ, уполномоченнымъ того самаго сельскаго общества, которому служитъ за жалованье. Вообще все дѣло сдѣлано совершенно правильно и, если вы станете дольше буянить,— очутитесь подъ арестомъ и отправитесь домой по этапу...

— Боже сохрани насъ отъ такой напасти,—произнесъ Гурьевъ. Коли можете, ваше бродье, вмѣстѣ съ копіею съ журнала присутствія и квитанціей, дать намъ, отъ себя, еще записку, что все, какъ сказали, сдѣлано правильно, мы, видитъ Богъ, больше перечить не станемъ

— Не только я, но и г. нотаріусъ вмѣстѣ письменно это удостовѣримъ, при васъ же положимъ копія съ журнала присутствія, купчей крѣпости, подлинную квитанцію, ваше удостовѣреніе и остальныя деньги въ конвертъ, запечатаемъ его казенною печатью, надпишемъ вашему волостному сходу, которому и передадите этотъ конвертъ.

— Покорно бладаримъ за это...

— Затѣмъ, ваше общество, будьте вполнѣ увѣрены, рѣшительно ни въ чемъ обвинять васъ не станетъ, да еслибъ и захотѣло,—положительно не можетъ. Поѣзжайте спокойно домой. Дорожное ваше содержаніе приметъ, надѣюсь, на себя покупщикъ вашего лѣса.

Уполномоченные молча поклонились квартальному въ поясъ. Нѣкоторое время спустя имъ вручили запечатанный конвертъ со всѣми обѣщанными бумагами, деньгами и, чтобы мужики, по своей дурости, не затѣяли новой кляузы, — аблокатъ съ Панфиломъ Егоровымъ прямо съ крыльца нотаріуса повезли ихъ, какъ бы попутчиковъ, на родину на мой же счетъ, согласно предложенію квартальнаго.

XXI.

Блаполучно спровадивъ дараковъ, мы спрыснули покупку, наняли десятокъ бродячихъ атлетовъ, снарядили ихъ въ лѣсническую форму, снабдили охотничьими ружьями, ножами, свистками и нагайками, да подъ командою племянника Егорова, трехсаженнаго безсрочнаго ундера, отправили стеречь лѣсъ отъ хищныхъ звѣрей, въ человѣческомъ образѣ. Наконецъ я выдалъ Егорову довѣренность на разработку лѣса, да денегъ на расходы, и мы разъѣхались: онъ — въ Москву, а я въ Питеръ, оба за инструментами и снарядами для рубки, свалки и пилки бревенъ, да искать выгодныхъ оптовыхъ покупателей лѣснаго матерьяла. И я и онъ живо все нашли, переправили въ рощу и сами вернулись туда распорядиться началомъ новой для меня коммерціи.

Тѣмъ временемъ тамъ уже происходили мелкія и крупныя стычки лѣсниковъ съ крестьянами, являвшимися одиночками и

компаніями за дровами, бытто лѣсъ былъ еще ихній, а не мой. Лѣсники, которыхъ ундеръ хорошо кормилъ и поилъ водкой, но держалъ въ строгости, точно борзыя собаки, ловко гонялись за порубщиками, ловили ихъ, лупили нагайками и отнимали у нихъ дрова и топоры, а когда они сопротивлялись,—стрѣльбой изгоняли ихъ изъ лѣса, задерживали, до выкупа, ихъ лошадей, вообще наводили на нихъ паническій страхъ. Въ пылу ярости противъ лѣсниковъ, мужики пытались, правда, даже поджигать лѣсъ, но лѣсники во-время настигали ихъ и лупсовали за это до полусмерти. Отъ безсильной злобы, они и стакнулись не наниматься на мою лѣсную работу и подговорили на это и другія волости почти всего нашего уѣзда, полагая, вѣроятно, что безъ нихъ я и отъ лѣса отступлюсь, но дураки въ этомъ ошиблись: Егоровъ досталъ партію рабочихъ въ 70 человѣкъ изъ другаго совсѣмъ уѣзда. И вотъ покамѣстъ Егоровъ гонялся за рабочими, я десятеро сутокъ пробылъ въ лѣсу: боялся ѣхать въ свою деревню (за 10 верстъ). Тамъ, по разсказамъ ундера и письмамъ ко мнѣ прикащика и Маѳы, мужики, прознавъ, что деньги за лѣсъ зачтены за недоимку,—въ азартѣ расколотили старшину и старостъ—своихъ бывшихъ уполномоченныхъ, да угрожали подпалить мои и богадѣльническіе дома. Писарь успѣлъ выписать становаго, онъ—исправника и посредника, за обиду старшины и старостъ перепороли десятокъ сорванцевъ и тѣмъ только спасли дома, а мужики хоть наружно и стихли, промежъ себя сулились укокошить меня; лѣзть же на рожонъ я, разумѣется, остерегался, ну и спасался, по неволѣ, въ лѣсу, точно схимникъ.

Какъ только прибыли рабочіе, мы распредѣлили, кому изъ нихъ что дѣлать, и по лѣсу, на разстояніи десятка верстъ, разомъ, застучали топоры, съ трескомъ повалились столѣтнія деревья, пилы заскрипѣли по нимъ, а они, какъ бы отъ боли, застонали... Птицы и тѣ отъ шума и гула, которыхъ раньше никогда не слыхивали, всполошились, покинули свои гнѣзда и стаями полетѣли, по поднебесью, искать спокоя. Любо было мнѣ глядѣть, какъ работа закипѣла: въ разныхъ мѣстахъ строили караулки для лѣсниковъ, легкія избенки для рабочихъ, навѣсы для бревенъ и досокъ, да орудовали штабели дровъ, а среди всего вдали видѣлся мнѣ большой, пріятный барышъ...

Наладивъ дѣло, я надумалъ побывать хоть въ селѣ, т. е. нашей столицѣ, но, чтобы безопасно туда попасть, я сдѣлалъ крюкъ верстъ въ 60, прибылъ, позднимъ вечеромъ въ свою лавку, обревизировалъ прикащика и велѣлъ ему разсказать мнѣ откровенно все, что слышалъ онъ про купленный мною лѣсъ.

— Вы, по словамъ всѣхъ, надули крестьянъ,—робко отвѣтилъ онъ.—Всѣ, напр., утверждаютъ, что если бы вы не напросились заплатить недоимку—лѣсъ бы вамъ не достался такъ дешево.

— Положимъ, „на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“, и потому зѣваютъ одни только глупцы, а мы съ тобой не изъ нихъ,—кольнулъ я его,—но я про недоимку узналъ только послѣ взноса денегъ и самъ даже боялся, какъ бы онѣ не пропали въ казнѣ.

— Напротивъ, всѣ единогласно говорятъ, что именно вы надоумили присутствіе обратить деньги въ казну.

— Врутъ, дараки. Впрочемъ, наплевать на ихнія враки.

— Мужики ищутъ адвоката, чтобы васъ притянулъ къ суду за обманъ и стачку со старшиной и старостами, которые уже отказались отъ должностей и ихъ замѣнили новыми.

— Шишь возьмутъ они съ насъ.

— Тѣмъ лучше. Однако одинъ адвокатъ берется взыскать съ васъ 7.000 руб., разницу между номинальною и курсовою цѣнами билетовъ, которыми вы заплатили, по его разсужденію, не 70, а 63.000. Ваши супротивники и мнѣ тутъ угрожали разнести лавку, но полиція, спасибо ей, заступилась и разогнала буяновъ, а ихъ и теперь еще много здѣсь бродитъ во главѣ съ коноводами, драными. Смѣю предостеречь васъ долго тутъ не заживаться: не ровенъ часъ... ежели встрѣтитесь съ ними — они навѣрное нападутъ на васъ, потому больно ужъ разсвирѣпѣли, особливо получившіе поронцу...

— Пустяки: волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить, а коли ты такъ трусишь за меня, я, такъ и быть, завтра уѣду.

Вдругъ до нашего слуха донеслись съ улицы: сперва—говоръ, потомъ—шумъ, наконецъ — стукъ въ дверь. Мы стихли. Стукъ усилился. Двери и ставни лавки были двойныя желѣзныя, а запоры несокрушимые, стало быть, боятся, казалось бы, нечего.

— Отвори, - кричали голоса,- не то хуже будетъ: краснымъ пѣтухомъ угостимъ. Дай намъ расправиться съ кровопійцей...

— Кого вамъ надо, что орете?—спросилъ прикащикъ чрезъ маленькую форточку съ желѣзной рѣшеткой.

— Нешто не знаешь? Твово хозяина, мошенника, намъ подавай, мы ему хоть ребра переломаемъ...

— Уходите, братцы, съ Богомъ: хозяинъ и не думалъ пріѣзжать сюда.

— Врешь: онъ здѣсь. Не отворишь двери—выломаемъ, найдемъ и убьемъ его, окаяннаго, безпремѣнно убьемъ. Эй, ребята, катай въ дверь.

— Зачнете разбойничать - стрѣлять буду въ васъ, а желѣзныя двери вы вѣдь никакими топорами не разрубите. Уходите, повторяю вамъ, лучше, не то на каторгу попадете, да и напрасно: хозяина, клянусь вамъ, нѣтъ.

— Вал-ляй, ребята, поколь ночь... растерзаемъ его, душегубца...

И они принялись ломиться въ дверь и желѣзныя же ворота. Прикащикъ дважды стрѣльнулъ въ воздухъ, и они было опѣшили, но потомъ съ удвоенною силою стали рубить оконныя рамы и заборъ. Страхъ обуялъ мной. Я велѣлъ двумъ молодцамъ запречь скорѣй, въ бѣговыя дрожки, иноходца, который бѣгалъ, какъ птица, положилъ заряженую семистволку за пазуху и чрезъ заднія ворота и огородъ выѣхали мы въ потьмахъ шагомъ: молодецъ—верхомъ за полиціей, а я съ другимъ въ дрожкахъ—окружилъ улицу, увидѣлъ противъ своей лавки десятка два человѣческихъ фигуръ, осаждавшихъ двери и ворота, и полетѣлъ прямо

на желѣзнодорожную станцію, благополучно прибылъ туда, отослалъ лошадь назадъ, а самъ съ попутнымъ поѣздомъ покатилъ въ Питеръ...

Дождаться бы полиціи, переловить разбойниковъ и посадить ихъ въ острогъ,—думалось мнѣ въ вагонѣ, но и всю-то полицію составляли: пара десятскихъ, писецъ, да становой, а бунтарей было, можетъ статься, 25 человѣкъ, такъ что же бы полиція сдѣлала? Къ тому жъ покуда бы она собралась, осатанѣлые догадались бы пробраться чрезъ огородъ, и я бы влопался. Правда, живой въ руки бы я имъ не дался, а застрѣлилъ бы нѣсколькихъ, но и мнѣ бы, разумѣется, не сдобровать.—рѣшилъ я про себя, перекрестился, растянулся на диванѣ и захрапѣлъ богатырскимъ сномъ...

Въ Питерѣ я отыскалъ прогорѣвшаго лѣсопромышленника, здоровеннаго мужика, послалъ его съ прикащикомъ въ лѣсъ помогать Егорову, подглядывать за нимъ и съ наказомъ ему нанять еще хоть десять лѣсниковъ, но крестьянамъ ни даромъ, ни даже за деньги и прутышка не давать, а прикащику поручилъ кассирствовать тамъ и еженедѣльно присылать мнѣ обо всемъ отчетъ. Гонцы и заѣздили ко мнѣ и отъ меня. Въ короткое время ухлопалъ я на помѣщеніе и содержаніе служащихъ, машины, топоры, лѣсопильню и проч. цѣлую уйму денегъ, и всю зиму денно и нощно терзался сомнѣніемъ: въ прокъ ли онѣ или? Поживиться чужимъ всякому охота; заглазно слѣдить за ходомъ новаго для меня дѣла было рисковано, а самому ѣхать въ лѣсъ легко было нарваться на супротивниковъ. Даже Марѳа не смогла привлечь меня къ себѣ, а сама наѣзжала ко мнѣ нѣсколько разъ со своими свѣдѣніями о моихъ дѣлахъ. Въ свою очередь заправила сельскаго общества усердно слали ко всему, кажется, свѣтскому и духовному начальству, свои жалобы, наполненныя всякими небылицами, противъ которыхъ аблокатъ Егорова отписывался на разные лады и тянулъ съ меня за эту работу денежки. Супротивники получали отвсюду отказы, потому естественно, что дѣло было сдѣлано безъ всякаго промаха, и они, видя, какъ имъ натягивали носъ,—понемножку стали угомоняться.

Вскрылись рѣки, и я не стерпѣлъ—тайно пробрался въ лѣсъ, вникъ во всю суть операціи, увеличилъ число рабочихъ до 350 человѣкъ и лошадей до 150 въ день, собралъ кладчиковъ, плотовщиковъ и лоцмановъ для сплава лѣса, проваландался почти три мѣсяца въ лѣсу, питался, вмѣстѣ съ рабочими, всякою дрянью, не досыпалъ ночей и съ семистволкой ни на секунду не разставался... За то продалъ я только три четверти рощи за 285.000 руб., изъ которыхъ набиралось чистаго барыша до 150.000, а за такой кушъ стоило, извѣстно, хлопотать и волноваться.

Мужики, увѣрившись, что нельзя: ни прать противъ рожна, ни поживиться изъ моей рощи, прекратили свое гордыбачество, и склонивши выю—прислали ко мнѣ въ лѣсъ депутацію изъ 10 человѣкъ. Я принялъ ее въ красной рубашкѣ, сидя на пнѣ, съ семистволкой въ рукѣ и окруженный вооруженными лѣсни-

ками и ихъ начальникомъ — ундеромъ сбоку, точно Ермакъ Тимоѳеичъ, покоритель Сибири, сокрушилъ я мужицкую гордыню.

— Ну-съ, съ чѣмъ вы, оглашенные, явились ко мнѣ?—спросилъ я ихъ.—Заставить ли меня отъ лѣса отречься, или милости просить?

— Милости, батюшка, милости, Вавило Федулычъ, дай ты намъ,—заговорилъ одинъ.—Не терзай ты насъ, не разумныхъ, ради Христа...

— Когда всѣ ваши козни противъ меня пропали ни за понюшку табаку, тогда вы мириться надумали? Нѣ-ѣтъ-съ, не я васъ, а вы меня поносили, и я вамъ прощать не намѣренъ, вотъ и весь сказъ.

— Мы думали, по своей глупости, что мы правы, ну и жаловались, а таперя просимъ забыть обиду и смиловаться... намъ безъ топлива жить нельзя...

— Одначе живете же и безъ топлива не обходитесь...

— Почитай за 60 верстъ приходится за нимъ ѣздить, а это и тяжело и убыточно.

— Чего же вы отъ меня добиваетесь?

— Позволь намъ въ твоемъ лѣсу хоть только сбирать стружки, хворостъ, обрубки и выкорчовывать пни? Будь милостивъ, пожалѣй насъ, бѣдныхъ, хоть въ память твоихъ родителей, благо они тоже въ нуждѣ мыкались.

— Умную рѣчь—пріятно слышать. Родительская память мнѣ дорога, потому берите, братцы, даромъ не токма хворостъ, обрубки, но и валежникъ для всѣхъ деревень вашей волости, а моимъ односельчанамъ за то, что не сожгли домовъ моего и богадѣльни—дарю на каждую избу по сажени пиленыхъ мелкихъ дровъ. Довольно съ васъ?

— Премного благодарны и постараемся заслужить тебѣ по силѣ возможности.

Депутаты низко мнѣ кланялись.

— Все, что я сказалъ—исполнить,—велѣлъ я ундеру,—а вы, земляки, передайте мои слова по всей волости, и пусть кто хочетъ съ завтрашняго же дня запасается топливомъ. Прощайте.

Депутаты удалились, а чрезъ недѣлю ко мнѣ явилась другая, отъ нашего только села, депутація изъ стариковъ.

— Просимъ тебя, Вавило Федулычъ,—заговорилъ одинъ—переложить гнѣвъ на милость—пріѣхать отдохнуть отъ трудовъ праведныхъ въ свой домъ, по-прежнему пожить среди насъ.

— Не въ капканъ ли, почтенные, думаете меня заманить?

— Боже насъ упаси! На все прошлое мы уже поставили крестъ, а впредь желаемъ: себѣ—спокоя, а тебѣ — повальяжничать, какъ бывало, авось подобрѣешь и къ намъ.

Я вспомнилъ, что давно уже не сиживалъ на пружинномъ диванѣ, не леживалъ на пуховикѣ, не ѣдалъ и не пивалъ вкусно, не слушалъ звучныхъ дѣвичьихъ пѣсенъ, не видалъ ни чьего за мной ухаживанья, ну, а какъ всего этого я

жаждалъ, то и рѣшился вдосталь задобрить всѣхъ, чтобъ потомъ не остерегаться.

— Коль скоро вы, почтенные люди, заботитесь обо мнѣ, то и я не хочу оставаться неблагодарнымъ, а прошу васъ объявить отъ меня домохозяевамъ, что кому понадобятся на постройки, или пристройки бревна, либо доски на сараи — всякій воленъ просить и получить ихъ отъ меня даромъ. Пріѣхать я готовъ, ежели меня не станутъ тревожить глупыми рѣчами, кляузами и какими-либо скандалами.

— Не сумлѣвайся: никто, ей-ей, не шелохнется, а коли пожелаешь — караулъ вокругъ твово дома поставимъ. Мы всѣмъ обчествомъ зарокъ дали прикончить всѣ каверзы, какія были и только навредили намъ же по горло. Истину говорю.

Я отпустилъ депутацію и послалъ слѣдомъ за нею молодца развѣдать: какое тамъ было обо мнѣ настроеніе. Онъ донесъ мнѣ, что старики говорили мнѣ правду. Тогда я съ ундеромъ и пяткомъ лѣсниковъ всѣ, изъ предосторожности, вооруженные, точно командеръ со свитой, во время похода по непріятельской землѣ, поскакалъ, верхами, во-свояси. Мы въѣхали въ деревню въ сумеркахъ, мало кѣмъ замѣченные. Я распорядился размѣстить въ нижнемъ этажѣ подо мной моихъ тѣлохранителей, хорошенько ихъ кормить и поить водкой, обошелъ всѣ свои владѣнія, нашелъ вездѣ все въ порядкѣ, поднялся въ верхній этажъ въ свою квартеру и на ея порогѣ наткнулся на разряженную, румяную, пухлую и веселую Мароу.

— Добро пожаловать, господинъ хозяинъ,—начала она, кланяясь мнѣ въ поясъ и ухмыляясь.—Возгордились ли вы, именитый купецъ, что перестали сюда заворачивать, аль прогнѣвались на насъ, сиротинушекъ?...

— Не балагурь по-пустому, а приготовь ужинъ: соловья баснями не кормятъ.

— Ахъ, виновата: мнѣ и не въ домекъ, что вы голодны. Здоровы ли вы, орелъ сизокрылый?

— Для чего ты, голубушка, шелковое платье на себя напялила, когда сегодня будни?

— Мнѣ мнилось франтихой лучше тебѣ понравиться. Живучи съ мужичьемъ въ постоянномъ страхѣ, по милости твоей алчности, у меня одна отрада — наряды, но ты и ихъ усчитываешь, а норовишь все копить, чтобъ потомъ сразу чорта купить.

— Развѣ я для тебя жалѣю денегъ?

— Да кабы ты жалѣлъ, я бы, думаешь, оставалась твоей цѣпной собакой? Нѣ-ѣтъ!.. За то, что я тутъ постоянно на-сторожѣ, отъ всѣхъ терплю, со всѣми хитрю, да фискалю тебѣ для твоей выгоды,—ты озолотить меня долженъ.

— И озолачиваю на столько, на сколько стоишь; въ шелку же ходятъ буднями однѣ только важныя барыни.

— Будь бы я барыней, — я бы не стала валандаться съ тобой, мужикомъ.

— Ты никакъ ругаться начинаешь?

— Задѣваешь, такъ спуску не даю: вѣдь я и тебѣ и себѣ хорошо знаю цѣну. Кто, напр., подбилъ стариковъ идти тебѣ кланяться? Я, я! Ежели бъ я не постаралась—ты бы долго еще не смѣлъ сюда носа показать, и, признайся, — подѣломъ: ты ограбилъ всю волость, а грабителямъ мѣсто въ острогѣ.

— Перестань глупости говорить.

— Не глупости, а правду говорю я; но какъ я помогаю тебѣ во всѣхъ твоихъ промерзостяхъ, то я въ правѣ не токма въ шелку, но въ бархатѣ ходить, даже половину твоего достоянія получить, чтобы, въ случаѣ, когда тебя, пузатаго, кондрашка хватитъ,—не очутиться на улицѣ—нищею.

— Капиталъ, не притворяйся, у тебя ужь есть, да и еще отъ меня, разумѣется, получишь.

— Ты на посулѣ, какъ на стулѣ, ну да объ этомъ послѣ, а теперь садись, пей, ѣшь, поправься, а то въ лѣсу видимо отощалъ отъ сухоядѣнья. Хоть ты и скаредъ, а я таки жалѣю тебя. Около меня ватага молодцовъ вьется, —вотъ что ты помни.

— Полно трещать, а потчуй.

— Хлѣбъ-соль на столѣ, а руки у тебя свои, — ими и дѣйствуй.

Послѣ вкуснаго ужина и изрядной выпивки, я осмотрѣлъ всѣ запоры, забрался на перину и заснулъ богатырскимъ сномъ, а утромъ всталъ довольный, веселый. Явились старики и проздравили меня съ пріѣздомъ. Я облобызался съ ними, напоилъ ихъ чаемъ и далъ имъ по трешницѣ на гостинцы внучатамъ, а потомъ устроилъ, рублей на полтораста, угощенье для всѣхъ обывателей, и миръ водворился между мною и ними: изъ нашего народа, по его глупости и добродушію, за выпивку легко, умѣючи, и веревки вить...

XXII.

Слухи и безъименныя записки, что Егоровъ и оба старшіе мои приказчика (въ Питерѣ и въ Столицѣ) ловко меня облапошивали, давно уже доходили до меня, но я все стѣснялся прижать ихъ, доколь мужики враждовали противъ меня. Когда же они, за подачки, примирились со мной и сами вызвались охранять остатокъ моего лѣса,—я рѣшился наказать своихъ озорныхъ подручныхъ. Объ обворовываньи меня тройкою этихъ скотовъ и Марѳа мнѣ нашептывала, а сама упорно домогалась отъ меня капитала, то ласкою, то угрозою попеременно. И вотъ я свезъ Марѳу въ городъ, дознался тамъ отъ нотаріуса, что духовныхъ завѣщаній можно составлять сколько угодно и писать въ нихъ тоже, что угодно, да попросилъ его сочинить мнѣ духовную, по которой отказывалъ: Марѳѣ—полтораста тысячъ; на богадѣльню—сто тысячъ; на деревенскую церковь и причту—пятьдесятъ; деревенскому обществу—тамошній мой домъ и сорокъ тысячъ; приказчикамъ по десяти тысячъ; женѣ — Петербургскій домъ и т. д. Словомъ я, на бумагѣ, всѣхъ щедро наградилъ, благо на

самомъ дѣлѣ никому ровно ничего не давалъ, а между тѣмъ начиная съ нотаріуса пустилъ всѣмъ пыль въ глаза своимъ богатствомъ. Марѳа съ духовною укатила во-свояси разносить, какъ сорока на хвостѣ, пріятныя вѣсти по деревнѣ. Тамошніе обыватели и причтъ, какъ и она, обрадовались своему будущему наслѣдству и вдостоль примирились со мной, а это мнѣ годилось на будущее время. Прослышалъ я объ этомъ въ Столицѣ, гдѣ провѣрялъ свою торговлю и старшій мой приказчикъ находился въ страхѣ предо мной. Я пошелъ къ тамошнему нотаріусу и допросилъ его, по секрету, сочинить, вмѣсто перваго, другое завѣщаніе, а по немъ отказалъ этому самому вору-приказчику сто тысячъ, а прочимъ по меньшей суммѣ; Марѳу же и не помянулъ въ наслѣдницахъ, въ наказаніе за ея алчность къ деньгамъ и хвастовство.

— Не воруй ты, Потапычъ, не грѣши напрасно,- сказалъ я прикащику.—Умру — и ты все равно богатъ будешь: вотъ читай по духовной твоя строчка: «Прикащику Филату Григорьеву сто тысячъ за старательную службу».

Клянусь вамъ истиннымъ Богомъ и копѣйки больше не трону,—зарекался онъ.—Благодѣтель мой, позвольте вамъ въ ноги поклониться за ваше попеченіе обо мнѣ.

— А много ли, признайся по совѣсти, ты напряталъ за 8-мь лѣтъ? Назадъ, честное слово, не потребую: вѣдь что съ воза упало, то пропало, да и прикащики вездѣ испоконъ вѣка наживались на счетъ хозяевъ.

— Простите: тысячъ пятнадцать имѣю...

Слушавши его рѣчь, я пристально вглядывался въ его рожу и по его глазамъ угадывалъ, что навѣрно половину капитала скрылъ. Однако подумавши, какимъ бы это манеромъ вытянуть отъ него капиталъ, я вдругъ вспомнилъ, что иные шарамыжные купчишки для кредита зачали устраивать торговыя компаніи, и сразу рѣшилъ одурачить его.

— Я, братецъ ты мой, задумалъ обратить свою торговлю въ торговый домъ и сдѣлать тебя и Семенова (главнаго Питерскаго прикащика) своими компіонами,—ласково продолжалъ я.—Вѣдь я уже старъ, дѣтьми Богъ меня не благословилъ и трудиться мнѣ не для кого, а вы оба молоды и имѣете дѣтей, стало быть, вамъ надо стараться, да и меня, какъ умру, добромъ помянете. Вы оба и вложите въ дѣло по тридцати только тысячъ, торговать станете, какъ хозева, а барыши будемъ дѣлить поровну на всѣхъ троихъ.

— Мы, Вавило Федулычъ, люди маленькіе и внести за пай по тридцати тысячъ намъ, божусь вамъ, не въ моготу.

— Понажмитесь, призаймите, а потомъ отдадите, понемногу, изъ барышей: они у насъ, чай знаешь, презрядные. Мнѣ охота въ люди вывести васъ за вашу вѣрную мнѣ службу. Сколько капитала у Ефремыча тебѣ, конечно, тоже извѣстно?

— Тысячъ, помнится, говорилъ онъ, двадцать скопилъ: у него больше, чѣмъ у меня, операцій, и онъ дольше служитъ при васъ.

— Такъ спишись съ нимъ и потомъ приступимъ къ дѣлу, для вашей же пользы. А про завѣщаніе смотри ни гу-гу: это секретъ рѣшительно отъ всѣхъ.

— Слушаюсь. Ваша воля для меня законъ.

Изъ Столицы я завернулъ,—по пути въ лѣсъ,—къ Егорову въ деревню. Ни его, ни его домашнихъ я не засталъ и на просторѣ осмотрѣлъ безпрепятственно, противъ его старой избы, огромный 2-хъ этажный чудесный новенькій домъ, съ сараями, конюшнями, кладовыми и амбарами; въ 15-ти комнатахъ прекрасную мебель, посуду и всякую утварь, а во дворѣ насчиталъ 8-мь холмогорскихъ коровъ, полсотню овецъ; три десятка свиней, множество куръ, гусей и проч. хозяйства. На всю эту барскую усадьбу Егоровъ, какъ я догадался, огрѣлъ меня, такъ какъ до нашей операціи онъ жилъ бѣдненько. Пріѣхавши въ свою лѣсную избу, я сперва—послалъ Егоровскаго племянника—ундера съ порученіемъ верстъ за полсотню, потомъ двухъ лѣсниковъ засадилъ въ задней половинѣ избы прислушиваться къ моему зову, затѣмъ—позвалъ къ себѣ Егорова со всѣми нашими дѣлами и, наконецъ,—поставилъ столъ противъ топившейся русской печки, чтобы, дескать, теплѣе было заниматься. Явился ко мнѣ Егоровъ. Посчитали мы по его путанной книгѣ приходы и расходы.

— Дай-ка довѣренность посмотрѣть, что въ ней про веденіе книги сказано?

Онъ подалъ мнѣ ее, я почиталъ, вложилъ въ книгу и закрылъ ее.

— Какъ же, братецъ, мы разочкемся, коли въ твоей книгѣ самъ лѣшій ногу сломитъ?

— Вы, чай, знаете, что я плохой булгахтеръ, да и мнѣ въ пору было только распоряжаться, ну писанье, естественно, и пострад-дало...

— Булгахтеръ ты точно плохой, а домъ со всякими службами втайнѣ отъ меня, но изъ моего лѣса, съумѣлъ построить чудесный.

— Жалѣете бревна — вычтите стоимость ихъ изъ денегъ, какія мнѣ причитаются съ васъ по нашему договору.

— Договоръ-то былъ, помнится мнѣ, домашній, но я забылъ его содержаніе и даже гдѣ онъ.

— Онъ у меня. По немъ я долженъ получить двадцать пять тысячъ, а забралъ всего-то три съ половиной. Вотъ посмотрите.

— Такъ ты считаешь за мной двадцать одну съ половиною тысячъ? Ого-го-го... Покаж-жи, какъ это прописано?

Я взялъ у него изъ рукъ договоръ, прочелъ его, сунулъ въ ту же книгу, а ее со всего размаху пустилъ въ печь. Она мигомъ запылала и обратилась въ пепелъ.

— Что вы сдѣлали?—крикнулъ очумѣлый Егоровъ.—Вы меня зарѣз-зали... погуб-били...

— Нѣ-ѣтъ, я только сжогъ твои двадцать пять тысячъ, а теперь поговор-римъ...

— Это разб-бой... я... я васъ убью, — крикнулъ онъ; право, убью.

— А семистволка-то на что?—напомнилъ я ему, выхвативъ ее изъ стола. Шевельнись—и костьми ляжешь. На накраденныя у меня деньги и лѣсъ ты, братъ, славно обставился, и довольно съ тебя.

— Я въ судъ на васъ подамъ.

— Безъ договора и книги судъ ничего тебѣ не присудитъ, а какъ я подамъ, что ты на постройки лѣсъ мой укралъ — судъ тебя навѣрно покараетъ: ты построекъ вѣдь не сожжешь, какъ я сжогъ книгу и договоръ, а кража, самъ знаешь, острогомъ пахнетъ.

— Стало быть, я даромъ на васъ батрачилъ? Гдѣ же ваша совѣсть?

— Тамъ же, гдѣ твоя обрѣтается. Для дѣла ты больше мнѣ не нуженъ, а затѣешь со мной судьбище,—я, вѣрь моему слову, упрячу тебя въ острогъ.

— Тогда и сами тамъ же очутитесь: я раскрою, какъ подкупами и спаиваньемъ людей вы завладѣли лѣсомъ.

— И подкупалъ и спаивалъ народъ, ежели припомнишь,—вѣдь ты, а не я, я же былъ совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ твоихъ продѣлокъ—до губернскаго присутствія, гдѣ, на законномъ основаніи, перекупилъ у тебя право на рощу. Окромя того обо всемъ этомъ крестьяне уже жаловались на меня всюду, и все-таки въ дуракахъ остались. Значитъ, и теперешняя твоя угроза мнѣ ни чуть не страшна.

— У меня же большая семья, малыя дѣти, а изъ нихъ одна—еще ваша крестница... Не обижайте хоть ребятъ, побойтесь Бога...

— Бога-то я боюсь, но воровать и для дѣтей не позволяется.

— Такъ за всѣ мои старанія вы меня ни съ чѣмъ сгоняете?

— Разойдешься со мной тихимъ манеромъ—еще три тысячи получишь, а зашумишь по судамъ—гроша мѣднаго не дамъ, да и въ острогѣ сгною тебя: и карахтера, и денегъ, и свидѣтелей у меня, помни, на все это хватитъ.

— И форсите вы надо мной только потому, что я, по простотѣ души, подалъ вамъ договоръ и не имѣю копіи съ него съ вашею подписью.

— Да, опростоволосился и терпи. Довольно, впрочемъ, намъ балясничать, а коли хочешь спокойно дома жить—пиши росписку, что разсчетъ по всей лѣсной операціи и службѣ у меня получилъ сполна, а вмѣсто нея я тебѣ дамъ моему прикащику письменный же приказъ заплатить тебѣ *три тысячи*, ежели же не хочешь на этомъ кончить—я сейчасъ ѣду къ судебному слѣдователю заявлять объ твоемъ похищеніи моего лѣса, и ты мимо своего же дома съ конвоирами пойдешь въ острогъ. Выбирай любое, но знай, что отсюда не скроешься: стража задержитъ тебя до пріѣзда слѣдователя.

— Э-э-эхм-ма...покор-ряюсь вамъ,—отозвался онъ со вздохомъ;—но я это дѣлаю только ради малыхъ своихъ ребятъ: не имѣй бы я ихъ — вы бы, клянусь, посидѣли вмѣстѣ со мной въ острогѣ. Давайте писать другъ другу росписки.

Немного погодя мы обмѣнялись росписками.

— Худой миръ все лучше ссоры,—напомнилъ я ему.—А чтобы ты не думалъ, что я объ крестницѣ не забочусь,—вотъ тебѣ на ея счастье билетъ въ пятьсотъ, а подростетъ и будетъ выходить замужъ—награжу ее приданымъ. Лошади запряжены, и ты сейчасъ же поѣзжай прямо за капиталомъ, про мой лѣсъ забудь, а меня лихомъ не поминай: пригожусь еще, можетъ статься. Прощай...

Обозленный, растерянный, онъ молча, безпрекословно мнѣ повиновался.

Дождавшись ундера и сельскаго старосту, я объявилъ: первому,—что подчиняю его послѣднему, наградилъ обоихъ по пятидесяти цѣлковыхъ, сдѣлалъ, какія нужно было, распоряженія, наказалъ имъ служить мнѣ честно и уѣхалъ въ Питеръ.

Питерскій мой главный прикащикъ Семеновъ, получивъ отъ столичнаго Григорьева письмо объ торговомъ домѣ, впалъ въ телячій восторгъ, а я, чтобы его пуще подбодрить, сдѣлалъ третье завѣщаніе, и по немъ Семенова первымъ своимъ наслѣдникомъ, тоже въ сто тысячъ и по секрету отъ всѣхъ.

Писать завѣщанія на громадныя суммы мнѣ очень полюбилось, для околпачанія алчавшихъ богатства и для авантажа: торговый людъ по всѣмъ своимъ сдѣлкамъ, которыхъ самъ писать не умѣлъ, постоянно шлялся къ нотаріусамъ, а они, для привлеченія практики, всѣмъ на ушко разсказывали о капитальномъ положеніи своихъ заказчиковъ-купцовъ.

Сочинилъ мнѣ нотаріусъ и проектъ торговаго дома, выгодный для лакомыхъ моихъ прикащиковъ, и оба облизывались, читая проектъ. Дошла рѣчь до вкладовъ, и я снизошелъ на ихъ просьбы — согласился взять ихъ въ кампіоны только съ двадцатью тысячами каждаго, а деньги велѣлъ имъ принести наличными, вечеромъ, ко мнѣ на квартеру, откуда всѣхъ на ту пору удалилъ, чтобы никто не подслушалъ нашихъ рѣчей и не видалъ ихнихъ капиталовъ. Вотъ они явились, помолились Богу и поклонились мнѣ въ ноги, въ знакъ бладарности. Я перецѣловался съ ними, посадилъ и угостилъ ихъ, архаровцовъ, виномъ и чаемъ.

— Ну, друзья,—молвилъ я;—мнѣ радостно сказать вамъ, что ваши труды я вполнѣ оцѣнилъ, а впереди вамъ придется рачительнѣе стараться для вашей уже пользы: будете такими же, какимъ былъ я, хозевами. Давайте деньги считать: я люблю этимъ заниматься, а потомъ подпишемъ.

— Извольте,—заявилъ Григорьевъ.—По-новому у насъ пойдетъ отлично.

— Повѣрьте, барышей будетъ у насъ столько, что ваша доля пожалуй и не уменьшится противъ прежняго.—прибавилъ Семеновъ. —Мы это вамъ живо докажемъ.

— Потому я съ вами и схожусь, что вы ловкіе и умные ребята, а за это я почитаю васъ, какъ бы своими сродственниками.

Мы насчитали сорокъ тысячъ, подписали проектъ, я его вмѣстѣ съ деньгами заперъ въ желѣзный сундукъ, ключъ спряталъ въ

карманъ и продолжалъ сулить имъ золотыя горы. Они таяли. Наконецъ я сталъ зѣвать.

— Завтра пойдемъ къ нотаріусу (кто сочинилъ проектъ—я, нарочно, отъ нихъ скрылъ) и все оформимъ, а теперь спать пора.

— Намъ бы росписку во взносѣ паевъ,—робко произнесъ Семеновъ.—Оно бы пріятнѣе знать...

— Что-о-о? Ты, Ефремычъ, съ меня росписку получить хочешь? Я тебя выростилъ, обучилъ торговлѣ, сдѣлалъ младшимъ, старшимъ и главнымъ прикащикомъ, постоянно тебѣ довѣрялъ получать и сдавать десятки и даже сотни тысячъ, на цѣлые мѣсяцы всю торговлю, домъ, все свое достояніе на тебя покидалъ, въ награду въ свои кампіоны тебя произвожу, а ты безъ росписки мнѣ не довѣряешь двадцати тысячъ до утра? Нешто я банкротъ, аль не хозяинъ твой? Полно, въ умѣ ли ты,—а коли въ умѣ, — то стоишь ли быть моимъ кампіономъ? Бери назадъ свои деньги и убирайся съ глазъ моихъ долой... совсѣмъ, совсѣмъ...

— Простите его, Вавило Федулычъ,—вмѣшался Григорьевъ, — простите; эти пустыя слова у него сорвались съ языка отъ выпивки.

— Извините, — сдѣлайте милость, — Вавило Федулычъ,—раскаявался Семеновъ.—Я нечаянно обмолвился.

— То-то же. Помни,—что и кому говоришь.

— Желаемъ спокойной ночи.

— И вамъ друзья, того же. Утро вечера мудренѣе.

Какъ только они ушли,—я досталъ проектъ, сжегъ его и легъ спать. На утро я завернулъ въ лавку, осторожно подобралъ довѣренности обоихъ охотниковъ до кампіонства, чековую книжку, изъ кассы деньги, не нужныя на трехдневный обычный расходъ—двѣ тысячи и наиболѣе важныя бумаги, все это заперъ въ свой шкапъ, ушелъ изъ лавки, побывалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вернулся къ запору и шепнулъ Семенову, что нотаріусъ, по крайнему недосугу,—отложилъ до завтра. Слѣдующій день я опять удачно проводилъ дураковъ за носъ, а въ Столицу телеграфировалъ младшему прикащику вступить въ полное управленіе торговлею. Терпѣніе архаровцевъ лопнуло, и оба поздно вечеромъ пробрались, по черной лѣстницѣ, черезъ потайную дверь, которую умѣли отворять, въ мою квартеру и неожиданно предстали предо мной въ кабинетѣ.

— Я васъ не звалъ,—огорошилъ я ихъ;—зачѣмъ вы пришли ночью?

— Узнать на счетъ торговаго дома,—началъ Семеновъ.—Насъ очень интересуетъ, безпокоитъ...

— Мы ночей не спали,—продолжалъ Григорьевъ,—все ждали, а вы молчите... сумлѣнье забираетъ...

— Я раздумалъ: не стоите благодѣянія.

— Такъ пожалуйте наши деньги назадъ!

— Силой милъ не будешь... Просимъ капиталы.

— Как-кіе просите вы капиталы?

— Тѣ самые, которые мы вамъ третьяго дня представили, по двадцати тысячъ каждый.

— Вы, голыши, прикащики, принесли мнѣ свои капиталы? Рехнулись вы, что-ли?

— Нѣтъ, мы въ здравомъ разсудкѣ и правду говоримъ.

— Вы много лѣтъ меня обкрадывали и составляли себѣ капиталы, а я вамъ еще по двадцати тысячъ выдамъ за это? Врете, мерз-завцы!... Вонъ...

— Отдайте деньги, и мы уйдемъ, а безъ денегъ не отстанемъ. Ругаться тоже не смѣйте: и у насъ языки есть, отругиваться станемъ.

— Вы выманили у насъ сорокъ тысячъ, мы ихъ и требуемъ назадъ.

— Мои-то деньги вы считаете своими? Нѣ-ѣтъ, не видать ихъ вамъ, какъ ушей своихъ. А коли вы сговорились меня ограбить, или убить, то и это вамъ не удастся: эй, люди, помог-гите...

— Не ор-рите понапрасну, а деньги наши под-дайте... Мы жаловаться пойдемъ...

— Воры не жалуются, а на нихъ жалуются, и я сію же минуту за полиціей пошлю. Эй, роб-бята, кар-раулъ, нападенье...

Въ комнату вбѣжало счетомъ 10-ть молодцовъ.

— Вотъ они потайнымъ ходомъ и переодѣтые, видите какъ, пробрались ко мнѣ и съ угрозою убить меня—домогаются сорока тысячъ. Задерж-жите ихъ, полицію позов-вите...

— Свои, свои требуемъ мы сорокъ тысячъ, которыя третьяго дня ему принесли на паи въ торговый домъ.

— Да статочное ли, робята, дѣло, чтобы они, крестьяне, прикащики имѣли по двадцати тысячъ и, чтобы я, богачъ-хозяинъ, бралъ въ пайщики своихъ прикащиковъ? Конечно, нѣтъ, а они просто грабить меня пришли.

— Ахъ ты подлецъ, а не хозяинъ.

— Не бранитесь, а уходите,—заступились за меня молодцы. —Прикащикамъ по двадцати тысячъ имѣть точно невозможно. Проваливайте же, пополь мы васъ не выволокли за вашу скверную затѣю... Ну же...

Молодцы стали ихъ подвигать къ двери.

— Вы, оболтусы, не толкайтесь, не то кому-нибудь въ бокъ всажу,—запугивалъ Семеновъ, выхвативъ изъ кармана стамеску, которою откупоривали, обыкновенно, ящики съ товаромъ, и потому всѣ носили ихъ съ собою по лавкѣ.—Право изувѣчу, вмѣсто этого негод-дяя, который и вамъ вѣдь заплатитъ обманомъ за ваше усердіе...

— Прочь, ослы эдакіе,—угрожалъ Григорьевъ, помахивая большимъ складнымъ ножомъ, какими срѣзывали веревки съ ящиковъ. —Ничего не смыслите, такъ и не суйтесь: онъ самъ первостатейный граб-битель...

— Оба, замѣтьте, ребята, вооруженные явились на преступленіе.

— За ночное нападеніе на хозяина мы васъ, умниковъ, скрутимъ и въ участокъ спровадимъ.

— Гоните ихъ, пожалуйста, отсюда только, а завтра въ лавку

не пускайте: они больше у меня ужъ не служатъ. Главнымъ ставлю я тебя, Парменовъ,—другихъ въ прикащики назначу, всѣхъ, братцы, за помощь награжу, а на нихъ самъ пожалуюсь.

Молодцы вытолкали обоихъ во дворъ, а тамъ еще поколотили ихъ въ отместку за обиды, какія причиняли имъ, когда властвовали надъ ними.

XXIII.

Наступилъ день. Я повысилъ трехъ молодцовъ — въ младшіе, двухъ младшихъ — въ старшіе, Парменова — въ главные прикащики, всѣмъ 22-мъ служащимъ выдалъ въ награду, за защиту меня, по пяти цѣлковыхъ и этимъ способомъ пріобрѣлъ, на случай жалобы Семенова и Григорьева, вѣрныхъ, противъ нихъ, свидѣтелей. Потомъ я объявилъ всѣмъ, что по совѣту священника рѣшился простить Семенову и Григорьеву ихъ ночной поступокъ, такъ какъ ежели о немъ заявить — они попадутъ на каторгу, а это ужасное наказаніе. Рѣшеніе мое всѣмъ тоже пондравилось. Затѣмъ я послалъ обоимъ жалованье по разсчету и наградныхъ, чтобы, какъ громко, нарочно, произнесъ, не плакались на меня, по тысячѣ цѣлковыхъ. Убѣдившись, что тягаться со мной опасно, оба получили деньги и прислали мнѣ росписки. Я спросилъ посланцевъ, что говорили имъ Григорьевъ и Семеновъ?

— Счастье наше,—сказали они,—что изъ нажитыхъ мы еще по десятку тысячъ себѣ оставили, а про наградныя прибавили: „съ паршивой собаки и клокъ шерсти годится". Думаютъ свою торговлю открыть, благо всѣ ихъ знаютъ и они умѣютъ дѣло вести.

— Ну и чортъ съ ними.

Насколько я былъ доволенъ, что ловко вырвалъ у нихъ изъ глотки лакомый кусокъ, настолько же жена моя была этимъ, напротивъ, огорчена. Мы жили, правда, вмѣстѣ, но какъ *чужіе*, и я почиталъ ее вродѣ экономки. Догадливые прикащики, куфарка, горничная и кучеръ грубили ей и даже потѣшались надъ нею. Сама она хозяйничала, ѣздила по церквамъ, на кладбище, къ разнымъ ворожеямъ, дома, досугами, какъ колдунья, все шептала что-то про себя, а на меня молча съ жестокимъ укоромъ смотрѣла во всѣ глаза. Взглядъ ея меня коробилъ, и я старался не встрѣчаться съ нею глазами.

Въ Рождество я, для отвода глазъ, вмѣстѣ съ ней съѣздилъ въ церковь, принялъ и проводилъ духовенство, а потомъ мы сѣли обѣдать.

— Хоть для годоваго праздника не гляди ты на меня звѣремъ,—замѣтилъ я ей. Ты изводишь меня своей тоскливостію.

— Рада бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ,—отозвалась она, со вздохомъ.—Тоска гложетъ меня дома и увеличивается внѣ дома, даже въ церкви. Сегодня Рождество, всѣ радуются, веселятся, а я усердно молила Бога о ниспосланіи мнѣ смерти...

— Что еще случилось?

— А то, что звѣремъ, да еще лютымъ всѣ тебя называютъ и клянутъ, страхъ, какъ клянутъ...

— А плюю я на всѣхъ.

— Напрасно: я ни въ чемъ не повинна, а и мнѣ глаза колятъ твоими каверзами. Ему, говорятъ, мало было погибели братьевъ и сестры, такъ еще ограбилъ своихъ земляковъ крестьянъ, слѣдомъ за ними ограбилъ своего компаньона по лѣсной торговлѣ Егорова, а теперь ограбилъ и своихъ бывшихъ подручныхъ Семенова и Григорьева,— вотъ что я только и слышу про тебя...

— Все это вздоръ, сплетни... Егоровъ, Семеновъ и Григорьевъ хотѣли меня обобрать, но я ихъ перехитрилъ, злость и разбираетъ ихъ.

— Всѣ они имѣютъ по охапкѣ малыхъ ребятъ, а у тебя и сродственниковъ даже никакихъ ужъ нѣтъ, но большой капиталъ есть, такъ куда ты гоношишь, для кого ты душу свою дьяволу продаешь? Два вѣка не проживешь, а одинъ ужъ доживаешь, ну и остановись, остановись, поколь еще не совсѣмъ поздно... Изъ того, что имѣешь — хватитъ, чай, и про *ту*, которую я не хочу, ради праздника, называть...

— А я тебя прошу, тоже ради праздника, прекратить эту рѣчь, чтобы намъ не поссориться. Я слышалъ въ церкви проповѣдь, а твоя мнѣ не по нутру, ты и замолчи.

— Я давно ужъ привыкла молча терпѣть отъ всѣхъ, начиная съ тебя... Я даже смерти матери позавидовала,—вотъ какова моя доля горемычная...

— Развѣ твоя мать умерла?

— Да, ровно мѣсяцъ тому назадъ, но я и объ этомъ тебѣ не сказала: ты вѣдь не любишь слышать о покойникахъ...

— Царство ей небесное, 76 лѣтъ прожила, а къ ея годамъ и мы, пожалуй, умремъ. О грѣхи, грѣх-хи...

— Вотъ объ этомъ-то и думать надо, но ты вонъ открылъ богадѣльню на 50 человѣкъ, а теперь въ ней призрѣвается всего-то 10—15 старухъ и то *сйныя* только сродственницы и землячки: остальныхъ *она* всѣхъ разогнала, а пожалованною тебѣ за нихъ и не оплаченною регаліей, ты кичишься... Ты всѣхъ обижаешь, и всѣ тебя ненавидятъ...

— А хочешь, докажу, что меня, напротивъ, уважаютъ?

— Тебя уваж-жаютъ? гм... ошиб-баешься, врешь...

— Пожелаю, и меня охотно выберутъ, чрезъ мѣсяцъ, въ старосты.

— На вороныхъ прокатятъ...

— Въ старосты выбираютъ самыхъ почтенныхъ людей и, хоть передѣлать никто меня не сможетъ, но старостой я буду, а тогда примусь грѣхи замаливать.

— О, кабы ты остепенился, я бы ежедневно молебны служила, по цѣлымъ обѣднямъ на колѣняхъ стояла, все, что могу— нищимъ бы раздавала, сирыхъ бы призрѣла, покой бы душѣ нашла...

— Попаду въ старосты, всѣ будутъ тебѣ низко кланяться, вотъ и успокоишься.

— Всѣ фальшивые поклоны противны мнѣ: я истомилась, все нутро во мнѣ изболѣло отъ твоего зазорнаго поведенія.

Въ комнату вошолъ Ванюшка, котораго я принялъ изъ пріюта. Онъ, круглая сирота и ласковый, былъ жениннымъ любимцемъ.

— Какая это у тебя, Ванюшка, книга въ рукѣ,—освѣдомился я,—чтобъ прервать женино нытье.

— Стихотворенія Некрасова,—отвѣтилъ онъ.—Очень занятная книга.

— Почитай-ка, а мы послушаемъ.

Онъ принялся читать, какъ какой-то крутой нравомъ мужикъ, по прозванію Власъ, побоями жену въ гробъ вогналъ, съ конокрадами и мошенниками якшался, народъ обиралъ, съ нищаго суму сдиралъ и слылъ кощеемъ; потомъ Богъ его покаралъ—захворалъ, и онъ въ бреду грѣхи свои читалъ, а когда выздоровѣлъ,—роздалъ все свое богатство, а самъ пошелъ сбирать на построеніе храма и тридцать лѣтъ скитался въ веригахъ, страстотерпцемъ прослылъ...

Отъ Ванюшкинаго чтенія жена—плакала, а меня—морозъ по кожѣ подиралъ: жизнь Власа во многомъ сходствовала съ моею жизнію. Я почувствовалъ угрызеніе совѣсти, захотѣлъ облегчить ее, пошелъ къ священнику и попросилъ его помочь мнѣ пробраться въ старосты послужить храму Господню и обчеству. Онъ созвалъ къ себѣ въ гости наиболѣе почетныхъ прихожанъ, порекомендовалъ меня имъ, и они сразу согласились принять мою сторону. Затѣмъ я сталъ угощать партіями: однихъ—у себя, на дому; другихъ—въ трактирахъ; третьимъ—дѣлалъ скидки на товарѣ; четвертыхъ — соблазнилъ пожертвованіемъ на богадѣльню тысячи цѣлковыхъ, пятымъ — посулился скостить недоимки и т. д., а чрезъ все это я, чрезъ мѣсяцъ, дѣйствительно сдѣлался старостою.

„Новая метла всегда чисто мететъ“. И я ретиво принялся устраивать порядокъ по канцеляріи, богадѣльнѣ, обчественнымъ домамъ и капиталамъ, вездѣ во все вникалъ, все разбиралъ, со всѣми спорилъ, цѣлые вечера провѣрялъ счеты, учитывалъ освѣщеніе, отопленіе, разныхъ мастеровъ, сторожей и даже причтъ, а правленскихъ, не чистыхъ на руку, отъ дѣла отстранялъ, т. е. наживалъ враговъ за то, что никому потачки не давалъ. Втягиваясь въ свою новую роль, я велъ жизнь степенную, отъ прежнихъ своихъ замашекъ отставалъ и точно обновлялся... Глядя на меня, жена перестала шептать, приободрилась, стала франтить, веселѣе говорить, интересоваться дѣлами и давала мнѣ совѣты, а я ихъ принималъ и даже,—на диво ей и мнѣ самому,—исполнялъ. Между нами водворились было и лады. Вдругъ ураганомъ налетѣла Мароа, и все пошло прахомъ... Предъ этой смазливой, пролженой бабенкой я дѣлался тряпкой. И вотъ по ея настоянію я бросилъ староство и торговлю на прикасчиковъ, а самъ укатилъ съ нею въ деревню и предался разгулу... Мароа подстрекала меня къ кутежу для своей выгоды, чтобы я скорѣе лопнулъ отъ толщины, или хоть выманить у меня больше денегъ.

— Да скоро ли ты на мнѣ женишься?—приставала она ко мнѣ.

— При живой женѣ жениться мнѣ никакъ нельзя.

— Такъ разведись съ ней, да на мнѣ и женись.

— Развестись я тоже не мог-гу: жена предо мной ни въ чемъ не новин-на, да и въ нашемъ быту разводовъ не быв-ваетъ.

— Объяви ее сумасшедшей: это, за деньги, сдѣлать, кажется, совсѣмъ не мудрено.

— Было время—съ дуру точно пытался, но дохтура отказались.

— Подкупи куфарку отравить, или кого-нибудь изъ своихъ служащихъ—укокошить ее...

— Это страшно и подумать, а не токма...

— Ежели ты, по своей трусости и дурости, ни на что для меня не рѣшаешься, то давай мнѣ капиталъ, чтобъ я знала, за что хоть грѣшу, не то я тебя подведу, ей-ей такъ подведу, что спокаешься; ты весь въ моихъ рукахъ по своимъ плутнямъ.

— Бери, лупоглазая, тысячу и уймись.

— Тебѣ жена опротивѣла, а ѣздитъ на рысакахъ, а мнѣ ты даешь только тысячу? Нѣ-ѣтъ, пять выкладыв-вай, не скаредничай, пустая балалайка.

И она вымогала чего хотѣла.

По возвращеніи въ Питеръ, я засталъ жену больною: ѣхавши изъ рынка, она вылетѣла изъ саней на панель и разбилась. Кучеръ, ухмыляясь, оправдывался испугомъ лошади, которую онъ не могъ, дескать, удержать. Лошадь была смирнѣйшая, а кучеръ путался, потому я подумалъ, ужь не Марѳины ли умъ и деньги соблазнили его, и струсилъ...

Въ то же время обчественники напали на меня за то, что я, вмѣсто себя, оставилъ хозяйничать приказчика, а не кого-нибудь изъ нихъ. Я отвѣтилъ, что довѣряю именно приказчику, а не имъ. Это показалось имъ обиднымъ, и они посчитались со мной, да втихомолку повели противъ меня подкопъ. При слѣдующихъ моихъ отлучкахъ я все-таки оставлялъ приказчика, а это подливало масло въ огонь, т. е. глухой ропотъ становился все слышнѣе и гульчѣе... Когда я объ этомъ дознался, я сперва—смѣялся надъ супротивниками, на зло имъ дѣлалъ по-своему, а потомъ,—отъ ихъ привязчивости быстро охладѣвалъ къ своей должности, запускалъ ее, а вмѣстѣ съ нею и собственныя свои дѣла, такъ что, признаться, даже доволенъ былъ, когда хоть, со скандаломъ, но освободился отъ обчественной службы. Недруги прекратили меня преслѣдовать, а обо мнѣ—судачить, мнѣ же некого стало стѣсняться,—и я по-прежнему сдѣлался перелетною птицей: поживу маленько здѣсь, а соскучусь — уѣзжаю въ деревню куралесить на просторѣ... Однако и тутъ и тамъ меня грызла неодолимая жажда отмстить супротивникамъ, либо заставить ихъ просить у меня прощенія. Аблакатъ, правда, обѣщалъ мнѣ привести ихъ въ усмиренье, да врядъ-ли это сдѣлаетъ: ежели они мнѣ поклонятся—ему не за что будетъ сорвать съ меня вознагражденья, а какъ онъ только кляузами промышляетъ, то наша мировая ему убытокъ, на который онъ, умный человѣкъ, не долженъ соглашаться. Впрочемъ, поживемъ—увидимъ, какую онъ канитель раз-

ведетъ. А теперь ухъ какъ ужь поздно, простите, Христа ради, что задержалъ васъ своей болтовней... Къ тому жь отъ выпивки языкъ заплетается, а въ головѣ все путаться начинаетъ... Я разсказалъ вамъ все какъ на духу — сущую правду, а вы судите, какъ хотите: обижаться не стану, потому всякому своя линія свыше указана...

Я ушелъ съ тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ противъ этого „лютаго звѣря", какъ жена его назвала.

XXIV.

— А вѣдь вышло то по-моему: супротивники мои приходили просить моего пардона,—весело заговорилъ разсказчикъ при встрѣчѣ со мной въ пріютѣ, чрезъ недѣлю. Мой аблакатъ такъ ловко ихъ приструнилъ, что всѣ восемь коноводовъ явились ко мнѣ и бухъ мнѣ въ ноги со словами „простите насъ, Христа ради, Вавило Федулычъ, пожалуйста простите: мы заварили кашу по глупости". Я прочелъ имъ здоровую нотацію и простилъ ихъ, шайтановъ. Въ знакъ примиренія мы обмѣнялись росписками: они, — что ничего съ меня не ищутъ и извиняются предо мной за причиненныя мнѣ, по своей глупости, огорченія, а я—что извиняю ихніе, противъ меня, поступки, совершенные ими по глупости, именно эти слова въ обѣихъ роспискахъ прописали. Послѣ того всѣ мы перецѣловались и на томъ дѣло покончили.

— А съ адвокатомъ какъ вы разсчитались?

— Да ни-какъ: мировую сварганилъ я безъ него, а моей росписки объ какой-либо платѣ у него нѣтъ.

— Однако до мировой противниковъ вашихъ довелъ вѣдь онъ?

— Вѣрно. Когда мнѣ жутко было, я сулилъ ему десять тысячъ, а двѣ-три кабы только тогда заикнулся,—охотно бы ему выдалъ, но онъ ни денегъ, ни росписки отъ меня не добивался, а таперь пусть помнитъ, что „кто зѣваетъ, тотъ воду хлебаетъ".

— Это съ вашей стороны безчестно.

— По-благородному — да, а по-нашему, по-купечески — коли нѣтъ росписки—нѣтъ и платежа. Таковъ ужь нашъ обычай.

— Отвратительный.

— Но мы къ нему привыкли съ младости, а привычка вторая натура, и отстать отъ нея подъ старость просто невозможно.

— При такихъ скверныхъ вашихъ привычкахъ порядочнымъ людямъ не слѣдуетъ съ вами никакихъ дѣлъ имѣть, чтобы не подвергаться обманамъ.

— Вольному воля, спасенному рай.

Спустя недѣли двѣ въ сумеркахъ намъ случайно встрѣтилась, на улицѣ, взволнованная жена героя.

— Я едва, недавно спаслась,—заговорила она, въ слезахъ.— Ко мнѣ тайкомъ пробрался переодѣтый мужикомъ старшой— убить меня, да испугался звонка и убѣжалъ чернымъ ходомъ.

— Не можетъ быть.

— Правда. Самъ третью недѣлю въ деревнѣ прохлаждается, а здѣсь за мною—охотятся, точно за зайцемъ. Хорошихъ жильцовъ всѣхъ изъ дома выжили, чтобы не мѣшали укокошить меня. Даже мальчика Ваню, мнѣ преданнаго, уже выгнали. Въ глаза мнѣ говорятъ: мы тебя сожжемъ, задушимъ, отравимъ. Я ночи насквозь просиживаю съ ломомъ въ рукѣ, чтобы оборониться отъ извергов...

— Кому же интересъ покушаться на вашу жизнь, кому вы помѣхой?

— Воздахторшѣ самого, Мареѣ: она на вытягиваемыя отъ него деньги подкупаетъ всѣхъ со свѣта меня сжить, а онъ этому не вѣритъ, либо сквозь пальцы смотритъ, а можетъ даже и согласенъ...

— Вы бы заявили и васъ бы защитили.

— Мнѣ не повѣрятъ, а служащіе всѣ на ихъ сторонѣ. Лѣкарь, и тотъ, вонъ, однова люди пытался сдѣлать меня сумасшедшей, да добрые вступились за меня, и имъ не удалось спровадить меня въ больницу.

— Не кажется ли вамъ все это отъ постояннаго одиночества?

— Нѣтъ, батюшка, истину говорю вамъ — меня укокошатъ, въ угоду Мареѣ. Мнѣ жизнь такъ опостылѣла, что христіанской кончины я отъ души желаю, но насильственной, безъ покаянія, боюсь, право, боюсь...

Успокоивъ ее на сколько было возможно, мы простились возлѣ ея дома, а въ дворотахъ, заговорили съ ворникомъ и намекнули ему, что за жизнь хозяйки онъ первый отвѣтчикъ.

— Наша хозяйка давно уже спятила съ ума,—злобнымъ тономъ отвѣтилъ онъ, а рехнувшись — она постоянно клеплетъ на всѣхъ. Это всѣмъ извѣстно переизвѣстно.

Миновало нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ намъ ни разу не пришлось видѣть ни самого нашего героя, ни его жены. Вдругъ огласилось о ея смерти, и намъ какъ-то невольно подумалось: естественно ли кончила она многострадальную свою жизнь? Въ тотъ же день вечеромъ нашъ общій знакомый зашелъ къ намъ прямо съ панихиды съ тѣмъ же недоумѣніемъ и сообщилъ, что распоряжавшіеся слуги, на разспросы его, знакомаго, отвѣчали ему единогласно: „захворала, недѣлю пролежала и скончалась“... Мы одинаково пожелали ей „царства небеснаго“.

Каковы были дальнѣйшія дѣянія вдовца, мы долго не знали: отъ участія въ пріютѣ, гдѣ мы раньше встрѣчались, онъ отказался, а другихъ точекъ соприкосновенія у насъ никакихъ не имѣлось. Но вотъ однажды прогуливаясь въ Москвѣ, по Страстному бульвару, мы, къ изумленію, наткнулись на него, уже обрюзгшаго, еле двигавшагося и почти оборванца. Мы оба остановились и вопросительно оглядѣли другъ друга.

— Вы, кажется не узнаете меня?—хриплымъ голосомъ началъ онъ.—Да, я уже не тотъ, далеко не тотъ... Я потерялъ свое богатство, авантажность, силы-мочи и пресмыкаюсь...

— Какъ же все это съ вами произошло?

— Всѣ напасти обрушились на меня изъ-за бабы Марѳы.. Истинно говорятъ: коли чего самому чорту не въ моготу,—онъ науськиваетъ бабу, а она и обработаетъ. И меня Марѳа въ лоскъ обработала.

— Неужели?

— Вѣрно-съ. Я не могу долго стоять: ноги не держатъ, потому сядемте, пожалуйста, на скамейку, и я вамъ все разскажу: хоть этимъ душу отведу.

Мы сѣли.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—не думалъ я, не гад-далъ доживать вѣкъ въ куфнѣ богатѣющей квартеры Марѳы, а вотъ пришлось за мои, впрочемъ, окоянства. Какъ жена скончалась, сердешная, Богъ вѣдаетъ отчего,—такъ Марѳа споила меня до бѣлаго каленья, потомъ почитай совсѣмъ пьянаго женила на себѣ, а опосля тоже накачивала, пока Кондрашка меня хватилъ—и тогда потащила лѣчить сюда. Воловья моя натура одолѣла тутъ недугъ. Марѳа и заегозила, чтобы я прикончилъ торговлю, мелкимъ бѣсомъ вертѣлась около меня, льстиво твердила мнѣ, что, бросивши хлопотливую коммерцію,—мы заживемъ припѣваючи, всласть на капиталъ, да и половины его не истратимъ, доскать, на свои удовольствія, тихимъ, ехиднымъ манеромъ подыскала, чрезъ своихъ сродниковъ, охотниковъ продолжать мою торговлю и всячески подстрекнула меня продать ее съ лавками и домами, а огромадный за все капиталъ и векселя забрала себѣ, проклятая, какъ жен-на, на сбереженье...

— Почему же вы, осмотрительный, настойчивый и практичный человѣкъ, все это допустили?

— Самъ этому дивлюсь, а подите же поддался: слабъ бо человѣкъ есть, особливо ежели змія подколодная заберется внутрь его, ну и «на всякаго мудреца довольно бываетъ простоты». За то какъ только она меня околпачила и обобрала какъ липку, такъ съ другаго же, кажись, дня зачала показывать мнѣ свой сатанинскій характеръ: отреклась отъ своихъ лясъ—холить и ублажать мою старость, безъ моего спроса, на мои деньги, завела шиковую барскую квартеру, всякую въ ней обстановку, лакеевъ въ мундерахъ, лошадей, карету, коляску и проч., а на мои укоры кричала и топала на меня ногами, чтобы я ей не перечилъ ни въ чемъ, или убирался бы вонъ отъ нея. Мало того: стала шататься по гульбищамъ,цыганъ слушать, по кіатрамъ, дала мнѣ кличку пропоица, какъ называли, по ея сказу, какого-то Любима Торцова, видѣннаго ею въ кіятрѣ, спознала съ какимъ-то здоровущимъ хахалемъ, транжиритъ съ нимъ деньги, при немъ меня и въ хоромы не впущаетъ, окружилась сродниками и валяетъ безъ оглядки, во всю... Хочу, твердитъ, жить весело, и ты мнѣ не мѣшай, либо проваливай ко всѣмъ чертямъ, благо капиталы у меня, а не у тебя, одра... Нажитые мною капиталы трещатъ, таятъ въ ея рукахъ, а я нахлѣбникомъ у нея очутился. Когда я набираюсь храбрости и затѣваю съ нею ругатню, — она меня спаиваетъ, чтобы я живѣе, какъ говоритъ,

очекурился, потому опротивѣлъ ей. Иногда злость во мнѣ столь сильно разыгрывается, что кажись бы всѣ ребра ей переломалъ, анъ силъ не хватаетъ справиться съ ней, бестіей, а она такъ, случается, саданетъ, что кубаремъ въ уголъ летишь... Словомъ, совсѣмъ сокрушила меня она, анаффема, и ждетъ не дождется, скоро ли я околѣю. Пытался было я и жаловаться начальству, да какъ позовутъ къ показанію, —всѣ домашніе за нее, а меня пропоицею выставляютъ, ну и ничего не добился, а маячусь, какъ какая-нибудь послѣдняя дрянь... Одна у меня здѣсь осталась таперь утѣха и знаете ли какая? На этомъ самомъ бульварѣ, сидя на скамейкѣ, я свелъ знакомство съ однимъ тоже старичкомъ, отставнымъ полковникомъ, такимъ же, какъ я, потеряннымъ простофилей. Мы поразсказали другъ другу про свою жизнь и сдружились: въ одинаковой кабалѣ находимся. Онъ долго командровалъ войскомъ, сгоношилъ хорошее состояніе, бросилъ службу и переселился сюда, а здѣсь полюбилась ему какая-то голая выдра, и онъ на ней женился. Тогда она скорехонько подобрала всѣ его денежки, самого его притиснула подъ башмакъ и такъ дерзостно помыкаетъ имъ, что онъ пикнуть не смѣетъ предъ ней, даже гривенники на табакъ часами выклянчиваетъ у нея, а курить сюда ходитъ: дома она не позволяетъ, сама же дебоширитъ въ хвостъ и въ гриву. Безъ денегъ мы оба ровно ничего не стоимъ, ну и сходимся сюда бесѣдовать объ нашихъ прошлыхъ важныхъ, а таперешнихъ ничтожныхъ дѣлахъ.

— Гдѣ именно вы живете?

— Я бы съ полнымъ удовольствіемъ пригласилъ васъ къ себѣ, да боюсь, признаться, какъ бы моя стерва не обидѣла васъ, по своему крутому, можно сказать прямо бѣшеному нраву. Адресокъ мой, на всякій случай, запишите на память.

По странному стеченію обстоятельствъ онъ, какъ потомъ оказалось, жилъ въ одномъ домѣ съ нашимъ пріятелемъ, который, при нашемъ его посѣщеніи, кстати повторилъ намъ, въ общихъ чертахъ, о печальномъ семейномъ бытѣ Федулыча то, что мы слышали отъ него самого. Затѣмъ нѣкоторое время спустя пріятель извѣстилъ насъ о скоропостижной его смерти среди запоя, при чемъ добавилъ,—какъ оговорился съ чужихъ уже словъ,—что овдовѣвшая Марѳа повезла прахъ хоронить на родину, но тамъ при перевозкѣ чрезъ взбушевавшуюся, въ половодье, рѣку, отъ сильнаго вѣтра перевернулась лодка и гробъ ушолъ ко дну... Тѣмъ не менѣе Марѳа устроила щедрыя поминки и разгулявшіеся мужики утверждали, что гробъ утонулъ собственно потому, что кладбищенская земля отказалась принять покойника за его прегрѣшенія... Вскорѣ послѣ того Марѳа со слугами вернулась въ Москву и зажила на славу подъ руководствомъ ловкаго проходимца, хваставшагося, что съумѣетъ ее обчикрыжить въ лучшемъ видѣ, на томъ основаніи, что «чужое добро въ прокъ не идетъ»...

В. Никитинъ.

Страннички прошлаго.

Жаль!

(Къ столѣтней годовщинѣ со дня смерти Суворова).

„На аспида и василиска наступиши
И попереши льва и змія...“.

. . . .

6-го мая 1800 года, во второмъ часу дня—Суворова не стало... *Россійской арміи побѣдоносецъ*, которому, однако, пришлось послѣ славной италіанской кампаніи и знаменитой ретирады Швейцарской почти тайкомъ пріѣхать въ Петербургъ и искать пріюта въ скромномъ жилищѣ родственника (у Хвостова, на Крюковомъ каналѣ); князь Италійскій, котораго сардинскій король называлъ братомъ и которому собственный Государь отказалъ въ титулѣ „свѣтлости“[1]); герой, который въ борьбѣ „вооруженныхъ мнѣній“, какъ называлъ войны того времени Питтъ, можетъ быть и не стоялъ на сторонѣ наиболѣе симпатичной, но такъ доблестно выполнялъ волю его пославшихъ, что возбуждалъ удивленіе даже противниковъ; человѣкъ, котораго изъ Праги звалъ письмомъ императоръ Павелъ къ себѣ *на совѣтъ и любовь* и привѣтствовалъ—въ Кобринѣ выговоромъ[2]), а въ Петербургѣ запрещеніемъ къ нему явиться; дерзкій ослушникъ, побѣдившій всѣхъ, но изрубившій въ Альпахъ на дрова замерзавшимъ солдатамъ 4-хъ аршинныя унтеръ-офицерскія алебарды и бросившій офицерскія эспонтоны—однимъ словомъ, генералиссимусъ Александръ Васильевичъ Суворовъ перестал безпокоить своими тяжкими пред-

---

[1]) Когда военная коллегія, изготовивъ полный титулъ генералиссимуса по примѣру Меншикова, наименовала Суворова „свѣтлостью“, императоръ Павелъ предписалъ „не утвержденнаго указомъ титула свѣтлости не давать“. Такимъ образомъ „свѣтлѣйшимъ“ наименовала Суворова лишь исторія устами императора Николая Павловича, который, когда испрашивалось высочайшее соизволеніе на присвоеніе князьямъ Суворовымъ титула „свѣтлости“, сказалъ: „само собой разумѣется; въ Россіи покуда былъ еще одинъ Суворовъ и тому, которому въ церкви на молебствіи за побѣды велѣно было возглашать россійской арміи побѣдоносцу, инаго титула быть не могло“.

[2]) Парольное повелѣніе 20 марта 1800 г. съ замѣчаніемъ Суворову и всей арміи за то, что „по старому обычаю“ Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ дежурнаго генерала.

смертными муками—своихъ друзей и своимъ существованіемъ—своихъ враговъ, и толпы народа запрудили улицы около дома Хвостова. Всѣ знали о постигшей Россію утратѣ, большинство даже *осмѣливалось* скорбѣть, кромѣ, конечно, сферъ „оффиціальныхъ".

Въ тогдашнемъ оффиціозѣ, въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" ни слова не было сказано о кончинѣ Суворова, не было даже извѣщенія о его похоронахъ. [1])

Впрочемъ, это молчаніе, какъ часто бываетъ, и въ этомъ случаѣ, было гораздо болѣе замѣтно, и краснорѣчиво, чѣмъ, можетъ быть, былъ бы какой-либо оффиціально скорбный глаголъ...

Похороны были назначены на 12 мая, военныя почести покойному—по чину фельдмаршала[2]), а войска на похороны были назначены не *гвардейскія* (кромѣ коннаго полка), что также замѣтили всѣ...

Гвардія была *утомлена* послѣ недавняго парада.

„Въ 10 часовъ утра 12 мая"—какъ свидѣтельствуетъ А. Петрушевскій [3]), „начался выносъ съ большой торжественностью. Духовенства была цѣлая масса, въ томъ числѣ придворные священники; пѣвчихъ два большихъ хора, въ томъ числѣ придворный, присланный по приказанію Государя.

Ловкіе и осторожные люди остерегались участвовать въ процессіи и хотя такихъ было много, но отъ этого не порѣдѣла громадная толпа, валившая за гробомъ..."

Совсѣмъ „неосторожнымъ" оказался, однако, одинъ изъ прибывшихъ съ самимъ Государемъ, поджидавшимъ печальную процессію на углу Невскаго и Садовой. Павелъ I снялъ шляпу при приближеніи гроба и, невольно, обернулся—за его спиной громко рыдалъ генералъ-маіоръ Зайцевъ, одинъ изъ соратниковъ Суворова въ недавнемъ Италіанскомъ походѣ...

Горячія и искреннія слезы солдата сломили ледъ „оффиціальнаго" недоразумѣнія...

Государь заплакалъ со всѣми...

Побѣдно зазвучали въ устахъ пѣвчихъ слова псалма „На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою.

---

[1]) Какъ сообщаетъ „Рус. Инвалидъ", оказывается даже, что *генералиссимусъ Суворовъ до настоящаго дня оффиціально, приказомъ по военному вѣдомству, не исключенъ изъ списковъ умершихъ.* Въ архивѣ главнаго штаба имѣется лишь запись слѣдующаго содержанія:

„Генералиссимусъ графъ Суворовъ Рымникскій. Формулярный списокъ генерала князя Суворова находится въ книгахъ формуляровъ, собранныхъ съ 1774 по 1793 гг. при арміи. Велѣно въ спискахъ не показывать, копія изъ колегіи получена 9-го марта 1800 года. Генералиссимусомъ пожалованъ по приказу 28-го октября 799 г. Умеръ 6-го мая 1800 года. Приказа жъ объ немъ не было".

Это едва-ли не объясняется общимъ „трепетомъ" и боязнію напомнить объ „опальномъ"... даже путемъ приказа объ исключеніи изъ списковъ за смертію.

[2]) Первоначально предполагалось при встрѣчѣ Суворова въ Петербургѣ оказать ему „царскія почести".

[3]) „Генералиссимусъ Князь Суворовъ" А. Петрушевскаго. III т. стр. 372, изд. 1884 г.

На аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія...“ Государь, пропустивъ процессію, грустно возвратился во дворецъ „весь день былъ не веселъ, всю ночь не спалъ и безпрестанно повторялъ слово—*жаль*“.

Жаль—но Суворова уже не могло вернуть ничье „повелѣніе“, и остались лишь гр. Паленъ и прочіе „вѣрные“ слуги...

Впрочемъ, скоро не стало и самого Государя Павла Петро-

А. В. Суворовъ.

(Съ портр. I. Крейцингера—1799 г.)

вича, скоропостижно скончавшагося съ 11-го на 12-е марта 1801 г. въ Михайловскомъ замкѣ.

М. В. Г.

На смерть Суворова были, между прочимъ, однимъ современникомъ сочинены слѣдующіе стихи, поднесенные его сестрѣ—княгинѣ Горчаковой [1]).

---

[1]) Эти стихи любезно сообщены редакціи сотрудникомъ С. Ф. Либровичемъ и едва-ли не впервые появляются въ печати.

СТИХИ ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ
Княгинѣ Аннѣ Васильевнѣ ГОРЧАКОВОЙ
НА СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛИССИМУСА Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго.

1800 иду Мая 6 дня.

Не Тарса ль смертною косою
Сраженна вижу предъ собой?
Не Ахиллесъ ли зрится мною
Въ пяту пораненный стрѣлой?
Не Геркулесъ ли то сожженный?
Не Ромулъ ли мечемъ пронзенный?
Не вождь ли Карѳагенскихъ силъ?
Не сынъ ли то Веспасіана?
Нѣтъ, нѣтъ, Суворовъ россіяна!
Герой, кой вамъ толико милъ?

Что?—Какъ?—Ужель ударъ свершился?
Ужель любимецъ россkій мертвъ?
Итакъ нетщетно здѣсь дымился
Алтарь, для алчной смерти жертвъ?
Нетщетно скрежетавъ зубами,
И воздухъ разодравъ когтями,
Взмахнула косу надъ главой;
Взглянула смерть—и поглотила
Тово, кто стѣны Измаила
Потрясъ и опровергъ собой?

Кто храбростью дивилъ вселенну,
Искусствомъ древность помрачилъ,
И кто фортуну перемѣнну
Себѣ сопутствовать училъ.
Минуты не былъ кто роскошенъ,
Въ предъусмотрѣньяхъ неоплошенъ,
Неопрометчивъ, скоръ, рѣшимъ,
Дробилъ тѣла и вѣсилъ нужды,
Кому пороки были чужды,
И кто героевъ сонмомъ чтимъ.

О, Муза! Томну лиру нынѣ
Сердечной омочи слезой;
И будущихъ временъ въ долинѣ
Яви, сколь славенъ былъ герой!
Яви;—но ты потупя взоры,
Рукою показавъ на горы,

На Альпъ, на Италійскій край,
На Польшу, Рымникъ знаменитый,
На лавръ вокругъ вѣнца обвитый,
Рекла: возври и вспоминай!..

Рекла, вздохнула, замолчала,
И слезы полились рѣкой;
Отерши: паки показала
На Жубера рѣшимый бой!
На галловъ всюду утѣсненныхъ,
Мечтой равенства упоенныхъ,
Остановленныхъ въ ихъ путяхъ,
Потекшихъ вспять изъ Италіи:
Кто могъ сіе?—Герой Россіи,
Непобѣдимый вождь въ войнахъ!

Что Прага, Вильно, что Варшава?
Что гордый скажетъ Оттоманъ?
Стремящая повсюду слава,
И онъ поверженный къ ногамъ,
Не ясно-ль перстомъ показуютъ,
Что росски воины ликуютъ,
Подъ руководствомъ ихъ вождя?
Но гдѣ любимецъ сей россійскій?
Суворовъ гдѣ? Гдѣ страхъ Альпійскій?
О, ужасъ! Меркнетъ взоръ, глядя!

Чудовище рожденно адомъ,
О, дышущая злобой смерть!
Почто своимъ тлетворнымъ взглядомъ
Дерзнула, въ ярости сотерть
Достойну жизнь христіанина,
Усердново Россіи сына,
Вельможи сердцемъ и душой?
О сколь сія велика трата!
Княгиня! Ты лишилась брата
И плачетъ вмѣстѣ міръ съ тобой.

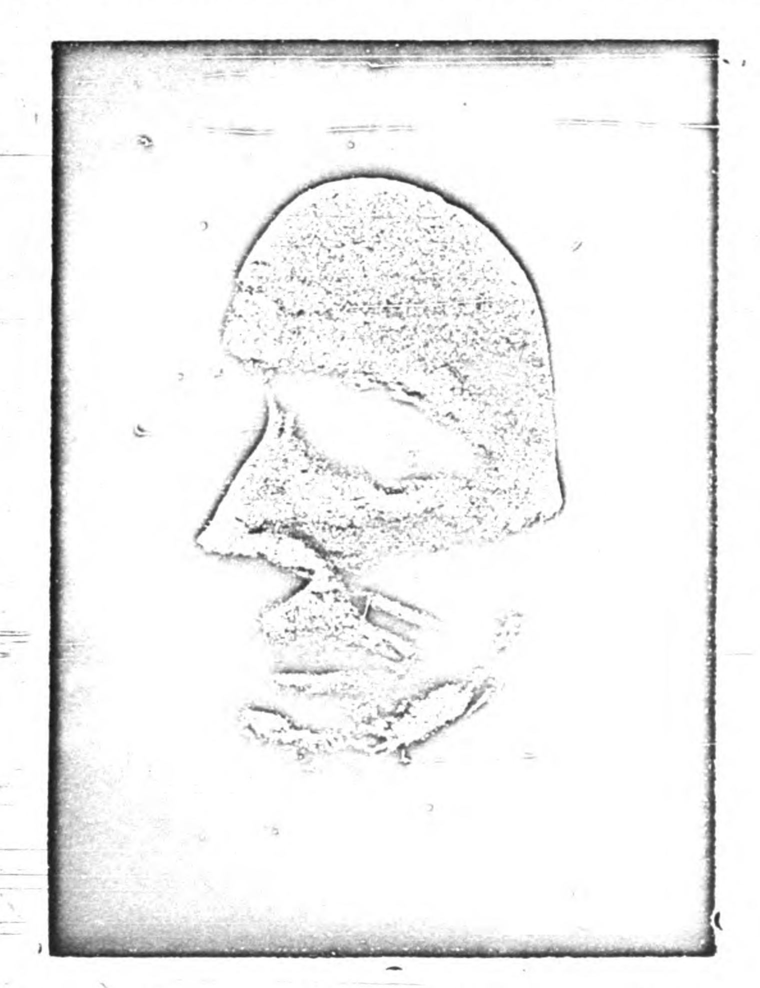
Отдавши полный долгъ природѣ,
Спокойся, покорясь судьбѣ;
Потомства своего ты въ родѣ
Утѣху обрѣтешь себѣ.
Найдешь!—Сыны твои—пріятно бремя!
Блеснувъ, еще блеснутъ во время,
И радость старости твоей
Ничѣмъ въ печаль не претворится;
Твое блаженство обновится
Покоя въ полнотѣ своей!

Самозванецъ Лже-Константинъ.

Самозванство встрѣчалось у разныхъ народовъ съ глубокой древности, довольно часто встрѣчается оно и теперь; при этомъ,

чѣмъ невѣжественнѣе среда, въ которой появляется самозванецъ, тѣмъ на большій успѣхъ можетъ онъ разсчитывать. У насъ самозванцы хотя-бы въ качествѣ „ревизоровъ“ не переводятся. Кромѣ того, чтобы самозванство удалось, необходимы благопріятныя условія общественныя, политическія, религіозныя и др.

Кромѣ внѣшнихъ причинъ, для появленія самозванцевъ нужны и внутреннія лежащія въ самомъ человѣкѣ, такъ сказать, психо-

Маска Суворова

логическія причины... Самозванство можетъ быть вполнѣ сознательнымъ психическимъ актомъ и преслѣдовать, какъ матеріальныя, корыстныя цѣли (напр. желаніе выйти изъ худшаго матеріальнаго и общественнаго положенія въ лучшее), такъ и болѣе высокія цѣли, если, послѣднія, по разсчетамъ самозванца могутъ быть вѣрнѣе достигнуты такимъ путемъ. Но весьма часто самозванство является и результатомъ болѣзненнаго душевнаго состоянія или психозомъ (разныя idées fixe напр. манія величія и др.).

Если такимъ образомъ самозванство свойственно человѣку и возможно въ обществѣ, при извѣстномъ состояніи того и другаго, то естественно, что въ роли самозванцевъ могутъ являться лица разныхъ общественныхъ классовъ и стремиться къ разнымъ общественнымъ положеніямъ. Могутъ быть самозванцы гражданскаго вѣдомства и духовнаго (подборъ ихъ см. у Короленко); можно было бы къ нимъ подобрать и серію самозванцевъ военнаго вѣдомства и, наконецъ, самозванцевъ высшаго ранга, выдававшихъ себя за царей или членовъ царствующихъ домовъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы познакомимъ читателей съ однимъ, кажется еще неизвѣстнымъ, самозванцемъ послѣдняго рода, появившимся у насъ въ Россіи въ 1840 году, въ Малмыжскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

Самозванецъ этотъ появился въ деревняхъ Водзимонской, Сюмсинской и Вятско-Горской волостей, населенныхъ государственными крестьянами, частью русскими, частью вотяками, частью русскими раскольниками. Внѣшній видъ его былъ такой: высокій ростъ, широкій, сутуловатый корпусъ тѣла, волосы и бакенбарды „съ рыжа русые“.

Появляясь въ какой-либо деревнѣ въ первый разъ, онъ называлъ себя инородцемъ, отставнымъ гусаромъ Александромъ Александровымъ (что и было собственно вѣрно) и объявлялъ, что онъ предсказываетъ будущее, умѣетъ находить клады; тѣмъ же, которые казались ему заслуживающими довѣрія, онъ подъ секретомъ объявлялъ, что онъ никто другой какъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, и при этомъ показывалъ свою лѣвую руку, на которой не было указательнаго пальца до сустава, говоря: „вотъ ясное доказательство важнаго моего происхожденія“.

Почему именно это имя выбралъ самозванецъ, онъ самъ не объяснилъ; вѣроятно, декабрскія событія 1825 года и неожиданная смерть Константина Павловича отъ холеры въ 1840 г., путемъ народныхъ слуховъ дойдя до глухаго вятскаго края, приняли въ народномъ сознаніи такую форму, которая давала возможность явиться самозванцу съ именемъ Цесаревича; точно также какъ другіе народные слухи о добровольномъ будто бы удаленіи Императора Александра I въ Сибирь вызвали появленіе въ 1836 г. около г. Красноуфимска самозванца, именовавшаго себя Александромъ I-мъ. Самозванецъ этотъ былъ схваченъ и наказанъ плетьми и сосланъ. Позднѣе, въ 60-хъ годахъ, появился въ Сибири старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ, котораго также признавали за Александра I-го; этотъ старецъ поспѣшилъ умереть, не открывши своего истиннаго происхожденія. (Шильдеръ, Имп. Александръ I, т. IV, 446—447).

Приписываемыя лже-Константиномъ себѣ качества и званіе привлекали къ нему толпы народа; особенно охотно принимали его раскольники. Этотъ лже-Константинъ скитался изъ одного селенія въ другое, по словамъ донесенія, „довольно долго“, а когда въ селеніи появлялся какой-либо чиновникъ, то жители сейчасъ же скрывали самозванца и выпроваживали въ другое селеніе.

Самозванецъ обзавелся и подругой жизни, которая оказалась казенной крестьянкой, дѣвицей Акулиной Васильевой, уже раньше извѣстной среди крестьянъ своимъ легкимъ поведеніемъ.

На допросѣ эта дѣвица заявила, что она, вмѣстѣ съ раскольниками, принимала его за Цесаревича Константина Павловича и потому „изъ уваженія къ его особѣ уйти отъ него не смѣла", кромѣ того онъ застращивалъ ее, грозя, что „за малѣйшее съ ея стороны ослушаніе сказнитъ ее". Вѣроятно, также дѣйствовало на Акулину Васильеву и тщеславіе, такъ какъ она сообщала, что „когда они приходили въ какое-либо селеніе, то обыватели собирались и толпами ходили за ними.

Въ іюлѣ 1840 года узналъ о самозванцѣ малмыжскій окружный начальникъ и тотчасъ же послалъ въ уѣздъ одного „расторопнаго" мѣщанина Павла Мойшеева, который, при содѣйствіи писаря Сюмсинскаго волостнаго правленія Николая Уварова, и задержалъ самозванца вмѣстѣ съ его подругой въ полѣ около деревни Кавачей.

Этимъ роль самозванца, можно сказать, заканчивается.

По дорогѣ въ Малмыжъ, во время остановокъ въ деревняхъ, самозванецъ еще продолжалъ говорить, что онъ предсказываетъ будущее, открываетъ клады, знаетъ нѣсколько мѣстонахожденій золота въ Поренской волости, въ деревнѣ Богатырскомъ Бугрѣ; выдалъ даже своихъ приверженцевъ раскольниковъ, указавши, гдѣ у нихъ имѣются молитвенные дома; но о своемъ высокомъ происхожденіи уже больше ни словомъ не упоминалъ. Да и трудно было бы ему доказывать это послѣ найденныхъ при немъ вещей, изобличавшихъ весьма не высокое его происхожденіе.

Найденный при немъ паспортъ свидѣтельствовалъ, что владѣлецъ его рядовой Маріупольскаго гусарскаго полка, уволенный въ отставку 22 ноября 1824 года. Его костюмъ и другія вещи также подтверждали сказанное объ его общественномъ положеніи. Онъ одѣтъ былъ въ синій китайчатый ветхій халатъ, плисовый ветхій жилетъ съ костяными пуговицами, синюю пестрядевую рубаху и холщевыя шаровары; сапоги и суконный картузъ дополняли его костюмъ.

При немъ найдены были еще: она перемѣна бѣлья, бумажникъ изъ краснаго сафьяна съ 4 листками красной бумаги на подобіе ассигнацій, 1 р. 62 коп. сер. и мѣд. денегъ, солдатскій желѣзный шомполъ, двѣ картины—одна съ изображеніемъ Іоанна Дамаскина, другая съ надписью—жена Вавилонская, портретъ Кутузова, икона Божіей Матери, нѣсколько (по словамъ самозванца) волчьихъ жилъ въ тряпкѣ; завязанная въ полотенцѣ земля съ рыбьими костями; въ костяномъ игольникѣ немного земли, называемой самозванцемъ золотой рудой; завязанные въ тряпкѣ кремень и 5 маленькихъ вещей, назначеніе которыхъ неизвѣстно; письмо крестьянина одной волости для передачи крестьянину другой волости и наконецъ нѣсколько аршинъ кожи, холста и др. вещей, очевидно собранныхъ самозванцемъ отъ своихъ приверженцевъ въ видѣ приношеній.

Всѣ эти данныя, вмѣстѣ съ его неграмотностью, не оставляли сомнѣнія въ происхожденіи самозванца.

Нельзя также признать за нимъ ни присущей многимъ самозванцамъ ловкости, ни способностей, а главное не было на лицо благопріятной обстановки и среды. Государственные крестьяне не могли въ то время явиться такой благопріятной средой, такъ какъ ихъ положеніе, послѣ только-что произведеннаго преобразованія въ управленіи ими, несомнѣнно, измѣнилось къ лучшему, и потому собственно русскіе государственные крестьяне почти не дали приверженцевъ самозванцу и даже сами пытались задержать его, а при поимкѣ никто не выразилъ желанія помочь ему, ни даже сожалѣнія о немъ.

Дальнѣйшая судьба самозванца послѣ заключенія его въ тюрьму намъ не извѣстна, но едва-ли она представляетъ интересъ и, вѣроятно, чтобы узнать ее, достаточно справиться съ соотвѣтствующей статьей Свода законовъ или вспомнить судьбу упомянутаго выше самозванца, назвавшагося Императоромъ Александромъ первымъ [1]).

П. Шфривъ.

Объ отобраніи отъ камергера Алексѣя Пушкина приморскаго двора. (1750 г. [2])

1) 1750 году мая 27 дня отъ канцеляріи тайныхъ розыскн. дѣлъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ графъ Александръ Шуваловъ объявилъ, что Ея де Императорское Величество соизволила ему, генералу-лейтенанту и кавалеру, указать приморской дѣйствительнаго камергера Воронежской губерніи губернатора и кавалера Пушкина дворъ, о которомъ Ея Императорское Величество небезызвѣстна, что оный Пушкинъ тѣмъ дворомъ владѣлъ неправильно, — взять на Ея Императорское Величество и послѣ онаго высочайшаго Ея Императорское Величества соизволенія онъ, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, приказалъ оный дворъ и что въ немъ найтиться можетъ каковыхъ метеріаловъ отъ тайной канцеляріи описать и приставить обыкновенно караулъ, для чего требовать отъ генералъ-маіора и С.-Петербургскаго оберъ-коменданта и кавалера князя Мещерскаго одного унтеръ-офицера и четырехъ человѣкъ солдатъ. Подлинный за подписаніемъ его сіятельства генералъ-лейтенанта и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова.

Съ подлиннымъ читалъ канцеляристъ Матвѣй Зотовъ.

2) И того жъ мая 27-го дня по приказу его сіятельства генералъ-лейтенанта и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова для описи вышеписаннаго двора ѣздилъ тайной канцеляріи секретарь Иванъ Набоковъ, которымъ оной дворъ и описанъ, и оная опись сообщена къ сему и значитъ ниже сего;

---

[1]) Извлечено изъ дѣлъ Архива М-ва Земледѣлія и Госуд. Имущ.

[2]) Гос. Арх. VII—1398. Дѣло: По именному Высочайшему указу объ отобраніи отъ камергера Алексѣя Пушкина приморскаго двора въ Петербургѣ—1750 г.

а для караула онаго двора поставленъ С.-Петербургскаго гарнизоннаго полка каптенармусъ Иванъ Парамоновъ съ солдатъ 4-мя человѣками.

Опись приморскому двору дѣйствительнаго камергера и кавалера Пушкина. Свѣтлицъ — 4 (въ томъ числѣ обито бумагою травчатою—3).

Во онъхъ свѣтлицахъ: образъ Спасителевъ, писанный на полотнѣ въ рамахъ — 1; окончинъ съ стеклами—13; кафельныхъ печей — 2; каминъ — 1; кресла — 1; стульевъ деревянныхъ простыхъ плетенныхъ же — 14, въ томъ числѣ на трехъ кожанныя подушки ветхія; картинъ бумажныхъ въ черныхъ рамахъ — 21;

На дворѣ: Изба людская; кухня — 1 (въ нихъ окончинъ съ стеклами—6, печей—2, очагъ—1); погребовъ—2; амбаровъ—2; конюшенъ—2 (въ нихъ стойловъ—15); сараевъ—2; скотныхъ амбаровъ—2.

Въ саду баня съ передбанникомъ — 1 (въ ней окошекъ съ окончинами—3).—Съ верхней дачи прудъ небольшой.

3) *Въ канцеляріи тайныхъ розыскн. дѣлъ С.-Петербургскаго гарнизоннаго полку каптенармусу Ивану Парамонову Приказъ*:

Понеже поставленъ ты на описномъ приморскомъ дѣйствительнаго камергера и кавалера Пушкина дворѣ для караула съ солдатами 4 челов.; того ради имѣть тебѣ оному двору и имѣющейся при томъ дворѣ дачѣ смотрѣніе неослабное, дабы какъ оному двору, такъ и дачѣ вредности какой не учинилось и что во ономъ дворѣ и въ покояхъ имѣется, того смотрѣть тебѣ накрѣпко, дабы траты какой не могло учиниться и ничего изъ онаго двора и изъ покоевъ безъ вѣдома тайной канцеляріи никому тебѣ не отдавать и быть тебѣ на ономъ караулѣ безотлучно. — Ежели г-нъ генералъ-маіоръ и С.-Петербургскій вицегубернаторъ и кавалеръ Мельгуновъ пріѣдетъ во оную дачу для прогулянія, то тебѣ ему въ той дачѣ быть позволить.—О состояніи караула рапортовать тебѣ въ тайную канцелярію словесно. Іюня 8 дня 1750 г.—Подлинный приказъ отданъ С.-Петербургскаго гарнизона Ямбургскаго полку солдату Еремѣю Фокину тогожъ числа.

4) 1751-го году іюля 6-го числа въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ явился Собственной Ея Императорскаго Величества вотчины Копорскаго уѣзда села Царскаго, слабоды Тылковой крестьянинъ Гаврила Стариковъ и сказалъ, что-де желаетъ онъ, Стариковъ, взять въ наемъ имѣющіеся при описномъ Алексѣя Пушкина приморскомъ дворѣ сѣнные покосы, всѣ, сколько ихъ имѣется, въ свое содержаніе на одно нынѣшнее лѣто, за что-де дастъ онъ, Стариковъ, 35 рублевъ, а больше той цѣны онъ, Стариковъ, не дастъ, и вмѣсто порукъ взнесетъ онъ, Стариковъ, напередъ денегъ 15 рублевъ.

5) И тогожъ числа по приказу Его Сіятельства генералъ-лейтенанта и кавалера графа А. И. Шувалова вышеписанные сѣнные покосы помянутому крестьянину Старикову за означенную цѣну, за 35 р., отданы. И тогожъ 7-го числа іюля вышеозначенный крестьянинъ Стариковъ въ тайной канцеляріи за по-

мянутые отданные имъ сѣнные покосы вмѣсто порукъ напредь денегъ 15 р. принялъ, которыя въ тайную канцелярію у него и приняты.

6) 1751 г. октября 2-го дня въ тайную канцелярію явился Копорскаго уѣзда с. Царскаго, слободы Тылковой крестьянинъ Гаврила Стариковъ и объявилъ, что-де за отданные имъ отъ тайной канцеляріи въ наемъ имѣющіеся при описномъ у дѣйствительнаго камергера и кавалера Алексѣя Пушкина приморскомъ дворѣ сѣнные покосы принесъ онъ по договорной за тѣ покосы цѣнѣ достальныя деньги 20 руб., которые повелѣно бъ было у него въ тайную канцелярію принять. — И оныя деньги 20 р. у помянутаго крестьянина Старикова въ тайной канцеляріи приняты.

7) Указъ Ея Императорскаго Величества Самод. всероссійской опредѣленному въ нынѣшнемъ 1752 году къ приходу и расходу денежной казны регистратору Матвѣю Зотову: По указу Ея Императорскаго Величества велѣно взятыя въ тайную канцелярію Копорскаго уѣзду, села Царскаго, слободы Тылковой съ крестьянина Гаврилы Старикова за отданные ему въ прошломъ 1751 году въ наемъ имѣющіеся при описномъ дѣйствительнаго камергера Воронежской губерніи губернатора и кавалера Алексѣя Пушкина приморскомъ дворѣ сѣнные покосы деньги 35 р. записать въ тайной канцеляріи въ приходъ и держать ихъ на канцелярскіе расходы по указамъ. Чего ради оныя деньги къ тебѣ при семъ и посланы. Генваря 3-го дня 1752 году.

8) 1752 г. іюля 2-го дня въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ явился Собственной Ея Императорскаго Величества конюшни конюхъ Герасимъ Евагринковъ и сказалъ, что-де желаетъ онъ, Евагринковъ, взять въ наемъ имѣющіеся при описномъ.... Алексѣя Пушкина приморскомъ дворѣ сѣнные покосы, всѣ сколько ихъ имѣется, на одно нынѣшнее лѣто, за что-де даетъ онъ, Евагринковъ, 37 руб., а больше-де той цѣны онъ... не даетъ и оныя-де деньги взнесетъ онъ въ тайную канцелярію напередъ.

И тогожъ числа по приказу его сіятельства... А. И. Шувалова вышеписанные сѣнные покосы помянутому конюху Евагринкову за означенную цѣну за 37 р. отданы. И того жъ іюля 3-го дня... конюхъ Евагринковъ въ тайную канцелярію за помянутые отданные имъ сѣнные покосы деньги 37 р. принесъ, которые въ тайной канцеляріи у него приняты.

9) Указъ Ея Императорскаго Величества Самод. всер. опредѣленному въ нынѣшнемъ 1752-мъ году къ приходу и расходу денежной казны регистратору Матвѣю Зотову: По указу Ея Императорскаго Величества велѣно взятыя въ тайную канцелярію Собственной Ея Императорскаго Величества конюшни съ конюха Герасима Евагринкова за отданные ему въ нынѣшнемъ 1752 г. въ наемъ имѣющіеся при описномъ дѣйствительнаго камергера Воронежской губерніи губернатора и кавалера Алексѣя Пушкина приморскомъ дворѣ сѣнные покосы деньги 37 р. записать въ тайной канцеляріи въ приходъ и держать ихъ на канцелярскіе расходы по указамъ. Чего ради оныя деньги къ тебѣ при семъ и посланы іюля 10-го дня 1752 году.

Сообщ. **Николай Гастфрейндъ.**

Людовикъ-Бонапартъ въ Страсбургѣ (1836 г.).

Въ „Revue de Paris“ помѣщено интересное изслѣдованіе Matthieu по поводу отважнаго Страсбургскаго предпріятія Людовика-Бонапарта, будущаго Наполеона III, который пытался увлечь армію къ возстанію противъ правленія Людовика-Филиппа.

Эта старая всѣмъ извѣстная исторія неудавшагося государственнаго переворота пріобрѣтаетъ особый интересъ въ изложеніи Matthieu, благодаря многимъ неизданнымъ письмамъ.

Во время Людовика-Филиппа республиканцы и бонапартисты шли рука объ руку. И тѣ и другіе извлекали выгоды изъ воспоминаній императорской эпопеи. Какъ республиканцы, такъ и бонапартисты не гнушались увлекать армію для такихъ движеній, которыя могли служить ихъ политическимъ цѣлямъ.

Посредствомъ арміи одни изъ нихъ добивались республики, другіе имперіи.

Этого рода попытка не удалась республиканцамъ, и они, видя успѣхъ Людовика-Бонапарта, благоразумно рѣшили не вмѣшивать армію въ политику.

Въ 1836 году Людовику-Бонапарту было двадцать восемь лѣтъ. Сдѣлавшись наслѣдникомъ императора, послѣ смерти герцога Рейхштадскаго, послѣдовавшей въ 1832 году, онъ съ поразительной тщательностью и логической послѣдовательностью провелъ свою попытку возстанія въ Страсбургѣ. Въ то время онъ жилъ въ Швейцаріи и съумѣлъ устроить такъ, что его приняли въ сословіе гражданъ Тургаускаго кантона; довѣріе и уваженіе къ нему его новыхъ соотечественниковъ выразилось въ назначеніи его членомъ Великаго Совѣта, президентомъ союзнаго общества тургаускихъ стрѣлковъ и капитаномъ артиллеріи Бернскаго отряда.

Но, какъ видно, всѣ эти почетныя званія не удовлетворяли его честолюбіе такъ же, какъ и званіе англійскаго „констебля“ (полицейскаго), которое онъ, по выраженію М. М. Ковалевскаго, „носилъ съ достоинствомъ“.

Организаторомъ Страсбургскаго возстанія былъ Фіаленъ, бывшій Сомурскій маршалъ, называвшій себя виконтомъ де-Персиньи. Онъ отыскалъ страшно нуждавшагося легитимиста графа Фредерика де-Брука, бывшаго эскадроннаго командира, и Виконта де-Керель, лейтенанта инфантеріи, обоихъ потерявшихъ все свое имущество, благодаря многочисленнымъ долгамъ. Для этихъ авантюристовъ, оставаясь самъ въ сторонѣ, претендентъ-Бонапартъ казался якоремъ спасенія.

Офицеровъ Страсбургскаго гарнизона, какъ республиканцевъ, такъ и бонапартистовъ удалось уже склонить на сторону Людовика-Бонапарта. Постарались также узнать мнѣніе объ этомъ генерала Воарола, командовавшаго гарнизономъ. Онъ отказался и поспѣшилъ предупредить префекта. Однако въ концѣ іюня 1836 года Людовикъ-Бонапартъ нашелъ менѣе непреклонности въ полковникѣ Водрей. Кто былъ этотъ полковникъ? Объ этомъ Matthieu сообщаетъ слѣдующее.

Послѣ окончанія политехнической школы въ 1806 году, Вод-

рей, будучи лейтенантомъ, отличился въ 1809 г. въ Тирольской кампаніи, гдѣ получилъ рану; затѣмъ въ слѣдующемъ 1810 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны, въ 1813 г. за возвращеніе отъ непріятелей артиллерійской батареи, при чемъ былъ вторично раненъ, былъ пожалованъ орденомъ и произведенъ въ 1814 г. въ эскадронные командиры. Передъ нимъ открывалась блестящія военная карьера, какъ вдругъ, вмѣстѣ съ паденіемъ имперіи, рухнули всѣ его надежды. Въ восемь лѣтъ онъ получилъ эскадроннаго командира, но, чтобъ стать полковникомъ, ему понадобилось цѣлыхъ двадцать лѣть. Несправедливость со стороны генераловъ-инспекторовъ окончательно возмутила его. Водрей выслушалъ предложеніе принца довольно спокойно, не выказавъ при этомъ никакого рвенія или особой готовности, и даже послѣ двухчасоваго разговора не далъ формальнаго обѣщанія.

Но и этого было достаточно; если полковникъ, находящійся на дѣйствительной службѣ, могъ такъ спокойно разсуждать объ успѣхахъ заговора, то надо полагать, была возможность окончательно уговорить его.

Вопросъ заключался въ томъ, какимъ образомъ подѣйствовать на этого человѣка? Существуетъ три обычныхъ средства искушенія, при помощи которыхъ можно побѣдить мужчину: деньги, честолюбіе и женщина. На Водрея рѣшили дѣйствовать отчасти посредствомъ честолюбія, а отчасти посредствомъ женщины. За это дѣло взялась Элеонора Браультъ, вдова Гордона Арчера, еще молодая женщина лѣтъ 28-ми. „Она отличалась—говорится въ обвинительномъ актѣ,—какъ своей очаровательной наружностью, такъ и рѣдкимъ умомъ, вполнѣ гармонировавшимъ съ ея красотой“. Будучи дочерью капитана императорской гвардіи, она со всей страстью своего темперамента предалась культу Наполеона. Послѣ смерти мужа она осталась безъ всякихъ средствъ; тогда она сдѣлалась пѣвицей и проводила время, переѣзжая изъ одного курорта въ другой. Такимъ образомъ она очутилась въ Баденѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Здѣсь она довольно часто встрѣчалась съ принцемъ, и принимала его у себя и совершала въ его обществѣ прогулки. Посвященная въ заговоръ, она употребила всѣ усилія своего живаго ума, чтобъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Тогда же она познакомилась съ Водреемъ. Она знала о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ и о важности его согласія для удачнаго исхода дѣла. Водрей, несмотря на свои пятьдесятъ два года и на то, что онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, еще легко увлекался... Г-жа Гордонъ пустила въ ходъ лесть и кокетство и такимъ образомъ быстро побѣдила стараго воина. Съ этого момента заговорщики могли разсчитывать на нее, такъ какъ во всякое время она готова была выдать имъ полковника.

Прелестная Элеонора отлично съумѣла воспламенить полковника, но не торопилась отвѣтить на его любовь. Она дала ему только понять, что если онъ вполнѣ согласится съ планомъ Людовика-Бонапарта, то и она съ своей стороны не останется у него въ долгу.

Чтобъ имѣть, однако, представленіе о томъ странномъ подчи-

неніи, въ которомъ она держала Водрея, слѣдуетъ прочесть его письмо адресованное ей:

Десять часовъ вечера.

„Я получилъ твое письмо... Такое письмо и отъ тебя, Элеонора! Я теперь ясно вижу, яснѣе, быть можетъ, чѣмъ ты этого хотѣла, причину твоего непонятнаго молчанія и мотивъ, заставившій тебя не сдержать даннаго слова.

„Я люблю откровенность, и мнѣ она нравится въ тебѣ; ты ею пользуешься очень широко; это хорошо, это даже рѣдкое качество. У тебя вырвалось нѣсколько выраженій, болѣе чѣмъ жестокихъ, но я увѣренъ, что они были тебѣ внушены другими. Но я молчу! Ты женщина и женщина, которую я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ. Что могу я отвѣтить? Повидимому, ты наказываешь меня своимъ долгимъ молчаніемъ. Твое продолжительное пребываніе въ Парижѣ имѣетъ, какъ видно, ту же причину. Что за жалкій пріемъ! Онъ едва пригоденъ даже для дѣтей! Ты знаешь мое положеніе, оно и такъ затруднительно. Зачѣмъ прибавлять еще къ этому томленіе и мучительную скорбь? Развѣ ты меня считаешь безчувственнымъ?

„Ты меня обвиняешь въ томъ, что я оставилъ, покинулъ своихъ друзей!

Это жестокое обвиненіе идетъ не отъ тебя; скажи тѣмъ, кто взялся тебя извѣщать о моихъ намѣреніяхъ или поведеніи, что они лгутъ... скажи имъ, внушившимъ тебѣ твое послѣднее письмо, полное недовѣрія (что пробудило во мнѣ еще большее недовѣріе). скажи имъ, умоляю тебя, что ихъ подозрѣнія, недовѣрія—клевета и оскорбленіе для меня, и я этого не потерплю. Передай имъ, что я одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые могутъ сказать: всмотрись въ мою жизнь, и тогда оцѣни, кто я такой.

„Ты, они, всѣ вы, наконецъ, даже не краснѣете, думая, что угроза можетъ имѣть какое-либо вліяніе на меня—и ты употребляешь въ этомъ случаѣ средство слабыхъ. Вы полагаете, что воля моя уступитъ... чему, о Боже! угрозамъ,—о! ты меня совсѣмъ не знаешь.

„Безумные, обратитесь лучше къ моему убѣжденію, постарайтесь переубѣдить меня, если это надо (хотя ты отлично знаешь, что въ этомъ нѣтъ надобности), постарайтесь разъяснить мнѣ дѣло, если я заблуждаюсь, и вы увидите, пересилитъ ли моя воля вашу и останусь ли я позади, когда надо будетъ дѣйствовать и показать себя на дѣлѣ.

„Самое большое доказательство моей любви, которое я могу дать тебѣ, это думать, что письмо тебѣ внушено, такъ какъ оскорбленіе, хотя и замаскированное незаслуженной лестью, легко узнать; рука женщины или друга не можетъ наносить подобныхъ ударовъ. Но ты скоро увидишь, умѣю ли я отвѣчать на вызовъ: ты это увидишь, когда я пріѣду въ Страсбургъ.

„Послѣ всего этого свиданіе между нами дѣлается еще болѣе необходимымъ, хотя бы для того только, чтобъ уничтожить прискорбныя и роковыя предубѣжденія, стоящія между нами, и заняться нашими общими интересами.

„Несмотря на твое воинственное, угрожающее письмо, я люблю тебя по-прежнему отъ всей души, и что бы ты ни говорила, я увѣренъ, что тебѣ не придется краснѣть за меня. До скораго свиданія, моя дорогая! Несмотря на свое нездоровье, какъ можно скорѣе прилечу къ тебѣ".

Полковникъ встрѣтился съ г-жей Гордонъ въ Дижонѣ, гдѣ состоялись послѣднія совѣщанія между 23-мъ и 30-мъ октября.

30-го октября, въ пять часовъ утра, въ Аустерлицкихъ казармахъ, полковникъ Водрей представилъ Людовика-Бонапарта своему полку (4 артиллерійскому). Солдаты закричали: „да здравствуетъ императоръ!" Были посланы отряды, чтобъ арестовать префекта и полковника 3 артиллерійскаго полка. За генераломъ Возролемъ, отказавшимся слѣдовать за претендентомъ, также былъ установленъ строгій надзоръ. Наконецъ заговорщики направились къ оградѣ казармъ 46 армейскаго полка. Здѣсь-то все и рушилось. Вотъ какъ передадаетъ объ этомъ Matthieu.

Часть войска уже вошла безпрепятственно во дворъ казармъ. Крики и грохотъ барабановъ, по приказанію Водрея, заставили сбѣжаться всѣхъ солдатъ и выстроиться противъ артиллеристовъ. Уже многіе изъ пѣхотинцевъ повторяли восклицанія: „да здравствуетъ императоръ!" какъ вдругъ произошелъ неожиданный случай, одно изъ тѣхъ ничтожныхъ происшествій, которыя разбиваютъ подобныя предпріятія въ тотъ самый моментъ, когда они уже недалеки отъ успѣха. Увидѣвъ стараго сержанта Делабара, увѣшаннаго многими орденами, принцъ подошелъ къ нему, похлопалъ по плечу и сказалъ:

— Молодецъ!

— Я двадцать пять на службѣ и всегда служилъ правдою и честью.

— Ты служилъ при моемъ отцѣ, я сынъ императора.

Эта неловкость вызвала недовѣріе стараго ворчуна. Онъ напомнилъ, что сынъ императора умеръ. Напрасно претендентъ старался исправить свою ошибку, доказывая, что онъ племянникъ императора; подозрѣніе уже не покидало простые умы, и вскорѣ въ рядахъ пѣхотинцевъ поднялись крики:

— Товарищи! насъ обманываютъ; тотъ, котораго намъ представляютъ какъ сына императора, не что иное какъ лицемѣрный обманщикъ!

Многіе прибавляли при этомъ:

— Это племянникъ Водрея! Между тѣмъ прибѣжали офицеры 46-го полка. Среди нихъ отличился своимъ рвеніемъ лейтенантъ Пленье, который отдалъ приказъ сейчасъ же арестовать заговорщиковъ и даже самъ подалъ къ тому примѣръ. Два раза онъ лично пытался схватить претендента, но Водрей приказалъ арестовать его. Тогда солдаты 46-го полка пришли къ нему на помощь и освободили его.

Критическій моментъ! Артиллеристы обнажили сабли; пролитіе крови было неизбѣжно. Напрасно Керель показывалъ пѣхотинцамъ орла, эмблему, изъ которой столько солдатъ создало себѣ особый культъ. Напрасно онъ вмѣстѣ съ Грикуромъ кричалъ: „вотъ наша

родина, вотъ нашъ спаситель!"—артиллеристы молчали, и враждебное настроеніе усиливалось. Наконецъ подполковникъ Тэльандіе вывелъ всѣхъ изъ нерѣшимости. По его командѣ 46 полкъ бросился на артиллеристовъ—произошла страшная свалка. Народъ, стоявшій у ограды, принялся ободрять артиллеристовъ и бросать въ пѣхотинцевъ камнями. Нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ разогнали толпу. Претендентъ и лица, бывшія съ нимъ, скоро оказались прижатыми въ уголъ двора. Артиллеристы продолжали нападеніе. Принцъ не хотѣлъ болѣе сопротивляться и сдался въ плѣнъ со своими друзьями. Онъ узналъ, что генералъ Воароль, освобожденный своими офицерами, отправился въ крѣпость и кричалъ съ 16 армейскимъ полкомъ: „да здравствуетъ король".

Остальное извѣстно. Правленіе Людовика-Филиппа, презирая принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ, сослало Людовика Бонапарта въ Америку, тогда какъ сообщники его были преданы уголовному суду.

З. С.

Визитная карточка А. В. Суворова.

Изъ мертвыхъ законовъ.

1750 г. Маія 19. Сенатскій.—О чиненіи пристрастныхъ допросовъ, подъ батожьемъ и кошками, въ слѣдствіяхъ по корчемнымъ дѣламъ.

„Въ Правительствующій Сенатъ учрежденная для слѣдствія по вступившимъ въ Санктпетербургѣ въ Корчемную Контору съ состоянія Ея Императорскаго Величества Декабря 15 дня 1749 года указа, корчемнымъ дѣламъ Коммиссія доношеніемъ между прочимъ объявляла: по имѣющимся де въ реченной Коммиссіи слѣдственнымъ дѣламъ, доносительница Адмиралтейскаго вѣдомства кузнеца Алексѣева жена Ефремова Авдотья Козьмина, да корчемницы сысканныя по доносу ее женки Прасковья Козьмина, Кабардинскаго пѣхотнаго полка капрала Осипова жена Авдѣева, да Авдотья Богданова дочь Адмиралтейскаго вѣдомства кистянаго дѣла ученика Степанова, жена Скорнякова, въ допросахъ съ пристрастіемъ подъ плетьми винилась въ корчемствѣ, и показываютъ Адмиралтейскаго баталіона на гренадера Кандратья Никифорова сына Иродова, что оный гренадеръ Иродовъ неоднократно покупая вино въ Рыбачей слободѣ, къ тѣмъ корчемницамъ приносилъ, а они то вино продавали, и деньги за то вино употребляли въ свои провизіи, а достальныя отдавали означенному гренадеру Иродову; а оный Иродовъ допросомъ и съ очныхъ съ тѣми женками ставокъ, которыя чинены при присланномъ изъ Адмиралтейской Коллегіи депутатѣ, во всемъ противъ ихъ показанія запирается; а по Уложенью 25 главы по 3 и 5 пунктамъ повелѣно таковыми людьми розыскивать и пытать, а оный гренадеръ военнослужащій дѣйствительно, а по оной Коммиссіи по другимъ дѣламъ приличны явились при слѣдствіи морскіе и артиллерійскіе и сухопутные и гарнизонные солдаты служащіе жъ и приказные люди, обрѣтающіеся при дѣлахъ; токмо де оная Коммиссія не представя о томъ Правительствующему Сенату вышеозначенныхъ чиновъ людей съ пристрастіемъ подъ кошками или плетьми разспрашивать не смѣетъ и требовала о томъ указа. И по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ Приказали: въ оную слѣдственную о корчемныхъ дѣлахъ Коммиссію послать указъ, велѣть по показанію вышеобъявленныхъ корчемницъ, кои съ разспросовъ и очной Адмиралтейскаго баталіона съ гренадеромъ Иродовымъ ставки показываютъ, якобы оный гренадеръ Иродовъ, покупая вино въ Рыбачей слободѣ, къ тѣмъ корчемницамъ приносилъ, а онъ Иродовъ въ томъ запирается, того гренадера Иродова ради взыска-

нія правды при опредѣленномъ отъ Адмиралтейской Коллегіи депутатѣ спрашивать съ пристрастіемъ подъ батожьемъ или подъ кошками; также кто въ такомъ же корчемствѣ уже по другимъ дѣламъ морскіе, артиллерійскіе и сухопутные служащіе унтеръофицеры и рядовые по показаніямъ и оговорамъ на нихъ отъ другихъ съ разспросовъ и очныхъ ставокъ же истины показывать не будутъ, то и оныхъ по тому жъ при депутатахъ же спрашивать подъ батожьемъ и кошками; а съ приказными служителями, кои въ томъ прилучатся, поступать какъ съ гражданскими чинами по указамъ чинить повелѣно, и окончавъ о томъ по дѣламъ слѣдствіи, учинить, какъ указы жъ повелѣваютъ".

Опять, если не „батоги", такъ кошки и плети, не за мѣстничество, такъ за корчемство... И съ привключеніемъ даже „доносительницы" (вѣроятно по поговоркѣ—доносчику—первый кнутъ) и гренадера Იродова. Впрочемъ, если „коммиссія" не остановилась передъ плетьми для женщинъ, такъ остановилась передъ плетьми для „приказныхъ" и другихъ *служащихъ*... Затѣмъ, какъ извѣстно, примѣненіе плетей и розогъ у насъ на Руси *до* наказанія и въ формѣ наказанія постоянно съуживалось. Въ настоящее время эта область воздѣйствія на „тѣлеса" совсѣмъ съузилась: *до того почти*, что можно сѣчь однихъ крестьянъ, т. е. приблизительно *только* двѣ трети населенія Россіи...

1800 г. Маія 27. Высочайшій рескриптъ, данный С.-Петербургскому Архіепископу Амвросію. О неувольненіи семинаристовъ изъ духовнаго званія безъ Высочайшаго повелѣнія.

„Преосвященный Амвросій, Архіепископъ С.-Петербургскій. Узнавъ, что изъ Тверской Семинаріи, по требованію недѣльному Санктпетербугскаго Гражданскаго Губернатора Князя Мещерскаго, уволено десять человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу, повелѣваю Вамъ сдѣлать Преосвященному Тверскому выговоръ, подтвердя ему при томъ, чтобъ впредь безъ особаго Моего повелѣнія изъ сего званія въ другія мѣста отнюдь не поступали; вы же имѣйте неослабный надзоръ надъ тѣмъ, чтобъ сія воля Моя по всѣмъ Епархіямъ равномѣрно исполнялась."

Сверхъ сего на семъ же рескриптѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: Предпишите всѣмъ Епархіямъ семинаристовъ не обращать безъ воли Моей въ другое какое званіе, о чемъ каждой разъ Синоду Меня спрашиваться".

Нужна ли *каста священниковъ*? Хотя это какъ-бы и предусматривалось приводимымъ закономъ, едва-ли, ранѣе этого, однако тоже не было отмѣнено Евангеліемъ, требовавшимъ для служенія Богу не *званія*—а *призванія*. Рыбари-апостолы не были изъ касты еврейскихъ жрецовъ... Постепенно ограниченія относительно семинаристовъ рушились, да и въ тѣ времена, къ счастію, едва ли держались особенно прочно на практикѣ, иначе у насъ пожалуй, не было бы ни Сперанскаго (вѣдь лишь впослѣдствіи графа), ни многихъ другихъ дѣйствительно „духа" исполненныхъ лицъ изъ духовенства.

Изъ области археологіи.

Идеализація земной жизни на древне-греческихъ надгробныхъ барельефахъ. (Рефератъ В. П. Метакса, прочитанный на общемъ собраніи членовъ Археологическаго института 28 марта 1900 г.).

Референтъ въ краткомъ, но весьма содержательномъ докладѣ познакомилъ слушателей съ многочисленными надгробными памятниками древней Греціи, относящимися къ концу V и IV-му вѣку до Р. Х., т. е. къ той эпохѣ, когда, послѣ побѣдоноснаго отраженія грознаго нашествія персовъ, національное самосознаніе грековъ достигло своей высшей точки, а эллинскій народный геній своего всесторонняго развитія.

Богатѣйшее въ мірѣ собраніе греческихъ надгробныхъ памятниковъ, съ чудными барельефами, находится въ Аѳинскомъ національномъ музеѣ. Въ 6 большихъ залахъ собрано около 650 памятниковъ всѣхъ эпохъ, начиная отъ архаической и кончая христіанской. Разсмотрѣвъ исключительно памятники, относящіеся къ V—IV вѣкамъ до Р. Х., референтъ демонстрировалъ наиболѣе интересные изъ нихъ въ картинахъ волшебнаго фонаря. Среди памятниковъ выдѣляются 2 типа: а) чисто религіознаго характера, посвященные культу предковъ и б) рисующіе земныя привязанности и отношенія. Въ общемъ оба типа даютъ обаятельно-грустную картину простыхъ, но свѣтлыхъ земныхъ радостей, омраченныхъ крыломъ смерти. Оба типа имѣютъ также одну основную идею—общеніе умершаго съ живыми. Но второй типъ отличается большимъ числомъ памятниковъ и художественностью исполненія. Посвященныя культу жизни, изображенія барельефовъ превращаютъ древне-греческое кладбище въ царство возрожденной жизни: здѣсь дѣти надъ своими могилами забавляются играми, женщины туалетами или заботами по дому.— Наиболѣе частый сюжетъ барельефовъ—это рукопожатіе—отецъ и сынъ, мать и дочь, мужъ и жена обмѣниваются другъ съ другомъ рукопожатіемъ, какъ бы побѣждая любовью раздѣлившую ихъ смерть.

Какъ высоко цѣнилъ эллинъ земную жизнь, ея радости и наслажденія, потери которыхъ ничто не могло замѣнить ему, показываетъ рядъ барельефовъ, гдѣ умершій изображенъ среди былыхъ утѣхъ его жизни. Барельефы памятниковъ съ женскихъ могилъ знакомятъ съ „гинекеемъ", этимъ своеобразнымъ міркомъ, въ которомъ проводила свою жизнь греческая женщина. Она является въ этихъ барельефахъ то нѣжной матерью, то дорогой подругой мужа, возрождая передъ зрителями обаятельный образъ, въ кото-

ромъ красота физическая и духовная слились въ полной гармоніи. Дѣтскій мірокъ изображался на памятникахъ среди своихъ игръ: чаще всего встрѣчаются изображенія дѣтей, играющихъ съ птичкой и собакой. Юноши изображены занятыми гимнастическими упражненіями. На одномъ изъ памятниковъ, на могилѣ одного молодаго аѳинскаго юноши, находится слѣдующая трогательная надпись, обращенная къ прохожему: „ты, взирающій на эту могилу, проникнись жалостью къ нему, ибо онъ, подумай, умеръ, несмотря на всю свою красоту".

По мнѣнію референта изъ обзора надгробныхъ памятниковъ Эллады легко видѣть, что древній грекъ совершенно иначе относился къ смерти, чѣмъ мы. Скромные кресты нашихъ кладбищъ свидѣтельствуютъ о надеждѣ на загробное блаженство, земныя радости не проникаютъ за ограду христіанскаго кладбища. Великолѣпные же памятники древней Греціи говорятъ лишь о разбитыхъ надеждахъ земнаго счастья, — печальное зрѣлище смерти внушало эллину не презрѣніе къ земнымъ радостямъ, не сознаніе всего ихъ ничтожества, а еще бо́льшую любовь и привязанность къ нимъ, столь хрупкимъ, но и столь драгоцѣннымъ для него благамъ.

Русскія народныя примѣты о явленіяхъ, предвѣщающихъ общественныя бѣдствія, упоминаемыя въ Новгородскихъ и Московскихъ лѣтописяхъ.

Докладъ М. Помяловскаго въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 18 марта сего года, носившій скромное заглавіе „изъ области Новгородскаго лѣтописанія", коснулся очень интереснаго вопроса о соотвѣтствіи описываемыхъ лѣтописцами народныхъ бѣдствій съ предвѣщающими эти бѣдствія небесными и другими явленіями.

Роковому взятію Новгорода Іоанномъ III въ 1471 г. предшествовали, по словамъ лѣтописцевъ, грозныя знаменія. Пришла великая буря и сломила крестъ у Св. Софіи, появилась на двухъ гробахъ кровь, слышался самопроизвольный звонъ колоколовъ на Хутынской колокольнѣ, лились слезы отъ иконы Богородицы въ Евфиміевскомъ монастырѣ. Московская лѣтопись ставитъ эти явленія въ связь съ паденіемъ Новгорода, проводя мысль, что Москва, въ этомъ случаѣ, была лишь исполнительницей Божіихъ предначертаній.

Жизнь народовъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ образованности, всегда даетъ факты, гдѣ происходящія и наблюдаемыя человѣкомъ небесныя явленія ставились въ связь съ послѣдующими событіями. Референтъ привелъ много примѣровъ; изъ нихъ наиболѣе яркимъ является описаніе Іосифа Флавія о явленіяхъ, служившихъ предзнаменованіемъ паденія Іерусалима. Не мало такихъ явленій отмѣчено и въ Византійской литературѣ. Перечисленныя выше физическія явленія, служащія предзнаменованіемъ паденію Новгорода, были описываемы лѣтописцами въ другихъ случаяхъ и ранѣе. Референтомъ замѣчено слѣдующее различіе между тѣми и другими. Обыкновенно наблюдается такое явленіе: всякому бѣдствію въ лѣтописи соотвѣтствуетъ и одно какое-либо

отдѣльное знаменіе — въ случаѣ же, приведенномъ выше, одному событію предшествуетъ цѣлый рядъ предвѣстниковъ — описываемыхъ явленій.

По мнѣнію докладчика, различіе это происходитъ отъ того, что разсказъ о грозныхъ знаменіяхъ передъ взятіемъ Новгорода слитнаго состава. Вглядываясь въ тексты лѣтописей, онъ замѣтилъ, что въ сознаніи лѣтописца существовала извѣстная связь между знаменіемъ и фактомъ, по характеру появлявшагося знаменія можно судить о послѣдующемъ фактѣ; такъ знаменія на солнцѣ и лунѣ большею частью предвѣщали смерть одного или нѣсколькихъ лицъ, появленіе кометы знаменовало войну, нашествіе, таинственный гулъ колоколовъ — моръ, слезы, испускаемыя иконами—признакъ пожара, кровь отъ иконы сопровождается мятежомъ. Наблюдаемыя соотвѣтствія, по мнѣнію референта, появились съ одной стороны вслѣдствіе тенденціозности составленія лѣтописей, съ другой въ виду подражанія Византійскимъ лѣтописцамъ. (Такъ напр. затменіе солнца въ 670 г. предвѣстило ослѣпленіе и смерть царя Константина VI, метеорологическія явленія — предвѣщали голодъ).

Почему же лѣтописецъ не указалъ на соотвѣтствующее небесное явленіе — комету, передъ паденіемъ Новгорода. По мнѣнію докладчика, кометы какъ разъ въ то время не было, и лѣтописецъ, не имѣя возможности указать на предзнаменованіе, указывавшее сразу на бѣдствіе въ полномъ его объемѣ, разбилъ бѣдствіе на отдѣльныя явленія, указавъ для каждаго такого явленія соотвѣтствующія предзнаменованія. Мятежу литовской партіи — соотвѣтствуетъ кровавое знаменіе, гибели (казни) массы именитыхъ новгородцевъ — гулъ колоколовъ, голодовкѣ предшествовала „буря велика“, пожару церквей и монастырей — слезы иконы Евфиміевской Божіей Матери и пр. Расчленивъ событіе, лѣтописецъ такимъ образомъ подобралъ по готовому шаблону подходящія для нихъ событія.

Томасъ Вильсонъ. „Наконечники копій, стрѣлъ и ножей въ доисторическое время“. Вашингтонъ, 1899 г. Въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества княземъ П. А. Путятинымъ былъ сдѣланъ докладъ о вышедшемъ недавно указанномъ выше сочиненіи американскаго ученаго.

Томасъ Вильсонъ извѣстенъ какъ классификаторъ американскихъ находокъ первобытныхъ древностей. При составленіи классификацій онъ пользовался программами извѣстныхъ французскихъ археологовъ Габріеля де Мортилье и Филиппа Сальмонъ.

Новое сочиненіе Вильсона содержитъ: а) описаніе копій и гарпуновъ, палеолитическаго періода (каменныхъ отбивныхъ орудій), б) происхожденіе и эволюція лука и стрѣлъ, в) описаніе суевѣрій относительно наконечниковъ стрѣлъ и другихъ издѣлій изъ кремня, г) описанія шахтъ и ломокъ кремня въ Западной Европѣ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и тайниковъ, д) матеріала, употреблявшагося для наконечниковъ копій и стрѣлъ и микроскопическаго изслѣдованія кремней, е) производство наконечниковъ копій и стрѣлъ, ж) описаніе вогнутыхъ

скребковъ для обточки древковъ копій и стрѣлъ (точилокъ), з) классификацію наконечниковъ и статьи о кремневыхъ ножахъ и о ранахъ, наносившихся каменными наконечниками стрѣлъ и копій.

Указавъ на весьма важное значеніе, которое имѣетъ крупный и серьезный трудъ американскаго ученаго, кн. П. А. Путятинъ, болѣе 20 лѣтъ спеціально занимавшійся изученіемъ находокъ каменнаго вѣка въ Россіи, провелъ параллель между успѣхами, которые сдѣлало изученіе этихъ находокъ у насъ и за границей. Въ изученіи русскихъ находокъ является пробѣлъ въ изслѣдованіи шахтъ и ломокъ кремня, микроскопическаго его изслѣдованія и изученія его палеонтологическихъ признаковъ. Въ кремнѣ попадаются остатки раковинъ, корненожекъ, водорослей и т. д., по которымъ можно было бы судить о времени образованія породы, которую находили удобной до производства орудій и о мѣстности, гдѣ она находилась. Мало вниманія удѣляется у насъ, по мнѣнію князя, и на собираніе и опредѣленіе окаменѣлостей въ слояхъ, гдѣ онѣ попадаются вмѣстѣ съ каменными орудіями.

Раскопки Н. Ф. Арепьева въ Петербургской губерніи, Лужскомъ уѣздѣ.

Въ общемъ собраніи членовъ и слушателей 3 февраля Н. Ф. Арепьевъ прочелъ рефератъ о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Лужскомъ уѣздѣ, Яблоницкой волости, между озерами Щирскимъ и Чернымъ, въ районѣ древнихъ Новгородскихъ владѣній, въ Шелонской пятинѣ.

Разнородныя земельныя насыпи, по словамъ референта, представляютъ богатый и безспорный матеріалъ къ возстановленію древнѣйшихъ формъ политическаго быта народовъ. — Это безмолвные памятники ихъ обычаевъ, количества поселеній, образа жизни, домашней обстановки, занятій, костюма, вооруженій, торговыхъ сношеній и вѣрованій. И на эти остатки народной старины лишь очень не давно обращено у насъ должное вниманіе, а именно только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Мѣстность, изслѣдованная референтомъ, Лужскій уѣздъ, имѣетъ выдающійся интересъ, благодаря ея топографическому положенію. Рѣка Луга, пересѣкающая уѣздъ, въ древности отличалась судоходствомъ и многочисленнымъ на ея берегахъ населеніемъ. Впослѣдствіи она перешла во владѣніе Новгородской общины и считалась особенно цѣнной частью ея владѣній. Въ этотъ періодъ, довольно долгій, Литва, Ливонскій орденъ, поляки и шведы, стремясь оттѣснить новгородцевъ отъ Балтійскаго побережья, вели жаркую борьбу за обладаніе этой мѣстностью. Всѣ бѣдствія, обрушившіяся на этотъ край, сохранились въ народной памяти подъ именемъ „Литовскаго разоренья". Особенно тяжелое было для края время въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Изъ ведущихся подъ руководствомъ преподавателя Археологическаго института Н. К. Рериха подготовительныхъ работъ по составленію археологической карты С.-Петербургской губерніи выяснилось, что въ Лужскомъ уѣздѣ различные земляные остатки: насыпи, курганы, могилы, сопки, городки, пещеры, кострища и пр.

встрѣчаются болѣе чѣмъ при 100 селеніяхъ и числомъ болѣе 1.500. Изслѣдованы же изъ нихъ очень немногіе. Раскопки, произведенныя референтомъ, велись въ мѣстности, богатой курганами. На срединѣ озера Чернаго, входившаго въ раіонъ изслѣдованій референта, находится островъ, на которомъ нѣкогда, согласно историческимъ свидѣтельствамъ, и былъ расположенъ древній Черноозерскій монастырь (XV—XVI ст.). Нынѣ на мѣстѣ этого монастыря—вѣковыя деревья, бугры, чередующіеся съ ямами, и единственный вещественный памятникъ — большой каменный четырехконечный крестъ изъ сѣраго песчаника. Могилы и курганы, изслѣдованные Н. Ф. Арепьевымъ, лежатъ въ разстояніи отъ 5 до 7 верстъ къ сѣверу отъ Щирскаго озера и близъ озера Пачужъ. Интересны нѣсколько возвышенностей: Пачужъ или Маячная, Раекъ и др. Названіе Маячной гора получила отъ стоявшаго когда-то на ней маяка въ высокой деревянной башнѣ, служившей для оптическихъ сигналовъ въ военное время.

О холмахъ подобныхъ „Райку" Н. В. Калачовъ говоритъ въ одной изъ своихъ статей, что они „составляли сторожевые посты, въ которыхъ можно было обозрѣвать окрестность на дальнее разстояніе и въ случаѣ приближенія непріятеля своевременно давать знать объ угрожающей опасности". О горѣ Райкѣ и лежащихъ съ нею рядомъ горахъ Орловой и Аѳанасьевой сохранилось въ памяти народа преданіе. На этихъ трехъ горахъ, по преданію, жили три богатыря Иванъ, Орелъ и Аѳанасъ, Занимаясь земледѣліемъ и охотой, они нерѣдко одолжали другъ другу домашнія орудія, свободно перебрасывая ихъ съ горы на гору, Но на обязанности этихъ богатырей лежало защищать округъ отъ враговъ его. Много богатствъ накопили богатыри, ведя войны, и зарывали ихъ въ своихъ пещерахъ—подвалахъ. Другая легенда говоритъ о пастухѣ, чудеснымъ образомъ попавшемъ въ одну изъ пещеръ съ золотомъ; онъ выбрался оттуда съ цѣлью захватить мѣшокъ, но когда возвратился, то пещеры не нашелъ.

Изъ разспросовъ крестьянъ выяснилось, что слова курганъ даже бугоръ имъ почти неизвѣстны. Земляныя насыпи носятъ у нихъ названія сопокъ, сопочекъ и могилъ, если обложены кругомъ камнями (обочинами). Референтомъ изслѣдованъ могильникъ близъ озера Пачужъ, состоящій изъ 83 могилъ. Изъ нихъ вскрыты 4 могилы, находокъ вещей не было. Затѣмъ референтомъ произведено было вскрытіе кургана близъ селенія Березицы и могильника между селеніями Заозерье и Жадитино въ 24 могилы—раскопана одна могила. Раскопки г. Арепьева въ значительной степени подтверждаютъ выводъ, сдѣланный А. А. Спицынымъ въ трудѣ, посвященномъ раскопкамъ Ивановскаго въ уѣздахъ Царскосельскомъ, Петергофскомъ, Гатчинскомъ и Ямбургскомъ.

А. Мироновъ.

Насъ просятъ заявить, что при состоящемъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Великаго Князя Сергія Александровича СПБ. Археологическомъ Институтѣ, въ настоящее время, членами и слушателями Института подъ редакціей препо-

дателя Н. К. Рериха, составляется *археологическая карта С.-Петербургской губерніи.*

Въ виду желательной полноты изданія, составители карты просятъ всѣхъ любителей старины не отказать сообщить въ системѣ нижеописанной, руководствуясь приложенными примѣрами, свѣдѣнія о мѣстныхъ древностяхъ по мѣрѣ возможности въ самомъ ближайшемъ времени.

I Курганы (по мѣстностямъ называемые также сопками, коломищами, Шведскими могилами, Литовскимъ разореньемъ, старыми кучами и пр.). Желательно отмѣтить ихъ:

1) *Мѣстонахожденіе* (уѣздъ, волость, селеніе, урочище, мѣстное названіе, близость воды,—если при рѣкѣ, то на которомъ берегу—и приблизительное разстояніе, а также направленіе (на Востокъ, Западъ, Югъ или Сѣверъ), отъ ближайшаго поселка).

2) *Высоту насыпей и число ихъ* (хотя бы приблизительно).

3) *Внѣшнюю форму* (конусообразную, съ осѣвшей вершиной, полушаровидную, расплывчатую и т. д.).

4) *Внѣшнее устройство* (не обложены ли насыпи камнями; если обложены, то только по основанію или по всей поверхности; не имѣется ли на Востокѣ и Западѣ валуновъ величины особо большой; на вершинѣ насыпи не имѣется ли креста или камней; если имѣется, то какой формы крестъ и въ какомъ порядкѣ камни).

5) Если курганы изслѣдованы, то кѣмъ именно *и каково ихъ внутреннее устройство и содержаніе* (какія-либо подробности находокъ).

II. Могилы (по мѣстностямъ называемыя жальниками, могилами и пр.). Желательно отмѣтить ихъ:

1) *Мѣстонахожденіе, расположеніе и число* (уѣздъ, волость, селеніе, урочище и прочія свѣдѣнія необходимыя и при отмѣткѣ кургановъ).

2) *Внѣшнюю форму и устройство* (какую фигуру представляетъ могила? кругъ изъ камней? четыреугольникъ? овалъ? вся выложена какъ бы сводомъ камня или отмѣчена камнями по основанію? имѣется ли крестъ на могилѣ? если имѣется, то какой формы и матеріала).

3) *Длину и ширину могилы.*

4) Если могила изслѣдована, то ея *внутреннее содержаніе и устройство* (подробности и особенности находокъ).

III. **Городища** и пещеры (мѣста былыхъ укрѣпленій и поселеній). Желательно отмѣтить ихъ:

1) *Мѣстонахожденіе и названіе.*

2) *Расположеніе и внѣшній видъ.*

3) Находки при нихъ и связанныя съ ними *преданія.*

IV. **Случайныя находки** предметовъ древности, не пріуроченныя къ какому-либо опредѣленному памятнику. Желательно отмѣтить ихъ:

1) *Мѣстонахожденіе.*

2) *Способъ нахожденія* (при пашнѣ, на берегу рѣки и т. п.).

3) *Качество* (какіе именно предметы найдены: монеты, каменныя орудія, бронзовые и желѣзные предметы).

V. **Преданія и сказанія** о различныхъ мѣстностяхъ и урочищахъ, не отмѣченныхъ особымъ внѣшнимъ устройствомъ.

VI. *Церкви и часовни* (возможно полное описаніе мѣстонахожденія, а также внутренняго и внѣшняго вида древнихъ деревянныхъ церквей и часовень).

VII. Описаніе старинной *церковной утвари*.

Всякое доставленное свѣдѣніе будетъ съ благодарностью разсмотрѣно и послужитъ къ успѣху такого необходимаго для столичной губерніи изданія, какъ археологическая карта, при чемъ, въ случаѣ желанія, имя сообщившаго будетъ приведено въ источникахъ, способствовавшихъ изданію.

Листъ со свѣдѣніями можно адресовать въ СПБ. Археологическій Институтъ на имя редактора составляемой карты, преподавателя Института Н. К. Рериха.

Примѣръ желательныхъ свѣдѣній:

Царскосельск. у. Сосницкая волость м. Калитино.	Въ паркѣ имѣнья обширное курганное поле, содержащее до 600 насыпей самаго разнообразнаго внѣшняго вида и устройства. Центръ курганнаго поля занимаютъ крупныя конусобразныя насыпи до 5 арш. выш. и до 9 ар. діаметромъ, по краямъ и особенно съ западной стороны насыпи понижаются до ½ ар. выс. и пріобрѣтаютъ расплывчатую форму. Всѣ насыпи окружены по основанію каменнымъ кольцомъ, при нѣкоторыхъ болѣе низкихъ насыпяхъ на Востокѣ и Западѣ имѣются валуны особо большой величины. Крупныя насыпи содержали погребеніе съ трупосожженіемъ съ находками ножей, копій, топоровъ и горшковъ. Меньшія насыпи содержали погребенія на кострищѣ въ сидячемъ и лежачемъ положеніи лицомъ на В. и два на Югъ.	Сообщено Н. К. Рерихомъ.
Царскосел. у. Сосновицкая волость д. Черная.	Между деревнями Черная и Сосницы при впаденіи лѣснаго ручья въ р. Изварку расположено, на холмѣ высотою до 5 саж., городище треугольной формы: двѣ стороны длиною до 35 саж. пользуются водной защитой, третья укрѣплена валомъ, на которомъ раскопкою обнаружены слѣды сгорѣвшаго деревяннаго сооруженія. На площади городища, теперь густо поросшей березнякомъ, найдены очаги, сложенные изъ булыжниковъ, содержащіе много золы. Въѣздъ въ городище въ средней части со стороны, защищенной валомъ.	Сообщено Н. К. Рерихомъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

„Русская Старина", мартъ и апрѣль. Изъ приготовляемаго къ печати сочиненія „Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе", г. Шильдера, помѣщаются въ этомъ журналѣ открывки подъ заглавіемъ „Императоръ Николай I и Польша 1825—1831 г.г.". Отрывки преимущественно состоятъ изъ переписки, которую велъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, намѣстникъ Польши, съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, по поводу вліянія на Польшу событія 14 декабря 1825 г. „Когда разыгрался мятежъ 14 декабря, и былъ открытъ повсемѣстный заговоръ въ Россіи, цесаревичъ утѣшалъ себя надеждою, что поляки къ этому дѣлу не пригодны и останутся въ сторонѣ". Но разслѣдованіе открыло слѣдъ сношеній и переговоровъ между членами русскихъ тайныхъ обществъ и представителями подобныхъ же обществъ въ Польшѣ. Все-таки цесаревичъ продолжалъ не вѣрить въ серьезность заговора въ Польшѣ и просилъ императора прислать въ Варшаву довѣренное лицо, которое могло бы засвидѣтельствовать, что въ Польшѣ все спокойно, и дѣла идутъ какъ въ царствованіе покойнаго императора. Въ показаніяхъ арестованныхъ онъ видѣлъ „одну грубую интригу, сшитую бѣлыми нитками, которую не трудно разобрать съ перваго раза". Если поляки и небезучастны къ заговору, то неумышленно, и онъ старается оправдать ихъ вполнѣ понятнымъ патріотизмомъ, а также примѣромъ Финляндіи. „Прошу доложить Е. И. В., пишетъ онъ ближайшему своему другу, Опочинину, что всѣ поляки однѣхъ мыслей, и, сколько мнѣ случалось слышать, желаніе ихъ есть общее соединеніе провинцій, но чтобы предпринимать какія-либо для сего произвольныя дѣйствія, они отъ сего весьма далеки и никакъ не одобряютъ таковыхъ намѣреній, а, напротивъ, весьма оныя съ прискорбіемъ хулятъ. Но поводы, данные имъ, а наиболѣе примѣръ утверждаютъ ихъ въ ихъ желаніи; они видѣли, что когда новая Финляндія была присоединена къ Россіи и сдѣлано было, подобно царству Польскому, великое княжество Финляндское, то не новую Финляндію присоединили къ старой, а старую къ новой". Императоръ имѣлъ на этотъ предметъ иные взгляды. „Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, писалъ онъ, что продолжать питать и поддерживать идеи, которыя завѣдомо невозможно осуществить вслѣдствіе неудобствъ, крайне важныхъ и влекущихъ серьезныя послѣдствія, значило бы совершенно не выполнять

нашъ долгъ": „Я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если бы вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова". Разногласія продолжали обостряться. Однако, императоръ избѣгалъ какого-либо рѣшительнаго шага въ ту или другую сторону. Такого шага и не было сдѣлано. Цесаревичъ упорствовалъ въ мнѣніи, что опасности не существуетъ, а тайныя общества безпрепятственно работали. Варшавскій слѣдственный комитетъ, учрежденный для открытія польскихъ тайныхъ обществъ, закончилъ свои занятія 22 декабря 1826 г. Члены обществъ были преданы суду. „Не знаю, что выйдетъ изъ этого въ будущемъ, писалъ цесаревичъ, но ручаюсь, что въ настоящее время нѣтъ ни тѣни броженія, и если съумѣютъ взяться за это, то и въ будущемъ можетъ не произойти ничего подобнаго". Предсказанія его не оправдались. Весь край все болѣе и болѣе покрывался сѣтью тайныхъ обществъ. Лѣтомъ 1828 г., дѣло объ арестованныхъ окончилось почти полнымъ ихъ оправданіемъ. Предсѣдатель суда сказалъ: „Мое сердце препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство". Статья г. Шильдера даетъ много интереснаго матеріала, но пока мало обработаннаго. Личность императора остается въ томъ же неизмѣненномъ видѣ, въ какомъ она до сего времени существовала въ представленіи каждаго. Цесаревичъ по-прежнему остается недостаточно разгаданъ. Неизвѣстно, что его побуждало упорно настаивать на оставленіи за Польшей широкихъ правъ самоуправленія и даже на расширеніи ея предѣловъ за счетъ Россіи. Не получая на свои представленія категорическихъ отвѣтовъ, онъ готовъ былъ даже покинуть свой постъ. Въ письмахъ къ государю онъ заговорилъ о старости и сталъ нерѣдко называть себя ветераномъ и инвалидомъ. Оправдывая стремленія къ конституціонной свободѣ, онъ въ то же время называлъ открытіе въ 1830 г. польскаго сейма „нелѣпой шуткой". Отрекшись отъ престола, онъ, послѣ коронаціи Николая Павловича, съ горечью замѣтилъ: „теперь я отпѣтъ". Вообще, эпизодъ изъ исторіи Россіи, связанный съ именемъ Константина Павловича, ждетъ смѣлаго освѣщенія.

„Историческій Вѣстникъ", мартъ. „Воспоминанія о В. В. Крестовскомъ", И. К. Маркузе. Состояніе русской литературы шестидесятыхъ годовъ можно изобразить такъ, какъ изображается географическая карта. На такой картѣ мы бы могли наглядно увидѣть, что тогда въ литературѣ преобладало прогрессивное направленіе. Этимъ направленіемъ пришлось бы занять почти всю карту, и лишь изрѣдка, кое въ какихъ мѣстахъ, мы бы видѣли темныя, бурыя или сѣрыя пятна. Надъ всею литературою царили „Современникъ" и „Русское Слово", а потомъ „Отечественныя Записки" и „Дѣло". Въ этихъ изданіяхъ напечатали свои лучшія произведенія беллетристы-шестидесятники, такъ сказать, чистѣйшей воды: Помяловской, Рѣшетниковъ, Слѣпцовъ, Шеллеръ, Омулевскій. Здѣсь же начали свою дѣятельность писатели, впослѣдствіи—вскорѣ или спустя значительное время—перешедшіе въ другіе лагери, какъ, напр., Лѣсковъ, Вс. Крестовскій,

Случевскій. Если писатель хотѣлъ, чтобъ его читали, чтобъ его идеи нашли распространеніе, если ему нужно было завоевать имя и положеніе въ литературѣ, онъ долженъ былъ въ то время заявить себя прогрессивнымъ бойцомъ, идти „съ вѣкомъ наравнѣ“ и не поступаться *программой*. Могли быть выбраны къ одной цѣли разные пути, разные пріемы борьбы, разное оружіе, но идея должна была одушевлять всѣхъ общая. Эту идею, немножко обще, но вразумительно и безъ оговорокъ, выразилъ Писаревъ: „Конечная же цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка состоитъ все-таки въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать“. Этой цѣли обязаны были неотступно служить наука, искусство, литература, поэзія, критика. Но чтобы служить этой цѣли, надо было органически, всѣмъ существомъ своимъ, быть слитымъ съ нею и во многомъ изъ своего *я* поступиться для нея. Если многіе изъ насъ часто сами не знаютъ „что глупо, что умно; что честно, что безчестно?“, къ чему они холодны и къ чему горячи, а можетъ быть и просто— „къ добру и злу постыдно равнодушны“, то естественно, что въ ту эпоху разгоряченной борьбы не было возможности не только различить вѣрующихъ и устойчивыхъ отъ маловѣровъ и колеблющихся, но и своихъ отъ чужихъ. Кто могъ ожидать, что проповѣдникъ свободы чувствъ, хотя поверхностный и легкомысленный, Вс. Крестовскій, окажется противникомъ всякой эмансипаціи, plus royal que le roi même, и поступитъ въ уланы. Прошло такъ много времени, что наступилъ чередъ разъяснить пружины, побуждавшія этихъ людей, примкнувшихъ къ выгодному положенію, измѣнить личину, сбросить маску долой. Въ статьѣ г. Маркузе, благопріятной Вс. Крестовскому, мы встрѣчаемся съ попыткой освѣтить этотъ періодъ литературатурной дѣятельности писателя, стяжавшаго себѣ громкое имя бульварнымъ романомъ съ мелодраматическими ужасами и запутанной интригой во вкусѣ Понсонъ-дю-Террайля и Борна. Но вѣдь этотъ романъ читали, читаютъ и будутъ читать?! Вотъ критерій, который прилагаютъ иногда не только къ Вс. Крестовскому, но и къ другимъ. Романъ въ свое время коснулся больнаго мѣста, особенно всѣхъ тогда интересовавшаго. Романъ такъ и озаглавленъ: „Книга о сытыхъ и голодныхъ“. Вы видите, какъ В. Крестовскій ловко сыгралъ на прогрессивной стрункѣ того времени. Сыгралъ, капиталъ пріобрѣлъ и перешолъ къ возстановленію невинности. Затѣмъ, заглавіе романа „Трущобы“ гипнотизируетъ, притягиваетъ публику. Трущобы!— вѣдь это какой-то особый міръ, загадочный. Живутъ тамъ люди иной, своеобразной жизнью; жизнь эта у насъ подъ бокомъ, а между тѣмъ мы лишены возможности видѣть ее, понять ее, отдѣлены отъ нея стѣной толще китайской. Трущобы!.. все равно, какія трущобы. У насъ всякія трущобы читаютъ: петербургскія, московскія, варшавскія, одесскія. Теперь описаны и такія трущобы. И литература о нихъ читается нарасхватъ. Романъ „Петербургскія трущобы“ все же не лишенъ элементарныхъ лите-

ратурныхъ достоинствъ, а другіе трущобные романы совсѣмъ уже макулатурныя издѣлія.

Не мало въ то время заинтересовалъ всѣхъ эксцентричный поступокъ Вс. Крестовскаго. Завоевавъ громкую извѣстность литератора, Крестовскій вдругъ специализируется совершенно на противоположномъ поприщѣ: онъ поступаетъ въ уланы. Военные того времени, наоборотъ, покидали свою службу и становились писателями или вообще общественными дѣятелями. Поле для такой дѣятельности въ то время расширилось; на даровитыхъ людей жизнь предъявляла требованія: они нужны были и въ литературѣ, и въ судахъ, и въ земствѣ, и въ школѣ. Г. Маркузе объясняетъ этотъ странный шагъ Крестовскаго традиціонными взглядами, господствовавшими въ семействѣ Крестовскаго. „Отецъ и дѣдъ мой были уланами, объяснялъ онъ, теперь очередь за мной". Но, вѣдь, отецъ и дѣдъ не были литераторами, потому, можетъ, и были уланами? Впрочемъ, г. Маркузе самъ не вѣритъ такому объясненію Крестовскаго. Дѣло, вѣроятно, обстояло проще. Крестовскій чувствовалъ, что литературная среда не его среда.

Въ той же книжкѣ „Истор. Вѣстника" рисуется совсѣмъ другой типъ литературнаго дѣятеля, Ф. Ѳ. Павленкова, недавно умершаго. „Знавшіе Павленкова застаютъ его въ шестидесятыхъ годахъ офицеромъ артиллерійской академіи, по окончаніи которой онъ временно удаляется въ провинцію на службу при кіевскомъ и брянскомъ арсеналахъ; затѣмъ онъ ищетъ себѣ дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, но, потерпѣвъ здѣсь какую-то неудачу, выходитъ въ отставку и отдаетъ себя всецѣло переводческой, издательской и книгопродавческой дѣятельности. Первыя свои статьи онъ помѣщалъ въ „Артиллерійскомъ Журналѣ", „Фотографѣ" и „Журналѣ Мануфактуръ и Торговли", но эти работы не могутъ служить сколько-нибудь характерными иллюстраціями къ складу его жизненныхъ симпатій и убѣжденій. Лишь знакомство съ Д. И. Писаревымъ и увлеченіе его научно-общественными идеалами является какъ-бы центральнымъ мѣстомъ того періода его жизни: онъ дѣлается фанатичнымъ послѣдователемъ и правовѣрнымъ ученикомъ молодаго блестящаго критика и таковымъ остается до послѣднихъ своихъ дней". Лично знавшій его г. Скабичевскій свидѣтельствуетъ, что покойный издатель „всѣмъ направленіемъ своей издательской дѣятельности обязанъ былъ идеямъ Писарева, призывамъ его всей литературы заняться распространеніемъ естественно-научныхъ знаній путемъ переводовъ и популярныхъ изложеній европейскихъ мыслителей и ученыхъ".

Совѣты Писарева заняться способнымъ людямъ популяризаціей естественныхъ наукъ не такъ смѣшны и не всегда пропадали даромъ, чему служитъ подтвержденіемъ Павленковъ. Павленковъ, по совѣту Писарева, бросилъ писать оригинальныя статьи и весь отдался популяризаторской дѣятельности, но въ другомъ родѣ. Онъ сдѣлался разностороннимъ и неутомимымъ издателемъ популярной литературы по общественнымъ и естественнымъ наукамъ и шелъ въ этомъ направленіи неуклонно, съ ревностью фанатика,

пренебрегавшаго всѣми препятствіями, жертвуя выгодами, удобствами и личной свободой. Только благодаря Павленкову мы имѣемъ изданія Бѣлинскаго, Писарева, Шелгунова, Рѣшетникова, Успенскаго, Скабичевскаго и огромную „біографическую библіотеку", до 200 книжекъ, по крайне дешевой цѣнѣ. „И это не простой рядъ случайныхъ изданій, говоритъ авторъ некролога, появившихся въ свѣтъ безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и замысла. Всѣ эти научно-популярныя книги должны быть разсматриваемы, какъ непосредственное осуществленіе идей *учителя*, въ видахъ распространенія въ обществѣ естественно-научныхъ, антропологическихъ и соціологическихъ знаній". Достаточно указать на такія имена иностранныхъ популяризаторовъ науки, какъ Вундтъ, Ланге, Липпертъ, Летурно, Ламброзо, Сигеле, Тардъ, Уордъ, Нордау, Герценъ (сынъ), чтобы убѣдиться въ ясно поставленной себѣ Павленковымъ задачѣ. Остается только сожалѣть, что одно и самое позднѣйшее намѣреніе Павленкова осталось невыполненнымъ. Незадолго до смерти онъ пріобрѣлъ право на изданіе сочиненій А. И. Герцена, которое полагалъ своевременнымъ и возможнымъ пустить въ обращеніе въ русскую публику.

Въ мартовской книжкѣ *„Міра Божьяго"* г. П. Милюковъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о литературной дѣятельности извѣстнаго философа и историка, Петра Лавровича Лаврова, умершаго 29-го прошлаго января въ Парижѣ. Лавровъ у насъ извѣстенъ преимущественно своими „Историческими письмами", напечатанными въ „Недѣлѣ" и потомъ изданными въ 1870 г. отдѣльной книгой за подписью „Л. Миртовъ", а также „Опытомъ исторіи мысли", начало котораго было напечатано въ „Знаніи", а потомъ явилось отдѣльнымъ изданіемъ въ 1874 г. съ иниціалами „П. Л." Но свою литературную дѣятельность онъ началъ еще въ пятидесятыхъ годахъ и съ особенной оригинальной силой проявилъ ее въ послѣдующую горячую эпоху русской общественности. Его „Очерки вопросовъ практической философіи" (1860 г.) и „Три бесѣды о современномъ значеніи философіи" (1862 г.) обратили на себя вниманіе всего мыслящаго русскаго общества новою точкой зрѣнія, извѣстной подъ названіемъ „субъективнаго метода въ соціологіи", которую самъ Лавровъ называлъ *антропологической*. „Антропологическая точка зрѣнія въ философіи— резюмировалъ Лавровъ свой взглядъ — отличается отъ прочихъ философскихъ точекъ зрѣнія тѣмъ, что въ основаніе построенія системы ставитъ цѣльную человѣческую личность, или физико-психическую особь, какъ неоспоримую данную. Для того, чтобы подобное построеніе могло имѣть мѣсто, оно должно заключать: 1, доказательство, что всѣ факты, могущіе войти въ философію, не только не противорѣчатъ бытію цѣльнаго человѣка, но предполагаютъ его (логическое доказательство); 2, доказательство, что другіе философскіе принципы суть не иное что, какъ односороннія формулы антропологическаго принципа, формулы, которыя приводятъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ въ построеніи, если мыслители не допускаютъ въ послѣднемъ непо-

слѣдовательности, именно заимствованій изъ міросозерцаній другаго рода (полемическое доказательство); 3, доказательство возможности построить съ антропологической точки зрѣнія стройную систему, охватывающую все сущее (философское доказательство); 4, доказательство, что историческое развитіе философскихъ системъ приводитъ наше время къ необходимости остановиться на антропологической точкѣ зрѣнія (историческое доказательство)". Философскіе взгляды Лаврова вызвали тогда цѣлую литературную бурю. Лаврова не поняли ни свои, ни чужіе. Достаточно сказать, что противъ него возсталъ его единомышленникъ Писаревъ („Схоластика XIX столѣтія"), а самъ Лавровъ принужденъ былъ защищать своего противника, Юркевича. Этимъ споромъ была вызвана блестящая статья Чернышевскаго „Антропологическій принципъ въ философіи". Въ то время, когда Лавровъ узаконялъ субъективный методъ въ философіи, его самого обвиняли въ отсутствіи субъективности въ изложеніи; когда онъ утверждалъ, что метафизическія системы въ философіи отжили свой вѣкъ, его самого обзывали метафизикомъ. Объясняется это теперь, конечно, очень просто. Съ своей теоріей Лавровъ явился преждевременно. Пора ея наступила позднѣе, спустя десять лѣтъ. Въ то время господствовала въ научныхъ отрасляхъ другая философская теорія — матеріалистическая. Причина неудачи теоріи Лаврова заключалась также въ немъ самомъ—въ неопредѣленности сдѣланныхъ имъ выводовъ и въ излишествѣ діалектическихъ тонкостей. Для шестидесятыхъ годовъ мало сказать, что это были пороки; это были преступленія. О его теоріи прямо говорили, что она практически безполезна. Во всякомъ случаѣ, и тогда отдавали ему должную дань почтенія за его обширную начитанность и основательное знакомство съ исторіей философскихъ системъ, съ послѣднимъ словомъ науки. Но громкую извѣстность и значеніе Лавровъ пріобрѣлъ въ семидесятыхъ годахъ, когда онъ очутился эмигрантомъ за границей. Впослѣдствіи, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ со многими своими единомышленниками разошелся во взглядахъ, что и было подробно изложено Плехановымъ въ книгѣ „Наши разногласія" (Женева, 1884 г.). Вскорѣ послѣ разногласій Лавровъ окончательно прекратилъ свою дѣятельность политическаго бойца, отдавшись исключительно своей, можно сказать, нескончаемой работѣ надъ „Исторіей мысли". Послѣдній его трудъ, отрывокъ изъ той же исторіи, подъ заглавіемъ „Задачи пониманія исторіи", былъ изданъ въ Россіи въ 1898 г. подъ псевдонимомъ С. С. Арнольди.

Съ этой книги „Міра Божьяго" начато печатаніемъ одно изъ выдающихся произведеній знаменитаго Эрнста Геккеля „Трансформизмъ и дарвинизмъ. Популярное изложеніе общаго ученія о развитіи". Переводчикъ, г. Вихерскій, предпосылаетъ русскому изданію слѣдующее, имѣющее интересъ, разъясненіе: „Въ числѣ послѣдователей Дарвина знаменитый іенскій профессоръ Эрнстъ Геккель безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ участвовалъ въ разработкѣ ученія о развитіи и является не только послѣдователемъ Дарвина, но отчасти и самостоятельнымъ

творцомъ идей *дарвинизма.* Теорія развитія послужила въ его рукахъ средствомъ для выясненія родственныхъ отношеній различныхъ группъ міра животныхъ и растеній. Геккель въ своей „Общей морфологіи" распространилъ идеи Дарвина на развитіе человѣка. Онъ впервые точно опредѣлилъ близкую связь между развитіемъ видовъ въ ряду поколѣній и развитіемъ зародыша, доказавъ при этомъ, что развивающійся зародышъ повторяетъ исторію развитія всѣхъ его предковъ. Эта глубокая мысль сдѣлалась предметомъ горячихъ споровъ и открыла новое обширное поле для изслѣдованія индивидуальнаго развитія. Ясность изложенія, широта научнаго взгляда въ связи съ философскимъ направленіемъ его мысли помогали ему проводить въ обширный кругъ общества то цѣльное реальное и научное міровоззрѣніе, которое онъ справедливо считаетъ величайшимъ умственнымъ завоеваніемъ настоящаго вѣка. Русскій переводъ его лекцій, читанныхъ имъ въ 1867 — 1868 гг., сдѣланъ съ 9-го, значительно измѣненнаго имъ нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ 1898 г., и содержитъ общую часть его „Естественной исторіи созданія", которая принадлежитъ къ числу классическихъ произведеній научнопопулярной литературы".

Замѣтимъ, что попытка выпустить настоящее сочиненіе Геккеля въ русскомъ переводѣ была сдѣлана Прянишниковымъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, подъ заглавіемъ „Естественная исторія мірозданія", но, по необъяснимымъ цензурнымъ недоразумѣніямъ, не осуществилась. Вѣроятно, цензуру напугало слово *мірозданіе,* ничего, однако, не имѣющее общаго съ библейскимъ понятіемъ *мирозданіе.* Такими курьезными недоразумѣніями прежней цензуры хоть прудъ пруди. Даже „печь пироги въ *вольномъ* духѣ" не разрѣшалось, и такого пирожника причисляли къ опаснымъ литераторамъ.

„Русское Богатство", мартъ. «Изъ разсказовъ Гюи-де-Мопассана». Рѣшительно отказываемся утверждать, печатались ли когданибудь въ „Русскомъ Богатствѣ" разсказы Мопассана. Пересматривать же журналъ за восемь лѣтъ нѣтъ ни времени, ни охоты. Все-таки мы скорѣе допускаемъ, что Мопассанъ въ этомъ журналѣ еще ни разу не появлялся, и если теперь онъ попалъ на страницы этого журнала, то только потому, что журналъ въ правѣ всякое явленіе отмѣтить, тѣмъ болѣе, если явленіе закончилось и подлежитъ, такъ сказать, суду исторіи. Credo „Русскаго Богатства" для всѣхъ ясно и опредѣленно, и было бы крайне непонятно, если бы этотъ журналъ вдругъ заявилъ, что къ своей идейной программѣ онъ прибавилъ и Мопассана. Это было бы также непонятно, какъ непонятнымъ и изумительнымъ показалось бы заявленіе вѣрующаго человѣка, что онъ къ десяти заповѣдямъ прибавилъ еще какую-нибудь одиннадцатую, которую онъ исполняетъ, но въ которую онъ не вѣритъ. Представьте себѣ, однако, что „Русское Богатство" не только пришило къ себѣ Мопассана, но и вѣритъ въ крѣпость этой пришивки. Что такое Мопассанъ? Это человѣкъ буржуазнаго склада мышленія, типъ современнаго француза—чувственно любующагося благополучіемъ

жизни, обезпеченной гарантированной рентой. Онъ страшно опасается, что эта гарантія вдругъ окажется ненадежной, и тогда рухнетъ верхушка, въ которой ютятся сливки французскаго общества, „лучшіе люди, гордость націи". Когда ему кажется, что все обстоитъ благополучно, онъ балагуритъ, забавляетъ своихъ читателей разсказами о флиртахъ, по его мнѣнію—совершенно невинныхъ, но для многихъ русскихъ читателей настолько непонятныхъ, что приходится обращаться за комментаріемъ къ людямъ *свѣдущимъ*. Въ своихъ благодушныхъ разсказахъ онъ тотъ же Поль-де-Кокъ, но съ тою разницею, что если Поль-де-Кокъ говоритъ: „и они пошли на чердакъ", то Мопассанъ разскажетъ, что *они* и на чердакѣ дѣлали. Но Мопассанъ очень чувствителенъ къ мелкимъ изъянамъ буржуазнаго общества. Онъ сознаетъ, что этихъ изъяновъ безчисленное множество. Онъ думаетъ, что они не составляютъ порожденіе того же общества, а приходятъ откуда-то со стороны, вѣроятнѣе—изъ *гнилой*, *туповатой* и *спѣсивой* Германіи, или же продолжаютъ существовать, какъ пережитки человѣка-животнаго. Мопассанъ до болѣзненности чутокъ къ этимъ изъянамъ и, обладая большимъ даромъ воспроизведенія жизни посредствомъ слова, рисуетъ передъ вами картину за картиной паденія и гибели людей отъ неосторожныхъ мелкихъ шажковъ, неразсчитанныхъ, несвоевременно замѣтенныхъ, не обставленныхъ надлежащей декораціей. Постигаетъ цѣлое несчастіе всю семью только потому, что не заперли во время дверь. До тѣхъ же поръ всѣ до *единаго* считали себя счастливыми и морально спокойными. Или—семья живетъ явно не по средствамъ, въ полномъ довольствѣ, на луидоры; мужъ же получаетъ какіе-то „семь су", и все-таки не замѣчаетъ несообразности прихода съ расходомъ. Въ женѣ онъ видитъ „ангела доброты и невинности". Но вдругъ жена умираетъ, позабывъ уничтожить *письма*.

Разумѣется, теперь въ воспоминаніи мужа она превращается въ „изверга естества", и мужу ничего не остается дѣлать, какъ оскорбиться въ „своихъ самыхъ священныхъ чувствахъ".

Раскрывая безпрерывно, одинъ за другимъ, эти *изъяны* боготворимой имъ буржуазной Франціи, Мопассанъ неустанно какъ бы кричалъ: „Отечество въ опасности!" А самодовольные буржуа, читая его разсказы, заливались сытымъ смѣхомъ и игриво хлопали по животу одинъ другаго. Какое трагическое недоразумѣніе! Можно съ ума сойти. И Мопассанъ сошелъ съ ума.

Мы не будемъ передавать содержанія четырехъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ указанномъ номерѣ журнала. Не надо было говорить, что это разсказы „Гюи де-Мопассана": узнаешь и по стилю, и по портретамъ, и по обманутому мужу, и по задорному пруссаку, и по скромному буржуа, оказавшемуся въ чужой постелѣ голымъ. Мы укажемъ только на хвалебный гимнъ, правда,—безсодержательный, который предпосылаетъ журналъ и Мопассану, и этимъ разсказамъ. „Здоровый юморъ сочетается въ немъ съ безнадежностью мыслителя, прошедшаго всѣ стадіи самоанализа и углубленія въ жизнь и остановившагося передъ невозможностью окончательнаго итога. Творческій синтезъ прими-

ряетъ противорѣчія и крайности и наполняетъ дыханіемъ жизни явленія, взвѣшенныя разумомъ и разложенныя до послѣдней клѣточки, доступной проникновенію человѣка". „Онъ будто случайно, мимоходомъ приподнялъ на минутку завѣсу съ неприкрашеннаго уголка жизни, рѣзко очертилъ двѣ-три фигуры, намеками обнаружилъ нѣсколько интимныхъ чертъ, изъ которыхъ сложится житейская драма,—и картина готова, тема задана читателю: личный опытъ и знаніе человѣческаго сердца подскажутъ ему одно изъ возможныхъ рѣшеній, воображеніе дорисуетъ остальное... Да, все это *бываетъ*, подумаетъ читатель: на свѣтѣ такъ много страданія и скорби, радость и горе, смѣхъ и слезы уживаются рядомъ, какъ родные братья... И на одну минуту въ душу его, какъ бы черства и безотзывчива ни была она, закрадется искреннее сочувствіе и грусть... Въ этомъ вліяніи и заключается тайна мопассановскаго таланта". Sapienti sat! Но что скажутъ наши, въ бѣлоснѣжныхъ рубахахъ и пестрядинныхъ портахъ, Николай Николаевичъ Златовратскій и Павелъ Владиміровичъ Засодимскій?

— Скажи, Башкировъ,—заговорилъ пріятель: ты хорошо, вѣдь, знаешь простой народъ?

— Чего я знаю! знаю я Петра да Сидора. Вотъ чаво я знаю!

— Ну, да хотя этого Петра да Сидора изучилъ же ты? Вотъ они съ тобой сходятся, тебѣ довѣряютъ. Ты, значитъ, знаешь, чѣмъ можно добиться ихъ довѣренности, чѣмъ разрушить ту стѣну недовѣрія, которая существуетъ между нами и ими?

— Знаю,—протянулъ Ванюшка, хитро улыбнувшись.

— Въ чемъ же, въ чемъ штука-то?—вскрикнулъ обрадованный юноша:—трудно?

— Нѣтъ, ничего... лёгко.

— Легко?

— Не сумлявайся... лёгко.

— Ну такъ въ чемъ же штука?

— Штука-то?.. Быть нещщастнымъ!

Пріятель отчего-то переконфузился, а Ванюшка сталъ хладнокровно переобувать сапоги и молчалъ. Вотъ § 1 программы „Русскаго Богатства", начертанный Златовратскимъ!

Стихійное зло—злоба дня; со стихійной невзгодой даже мы, при низкомъ уровнѣ нашей россійской культуры, можемъ коекакъ бороться. Соціальное зло, подтачивающее народное благосостояніе, велико и разнообразно; оно складывается вѣками и не поражаетъ насъ, ибо мы растемъ посреди него, и т. д. Однимъ словомъ, соціальное зло насъ искони одолѣло, идти некуда, слѣдовательно...

Вотъ § 2 программы „Русскаго Богатства", начертанный Засодимскимъ.

Всѣ *пріятели* „Русскаго Богатства", навѣрное, ужъ переконфузились, видя, какъ оно, собираясь на борьбу съ нашимъ соціальнымъ зломъ, переобувается въ востроносые башмаки Мопассана.

„Недѣля", мартъ. „Новый журнализмъ въ Америкѣ", И. Ру-

бинова. Старому свѣту потребовалось около трехсотъ лѣтъ на развитіе періодической печати; Россіи—двѣсти лѣтъ. И только во второй половинѣ XIX ст. эта печать стала могущественной, какъ говорятъ — шестой великой державой. Въ Америкѣ ростъ печати шелъ гигантскими шагами. Основывается на свободныхъ земляхъ какой-нибудь территоріи поселокъ въ три двора, и непремѣнно въ одномъ дворѣ заводится школа, въ другомъ—мѣстная газета, а въ третьемъ... тоже газета, конкуррирующая съ предъидущей. Это преувеличеніе, но оно не особенно далеко отъ правды. „Быстрота всякихъ эволюціонныхъ процессовъ составляетъ отличительную черту всего американскаго, и это вѣрно въ области журнализма можетъ быть больше, чѣмъ въ какой-либо другой области. И въ особенности рѣзко это бросается въ глаза русскому, который не можетъ не сравнивать ихъ съ отечественной прессой, гдѣ все заключено въ разъ навсегда сложившіяся рамки. Вотъ уже 6 лѣтъ, говоритъ авторъ, слѣжу я изъ Америки за русской прессой, и долженъ сознаться, что за все это время она почти не измѣнилась. Тѣ же размѣры, тотъ же форматъ, тѣ же отдѣлы, заголовки, тотъ же шрифтъ, и почти тѣ же журналисты. Сколько интересныхъ страницъ представляетъ за это время исторія американской журналистики, сколько въ ней произошло перемѣнъ! Вмѣсто 2—3 изданій, газеты стали выпускать до 8 въ день, размѣры вечернихъ газетъ увеличились съ 4 до 12 страницъ, и воскресныя газеты, о 44 страницахъ которыхъ года 2—3 тому назадъ сообщалось въ Россіи, какъ о чудѣ, разрослись до 76 страницъ въ обыкновенныхъ случаяхъ и 100 страницъ въ экстраординарныхъ“.

Не совсѣмъ справедливо, что русская пресса по размѣрамъ и содержанію не измѣнилась въ послѣднія шесть лѣтъ, что личный составъ редакцій покрытъ плѣсенью. Измѣненіе, при внимательномъ наблюденіи, замѣтно, свѣжія силы, спотыкаясь о высокіе пороги и разбивая головы о толстыя стѣны, проникаютъ въ святилища редакціонныхъ комнатъ. Вотъ передъ нами лежитъ еще пахнущій свѣжей типографской краской номеръ русской газеты. Въ немъ „знакомыя все лица“! Уже годъ, какъ издается газета, а она не выставила отъ себя ни одного новаго сотрудника; всѣ они были привлечены изъ другихъ изданій, гдѣ и теперь продолжаютъ оставаться, продолжаютъ и тутъ и тамъ пережевывать старыя мысли, перелицовывать старые образы. Но вы берете листъ другой новой газеты, тамъ вы встрѣчаете старыя рубрики, но зато вы встрѣчаете новыя имена, и не столько имена, сколько инициалы. Это значитъ, что съ вами разговариваютъ пока незнакомцы, проникшіе въ печать послѣ цѣлаго ряда мытарствъ. И въ эти старыя рубрики они внесли новыя мысли. Эволюція и въ русской печати существуетъ. Подсыхающіе старички прикрылись пышными одеждами, молодежь для солидности прикрывается старымъ костюмомъ, но обмѣнъ не заставитъ себя долго ждать. Однако, что это за эволюція сравнительно съ американской. Первая газета въ Америкѣ появилась 24 апрѣля 1704 г. Удобное совпаденіе для сравненія съ разви-

тіемъ русской прессы. Газета выходила разъ въ недѣлю, въ двѣ страницы и ограничивалась сообщеніемъ оффиціальныхъ новостей. Оживленіе въ печать внесла американская война за независимость. Но тиражъ самыхъ распространенныхъ газетъ и въ это время едва достигалъ 3000 экз. Смѣшно сказать, что главное препятствіе къ распространенію газетъ заключалось въ недостаткѣ... тряпокъ. Пресса воззвала къ патріотизму американокъ и умоляла сохранять тряпки для блага отечества. Независимость Штатовъ дала огромный толчокъ къ развитію прессы. Уже въ 1827 г. появились двѣ большія газеты-простыни въ 8 страницъ. Но переворотъ въ исторіи американской прессы былъ вызванъ знаменитымъ Джемсомъ Гордономъ Беннетомъ и его газетой „New-York-Herald“. Основанная на 500 долларовъ, эта газета теперь стоитъ десятки милліоновъ. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Америкѣ уже насчитывалось до 2.500 газетъ. Въ это же время случился переломъ въ содержаніи американскихъ газетъ. До того времени физіономія американской газеты не отличалась отъ европейской. На первомъ мѣстѣ преобладали тѣ же передовыя руководящія статьи, то же служеніе наукѣ и искусству, тѣ же новости политическаго характера. Возьмите телеграммы и хронику сегодняшняго номера нашихъ газетъ, и вы составите понятіе объ интересахъ американскихъ газетъ полвѣка назадъ. А теперь? Милліонъ и двѣсти тысячъ выпусковъ ежедневно, по 16 страницъ каждый, съ массой рисунковъ и географическихъ картъ! Каково же содержаніе американской газеты? То, что больше всего интересуетъ публику: улица, полиція, биржа, театръ—на первой страницѣ; политика, борьба партій—на второй. Но этого американской публикѣ мало. Ее надо постоянно освѣжать какимъ-нибудь новымъ сенсаціоннымъ толчкомъ. Нѣтъ его—его надо выдумать. Создается африканская экспедиція Стенли, устраивается народное голосованіе по какому-нибудь животрепещущему вопросу, объявляется премія на путешествіе вокругъ свѣта въ 40 дней, описывается маловѣроятный подвигъ или преступленіе, и т. д., вплоть до настоящихъ „собственныхъ“ корреспондентовъ изъ всѣхъ частей свѣта, такихъ корреспондентовъ, для которыхъ не существуетъ почты, а только телеграфъ. Къ этому ко всему приладилась реклама и при томъ такъ прочно, что въ нѣкоторыхъ газетахъ занимаетъ главенствующее мѣсто и даже подчиняетъ себѣ текстъ и забиваетъ его. Газета не знаетъ никакихъ ограниченій для объявленій, потому что они составляютъ главный источникъ дохода для газеты. Часто объявленія принимаютъ видъ статьи; только опытный читатель, прочитывая то и другое, съумѣетъ различить ихъ.

Наша пресса отъ такого „новаго американскаго журнализма“, конечно, открещивается, но втайнѣ завидуетъ ему. Многое мѣшаетъ нашимъ газетамъ даже на шагъ подвинуться въ этомъ направленіи. И первое—это петрушкинъ запахъ отъ насиженнаго старичками мѣста.

И. М.

Иностранные журналы.

Souvenirs et Memoires. № 21 отъ 15 марта 1900. PieVII à Paris et le couronnement de l'Empereur Recit d'un prélat de la suite du Pape. Par E. Podocanachi.

Аббатъ Канчельери, сопровождавшій папу Пія VII въ Парижъ въ 1804 году былъ самый образованный и начитанный человѣкъ своего времени. Онъ былъ другомъ кардинала Антонелли, который взялъ его съ собою въ качествѣ секретаря.

Канчельери описываетъ путешествіе папы въ Парижъ весьма обстоятельно. Путешествіе продолжалось три недѣли.

Между прочимъ въ одномъ изъ городовъ случился съ нимъ слѣдующій курьезъ: толпа сильно тѣснилась около папы, и нѣкоторые, увидѣвъ аббата Канчельери, сидѣвшаго на возвышеніи, приняли его за папу, и начали цѣловать его ногу, среди смѣха тѣхъ, которые замѣтили ошибку.

Прибывъ въ Фонтенебло, папа имѣлъ тамъ первое свиданіе съ императоромъ.

Наполеонъ подъ разными предлогами задерживалъ папу, который только 28-го ноября вступилъ въ Парижъ въ 8-мь часовъ вечера.

Коронованіе было назначено на воскресенье 2-го декабря. Папа и его свита принуждены были встать въ этотъ день очень рано, такъ какъ процессія должна была тронуться въ путь въ 9-ть часовъ утра. По прибытіи въ соборъ Божьей Матери, папа облачился и занялъ предназначенное ему кресло и ждалъ прибытія Наполеона цѣлый часъ, „сидя не шелохнувшись, какъ бы погруженный въ глубокія думы"; между тѣмъ въ соборѣ былъ страшный холодъ: главныя двери были все время раскрыты.

По прибытіи Наполеона началась служба. Служба была длинная, такъ что когда кардиналъ и архіепископъ съ хоромъ начали пѣть „Вѣрую", императоръ, боясь, что служба очень затянется, послалъ сказать, чтобы окончили пѣніе, и самъ возложилъ на себя и на императрицу короны.

Послѣ обряда коронованія въ Парижѣ начались празднества, продолжавшіяся 8 дней.

Во время празднествъ аэронавтъ Гарнеренъ, въ присутствіи папы и кардиналовъ, пустилъ воздушный шаръ, привязавъ къ нему на всякій случай записки съ краткимъ перечисленіемъ послѣднихъ событій. По странной случайности шаръ этотъ черезъ 22 часа опустился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рима, о чемъ было немедленно донесено папѣ въ Парижъ.

Аббатъ Канчельери осматривалъ не только всѣ достопримѣчательности Парижа, но побывалъ и въ увеселительномъ саду Фраскати, „самомъ соблазнительномъ мѣстѣ въ Парижѣ, куда собираются въ 10 час. вечера и остаются до 2 час. ночи".

Тамъ три дѣвицы попросили его накормить ихъ ужиномъ и свезти въ оперу, что онъ отказался однако исполнить. Но въ оперѣ побывалъ и остался очень доволенъ.

О Парижѣ онъ отзывается такъ: „Парижъ представляетъ со-

бою хаосъ: это смѣсь богатства и нищеты, порока и добродѣтели, могущества и слабости, тунеядства и труда, наслажденія и мукъ".

Несмотря на настояніе папы, Наполеонъ отпустилъ его въ Римъ лишь въ мартѣ мѣсяцѣ. Выѣхали они изъ Парижа только 4-го апрѣля.

Кромѣ того въ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи: „Революціонные документы": неизданныя письма Лазаря Карно, Тибодо, аббата Сикара и многихъ другихъ; „Дневникъ военной миссіи въ Персію" (1839—1840). „Режимъ якобинцевъ въ Италіи (1798—1799)", и „Маршалъ Брюнъ и его супруга". Брюнъ былъ близкій другъ Дантона; затѣмъ сталъ извѣстенъ какъ искусный полководецъ; послѣ сраженія при Ватерлоо, онъ былъ убитъ въ Авиньонѣ роялистскою чернью.

Въ № 7 журнала „Nouvelle Revue" помѣщена не лишенная въ историческомъ отношеніи интереса статья А. Нетона, подъ заглавіемъ „Франція и Пруссія", тѣмъ болѣе, что она составлена по донесеніямъ и депешамъ, находящимся въ архивахъ министерства иностр. дѣлъ и нѣсколькимъ неизданнымъ документамъ изъ берлинскаго архива. Также источниками служили: мемуары Барраса, Талейрана и др., дипломатическая переписка Поля Бойле, акты комитета общественной безопасности и протоколы директоріи (національные архивы).

Какъ сто лѣтъ тому назадъ, Франція предлагала Пруссіи союзъ, такъ и теперь назрѣваетъ тотъ же вопросъ, но побужденія разныя: тогда имѣлось въ виду противостать ненасытнымъ стремленіямъ Австріи, теперь предстоитъ ея наслѣдство. Авторъ старается изложить въ статьѣ всѣ подробности дипломатическихъ сношеній Франціи съ Пруссіей того времени. Въ 1798 году въ Пруссію былъ посланъ графъ Эм. Сіейссъ, одинъ изъ замѣчательныхъ людей первой французской революціи. (19-го термидора (24-го іюля) онъ сдѣлался членомъ комитета общественной безопасности, потомъ вступилъ въ совѣтъ 500, гдѣ пользовался большимъ вліяніемъ; 18-го фруктидора (5-го сентября 1797) возсталъ противъ директоровъ Карно и Бартелеми; какъ членъ директоріи (16 мая 1799) объявилъ себя противникомъ Барраса, ускорилъ возвращеніе Бонапарта изъ Египта, соединился съ нимъ, принималъ дѣятельное участіе въ революціи 18 брюмера (9 ноября 1799) и сдѣланъ временнымъ консуломъ; отстраненный своимъ могущественнымъ товарищемъ, удалился, получивъ титулъ сенатора и впослѣдствіи графа имперіи. Всѣ старанія Сіейсса склонить Пруссію къ союзу не привели однако ни къ чему, и Пруссія попрежнему оставалась въ выжиданіи, „она ненавидѣла республику и ея принципы". Только позднѣе, послѣ битвы при Маренго, гдѣ консулъ Бонапарте одержалъ побѣду надъ австрійскимъ генераломъ Меласомъ 14-го іюня 1800, вслѣдствіе коей французы утвердились во всей верхней Италіи, тогда только Пруссія увидѣла, какую она сдѣлала ошибку, отклонивъ дружбу Франціи; снова вошла въ переговоры съ Франціею, но послѣдняя отклонила въ свою очередь притязанія Пруссіи и, избѣгнувъ такимъ образомъ

слишкомъ требовательнаго посредника, сама начала вести переговоры съ Австріею (Люневильскій миръ 9-го февраля 1801 года).

Revue politique et parlementaire № 67. Не лишена интереса статья Рене Анри „Габсбургская имперія: теорія распаденія и теорія раздѣла (La Monarchie Habsbourgeoise. Théorie de la Dislccation et Théorie du Partage, par René Henry).

Въ статьѣ приведены три характеристики габсбургской имперіи. Совершенно вѣрно выразился одинъ изъ славянъ: „Трудно познать Габсбургскую имперію: она болѣе сложна, чѣмъ вся Европа, взятая вмѣстѣ, и чтобы ее познать, нужно пожить въ ней и пострадать такъ, какъ мы въ ней страдаемъ".

Карель Крамаршъ, членъ рейхсрата, въ своей знаменитой статьѣ о „Будущности Австріи" говоритъ: „большинство населяющихъ Австрію народностей горячо желаютъ процвѣтанія и силы имперіи, чтобы имъ самимъ жить свободными и безъ всякихъ затрудненій".

Наконецъ, извѣстный славянскій патріотъ и писатель Палацкій воскликнулъ однажды: „если бы не было Австріи, то ее слѣдовало бы изобрѣсти".

По мнѣнію автора статьи, слова Палацкаго имѣютъ глубокій дипломатическій смыслъ.

Въ случаѣ погибели Австріи, поглощенія ея Германіею, перестанетъ существовать и Европа въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь. Континентъ будетъ раздѣленъ на двѣ части: на Россію и Германію съ своими сателлитами, т. е. государствами 2-ой, 3-ей и 4-ой величины, участь которыхъ будетъ зависѣть отъ каприза той или другой изъ этихъ двухъ великихъ державъ.

Поэтому остальнымъ европейскимъ державамъ и въ особенности Франціи необходимо всѣми силами стараться поддерживать единство Австріи. И Европа спасетъ габсбургскую имперію хотя и не отъ распаденія, но отъ раздѣла, если только Франція въ моментъ опасности будетъ сильна и не будетъ отвлечена въ другую сторону.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе статья Эйхталя „La Paix internationale", въ которой отдается должное инціативѣ о всеобщемъ мирѣ и созваніи гаагской конференціи. Хотя эта мирная конференція — говоритъ Эйхталь — достигла очень немногаго, но важно было начало, важенъ первый толчекъ, и рано или поздно всѣ благомыслящія государства сживутся съ этою мыслью и съ готовностью присоединятся къ провозглашенной Россіею гуманной идеѣ.

Science catholique. Revue des sciences sacrées et profanes № 2. Cinq ans du règne de Napoleon III. Etude historique 1861—1866, par. C. de Kirwan.

Въ этой статьѣ разбирается четвертый томъ капитальнаго труда Пьера де-ла Горсъ „Исторія второй Имперіи", удостоеннаго преміи французской Академіи.

Первые два тома, появившіеся въ 1894 году, заключали въ себѣ описаніе событій съ момента государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года до объявленія войны Австріи въ 1859 г.

Третій томъ, о послѣдующихъ событіяхъ — до дня смерти графа Кавура въ іюлѣ 1861 года, появился въ началѣ 1896 г.

Ожидавшійся съ нетерпѣніемъ слѣдующій четвертый томъ появился въ минувшемъ 1899 году. Этотъ самый интересный изъ всѣхъ томовъ, уже вышедшій вторымъ изданіемъ, начинается съ описанія экспедиціи въ Мексику и заканчивается объявленіемъ Пруссіи войны Италіи и Австріи въ іюнѣ 1866 года.

Событіямъ этой войны и ея роковымъ послѣдствіямъ будетъ посвященъ пятый томъ этого обширнаго труда.

The Peacemaker. № 7. Императоръ Александръ I и Стефанъ Грелле.

Маркъ Антуанъ Грелле, дворянинъ, жилъ во Франціи при Людовикѣ XVI. Онъ былъ очень богатъ и любимъ въ королевской семьѣ. Когда началась революція, всѣ его имѣнія были конфискованы, а самъ онъ посаженъ въ тюрьму. Свое заточеніе Грелле переносилъ съ христіанскимъ смиреніемъ и, будучи освобожденъ, сказалъ, что прощаетъ своихъ враговъ.

Сынъ его, Стефанъ Грелле, 19 лѣтъ вступилъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, въ королевскую гвардію и участвовалъ въ нѣсколькихъ битвахъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ, что во время битвы ему никогда не приходилось прибѣгать къ мечу. Взятые въ плѣнъ революціонною арміею, они оба были приговорены къ разстрѣлянію, но имъ удалось бѣжать. Достигнувъ благополучно Голландіи, они отправились въ Демерару (въ Гвинеѣ), гдѣ прожили два года и были свидѣтелями жестокаго обращенія съ рабами. Это произвело такое неизгладимое впечатлѣніе на Грелле, что спустя много лѣтъ ударъ хлыста на улицѣ приводилъ его въ содроганіе.

Весною 1795 года пришло извѣстіе, что приближается французскій флотъ для занятія колоніи, и оба брата тотчасъ же перебрались въ Нью-Іоркъ. Здѣсь произошло событіе, которое отразилось на всю жизнь Грелле. Вотъ какъ онъ сообщаетъ объ этомъ: „Однажды, вечеромъ гуляя одинъ въ полѣ, я вовсе не былъ настроенъ религіозно, былъ совершенно спокоенъ, какъ вдругъ мнѣ послышался чей-то голосъ: вѣчность, вѣчность, вѣчность. Это такъ поразило меня, что я, какъ Саулъ, упалъ на землю. Мнѣ ясно стали вся моя грѣховность и вся моя испорченность, и я увидѣлъ бездну, въ которую стремлюсь“

Послѣ этого, присутствуя на собраніяхъ „религіознаго общества друзей“, Грелле скоро присоединился къ нимъ въ 1796 году въ Филадельфіи. Черезъ два года онъ уже былъ назначенъ „исполнителемъ воли Христовой на ежемѣсячныхъ собраніяхъ для сѣверной области“.

Вскорѣ затѣмъ Грелле началъ проповѣдывать Евангеліе въ другихъ странахъ: въ Канадѣ и восточныхъ и южныхъ штатахъ и въ Вестъ-Индіи. Въ Европѣ онъ былъ четыре раза и проѣхалъ отъ Норвегіи до Италіи и отъ Испаніи до Малой Азіи. Во время третьяго своего путешествія по Европѣ, Грелле видѣлся съ императоромъ Александромъ I

Въ статьѣ приводится изъ записокъ Грелле слѣдующее инте-

ресное описаніе этого свиданія: „Царь очень много и съ большой страстностью говорилъ о религіи. Мы совершенно углубились въ разсужденія о миролюбивомъ царствіи Христа, куда Спаситель, который есть сама любовь, ведетъ всѣхъ тѣхъ, кто слѣдуетъ безпрекословно его ученію, Императоръ говорилъ, какъ измучена его душа, доказывая, что войны и кровавыя битвы должны совершенно прекратиться на землѣ; что онъ проводитъ безсонныя ночи, горячо оплакивая жертвы войны и приносимыя ею бѣдствія человѣчеству, и что когда онъ однажды колѣнопреклоненно молился передъ Спасителемъ, ему ясно представился планъ, какъ убѣдить всѣхъ королей разрѣшать спорные вопросы, не прибѣгая къ оружію, а третейскимъ судомъ; онъ тотчасъ же всталъ съ постели и все изложилъ на бумагѣ, что его намѣреній не поняли, или истолковали въ дурную сторону; но имъ руководили лишь любовь къ Богу и къ людямъ. Этотъ планъ созрѣлъ у него, когда онъ былъ въ Парижѣ.

„Царь просилъ, чтобы мы писали ему какъ брату во Христѣ черезъ князя Александра Голицына, и въ заключеніе попросилъ помолиться съ нимъ вмѣстѣ.

„Затѣмъ я обратился къ нему съ нѣсколькими словами, утѣшалъ его и просилъ твердо идти по пути, указанному ему Господомъ, всецѣло полагаясь на божественную милость, которая сохранитъ его отъ всякаго зла и укрѣпитъ его для всякихъ благихъ начинаній; царь палъ на колѣни и обливался слезами. Потомъ дорогой Алленъ (спутникъ Грелле, изъ Лондона) на колѣняхъ молилъ Господа о благополучіи Царя и его народа. Императоръ, колѣнопреклоненный, оставался еще нѣсколько времени, павши ницъ, хотя Алленъ и кончилъ свою молитву.

„Этимъ закончилось это интересное свиданіе. Переписка черезъ Голицына продолжалась до самой смерти царя укрѣпляя его въ дѣлѣ соединенія народовъ“.

Еще интересное воспоминаніе: журналъ „Alexandria Herold“ напечаталъ 6-го октября 1817 статью, въ которой увѣрялъ, что русскій императоръ Александръ и князь Голицынъ писали въ Массачузетское общество мира, выражая одобренія ихъ дѣйствіямъ въ пользу мира, и что, по просьбѣ князя Голицына, имя послѣдняго было внесено въ списокъ членовъ этого Общества...

Historische Zeitschrift. 1900 II Heft. Образованіе Цизальпинской республики (1801—1802).

Два дня спустя послѣ битвы при Маренго, 16-го іюня 1800 года, Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Миланъ и на слѣдующій же день возстановилъ Цизальпинскую республику, уничтоженную Австріею. Онъ временно назначилъ правительственную коммиссію изъ девяти человѣкъ и законодательное собраніе изъ 50 членовъ подъ предсѣдательствомъ французскаго посланника Петіе.

Талейранъ однако былъ противъ этой республики, которая, по его мнѣнію, только причиняла хлопоты Франціи; ему хотѣлось отдать ее какому-нибудь принцу, зависящему отъ Франціи, напримѣръ великому герцогу Тосканскому, или герцогу Пармскому. Что касается самихъ итальянцевъ, то они прежде всего желали

избавиться отъ временнаго правительства; въ особенности содержаніе оставленнаго французскаго войска ложилось тяжелымъ бременемъ на населеніе. Кромѣ финансовыхъ затрудненій новой республикѣ приходилось испытывать и другія невзгоды. Лигурійская республика старалась захватить себѣ часть ея территоріи, а внутри шла борьба партій.

Идея объединенія всей Италіи являлась пока еще у очень немногихъ, но они скоро принуждены были бросить эти мечты: въ 1801 году Наполеонъ вернулъ папѣ его территорію, присоединилъ Пьемонтъ къ Франціи, а въ Тоскану поставилъ королемъ герцога Пармскаго.

Выработанный секретаремъ Наполеона Марэ проектъ, по которому президенту Цизальпинской республики предоставлялась почти монархическая власть, Наполеонъ передалъ Шалебраку для обсужденія совмѣстно съ тремя итальянцами, находившимися тогда въ Парижѣ, изъ которыхъ самый выдающійся былъ графъ Мельци. Послѣдній выразилъ мнѣніе, что монархическій образъ правленія былъ бы самымъ подходящимъ, при чемъ Наполеонъ долженъ взять въ свои руки бразды правленія, но,—прибавилъ онъ—необходимо, чтобы Наполеонъ принадлежалъ намъ однимъ, иначе найдутся голоса противъ него. Результатомъ совѣщанія было принятіе проекта Марэ съ тѣмъ, чтобы первыя назначенія были сдѣланы самимъ Наполеономъ. Было рѣшено, что въ Ліонѣ состоится собраніе изъ представителей всѣхъ сословій республики подъ предсѣдательствомъ Наполеона. Несмотря на попытки со стороны итальянцевъ выбрать въ президенты республики итальянца, выбранъ былъ Наполеонъ, а вице-президентомъ графъ Мельци, что неособенно понравилось Наполеону.

Такимъ образомъ Наполеонъ добился своей цѣли—онъ сдѣлался повелителемъ Италіи и могъ распоряжаться силами этой страны для увеличенія своей власти.

La Revolution française. Revue d'histoire moderne et contemporaine № 7 1900 года [1]).

Lettres inédites du maréchal Lannes, par J. Gros.

Письма эти, числомъ шесть, писаны были маршаломъ Ланнъ въ періодъ времени отъ іюня 1794 года по май 1804 года къ одному изъ своихъ соотечественниковъ и друзей, гражданину Пузоль. Они очень безграмотны, но при всемъ томъ въ нихъ выражаются оригинальныя мысли, и видно, что Ланнъ все-таки получилъ нѣкоторое образованіе, что раньше опровергалось; изъ нихъ видно также, что отецъ Ланна вовсе не былъ конюхомъ, а купцомъ и женатъ былъ на дочери купца. Сначала они жили безбѣдно, но увеличившаяся семья требовала расходовъ, почему сынъ ихъ,

---

[1]) Жанъ Ланнъ, герцогъ Монтебелло, французскій маршалъ, родился въ 1769 году, сперва красильщикъ, во времена революціи поступилъ въ военную службу, сдѣлался приверженцемъ и другомъ Наполеона, участвовалъ во всѣхъ его походахъ, исполнялъ въ то же время и дипломатическія порученія. 13-го мая 1809 г. занялъ Вѣну. Старшій сынъ его, Наполеонъ, родился въ 1801 году, сдѣланъ Людовикомъ XVIII перомъ Франціи. Съ 1858 года онъ былъ посломъ при русскомъ дворѣ.

Жанъ Ланнъ, 15 лѣтъ долженъ былъ поступить въ ученіе въ красильное заведеніе, а до тѣхъ поръ посѣщалъ, вѣроятно, школу.

Изъ приведенныхъ въ статьѣ шести писемъ особенно интересны четвертое и пятое, писанныя за нѣсколько дней до 18 фруктидора; въ нихъ описывается положеніе арміи во времена директоріи и стремленіе военныхъ вмѣшаться въ дѣла правительства. Маршалъ Ланнъ бранитъ всѣхъ противниковъ революціи, которые „возбуждаютъ страну и погубятъ республику, если не вмѣшается армія". Поэтому вполнѣ понятны причины переворота 18 брюмера и торжество военной диктатуры.

Documents inédits. Napoléon I et Carnot. Карно, Лазарь Николай, графъ, французскій инженеръ, былъ при началѣ французской революціи уже капитаномъ. Во время террора организовалъ революціонныя арміи. Заподозрѣнный въ роялизмѣ, 18 фруктидора былъ осужденъ въ ссылку въ Кайенну, но потомъ возвращенъ. Въ 1800 году при Наполеонѣ занималъ постъ военнаго министра, но вскорѣ перешелъ на сторону оппозиціи. Затѣмъ Карно жилъ въ отдаленіи и занимался научными работами; чтобы увеличить свои доходы, онъ помѣстилъ весь свой капиталъ 125.000 фр. въ морское предпріятіе, но неудачно, совершенно разорился и былъ въ безвыходномъ положеніи. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ, вскричалъ: „Нужно выручить Карно", и написалъ объ этомъ своему военному министру. Тотъ въ письмѣ отъ 2-го іюля 1809 года высказалъ предположеніе, что Карно былъ бы очень полезенъ въ качествѣ дивизіоннаго генерала въ инженерныхъ войскахъ, или же ему можно было бы выдать содержаніе дивизіоннаго генерала со дня оставленія имъ поста военнаго министра, т. е. съ 8-го октября 1800 года, и назначить пенсію по 6.000 фр. въ годъ.

Однако Наполеонъ не одобрилъ ни одного изъ этихъ проектовъ и назначилъ Карно пенсію по 10.000 фр. въ годъ.

Въ 1814 году Карно былъ назначенъ дивизіоннымъ генераломъ и комендантомъ Антверпена, который защищалъ до капитуляціи Парижа.

Въ продолженіе ста дней Наполеонъ сдѣлалъ его пэромъ Франціи и министромъ финансовъ. По прибытіи въ Парижъ Людовика XVIII, Карно отправился въ свое имѣніе, но вскорѣ принужденъ былъ бѣжать въ Варшаву, потомъ переѣхалъ въ Магдебургъ, гдѣ и умеръ въ 1823 г.

Въ статьѣ Г. Монэнъ „Жоржъ Зандъ и февральская революція 1848 г." описывается, съ какимъ сочувствіемъ относилась знаменитая французская писательница къ идеальной республикѣ, и приводятся ея характеристики вожаковъ республиканскихъ партій. Вотъ, напримѣръ, какъ она характеризуетъ Ламартина:

„Ламартинъ представляетъ собою наивнаго Лафайэта; онъ хочетъ быть президентомъ республики и можетъ быть достигнетъ цѣли, потому что искусно ведетъ свои дѣла по отношенію ко всѣмъ людямъ и идеямъ, не вѣря ни одной идеѣ и не любя никого".

Le régime politique après le 9 thermidor, par A. Aulard.

Въ этой статьѣ говорится, что революціонное правительство,

поддерживаемое конвентомъ, было противъ робеспьеристовъ и террористовъ-якобинцевъ и въ борьбѣ съ ними преобразовало демократическій характеръ правительства и такимъ образомъ подготовило для будущаго республику не демократическую, а буржуазную.

A propos des actes de baptême de quelques conventionnels, par A. Kuscinski.

Авторъ статьи доказываетъ, что многія свидѣтельства о крещеніи за время террора во Франціи совершенно фальшивы, такъ какъ большинство, чтобы скрыть свое дворянское происхожденіе, давали невѣрныя свѣдѣнія.

Un tableau de Titien à l'époque, par Armand Breite.

Въ 1791 году у профессора Франсуа Роберта какими-то невѣдомыми путями появилась изъ королевской галлереи картина Тиціана „Три граціи". Онъ всѣми силами старался потомъ продать эту картину правительству, но оно отклонило его предложенія. Гдѣ находится теперь эта картина—неизвѣстно.

Revue de l'Histoire de Versailles et de Seine-et-Oise. февраль 1900 г.

Le mariage du Dauphin, fils de Louis XV, avec l'Infante. Marie-Thérèse, par Henri Léonardon. Женитьба сына Людовика XV шестнадцатилѣтняго Людовика на инфантѣ испанской Маріи Терезіи, родившейся 11 іюля 1726 года и ко дню свадьбы (23 февраля 1745 года) имѣвшей почти 19 лѣтъ, состоялась изъ политическихъ видовъ. Несмотря на это, молодые очень полюбили другъ друга, но счастіе ихъ продолжалось недолго: 16 іюля 1746 г. у нихъ родилась дочь, а на шестой день послѣ родовъ скончалась и принцесса отъ послѣродовой болѣзни. Людовикъ долго не могъ утѣшиться, и второй женѣ его Маріи-Жозефѣ саксонской нескоро удалось замѣнить въ его сердцѣ дорогую для него инфанту.

Les propriétaires versaillais au temps de Louis XIV par Paul Fromageot.

L'Allée d'eau des jardins de Versailles, par Pierre de Nolhac.

Исторія постройки дворца въ Версали и водяной аллеи съ фонтанами по проектамъ 1668 и 1678 годовъ; интересны наблюденія повышенія стоимости земли въ Версали съ момента выбора этой мѣстности подъ королевскую резиденцію.

Journal des économistes отъ 15 февраля.

Un projet de „Banque chretienne" (Genève 1675) par André E. Sayons.

Царившій въ теченіе XVII вѣка въ Швейцаріи піэтизмъ отразился и въ экономической, лучше сказать, чисто финансовой области. Въ 1675 году нѣкто Теофиль де Пино вошелъ съ ходатайствомъ въ Женевскую республику открыть ему въ городѣ христіанскій банкъ. Просьба эта изложена была довольно туманно, вѣроятно составитель боялся высказаться яснѣе, чтобы другіе не завладѣли его идеей.

Въ статьѣ приводится подлинный проектъ де-Пино, который хотѣлъ ни болѣе ни менѣе какъ облагодетельствовать весь христіанскій міръ. Въ немъ можно встрѣтить что-то напоминающее теперешнія страховыя общества съ участіемъ въ прибыляхъ. Документъ весьма любопытный, хотя очень наивно изложенный.

Revue hebdomadaire. № 12. 1900 года.

A travers l'histoire—Le tribunal révolutionaire.

Въ этой статьѣ сообщаются нѣкоторыя интересныя подробносте о дѣйствіяхъ революціоннаго трибунала послѣ казни Людовика XVI.

Старая служанка Екатерина Клеръ праздновала прибытіе въ Парижъ своей землячки. Около полуночи ее нашли на улицѣ, привели въ полицію, гдѣ она крикнула „vive le roi!" Хозяинъ ея, литераторъ, заявилъ, что она добрая женщина, слишкомъ тупая, чтобы заниматься политикой, но что иногда напивается и тогда не знаетъ, что говоритъ. Другіе свидѣтели заявили, что никогда не замѣчали въ ней непріязни къ революціи. Но она была осуждена и гильотинирована за то, что „хотѣла возстановить монархію".

Артиллеристъ Лютье сказалъ однажды нѣсколькимъ каменщикамъ: „есть ли у васъ душа? У меня она есть и принадлежитъ королю, который мнѣ всегда хорошо платилъ". Будучи присужденъ къ смертой казни, онъ клялся „богами", что никогда не проститъ свою смерть тѣмъ, которые его осудили, потому что былъ пьянъ и не зналъ, что говорилъ. Другому несчастному, тоже оправдывавшемуся тѣмъ, что онъ былъ пьянъ, отвѣтили „in vino veritas", а затѣмъ казнили.

80-ти лѣтняго маршала де-Муши, заслуженнаго патріота, тратившаго все свое громадное состояніе на благо отечества, обвинили именно въ томъ, что онъ богатъ; другой вины за нимъ не нашли. Его допрашивали, а жену его гильотинировали безъ допроса. Нѣсколько дней спустя въ спискѣ обвиненныхъ оказались двѣ женщины по фамиліи Биронъ, а нужно было казнить только одну. Фукье-Тенвиль, не зная, которая изъ нихъ провинилась, велѣлъ казнить обѣихъ.

Еще трогательнѣе смерть несчастныхъ женщинъ изъ простонародія, пробовавшихъ протестовать противъ кровопролитія. Ф. Лоазилье умерла за то, что расклеила на нѣкоторыхъ домахъ безграмотныя воззванія къ жителямъ Парижа о спасеніи невинныхъ жертвъ и о прекращеніи дѣятельности гильотины.

Стойкость и твердость духа, съ которымъ умирали всѣ эти невинныя жертвы, сильно раздражили ихъ судей, и кто-то предложилъ передъ казнью пускать кровь осужденнымъ, чтобы ослабить ихъ. Предложеніе это однако не было приведено въ исполненіе.

Кровожадность якобинцевъ объясняется ихъ ограниченностью. Чувствуя свою неспособность управлять Франціею, не умѣя ничего создать или организовать, они въ безсильной злобѣ убивали и грабили, какъ ребенокъ ломаетъ игрушку, потому что не въ состояніи понять ея механизма.

Новыя книги.

Русскія консульства за границею въ XVIII вѣкѣ.

Подъ этимъ заглавіемъ вышло недавно въ Москвѣ обширное изслѣдованіе привать-доцента Харьковскаго университета В. А. Уляницкаго. Авторъ поставилъ себѣ цѣлію прослѣдить истори-

чески происхожденіе и постепенное развитіе русскаго консульскаго института въ иностранныхъ государствахъ. Онъ старается выяснить основныя характерныя черты его и выдвинуть его значеніе какъ въ культурной и экономической жизни русскаго народа, такъ и въ общей системѣ экономической политики и нашего правительства.

Со внѣшней стороны это сочиненіе распадается на двѣ части: *историческую* и *приложенія* (или собраніе документовъ), но, по содержанію, въ немъ собственно три отдѣла, такъ какъ къ исторической части присоединенъ отдѣлъ (съ самостоятельною нумераціею страницъ) объ *организаціи консульствъ*.

Въ *исторической* части—центръ всей работы. Она весьма объемиста (678 стр.) и въ свою очередь подраздѣляется на два большіе отдѣла: первый посвященъ царствованію Петра Великаго, который, вдвинувъ Россію въ систему европейскихъ государствъ, сталъ первый назначать русскихъ консуловъ за границу; второй говоритъ о преемникахъ Петра и особенно о Екатеринѣ II. Изложеніе доведено до 1790 г. и такимъ образомъ не выходитъ изъ предѣловъ XVIII вѣка.

При Петрѣ возникли слѣдующія консульства и агентства, которыя авторъ и разсматриваетъ въ хронологическомъ порядкѣ: а) *въ Европѣ*: въ Амстердамѣ (1707), Венеціи (1711), Парижѣ (1715), Бреславлѣ и Антверпенѣ (1717), Вѣнѣ и Люттихѣ (1718), Бордо и Кадиксѣ (1723). Состояли еще русскій „управитель торговли" въ Гамбургѣ (1713) и торговые агенты въ Любекѣ (1721) и Нюренбергѣ (1722), но свѣдѣнія о нихъ очень скудны и имъ не отведены особыя главы. Хотя при Петрѣ въ Россіи были англійскій консулъ и датскій коммиссаръ, но ни въ Англію, ни въ Данію русскихъ консуловъ назначено не было. б) *въ Азіи*: Въ Китаѣ (1719) и въ Персіи (1720). Во второмъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о русскихъ консулахъ: въ Данцигѣ, Гельсингерѣ, Шкловѣ и Витебскѣ (Польша), Кадиксѣ, Бордо, Лиссабонѣ, портѣ Маюнѣ, Гибралтарѣ, Ливорно, Лондонѣ, Тріестѣ, Бахчисараѣ и въ Персіи. Въ послѣдней главѣ этой части, озаглавленной: „первая организація русскихъ консульствъ", авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о возбужденномъ при Екатеринѣ вопросѣ относительно постановки нашего консульскаго представительства за границей вообще и учрежденія тамъ новыхъ консульствъ и знакомитъ съ мнѣніями по этому вопросу президента коммерцъ-коллегіи гр. А. Р. Воронцова (въ 1774 и 93 г.г.).

Историческое изложеніе подкрѣпляется *приложеніями*, которыя, числомъ 149, составляютъ большой томъ въ 670 стр. Здѣсь помѣщены частью цѣликомъ, частью въ извлеченіяхъ: инструкціи и патенты консуламъ, данные имъ указы, извлеченія изъ ихъ донесеній, изъ дипломатической переписки, къ нимъ относящейся, и т. д. Въ концѣ книги напечатаны: инструкція французскимъ консуламъ 1669 г. и датскій консульскій регламентъ 1749 г.

При обширности и растянутости историческаго изложенія, авторъ поступилъ хорошо, что присоединилъ къ нему отдѣлъ объ *организаціи консульствъ* (въ 200 стр.), могущій быть разсма-

триваемъ и какъ самостоятельная монографія. Хотя въ этомъ отдѣлѣ отводится нѣсколько болѣе мѣста теоретическому элементу и онъ главнымъ образомъ посвященъ все тому же XVIII вѣку, но фактическаго содержанія и тутъ не мало, и мѣстами, какъ бы вопреки себѣ, авторъ забѣгаетъ и въ наше время и даже высказываетъ нѣкоторыя мысли о преобразованіи самаго консульскаго института. Въ этой части разсматриваются слѣдующіе вопросы: возникновеніе и организація консульствъ въ западной Европѣ въ средніе вѣка и въ новое время до XVIII в. включительно; причины, вызвавшія возникновеніе русскаго консульскаго института; его организація при Петрѣ Великомъ и проекты измѣненія въ ней при преемникахъ Петра до 1760 г. Тутъ попутно данъ очеркъ торговой политики, которой держался преобразователь Россіи подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда на Западѣ меркантилизма. Въ заключительной главѣ помѣщенъ наглядный и полный обзоръ всей разносторонней дѣятельности консуловъ къ концу прошлаго вѣка (Схема организаціи русскихъ консуловъ на Западѣ до 1775 г.).

Таково содержаніе разбираемаго нами сочиненія. Богатое по приводимымъ въ немъ матеріаламъ, оно страдаетъ многими недостатками съ точки зрѣнія метода и даже самаго изложенія. Методъ автора въ исторической части не юридическій, а скорѣе какъ-бы археологическій. Въ книгѣ его много выдержекъ изъ документовъ, которые безъ нужды растягиваютъ изложеніе и, приведенные дословно на тяжеломъ и темномъ языкѣ того времени, затрудняютъ чтеніе сочиненія г. Уляницкаго. Много также лишнихъ подробностей, повтореній и сырья, не уясняющихъ, а, наоборотъ, скорѣе заслоняющихъ собою основную идею работы. Нельзя одобрить и порядокъ изложенія—хронологическій. Это заставляетъ автора прерывать свой разсказъ о какой-либо данной странѣ вставками, повѣствованіемъ о другихъ и потомъ опять къ ней возвращаться. Безспорно, книга г. Уляницкаго много выиграла бы, если бы изложеніе его было короче, систематичнѣе и болѣе строго отдѣлено отъ документовъ, послужившихъ для него канвою. Очень подробно трактуя объ учрежденіи русскихъ консульствъ въ Крыму и Персіи, авторъ совершенно обходитъ молчаніемъ Турцію и не упоминаетъ о торговомъ договорѣ съ нею Россіи 1783 г., составляющемъ однако эпоху въ развитіи русскаго консульства на Востокѣ вообще. Произвольнымъ представляется намъ и окончаніе настоящаго труда, доведеннаго въ одномъ мѣстѣ до 1760 г., въ другомъ до 1775 г., а въ третьемъ даже до 1793 г., а не продолженнаго хотя бы до 1820 г., когда былъ изданъ первый русскій консульскій уставъ.

Разбираемое нами сочиненіе написано главнымъ образомъ по первоисточникамъ: г. Уляницкій пользуется широко матеріалами, которые заключаются въ документахъ Моск. Гл. архива мин. иностр. дѣлъ и Архива бывшихъ Коммерцъ-Коллегіи и Коммиссій о коммерціи. Въ исторической части его труда заключается немало любопытныхъ свѣдѣній объ организація и дѣятельности русскихъ консуловъ за первый періодъ ихъ существо-

ванія, какъ на Западѣ, такъ отчасти и на Востокѣ, о цѣляхъ торговой политики нашего правительства въ XVIII в., о воззрѣніяхъ русскаго купечества на иностранную торговлю вообще и даже о его нравахъ: косности, невѣжествѣ и недобросовѣстности въ дѣлѣ веденія торговли. Это составляло главный тормозъ къ осуществленію намѣреній Петра и Екатерины—завязать непосредственныя торговыя сношенія съ иностранными государствами въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить послѣднія покупать нужные имъ русскіе товары прямо отъ нашихъ купцовъ, а не отъ перекупщиковъ (англичанъ и голландцевъ), которые получали весь барышъ отъ этого торга въ свои руки.

Русскіе консулы въ XVIII вѣкѣ были большею частію иностранцы, плохо или вовсе не знавшіе Россію и не имѣвшіе поэтому возможности радѣть объ ея интересахъ. Въ служебномъ отношеніи они зависѣли отчасти отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отчасти же отъ коммерцъ-коллегіи, которыя, смотря по обстоятельствамъ, и выдавали имъ инструкціи. Г. Уляницкій тщательно изучаетъ всѣ эти инструкціи консуламъ, а равно ихъ реляціи и переписку, поскольку таковыя сохраняются въ нашихъ архивахъ. Для опредѣленія правъ, положенія и круга дѣятельности русскаго консула за это время, особенно типичною представляется дѣятельность Бранденбурга въ Кадиксѣ (1766—97 г.г.), на которой авторъ и останавливается со всею подробностью. Нѣсколько случайныхъ консульствъ въ средиземныхъ портахъ были вызваны извѣстною морскою экспедиціею гр. Орлова въ 1770 г. Переговоры объ учрежденіи русскаго консульства въ Бахчисараѣ тянулись въ продолженіе 15 лѣтъ (1743—58 г.г.), и авторъ внимательно слѣдитъ по документамъ за всѣми ихъ перипетіями. Цѣли, преслѣдовавшіяся при этомъ Россіею, были не только торговыя, но и политическія. Особенно съ большою обстоятельностію излагаются судьбы русскаго консульскаго представительства въ Персіи, гдѣ Россія по Рештскому и Ганжинскому договорамъ (1732 и 35 г.г.) добилась привилегіи безпошлинной торговли „натуральныхъ россійской націи“ купцовъ въ Персіи безъ взаимности. Отсюда, нескончаемые споры и уловки, рисующіе въ очень неприглядномъ свѣтѣ нравы и пріемы нашихъ купцовъ, а равно полное неустройство русско-персидскаго торга вообще.

Въ отдѣлѣ объ организаціи консульствъ, авторъ, при нѣкоторыхъ повтореніяхъ предшествующаго изложенія, въ двоякомъ направленіи выходитъ изъ рамокъ XVIII в. Онъ останавливается сперва на возникновеніи консульствъ въ средніе вѣка и на объемѣ предоставленныхъ имъ правъ и полномочій. Вопросъ о томъ, былъ ли этотъ институтъ спеціальнымъ продуктомъ потребностей средневѣковой торговли, или же въ основѣ его лежали старинныя римскія традиціи—онъ считаетъ безполезнымъ и признаетъ консуловъ въ средніе вѣка „единственными постоянными публичными органами международнаго общенія“. Онъ осуждаетъ довольно распространенное мнѣніе, что они предназначались „если не исключительно, то главнымъ образомъ для содѣйствія интересамъ торговли“, и утверждаетъ, что первоначальный ихъ характеръ

былъ правительственный, административно-судебный". Въ этомъ пунктѣ онъ видимо слѣдуетъ выводамъ Салль [1]), мысль котораго, однако, передаетъ невѣрно относительно будто бы предполагаемаго послѣднимъ происхожденія консульства изъ древне-римскихъ традицій. Эта часть кончается общимъ опредѣленіемъ правъ и обязанностей консуловъ въ западной Европѣ въ XVII—XVIII в.в. на основаніи внутренняго законодательства, международныхъ соглашеній и обычая.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ мнѣніямъ публицистовъ и тутъ кратко, но дѣльно упоминаетъ о главныхъ представителяхъ литературы, начиная съ Готмана, Викфора и Бинкерсгука и кончая не только Ваттелемъ, Мозеромъ и Георгомъ Мартенсомъ, но и нѣкоторыми новѣйшими авторитетными интернаціоналистами (Блюнчли, Лееръ, Лауренсъ). Это—второе уклоненіе въ книгѣ г. Уляницкаго отъ XVIII в. или того періода, въ предѣлахъ котораго онъ сосредоточилъ собственно все свое изслѣдованіе. Обращеніе къ новѣйшимъ писателямъ намъ представляется либо лишнимъ, съ точки зрѣнія его темы, либо недостаточно полнымъ. Особенно замѣтно отсутствіе указаній на работу Бульмеринга о консулахъ и на выработанный Институтомъ международнаго права (по его съѣздѣ въ Венеціи, въ 1896 г.) регламентъ о правахъ консуловъ.

Заключительный выводъ автора, по части теоріи, сводится къ требованію уравненія правъ консуловъ и дипломатическихъ агентовъ. Отличіе ихъ, по объему предоставленныхъ имъ правъ, онъ объявляетъ „съ точки зрѣнія современной науки международнаго права анахронизмомъ, лишеннымъ всякаго юридическаго разумнаго основанія". Это, по его словамъ, было вызвано случайными историческими условіями. И такъ называемые дипломатическіе агенты и консулы одинаково являются органами международнаго общенія; они одинаково созданы жизненною необходимостію. Поэтому представляется совершенно неосновательнымъ необезпеченное, въ сущности, правомъ международное положеніе консульскихъ агентовъ. Мы разумѣемъ, говоритъ г. Уляницкій, привилегіи неприкосновенности и неподсудности. Одно изъ двухъ, либо эти привилегіи необходимы для всѣхъ видовъ международныхъ агентовъ, либо онѣ совершенно ненужны. Эти мысли могутъ быть названы и слишкомъ категоричными и недостаточно обоснованными. Большинство интернаціоналистовъ (и Институтъ) стоятъ за различіе правъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ, которое поэтому никакъ не можетъ быть названо (даже въ наукѣ) анахронизмомъ. Кромѣ того различіе это покоится на различіи самихъ сферъ жизни (политической и общественно-экономической, или, по Мартенсу, соціально-культурной), которымъ призваны служить названные органы. Да и была ли бы предлагаемая реформа осуществима на практикѣ въ виду болѣе чѣмъ вѣроятной оппозиціи ей со стороны правительствъ?

---

[1]) Solles, авторъ двухъ дѣловыхъ монографій: „Les origines des premiers consulats de la nation française à l'étranger", и „L'institution des consulats, son origine, son développement au moyen-âge chez les différents peuples. 1898.

Въ цѣльномъ книга г. Уляницкаго, несмотря на указанные недостатки, свидѣтельствуетъ о большомъ трудолюбіи и начитанности автора по источникамъ относительно избраннаго имъ вопроса: она не только знакомитъ насъ всесторонне съ положеніемъ и дѣятельностью русскихъ консуловъ за границею въ теченіе XVIII в., но и содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ указаній на экономическую жизнь и политику нашего отечества, а черезъ это получаетъ интересъ не для однихъ только юристовъ, но и для болѣе широкаго круга читателей. Нельзя не быть благодарнымъ автору за то, что, воспользовавшись своею службою при Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, онъ употребилъ многіе годы на добросовѣстное изученіе хранящихся въ немъ документовъ, столь важныхъ для всякаго отечественнаго историка и юриста, и этимъ подалъ примѣръ достойный подражанія.

Гр. Л. Камаровскій.

«Пѣсни старости», стихотворенія А. М. Жемчужникова 1892—1898. СПБ., 1900 г.

Нашъ маститый поэтъ выпустилъ сборникъ стихотвореній подъ указаннымъ заглавіемъ. Намъ кажется заглавіе не совсѣмъ подходящимъ къ содержанію книги. Дѣйствительно, самъ поэтъ старикъ, но талантъ въ немъ не состарился, не утратилъ юной свѣжести, обаянія, легокъ стиль, простъ и увлекателенъ слогъ, не старческій умъ создалъ этотъ интересный сборникъ стихотвореній, а крупный, разносторонній, не старѣющій талантъ. А. М. Жемчужниковъ беретъ темы изъ ежедневной, такъ сказать, будничной жизни, и эти обыденныя картины подъ его талантливымъ перомъ появляются въ такихъ сильныхъ штрихахъ, что невольно заставляютъ о себѣ думать. Особенно намъ понравились: „Конь Калигулы". „Ели", „Голоса", „Пауза", „Глухая ночь", „Лѣтній зной", „Святая пора", „Придорожная береза", „Дума", „О жизни", „Завѣщаніе", „Прежде и теперь", „По городу бродя", „Поминки" и мн. др. Какъ хорошъ былъ бы расцвѣтъ теперешней поэзіи, если бы наши поэты писали, какъ тѣ, которые считаютъ себя отживающими...

І. Колышко. Маленькія мысли. 1898 — 1899. СПБ. 1900 года.

Въ названной книгѣ г. Колышко собралъ цѣлый рядъ (44) статей-разсужденій по различнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ эти годы. Нѣсколько названій — „О декадентахъ", „О женскомъ вопросѣ", „Царь Өеодоръ Іоанновичъ", „Пушкинъ и мы", „Въ деревнѣ", „Бракъ—какъ религія и жизнь" и т. д. указываютъ на разнообразіе содержанія труда г. Колышко. Кромѣ вопросовъ текущей жизни, авторъ посвящаетъ цѣлый рядъ статей разсужденіямъ, гдѣ происшедшее событие дня является только основой, на которой онъ строитъ свою систему, развиваетъ мысль, переходя отъ частнаго къ общему и цѣлымъ рядомъ блестяще написанныхъ страницъ, увлекаетъ читателя.

А. И. Фаресовъ. „Мои мужики". Очерки и разсказы. СПБ. 1900 года.

Книжка А. И. Фаресова представляетъ рядъ интересныхъ бытовыхъ картинокъ изъ жизни крестьянъ, съ которыми приходи-

лось автору сталкиваться, чаще всего какъ любителю-охотнику. Болѣе всего знакома автору Псковская губернія, очеркамъ нравовъ которой посвящена большая часть книжки. Впечатлѣнія автора часто тяжелыя — грустныя. Въ очеркѣ «Изъ путевыхъ впечатлѣній" онъ говоритъ: „ѣдешь въ деревню отдохнуть душой и нервами, мечтаешь о сельской тишинѣ и кротости людей, живущихъ лицомъ къ лицу съ природой, хочешь на свободѣ поработать и почитать безъ разъѣдающихъ насъ въ столицѣ споровъ и встрѣчъ". Что же въ дѣйствительности ожидаетъ „на лонѣ природы?" „Обѣднѣніе народной массы и изумительная хитрость на выдумки съ голодухи лицъ изъ ея среды". Авторъ наблюдалъ и цѣлую общину обнищалаго народа, живущаго исключительно „выдумкой". Члены общины весьма солидарны между собою: одинъ изъ нихъ, вѣчно пьянъ, занятъ постоянно тѣмъ, что лѣчитъ окрестныхъ крестьянъ, пуская имъ кровь, и имѣетъ, благодаря этому, постоянную прибыльную практику. И это происходитъ въ Псковской губерніи, такъ близко отъ Петербурга. Въ разсказѣ „Женскій вопросъ въ деревнѣ" приведены мнѣнія объ отношеніяхъ мужа къ женѣ—деревенскихъ философовъ-мужиковъ. „По избамъ и школамъ Воспитательнаго Дома" въ районѣ Балтійской желѣзной дороги авторъ совершилъ поѣздку въ сообществѣ одной изъ почетныхъ попечительницъ и вынесъ изъ этой поѣздки также довольно безотрадныя впечатлѣнія. О дѣятельности почетныхъ попечительницъ онъ говоритъ: „на собранныя деньги въ очень малыхъ суммахъ, онѣ покупаютъ одежду, муку и развозятъ по избамъ и школамъ. Вотъ и вся приносимая ими польза. Не много питомцы видятъ любви и ласки въ визитахъ дамъ, не снимающихъ даже шапочекъ съ головы и шубокъ съ плечъ при посѣщеніи избъ и школъ Воспитательнаго Дома".

Вообще просто и съ большой наблюдательностью написанные разсказы А. И. Фаресова читаются съ интересомъ.

Баронъ Ondit (кн. В. В. Барятинскій). „Потомки". Второе изданіе 1899 года. Небольшая книжка заключаетъ въ себѣ картинки изъ жизни нашего Петербургскаго beau-monde'а. Съ нѣкоторымъ юморомъ авторъ подмѣчаетъ отрицательныя стороны этой жизни и рисуетъ ихъ смѣлыми, увѣренными штрихами.

Библіографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критикой, съ предисловіемъ Н. А. Рубакина. Цѣна 1 руб. СПБ. 1897 г. Сухой и неблагодарный трудъ составленія библіографическихъ указателей привлекаетъ къ себѣ очень мало охотниковъ, въ результатѣ чего и получилась замѣчаемая у насъ крайняя бѣдность библіографической литературы. Отраднымъ явленіемъ въ этой области является указываемая нами книга. Она представляетъ изъ себя скромную попытку разобраться въ наличности переводной беллетристики, существующей на русскомъ языкѣ. Свѣдѣнія извлечены изъ русскихъ библіограческихъ указателей и словарей, каталоговъ книжныхъ магазиновъ, частныхъ и общественныхъ библіотекъ, указателей разныхъ періодическихъ изданій и пр. Выбраны оттуда произведенія

тѣхъ лишь авторовъ, которые играли извѣстную роль въ исторіи человѣческой мысли съ древнѣйшихъ временъ.

Въ предисловіи Н. А. Рубакинъ такъ говоритъ о цѣли изданія: „Богата ли русская переводная литература? Въ чемъ заключаются ея богатства? Представляютъ ли они блестящую совокупность лучшихъ произведеній всемірной литературы, — такихъ произведеній, которыя и были, и есть, и еще долго останутся ея украшеніемъ, которыя еще долго будутъ служить незыблемымъ доказательствомъ силы, величія и красоты человѣческаго духа, или же это сбродъ и хламъ, печальные отбросы, не имѣющіе никакого интереса или же имѣющіе интересъ минуты? Что даетъ русской читающей публики переводная литература,—связываетъ ли она ея стремленія со стремленіями западно-европейскаго общества, приближаетъ ли ея жизнь къ духовной жизни человѣчества, къ братской семьѣ народовъ?"

Отвѣты на эти вопросы представляютъ громадный интересъ и возможны только при приведеніи въ извѣстность наличнаго состава переведенной литературы—въ этомъ и заключается теоретическій интересъ „Библіографическаго указателя".

Русская словесность съ XI по XIX столѣтія включительно. Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіеръ. Часть I. Русская словесность съ XI по XVIII вѣкъ. СПБ. 1899 г. Цѣна 2 руб.

Составительница этого кропотливаго и серьезнаго труда не брала на себя задачи составленія указателя по возможности лучшихъ произведеній русской словесности, изслѣдованій ихъ и критическихъ статей о нихъ. Она помѣщала въ свой указатель по возможности всѣ произведенія, не прилагая къ нимъ никакой критической мѣрки.

Цѣль изданія дать возможность читателю оріентироваться въ той массѣ прекрасныхъ и достойныхъ вниманія книгъ и журнальныхъ статей, которыя не утеряли своего значенія и даже общаго интереса до настоящаго времени, но не находятъ себѣ читателей лишь потому, что читающей публикѣ они или неизвѣстны или она забыла о нихъ.

Кромѣ спеціалистовъ-ученыхъ, трудъ г-жи Мезіеръ можетъ быть полезенъ и для преподавателей русской словесности и учащихся. Жаль, что изданіе это нѣсколько дорого.

Раздѣленъ указатель на 4 отдѣла: I. Библіографическіе указатели. II. Главныя сочиненія по исторіи русскаго языка и письменности. III. Произведенія народной словесности, образовавшейся подъ вліяніемъ книжной и IV. Словесность книжная. XI—XVIII вѣка. Въ концѣ словаря приложены алфавитные указатели: именъ авторовъ и книгъ и статей, имя автора которыхъ не указано.

И. В. Лучицкій „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи—(преимущественно въ Лимузенѣ). Кіевъ, 1900. Цѣна 1 р. 50 к.

Объемистый томъ, снабженный массою таблицъ, представляетъ результатъ работъ автора въ департаментскихъ архивахъ Франціи. Главная цѣль работы—изслѣдованіе одного изъ крупныхъ и рѣдкихъ въ исторіи явленій, — конфискаціи земель въ невиданныхъ до того размѣрахъ и ихъ продажи и опредѣленіе того, какое дѣйствіе оказалъ этотъ фактъ конфискаціи на распредѣленіе поземельной собственности прежде всего, а затѣмъ и на измѣненія въ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія Франціи.

Histoire anecdotique de Paul I, tiré du russe par Dmitri de Benckendorff.

Въ Парижѣ выдерживаетъ уже второе изданіе небольшой томикъ, посвященный царствованію императора Павла I. Составленъ онъ Дм. Бенкендорфомъ по цѣнному труду генерала Шильдера „Александръ I, его жизнь и его царствованіе".

Императоръ Павелъ, — говорится въ предисловіи къ этой книжкѣ,—самая загадочная личность въ русской исторіи. Опубликованныя до сихъ поръ историческія свѣдѣнія о его характерѣ очень неполны, часто невѣрны и вообще мало разработаны. Разсказы и описанія частностей изъ его жизни анекдотичнаго характера очень преувеличены или вымышлены. Поэтому объ императорѣ Павлѣ I составились цѣлыя легенды, разобраться въ которыхъ историку очень трудно.

Собранные въ этомъ томикѣ историческіе матеріалы, относящіеся къ царствованію императора Павла I, имѣютъ большую историческую цѣнность: они освѣщаютъ нѣкоторые факты, оставшіеся до сихъ поръ неизвѣстными. Матеріалы эти извлечены изъ писемъ и рескриптовъ императора къ разнымъ лицамъ той исторической эпохи, а именно: графамъ Палену, Салтыкову и Кушелеву, генералу Бенкендорфу; изъ донесеній иностранныхъ пословъ, аккредитованныхъ въ Петербургѣ, и изъ камеръ-фурьерскаго журнала, въ который вносилось ежедневно все, что совершалось при дворѣ, порядокъ, введенный еще со времени Петра Великаго и продолжающійся по наши дни.

Le Sultan et les grandes puissances. Essai historique par Malcolm Mac Call, traduit de l'anglais par Jean Longuet. Paris, 1899.

Въ Парижѣ вышла въ переводѣ на французскій языкъ книга извѣстнаго знатока восточнаго вопроса Малькольма Макъ Колля „Султанъ и великія державы". Трудъ этотъ составленъ преимущественно изъ пересмотрѣнныхъ и дополненныхъ авторомъ статей, помѣщенныхъ имъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1896 года въ газетѣ „Daily Chronicle". Цѣль автора представить въ истинномъ свѣтѣ дѣйствія нынѣшняго турецкаго султана, этого „убійцы", и возбудить симпатіи къ несчастнымъ турецкимъ армянамъ, такъ звѣрски убиваемымъ по распоряженію главы правовѣрныхъ въ турецкой Арменіи и въ самомъ Константинополѣ. По мнѣнію Макъ Колля, только одна великая держава можетъ защитить и спасти армянъ и эта держава —Россія; онъ отзывается съ большою симпатіею о дѣйствіяхъ Россіи на Востокѣ, совершенно безкорыстныхъ и благородныхъ ея побужденіяхъ и желалъ бы улучшить отношенія между нею и своимъ отечествомъ. „Англія, говоритъ онъ, созна-

лась въ своихъ прошлыхъ ошибкахъ и предоставляетъ Россія полную свободу дѣйствій на Востокѣ".

Весьма интересно предисловіе къ переводу этой книги, написанное Урбэномъ Гойе (Urbain Gohier). По его мнѣнію, гаагская мирная конференція должна была бы первымъ дѣломъ заняться вопросомъ объ устраненіи причинъ войны. Лучшимъ средствомъ побудить державы къ разоруженію, или ограниченію вооруженія, очевидно, было бы уничтоженіе поводовъ къ этимъ вооруженіямъ. Если цѣлесообразно предлагать третейскій судъ при являющихся конфликтахъ, то еще цѣлесообразнѣе было бы уничтожить причины этихъ конфликтовъ.

Главную опасность представляетъ въ этомъ отношеніи Востокъ, изъ-за него происходили самыя ужасныя войны, онъ служилъ постояннымъ поводомъ къ раздорамъ за послѣднія три четверти истекающаго столѣтія; оттуда и теперь можетъ появиться искра, которая зажжетъ весь накопившійся горючій матеріалъ во всей старой Европѣ. Если бы державы захотѣли серьезно и искренно пресѣчь этотъ ужасный бичъ, онѣ должны были бы рѣшиться наконецъ всесторонне обсудить восточный вопросъ и ассенизировать этотъ чумный очагъ, называемый Оттоманской имперіей. Корень всего зла находится въ Константинополѣ. Вся тяжесть злодѣяній падаетъ на одного султана, этого единственнаго въ своемъ родѣ представителя человѣческаго рода, а никакъ не на турецкій народъ, котораго нельзя отождествлять съ его тираномъ. Чудовище изъ Ильдизъ-Кіоска единственный отвѣтчикъ за всѣ ужасы, происходившіе въ Арменіи, все дѣлалось по его приказу, а Европа постыдно молчала и молчитъ и теперь. Въ обвиненіяхъ авторъ предисловія не щадитъ и своего отечества: „Убійца нашелъ во Франціи достойнаго себѣ соучастника въ лицѣ бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Ганото, который покрывалъ дѣянія султана, докладывая въ парламентѣ, что въ Турціи все обстоитъ благополучно въ то время, когда тамъ рѣзали и убивали христіанъ. Онъ обманывалъ Францію, обманывали Францію и французскіе органы печати, поддерживаемые открыто турецкимъ посольствомъ и турецкимъ банкомъ. Разумѣется, Францію нельзя защищать, хотя отдѣльныя лица и пробовали возвышать свои голоса противъ Турціи, Франція сама позволяла себя обманывать".

Въ заключеніе Гойе говоритъ, что на Берлинскомъ конгрессѣ Европа приняла на себя обязательство слѣдить, чтобы введены были необходимыя реформы въ Арменіи. Пора исполнить эти формальныя обѣщанія — иначе преступленія убійцы Абдулъ-Гамида покажутся будущимъ поколѣніямъ менѣе ужасными, чѣмъ малодушіе державъ, претендующихъ на цивилизацію.

Редакторъ-издатель **С. С. Сухонинъ**.

ликій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, самогитскій (жмудскій), кіевскій, волынскій, подольскій, подляшскій, ливонскій» (инфляндскій): — впослѣдствіи по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ территорій прибавлялись титулы: «смоленскій, сѣверскій и черниговскій».

Король избирался собраніемъ шляхты въ порядкѣ всеобщаго ополченія по правиламъ, выработаннымъ обычаемъ, но не санкціонированныхъ писаннымъ правомъ. Срокъ, въ который должно быть произведено избраніе, назначалъ первый сеймъ во время междуцарствія, называвшійся конвокаціоннымъ. На поле, гдѣ происходило избраніе, съѣзжались сенаторы, послы воеводствъ, земель и повѣтовъ, избранные на сеймикахъ, а также и сама шляхта. Пріѣзжали и представители важнѣйшихъ городовъ: Гданска, Торна, Эльблонга, Познани, Варшавы, Кракова, Люблина, Каменца-Подольскаго, Вильны. Избирательное поле, подъ селомъ Волею, окапывалось валомъ и рвомъ, въ которыхъ было трое воротъ: для Великой Польши, Малой Польши и Литвы. Для сената возводили деревянный шатеръ, называвшійся «шопою», а рядомъ съ нимъ отводилось мѣсто для шляхетскихъ пословъ, — «рыцарскій кругъ». Всеобщее ополченіе шляхты располагалось подъ окопами по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ. Послѣ богослуженія въ церкви св. Іоанна въ Варшавѣ шляхетскіе послы избирали въ своемъ «кругѣ» маршала; сенаторы подъ предсѣдательствомъ примаса засѣдали въ «шопѣ». Въ назначенное примасомъ время рыцарскій кругъ соединялся съ сенатомъ: они совмѣстно рѣшали текущія дѣла, касавшіяся охраны порядка и безопасности во время выборовъ, договоровъ съ прежнимъ королемъ (pacta conventa), читали письма иностранныхъ дворовъ и т. п. Организовывался также *генеральный каптуровый судъ*, состоявшій изъ трехъ сенаторовъ, назначавшихся примасомъ, и двѣнадцати пословъ, которыхъ назначалъ маршалъ. Этотъ судъ вѣдалъ преступленія, совершенныя присутствовавшими на избирательномъ полѣ. Въ «шопѣ» или подъ открытымъ небомъ сенатъ съ рыцарскимъ кругомъ давалъ аудіенціи посламъ кандидатовъ на престолъ. Въ назначенный для выборовъ день сенаторы и шляхетскіе послы, получивъ благословеніе примаса, удалялись за окопы къ обозамъ своихъ воеводствъ. Старѣйшій сенаторъ рекомендовалъ шляхтѣ и посламъ своего воеводства соотвѣтствующаго кандидата, котораго шляхта отвергала или принимала восклицаніями: *vivat*! Для дѣйствительности выборовъ необходимо было единогласіе. Собравъ

такимъ образомъ голоса, сенаторы и послы возвращались въ сеймовый кругъ, гдѣ ихъ ожидалъ примасъ съ маршаломъ. Въ кругъ являлась также шляхта. Послѣ прочтенія результатовъ голосованія о кандидатахъ примасъ, объѣзжая расположившуюся вокругъ шляхту, трижды спрашивалъ: всѣ ли согласны на избраніе такого-то кандидата? Если никто не возражалъ, то послѣ восклицанія шляхты: vivat! согласны! примасъ привозглашалъ избраннаго короля. Великій коронный маршалъ объявлялъ въ трехъ воротахъ вала объ избраніи короля и привозглашеніи его примасомъ. Послѣ этого отправлялись въ церковь св. Іоанна, гдѣ совершалось благодарственное молебствіе съ гимномъ Амвросія Медіоланскаго: «Тебе, Бога, хвалимъ». Король сперва черезъ своихъ пословъ, а затѣмъ лично присягалъ на соблюденіе условій избранія—pacta conventa,—послѣ чего ему выдавали дипломъ объ его избраніи за подписью и печатями сенаторовъ и шляхты.

Избранный король вступалъ въ свои права лишь послѣ коронаціи, которая совершалась въ Варшавѣ. Послѣ торжественнаго въѣзда въ городъ и встрѣчи мѣщанствомъ онъ совершалъ похороны своего предмѣстника, отправлялся на Скалку для поклоненія останкамъ св. Станислава, затѣмъ короновался въ церкви краковскаго замка. Обрядъ коронаціи совершалъ гнѣзненскій архіепископъ или, за отсутствіемъ его, одинъ изъ епископовъ. Король на колѣняхъ передъ алтаремъ давалъ присягу соблюдать законы республики; послѣ помазанія мѵромъ епископъ опоясывалъ короля мечемъ, возлагалъ на его голову корону и передавалъ ему скипетръ и державу. Церемонію коронаціи примасъ заканчивалъ возгласомъ: «да здравствуетъ король!» Послѣ пиршества король отправлялся въ ратушу, затѣмъ садился на престолъ, сооруженный на городской площади, и принималъ изъявленія преданности отъ мѣщанъ, при чемъ нѣсколькихъ изъ нихъ возводилъ въ рыцарское достоинство. Затѣмъ слѣдовалъ сеймъ, называвшійся коронаціоннымъ, на которомъ король особымъ актомъ подтверждалъ законы республики.

Королевскій дворъ состоялъ изъ различныхъ должностныхъ лицъ: секретарей, хоружихъ, стольниковъ, подстоліевъ, крайчихъ, чесниковъ, кухмистровъ, конюшихъ, подконюшихъ, шамбеляновъ, камераріевъ и т. д. Эти должностныя лица назывались «надворными»—т. е., придворными, и получали вознагражденіе изъ королевской казны. Ко двору принадлежала также гвардія—пѣшая и конная,—которой командовалъ пол-

ковникъ; въ XVII столѣтіи эта гвардія была уменьшена до 1.200 человѣкъ. Королева, короновавшаяся вмѣстѣ съ мужемъ или отдѣльно отъ него, послѣ брака, имѣла свой особый дворъ, состоявшій изъ должностныхъ лицъ и придворныхъ женщинъ.

Доходы королевской казны получались съ государственныхъ имуществъ, соляныхъ копей и олькушскихъ рудниковъ, таможенныхъ сборовъ, монетнаго двора и т. п. Королевскія земли, доходы съ которыхъ первоначально поступали въ королевскую казну, были раздѣлены въ Литвѣ въ 1589 г., а въ Коронѣ въ 1590 г. на двѣ категоріи: одна изъ нихъ, подъ названіемъ столовыхъ имуществъ, была предназначена на содержаніе двора, а другая, называвшаяся старостствами, раздавалась въ награду заслуженнымъ людямъ. Средства на содержаніе королевы давала казна ея мужа; королева-вдова получала опредѣленный пожизненный доходъ съ имуществъ республики, называвшійся *«оправой»* или *«реформаціей»*.

Права короля были вмѣстѣ съ тѣмъ и его обязанностями. Въ опредѣленное закономъ время онъ созывалъ универсалами или письмами (манифестами) шляхту на сеймики и сеймы. По соглашенію съ сенаторами, онъ созывалъ и въ неустановленный срокъ чрезвычайные сеймы и указывалъ предметы обсужденій, о чемъ сообщалъ шляхтѣ черезъ своихъ пословъ. Онъ былъ одной изъ составныхъ частей сейма. Отъ его имени объявлялись постановленія сейма. Въ опредѣленныхъ законами границахъ онъ наказывалъ преступленія и рѣшалъ споры между обывателями; его именемъ постановлялись приговоры всѣхъ судовъ. Онъ раздавалъ обывателямъ королевскія земли, называвшіяся старостствами, назначалъ епископовъ и всѣхъ свѣтскихъ должностныхъ лицъ—какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Ему принадлежало верховное начальствованіе надъ вооруженною силою во время войны; онъ созывалъ всеобщее ополченіе, но только на основаніи особаго постановленія сейма. Менѣе значительныя дѣла онъ рѣшалъ самъ, но подъ контролемъ сейма,—или же обсуждалъ и рѣшалъ ихъ съ совѣтомъ сената. По менѣе важнымъ дѣламъ онъ самъ отправлялъ пословъ за границу, но о порученіяхъ, данныхъ имъ, и о результатахъ переговоровъ обязанъ былъ представить отчетъ ближайшему сейму. Онъ принималъ иностранныхъ пословъ, однако переговоры съ ними могъ вести только по менѣе важнымъ дѣламъ и то лишь въ присутствіи совѣта сената. Безъ разрѣшенія сейма онъ не могъ уѣзжать за границу,—не могъ

жениться и развестись съ женою, не запросивъ мнѣнія сенаторовъ. Сверхъ всего этого, обязанности каждаго короля подробно указывались въ заключенномъ съ нимъ договорѣ (pacta conventa). Въ случаѣ нарушенія королемъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя и подтвержденныхъ присягою, ему грозило примѣненіе статьи объ отказѣ въ повиновеніи.

Всѣ *должности* были пожизненными. Должностныя лица исполняли свои обязанности при дворѣ т. е., при особѣ короля или въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ. При дворѣ функціонировали министры и сановники, въ провинціи же— воеводы, каштеляны, городскія и земскія должностныя лица. Министры и сановники были—коронные и литовскіе.

Министрами были: великіе и надворные маршалы, великіе канцлеры и подканцлеры, великіе и польные гетманы, великіе и надворные подскарбіи.

Великій маршалъ носилъ въ знакъ своего достоинства жезлъ. Главной его обязанностью была охрана безопасности особы короля. Ему принадлежала полицейская и судебная власть въ столицѣ или королевской резиденціи и ихъ окрестностяхъ на разстояніи полумили. Въ своихъ распоряженіяхъ, называвшихся „маршальскими статьями", онъ указывалъ поступки, отъ которыхъ должны воздерживаться обыватели всѣхъ слоевъ подъ угрозою наказанія. Судебной властью онъ пользовался лично или чрезъ посредство своего замѣстителя, при которомъ состоялъ писарь (секретарь). Маршальскій судъ приговаривалъ къ денежнымъ штрафамъ, тюремному заключенію, лишенію чести и даже къ смертной казни. Для охраны безопасности и исполненія приказовъ маршала въ его распоряженіи находился отрядъ войска, состоявшій изъ солдатъ, называвшихся „венграми". Въ качествѣ хозяина королевской резиденціи маршалъ отводилъ квартиры для иностранныхъ пословъ и членовъ сейма, устанавливалъ таксу на товары и напитки, наблюдалъ за правильностью мѣръ и вѣсовъ, взималъ съ купцовъ плату за право торговли, называвшуюся „торговой платой". Онъ наблюдалъ за чистотой и освѣщеніемъ столицы, за безопасностью ея отъ огня; ему принадлежалъ надзоръ за благоустройствомъ каналовъ, мостовъ и т. п. На полѣ, гдѣ производилось избраніе королей, великій маршалъ указывалъ мѣста для рыцарскаго круга и всеобщаго собранія шляхты, наблюдалъ за сохраненіемъ порядка и безопасности, засѣдалъ въ каптуровомъ судѣ. Онъ объявлялъ въ воротахъ валовъ объ

избранія и провозглашенія короля. Во время торжественныхъ шествій короля маршалы шли передъ нимъ съ поднятыми вверхъ жезлами. Во время засѣданій сейма маршалъ въ сенаторской палатѣ давалъ слово ораторамъ, предостерегалъ ихъ въ случаѣ замѣчаній, оскорбительныхъ для королевскаго достоинства; стукомъ своего жезла онъ, въ случаѣ надобности, призывалъ присутствующихъ къ порядку и т. п.

Надворный маршалъ замѣнялъ великихъ маршаловъ во время ихъ отсутствія. Чтобы королевскій дворъ никогда не оставался безъ охраны, маршалы установляли между собой очередь, по которой они исполняли свои обязанности.

Великій канцлеръ назывался также хранителемъ печати въ виду того, что ему при назначеніи на должность вручалась государственная печать. Назначались на эту должность какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица такимъ образомъ, что послѣ канцлера изъ духовныхъ лицъ назначался на должность свѣтскій: очередность въ этомъ отношеніи—«альтернатива» — соблюдалась постоянно отъ временъ Сигизмунда I. Канцлеры были, съ одной стороны, выразителями воли и намѣреній короля, а съ другой,—стражами правъ народа. Они говорили на сеймахъ отъ имени короля, читали перечень предметовъ, подлежавшихъ обсужденію, произносили отвѣтныя рѣчи на аудіенціяхъ, вели переговоры съ послами иностранныхъ державъ, представляли королю просьбы частныхъ лицъ. Они редижировали и скрѣпляли своими печатями всѣ государственные акты: грамоты, данныя мѣстнымъ жителямъ и иностранцамъ, королевскіе универсалы, судебные вызовы и приговоры, дипломы на пользованіе королевскими землями и назначенія на государственныя должности. Коронные акты скрѣплялъ печатью коронный канцлеръ, литовскіе же—литовскій; ливонскіе акты скрѣплялись обѣими печатями. У канцлеровъ были особыя канцеляріи и архивы, называвшіеся *метриками*: коронной и литовской, въ которыхъ хранились акты. Канцлеры наблюдали, чтобы въ актахъ, скрѣплявшихся ихъ печатями, не было ничего, несоотвѣтствовавшаго достоинству короля и правамъ народа. Они могли дѣлать королю представленія въ тѣхъ случаяхъ, если бы онъ велѣлъ имъ скрѣплять печатями акты, противные установленіямъ республики. Сверхъ того, они были предсѣдателями ассесорскихъ судовъ. Во время междуцарствія дѣятельность ихъ прекращалась. Во время же погребенія короля печати уничтожались; послѣ из-

бранія новаго короля изготовлялись новыя печати съ соотвѣтствующими надписями и гербами.

Подканцлеръ пользовался меньшей печатью, которая имѣла такое же значеніе, какъ и большая, канцлерская. У него была особая канцелярія, называвшаяся меньшей; онъ замѣщалъ канцлера въ случаѣ его отсутствія и обыкновенно послѣ него назначался на его должность.

Великій гетманъ носилъ въ знакъ своего достоинства булаву (фельдмаршальскій жезлъ—*Переводч.*); коронный великій гетманъ начальствовалъ подъ коронимъ войскомъ, литовскій же—надъ литовскимъ. На его обязанности лежала защита границъ государства, охрана республики во время внутреннихъ смутъ. Распоряженія его по военнымъ дѣламъ, называвшіяся «гетманскими статьями», имѣли такое же значеніе, какъ и постановленія сейма. Онъ назначалъ мѣсто стоянки войскъ, выдавалъ имъ жалованіе, ему принадлежала судебная власть надъ войскомъ.

Польный гетманъ, называвшійся также пограничнымъ, замѣщалъ въ случаѣ надобности великаго.

Великій подскарбій)* надзиралъ надъ казной королевства, хранившейся въ краковскомъ замкѣ, и великаго княжества литовскаго, хранившейся въ виленскомъ замкѣ, принималъ доходы республики и расходовалъ деньги на предметы, указанные сеймомъ или совѣтомъ сената. Онъ представлялъ отчетъ каждому сейму и за дурное управленіе финансами республики отвѣчалъ собственнымъ имуществомъ. Онъ завѣдывалъ монетнымъ дворомъ, не розданными въ пользованіе королевскими землями, а во время междуцарствія и столовыми имуществами. Власть короннаго подскарбія не распространялась на королевскую Пруссію, которая имѣла своего особаго подскарбія.

Надворный подскарбій завѣдывалъ королевскими доходами и, въ случаѣ надобности, замѣщалъ великаго. Жалованіе онъ получалъ изъ королевской кассы.

Великими сановниками коронными и литовскими были слѣдующіе чины:

Великій подкоморій имѣлъ верховный надзоръ за королевскими палатами. Онъ поддерживалъ блескъ двора, наблюдалъ за безопасностью особы короля; во время засѣданій сейма, сената или верховнаго суда онъ стоялъ у престола. Онъ извѣ-

1) «Подскарбій» отъ польскаго слова *skarb*—казна, финансы, финансовое управленіе и т. д.—Г. Л.

щалъ заинтересованныхъ о времени аудіенціи, принималъ просьбы частныхъ лицъ. Знакомъ его достоинства былъ золотой ключъ. Должность подкоморія обыкновенно открывала путь къ занятію должности маршала.

Великій секретарь, бывшій обыкновенно изъ духовнаго сословія, вѣдалъ секретныя дѣла, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ замѣщалъ канцлеровъ во время ихъ отсутствія. На сеймахъ онъ читалъ pacta conventa, постановленія сейма и другіе государственные акты. Онъ былъ первымъ кандидатомъ на высшія должности и въ особенности на должность канцлера.

Великій референдарь—духовный и свѣтскій—первоначально выслушивалъ жалобы частныхъ лицъ и докладывалъ ихъ (*referre*) канцлеру; съ конца XVI вѣка онъ засѣдалъ въ королевскихъ судахъ и рѣшалъ споры, возникавшіе между крестьянами королевскихъ земель и старостами.

Великій писарь—духовный и свѣтскій,—подобно секретарю и референдарю, исполнялъ различныя государственныя обязанности, засѣдалъ въ ассесорскихъ судахъ, редижировалъ ихъ приговоры. Въ Литвѣ былъ одинъ духовный писарь и два свѣтскихъ.

Инстигаторъ коронный и литовскій, въ качествѣ государственнаго прокурора, привлекалъ къ отвѣтственности виновныхъ въ преступленіяхъ противъ короля и республики, а также въ правонарушеніяхъ противъ частныхъ лицъ, если послѣднія сами не возбуждали преслѣдованія. Замѣститель его назывался *вице-инстигаторомъ*.

Регенты (правители) *канцелярій*—духовные и свѣтскіе. Соотвѣтственно числу канцелярій, ихъ было четыре. Назначались они канцлерами, а утверждались въ своихъ должностяхъ королемъ. Они наблюдали за тѣмъ, чтобы изъ канцеляріи не вышло никакого акта, противнаго установленіямъ республики, просматривали важнѣйшіе документы, разрѣшали сомнѣнія, возникавшія относительно ихъ содержанія, исправляли ихъ и подавали королю къ подписи. Они исполняли также различныя порученія канцлеровъ, засѣдали съ нимъ въ судахъ. Кромѣ регента, при каждой канцеляріи былъ писарь, называвшійся *метрикантомъ* и надзиравшій за архивомъ.

Коронный кустосъ, обыкновенно назначавшійся изъ духовныхъ, состоялъ при государственной кассѣ королевства въ Краковскомъ замкѣ. Сановникъ, занимавшій такую же должность въ Литвѣ, назывался *скарбнымъ*.

Великій хорунжій держалъ государственное знамя во время

коронаціи, изъявленія покорности вассальными князьями и т. п. Въ случаѣ отсутствія великихъ хоруніжихъ ихъ замѣщали надворные, которыхъ было два: коронный и литовскій.

Великій мечникъ держалъ государственный мечъ въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ хоруніжему полагалось держать знамя.

Великій конюшій былъ лишь титулярнымъ сановникомъ: надзоръ за королевскими конюшнями лежалъ на обязанности его замѣстителей: *подконюшихъ*, —коронномъ и литовскомъ.

Кухмистръ, стольникъ, подстолій, чесникъ, подчашій, крайчій исполняли соотвѣтствовавшія обязанности при торжественныхъ пиршествахъ, дававшихся королемъ во время коронаціи или въ честь иностранныхъ пословъ. Подчашій подавалъ королю чашу, чесникъ наполнялъ ее виномъ, крайчій (отъ слова krajac, рѣзать—*Перев.*) не только разрѣзалъ соотвѣтствующія кушанія, но и надзиралъ за установкой стола, вслѣдствіе чего его называли его *стручащимъ* (*structor mensae*).

Кромѣ вышеупомянутыхъ, въ Литвѣ еще существовали великіе сановники: *геометръ, пивничій* и *войскій*,—которыхъ въ Польшѣ не было.

Къ великимъ короннымъ и литовскимъ сановникамъ принадлежали также слѣдующія высшія должностныя лица въ войскѣ:

Польный писарь,—онъ производилъ смотръ войска, велъ регистръ солдатъ, опредѣлялъ сумму слѣдовавшаго имъ жалованья. Обо всѣхъ потребностяхъ войска онъ докладывалъ королю или гетманамъ.

Генералъ артиллеріи наблюдалъ за содержаніемъ въ надлежащемъ порядкѣ арсенала, за снабженіемъ его орудіями, порохомъ, ядрами и т. п.; на его обязанности лежало пріобрѣтеніе военныхъ матеріаловъ по распоряженіямъ гетмана. На содержаніе артиллеріи онъ получалъ доходы: въ Литвѣ съ назначенныхъ на этотъ предметъ королевскихъ земель, а въ Коронѣ—съ «кварты». Онъ обязанъ былъ представлять каждому сейму отчетъ о доходахъ и расходахъ своего управленія.

Стражникъ и *обозный*—великіе и польные—наблюдали за устройствомъ лагерей во время походовъ, за порядкомъ въ войскѣ и т. п.

Въ провинціяхъ были слѣдующія должностныя лица:

Воевода, а въ жмудскомъ княжествѣ *генеральный староста*. Назначались они тѣмъ же порядкомъ, что и другія должностныя лица, за исключеніемъ: воеводъ полоцкаго и ви-

тебскаго и жмудскаго старосты, которые избирались шляхтою и утверждались королемъ. Въ королевскихъ городахъ своего воеводства онъ назначалъ цѣны товаровъ, надзиралъ за правильностью мѣръ и вѣсовъ. Виновныхъ въ нарушеніи таксы, въ употребленіи неправильныхъ мѣръ и вѣсовъ онъ привлекалъ къ отвѣтственности, судилъ евреевъ, жившихъ въ королевскихъ городахъ. Исполненіе этихъ обязанностей онъ могъ поручать своему замѣстителю, называвшемуся подвоеводой, котораго онъ самъ назначалъ. Вслѣдствіе этого судъ его назывался воеводскимъ или подвоеводскимъ. У воеводъ: краковскаго, познанскаго, виленскаго, сандомірскаго, калишскаго и трокскаго были особые ключи отъ хранилища казны королевства. Во время всеобщаго ополченія воевода стоялъ во главѣ шляхты своего воеводства. Законъ не воспрещалъ соединенія должности воеводы съ должностью великаго или польнаго гетмана.

Каштелянъ, называвшійся нѣкогда въ правительственныхъ документахъ «господиномъ» (pan), во время всеобщаго ополченія велъ шляхту своего округа и передавалъ ее подъ начальство воеводы. У краковскаго каштеляна тоже былъ ключъ отъ короннаго казначейства. Каштеляны могли одновременно со своей должностью занимать и должность гетмана. Нѣкоторые изъ каштеляновъ носили названія своихъ воеводствъ,—они были *высшими*, другіе же носили титулы своихъ земель или повѣтовъ и назывались *низшими* или повѣтовыми. Высшими были всѣ каштеляны прусскіе и литовскіе, а также каштелянъ ливонскій, низшими считались каштеляны въ остальныхъ частяхъ республики. Высшихъ было болѣе тридцати, низшихъ же около пятидесяти.

Остальныя должности въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ носили названіе—городскихъ и земскихъ.

Городской староста приводилъ въ исполненіе предписанія государственныхъ властей, совершалъ надъ шляхтою частью гражданскій, но главнымъ образомъ уголовный судъ. Онъ рѣшалъ всѣ уголовныя дѣла шляхты, за исключеніемъ четырехъ случаевъ, оговоренныхъ въ едлинско-краковской привиллегіи. Должность эту исполнялъ обладатель каждой королевской земли, въ которой находился городъ: онъ пользовался судебной и исполнительной властью въ предѣлахъ своей земли или повѣта. Староста, подъ властью котораго находилось нѣсколько городовъ, носилъ титулъ генерала. *Генералъ-староста великопольскій* пользовался этой властью въ семи городахъ воеводствъ: познанскаго и калишскаго. Власть краковскаго старосты распро-

странялась на нѣсколько малопольскихъ повѣтовъ, вслѣдствіе чего онъ носилъ титулъ *генерала малопольскаго*. Подобнымъ же образомъ каменецкій староста, подъ властью котораго находился и летичевскій городъ, носилъ титулъ *генерала земель подольскихъ*. Генералы имѣли замѣстителей, которые назывались суррогатами. Староста назначалъ второстепенныхъ городскихъ должностныхъ лицъ: *подстаросту*, *судью*, *писаря*, *регента*, *вицерегента* и *бурграфовъ*. Подстароста съ судьей и писаремъ вѣдали судъ, регенты принимали отъ заинтересованныхъ сторонъ подтвержденія актовъ, бургграфы приводили въ исполненіе приговоры. Въ королевской Пруссіи старостами были воеводы, вслѣдствіе чего замѣстители ихъ назывались подвоеводами.

Земскій подкоморій назначался королемъ изъ четырехъ кандидатовъ, избиравшихся шляхтою. Онъ рѣшалъ тяжбы частныхъ лицъ о границахъ ихъ владѣній. Онъ самъ назначалъ своихъ помощниковъ, называвшихся *граничными подкоморниками*, и *граничныхъ писарей*, въ вѣдѣніи которыхъ находились подкоморскіе акты.

Судья, *подсудокъ* и *земскій писарь*, какъ и подкоморій, назначались королемъ изъ четырехъ кандидатовъ, избиравшихся шляхтою. Они составляли, такъ называемый, земскій судъ, рѣшавшій гражданскіе процессы шляхты. Въ Литвѣ было въ каждомъ повѣтѣ трое судей и одинъ подсудокъ; главный изъ нихъ назывался *земскимъ президентомъ*.

Войскій во время всеобщаго ополченія охранялъ безопасность шляхетскихъ семействъ и, въ качествѣ замѣстителя старосты, пользовался судебной властью. Власть *великаго войскаго* распространялась на уѣздъ, власть же *малаго* ограничивалась замкомъ.

Хорунжій, во время всеобщаго ополченія, при погребеніи короля и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, несъ знамя своей земли.

Стольникъ, *подстолій*, *чесникъ*, *подчашій*, *ловчій*, *мечникъ*, *земскій скарбникъ* не несли никакихъ фактическихъ обязанностей. Во время переѣздовъ короля они замѣщали отсутствовавшихъ свѣтскихъ сановниковъ или надворныхъ должностныхъ лицъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, въ Литвѣ были еще слѣдующія должностныя лица, несуществовавшія въ Коронѣ.

Тіунъ (ciwun). Виленскаго и трокскаго тіуновъ избирала шляхта, а утверждалъ въ должности король; четырнадцать же жмудскихъ тіуновъ назначались непосредственно королемъ. Тіунъ

пользовался королевскими землями, называвшимися тіунствомъ (ciwnnat). Онъ предсѣдательствовалъ на сеймикѣ и былъ первымъ земскимъ должностнымъ лицомъ. Въ виду того, что жмудскій подкоморій былъ не въ состояніи исполнять всѣ свои обязанности, законъ 1784 г. предоставилъ мѣстнымъ тіунамъ рѣшать споры о границахъ.

Городничій, мостовничій, зодчій, лѣсничій исполняли обязанности, высшія государственныя должности соотвѣтствующія названіямъ ихъ должностей.—Въ литовскихъ повѣтахъ были также: *крайчіе, конюшніе, обозные* и *стражники*.

Нѣкоторыя должности были несовмѣстимы (incomatibilia),— т. е., двухъ такихъ должностей нельзя было одновременно поручать одному лицу. Запрещалось совмѣщать земскія должности, высшія государственныя должности съ земскими, гетманство съ должностями: маршала, канцлера, подскарбія.

Законъ установлялъ іерархическій порядокъ какъ между министрами и высшими государственными должностными лицами, сановниками, такъ между городскими и земскими должностями. Среди сановниковъ первое мѣсто занимали великіе секретари, за ними слѣдовали: референдари, подкоморіи, писаря и т. д. Среди земскихъ должностныхъ лицъ въ Коронѣ первое мѣсто занималъ подкоморій, за нимъ слѣдовали: городской староста, хорунжій, судья, стольникъ и т. д., въ Литвѣ же—послѣ тіуна и маршала третьимъ былъ подкоморій. Въ Коронѣ подчашій былъ выше чесника. Въ іерархическомъ порядкѣ слѣдовало повышеніе съ низшихъ должностей на высшія. Всѣ сановники, кромѣ военныхъ, и земскія должностныя лица не получали жалованья изъ государственной казны; они пользовались лишь сборами съ частныхъ лицъ.

Король съ должностной іерархіей не были факторами, тѣсно объединявшими государства республики, если Корона и Литва могли имѣть своихъ особыхъ министровъ и сановниковъ. Эти государства, лишенныя централизованнаго правительства, болѣе тѣсно объединялъ общій органъ законодательной власти «вальный» т. е. всеобщій сеймъ.

Вальный сеймъ состоялъ изъ трехъ *государственныхъ чиновъ:* короля, сенаторовъ и рыцарства или шляхетскихъ пословъ. Нѣкоторые примѣняли названіе «государственныхъ чиновъ» только къ сенату и шляхтѣ.

Король былъ непремѣнной составной частью сейма, хотя присутствіе его въ сеймѣ во все время засѣданій не было

обязательнымъ. Бывали случаи, когда сенатъ и рыцарство съ согласія короля обсуждали дѣла безъ него.

Сенатъ состоялъ изъ духовныхъ сановниковъ католической церкви: архіепископовъ и епископовъ, а также изъ свѣтскихъ сановниковъ: воеводъ съ жмудскимъ старостою, каштеляновъ и министровъ, за исключеніемъ гетмановъ и надворныхъ подскарбіевъ.

Архіепископъ гнѣзненскій носилъ титулъ *примаса*, *прирожденнаго посла папы* (Legatus natus) и *interrex'a* (т. е., короля во время междуцарствія). Титулъ примаса онъ носилъ со времени констанцскаго собора: титулъ прирожденнаго посла папы выхлопоталъ для себя и своихъ преемниковъ у Льва X архіепископъ Янъ Ласскій: *interrex*'омъ или вице-реемъ (вицекоролемъ) назывался онъ вслѣдствіе той власти, какая принадлежала ему во время междуцарствія. Въ качествѣ примаса онъ былъ первымъ лицомъ въ церковной іерархіи и стоялъ даже выше кардиналовъ; въ качествѣ «прирожденнаго посла» онъ пользовался въ Польшѣ правами нунціевъ въ созваніи соборовъ и судебной; области въ качествѣ же interrex'a онъ обладалъ нѣкоторыми прерогативами королевской власти: во время междуцарствія, созывалъ сеймики и сеймы, предсѣдательствовалъ на засѣданіяхъ, получалъ грамоты отъ иностранныхъ дворовъ. По избраніи короля онъ провозглашалъ и короновалъ его: у него былъ особый дворъ, маршаломъ котораго состоялъ меньшій каштелянъ. Въ сенатѣ онъ занималъ первое мѣсто справа отъ престола. Слѣва же отъ престола сидѣлъ архіепископъ львовскій. Куявскій епископъ сидѣлъ въ сенатѣ рядомъ съ примасомъ, котораго въ случаѣ надобности замѣщалъ во время междуцарствія какъ въ созваніи сеймиковъ и сеймовъ, такъ и при коронаціи короля и королевы. Затѣмъ епископы слѣдовали въ слѣдующемъ порядкѣ: познанскій, виленскій, плоцкій, жмудскій, вармійскій, луцкій, холмскій, кіевскій, хелминскій, каменецкій, ливонскій (лифляндскій) и смоленскій. Нѣкоторые епископы носили княжескіе титулы отъ владѣній, принадлежавшихъ ихъ каѳедрамъ: гнѣзненскій архіепископъ носилъ титулъ князя ловичскаго, краковскій епископъ—князя сѣверскаго отъ Сѣвера, пріобрѣтеннаго Сбигнѣвомъ Олесницкимъ у силезскихъ Пястовъ (1443 г.); вармійскій епископъ носилъ титулъ князя вармійскаго, плоцкій — титулъ князя плоцкаго. Не засѣдали въ сенатѣ епископы-коадъюторы (помощники епархіальныхъ епископовъ, имѣвшіе право наслѣдованія ихъ каѳедръ), суфраганы (помощ-

ники безъ права наслѣдованія каѳедръ) и всѣ титулярные епископы (*in partibus infidelium*).

Послѣ духовныхъ сенаторовъ слѣдовали свѣтскіе: первое мѣсто среди нихъ занималъ краковскій каштелянъ, за нимъ шли воеводы. Между воеводами засѣдали: жмудскій староста и два литовскихъ каштеляна — виленскій и трокскій. За воеводами слѣдовали большіе каштеляны, за ними — меньшіе каштеляны. Большіе сидѣли въ креслахъ и назывались «кресловыми», меньшіе же сидѣли на скамьяхъ вслѣдствіе чего назывались «скамейными». Лишь за каштелянами слѣдовали десять министровъ: великіе маршалы, канцлеры, подканцлеры, великіе подскарбіи и, наконецъ, надворные маршалы. Гетманы засѣдали въ сенатѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они, сверхъ своихъ должностей, занимали еще должности воеводъ или каштеляновъ.

Сенатъ являлся королевскимъ совѣтомъ на сеймѣ или внѣ его. Въ исключительныхъ случаяхъ король призывалъ на совѣщанія всѣхъ сенаторовъ, но обыкновенно при немъ лишь состояло нѣсколько, такъ называемыхъ *резидентовъ*, безъ согласія которыхъ онъ не принималъ никакихъ болѣе важныхъ рѣшеній. Каждый сеймъ назначалъ на два года шестнадцать сенаторовъ, четыре изъ которыхъ (епископъ, воевода и два каштеляна) втеченіе одного полугодія состояли при королѣ. Съ 1641 г. сеймы назначали 28-мь сенаторовъ: четырехъ епископовъ, восемь воеводъ и шестнадцать каштеляновъ: черезъ каждые полгода перемѣнялся епископъ, черезъ три мѣсяца воевода и два каштеляна. Сенаторы-резиденты, кромѣ епископовъ, не получали жалованія за пребываніе при королѣ, за отсутствіе же безъ уважительныхъ причинъ подвергались денежнымъ штрафамъ.

Рыцарство состояло изъ шляхты или «земянъ».

Шляхетское достоинство было наслѣдственнымъ, прирожденнымъ. Шляхтичемъ былъ каждый, отецъ котораго принадлежалъ къ рыцарству. Плебейское происхожденіе матери не лишало дѣтей шляхетства. Съ половины XVI вѣка право пожалованія шляхетскаго достоинства принадлежало исключительно сейму. Натурализація т. е., предоставленіе иностраннымъ дворянамъ правъ польскаго гражданства называлось *индигенатомъ*. Индигенатъ иногда обусловливался переселеніемъ въ Польшу; съ половины же XVII вѣка отъ индигеновъ требовали пріобрѣтенія земельныхъ владѣній подъ угрозой непри-

знанія за ними шляхетскаго достоинства, если это требованіе не будетъ исполнено. Пожалованіе шляхетскаго достоинства плебею какъ туземцу, такъ и иностранцу, называлось *нобилитаціей*. Нобилитацію производилъ сеймъ съ сохраненіемъ такъ называемаго *скартабелята* (solvis legibus et statutis Regni de scartabellis) или безъ него (praeciso scartabelatu). Пожалованный безъ оговорки скартабелята становился равноправнымъ прирожденному шляхтичу, пожалованный же съ этой оговоркой (scaptabellus, sciercatka) не могъ занимать государственныхъ должностей и лишь внуки его получали права прирожденныхъ шляхтичей.

Подвергшійся судебному преслѣдованію въ незаконномъ присвоеніи шляхетскаго достоинства лишался всѣхъ прерогативъ шляхтича до тѣхъ поръ, пока не совершитъ «вывода» т. е., не докажетъ своего происхожденія. «Выводъ шляхества» производился на сеймикѣ соотвѣтствующаго воеводства, земли или повѣта посредствомъ свидѣтельскихъ показаній и документовъ, на основаніи которыхъ дѣло рѣшалось трибуналомъ. Возбудившій противъ кого-либо неосновательное обвиненіе въ незаконномъ присвоеніи подвергался денежному штрафу; обвиняемый же, не доказавшій своего шляхетскаго происхожденія, утрачивалъ свои владѣнія, одна половина которыхъ поступала въ казну, а другая обвинителю; если у виновнаго не было земельныхъ владѣній, то онъ подвергался тюремному заключенію. За убійство шляхтича-самозванца или нанесеніе ему ранъ виновные не подлежали отвѣтственности, привлекавшій же ихъ за это къ суду подвергался денежному штрафу или тюремному заключенію. Недобросовѣстнаго обвинителя, противъ котораго возбуждалось встрѣчное обвиненіе въ незаконномъ присвоеніи шляхетства, если онъ не могъ успѣшно совершить «выводъ», въ Коронѣ предавали смертной казни, а въ Литвѣ наказывали розгами у позорнаго столба. Утрату шляхетства влекли за собою: инфамія т. е., лишеніе гражданской чести, приписка шляхтичемъ плебея къ своему гербу и своей семьѣ. Утрачивалъ шляхетство также тотъ, кто, поселившись въ городѣ, занимался торговлею или ремесломъ.

Вся прирожденная шляхта была равна между собою; возвышать кого-либо надъ другими могла только занимаемая имъ должность. Княжескіе и графскіе титулы дозволялось носить лишь тѣмъ родамъ, которые пользовались ими въ актѣ уніи на люблинскомъ сеймѣ. Въ знакъ равенства безъ различія положеній шляхта называла себя «братьями». Въ засѣданіяхъ сей-

ма рыцарство титуловалось младшими братьями, а сенаторы— старшими.

Шляхта была привилегированнымъ сословіемъ, стоявшимъ выше другихъ сословій народа. На основаніи привилегій, первымъ звеномъ которыхъ былъ кошицкій договоръ, она пользовалась слѣдующими прерогативами.

1) Ей принадлежало исключительное право земельной собственности: она могла также пріобрѣтать землю и дома въ городахъ. 2) При этомъ ей принадлежало право не только на поверхность, но и на нѣдра земли. Шляхтичу, а не королю или республикѣ, принадлежали металлы и источники, найденные въ его владѣніяхъ. 3) Шляхетскія владѣнія не могли безъ судебнаго приговора быть конфискованы въ пользу казны или республики; 4) они были свободны отъ постоевъ солдатъ.

5) Лишь шляхта имѣла доступъ къ высшимъ церковнымъ и ко всѣмъ свѣтскимъ должностямъ. 6) Лишь она имѣла право «кормленія» (panis bene merentium) т. е., пользованія королевскими землями. 7) Она получала въ пожизненное пользованіе не только тѣ земли, съ обладаніемъ которыми были сопряжены извѣстныя обязанности, но и такъ называемыя негородскія староства (tenuty, dzierzawy). 8) Коронная шляхта, за исключеніемъ прусской, имѣла право пріобрѣтенія въ королевскихъ соляныхъ варницахъ соли по уменьшенной цѣнѣ; соль эта выдавалась во время поста, въ «сухіе дни», вслѣдствіе чего и называлась «суходневой».

9) Уплачивала шляхта лишь тѣ подати, которыми она сама облагала себя; 10) она была свободна отъ всѣхъ повинностей, кромѣ военной службы,—«рыцарской повинности». 11) Подлежала она юрисдикціи своихъ собственныхъ судовъ. 12) Плебей за убійство шляхтича подвергался смертной казни, шляхтичъ же за убійство плебея подвергался денежному штрафу.

13) Шляхтичъ пользовался правомъ *Neminem captivabimus* и свободою слова. 14) Привлекавшій шляхтича къ суду за его мнѣнія по государственнымъ дѣламъ подвергался наказанію, какъ нарушитель внутренняго спокойствія страны и гражданской свободы. 15) Шляхтичъ участвовалъ въ избраніи короля и могъ быть кандидатомъ на престолъ.

16) Къ прерогативамъ шляхты, кромѣ вышеупомянутыхъ, принадлежало также участіе ея въ законодательствѣ при посредствѣ представителей, называвшихся земскими послами, которые избирались на предсеймовыхъ или посольскихъ сеймикахъ.

Шляхетскіе съѣзды, называвшіеся *посольскими сеймиками*, созывалъ своими универсалами король. Универсалы эти, разсылавшіеся по городамъ, читались возными на городскихъ площадяхъ. Они извѣщали о срокѣ собранія сеймиковъ и сейма и указывали важнѣйшіе предметы ихъ обсужденій. Посольскіе сеймики созывались за шесть или за три недѣли до собранія сейма.

Законъ указывалъ мѣста собранія сеймиковъ въ каждомъ избирательномъ округѣ т. е., воеводствѣ, землѣ и повѣтѣ. Не каждый избирательный округъ имѣлъ свой особый сеймикъ. Познанское воеводство съ землей всховской собиралось на сеймикъ вмѣстѣ съ калишскимъ воеводствомъ въ Шродѣ; куявскія воеводства собирались на общій сеймикъ въ Радзеёвѣ. Сеймикъ избирательнаго округа не обязательно долженъ былъ засѣдать въ главномъ городѣ воеводства, земли и повѣта. Плоцкое воеводство собиралось на сеймикъ въ Раценжѣ, сѣрадзское съ землей велюнской въ Шадкѣ, краковское въ Прошовицахъ, сандомірское въ Опатовѣ и т. д.

Собравшись на сеймикъ, шляхта большинствомъ голосовъ избирала изъ своей среды предсѣдателя, называвшагося маршаломъ. Въ литовскихъ воеводствахъ предсѣдательствовали на сеймикахъ земскіе маршалы. Послѣ богослуженія и рѣчи королевскаго коммиссара, который устно излагалъ важнѣйшія потребности республики, шляхта приступала къ избранію пословъ. Она избирала особыхъ пословъ и для тѣхъ воеводствъ и земель, которыя имѣли сеймъ, общій съ другими. Въ Шродѣ избирались послы познанскіе, всховскіе и калишскіе, въ Радзеёвѣ—брестско-куявскіе и иноврацлавскіе. Послы избирались изъ среды шляхты, имѣвшей въ данномъ округѣ земельныя владѣнія; число ихъ для каждаго округа было опредѣлено закономъ: восемь, шесть, четыре или два; въ освѣцимско-заторскомъ княжествѣ до 1736 г. избирался лишь одинъ посолъ. Ливонское воеводство имѣло право избирать двухъ поляковъ, двухъ литовцевъ и двухъ ливонцевъ. Послы получали письменные *наказы*, въ которыхъ излагалась воля шляхты по предметамъ обсужденій предстоявшихъ на сеймѣ въ области какъ государственныхъ, такъ и частныхъ дѣлъ. Послы обязаны были наблюсти, чтобы сеймъ исполнилъ желанія шляхты, выраженныя въ ихъ наказахъ.

Послѣ посольскихъ сеймиковъ происходили *сеймики генеральные*: для великопольскихъ воеводствъ въ Колѣ, для десяти земель мазовецкаго княжества въ Варшавѣ, для Малой

Польши въ Корчинѣ, для Литвы въ Волковискѣ, а впослѣдствіи въ Слонимѣ. На нихъ съѣзжались сенаторы и послы для обсужденія и выработки программы дѣйствій на сеймѣ. Съ конца XVII вѣка генеральные сеймики пришли въ забвеніе; дольше всего сохранились они въ королевской Пруссіи. Такъ называемый *прусскій генералъ* (сеймикъ) собирался въ Мальборгѣ или Грудзіонжѣ. Кромѣ пословъ избранныхъ на сеймикахъ, сюда собирался *прусскій сенатъ*, въ составъ котораго входили мѣстные епископы, воеводы, каштеляны, земскіе подкоморіи и представители городовъ: Торна, Эльблонга и Гданска. Послѣ рѣчи королевскаго коммиссара сенатъ и послы совѣщались сперва отдѣльно, а затѣмъ собирались на совмѣстныя засѣданія и принимали общія постановленія. Эти постановленія, выражавшія волю и потребности шляхты и городовъ прусскихъ, включались въ наказы посламъ, отправлявшимся на сеймъ.

Законъ 1573 г. предписывалъ королю созывать *сеймъ* черезъ каждые два года; однако королю предоставлялось созывать его и чаще, если этого потребуетъ благо государства. Сеймы, собиравшіеся черезъ каждые два года, назывались *обыкновенными* или *ординарными*, созывавшіеся же въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ—*чрезвычайными* или *экстраординарными*. Первые засѣдали шесть недѣль, вторые же обыкновенно двѣ недѣли, вслѣдствіе чего ихъ называли *шестинедѣльными* и *двухнедѣльными*. Въ 1717 г. былъ установленъ срокъ для начала обыкновенныхъ сеймовъ: первый понедѣльникъ послѣ дня св. Мартина. Посольскіе сеймики собирались за шесть недѣль до обыкновенныхъ и за три недѣли до чрезвычайныхъ сеймовъ.

Сеймъ люблинской уніи назначилъ мѣстомъ засѣданій сеймовъ Варшаву, съ 1673 года послѣ каждыхъ двухъ сеймовъ, собиравшихся въ Варшавѣ, третій засѣдалъ въ Гроднѣ. Но при опредѣленіи очереди не считали сеймовъ, бывавшихъ во время междуцарствія: конвокаціоннаго и элекціоннаго въ Варшавѣ и коронаціоннаго въ Краковѣ.

Сенаторамъ и посламъ отводились въ городѣ, въ которомъ состоялся сеймъ, безплатныя жилища; во все время засѣданій сейма сенаторы и послы были неприкосновенны и не подлежали судебной отвѣтственности. Процессы ихъ, ведшіеся въ какихъ бы то ни было судахъ, пріостановлялись на всю сессію сейма, въ противномъ же случаѣ судебныя рѣшенія были недѣйствительны.

Послѣ богослуженія и проповѣди въ церкви послы отправлялись въ палату для избранія маршала. Предсѣдательствовалъ при этомъ маршалъ предъидущаго сейма (*starej laski*). за отсутствіемъ же его—первый посолъ изъ той провинціи, изъ которой былъ онъ, т. е., малополянинъ, великополянинъ или литовецъ. Маршалъ сейма избирался поочередно изъ пословъ: великопольскихъ, малопольскихъ и литовскихъ. На сеймахъ, собиравшихся въ Гроднѣ, предсѣдательствовалъ маршалъ-литовецъ. Избраніе пословъ производилось посредствомъ акламаціи т. е., всеобщихъ восклицаній: согласны!—или по большинству голосовъ путемъ голосованія въ очередномъ порядкѣ по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ: такое голосованіе называлось *per turnum*. Маршалъ давалъ присягу, принималъ маршальскій жезлъ, назначалъ изъ постороннихъ лицъ ***сеймоваго секретаря***, сообщалъ о своемъ избраніи королю и приступалъ къ провѣркѣ выборовъ, называвшейся ***ругами*** (отъ нѣм. rügen—порицать, осуждать, исключать.—***Переводчикъ***).

Возбуждались протесты противъ выборовъ, представлявшихся незаконными, и тѣхъ пословъ, которые не могли доказать законности своего избранія, удаляли изъ палаты. Посолъ, законность избранія котораго находилась подъ сомнѣніемъ, становился рядомъ съ маршаломъ, что называлось «идти подъ маршальскій жезлъ» (pod laskę),—и ожидалъ здѣсь рѣшенія палаты.

За «ругами» слѣдовало привѣтствіе короля, происходившее въ назначенное имъ время въ сенаторской палатѣ. Послы по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ съ маршаломъ во главѣ становились передъ престоломъ. Маршалъ произносилъ привѣтственную рѣчь, на которую отвѣчалъ канцлеръ, послѣ чего слѣдовалъ церемоніалъ цѣлованія руки короля. Послѣ привѣтствія одинъ изъ сановниковъ: великій секретарь, референдарь или регентъ канцеляріи, читалъ со ступенекъ престола послѣднія pacta conventa, канцлеръ же излагалъ государственнымъ чинамъ важнѣйшія дѣла, требовавшія обсужденія и рѣшенія сейма. Затѣмъ читались постановленія сената, акты, которые въ свое время требовали тайны или уже приведены въ исполненіе (*skrypta do archivum*), наказы, данные посламъ при иностранныхъ дворахъ и т. п. Послѣ этого король по предложенію маршала производилъ назначенія на освободившіяся должности и раздавалъ въ пользованіе королевскія земли, сенаторы избирали изъ своей среды коммиссію для провѣрки отчетовъ подскарбіевъ и генераловъ артиллеріи. Послы при

иностранныхъ дворахъ давали отчеты своей дѣятельности; уполномоченные коронпаго и литовскаго войска представляли свои жалобы и просьбы, рекомендовали заслуженныхъ офицеровъ въ качествѣ кандидатовъ на получение королевскихъ земель и т. п. Эти занятія соединенныхъ палатъ продолжались нѣсколько дней. Все это время на ступенькахъ у входа въ сенаторскую палату стояла для большей торжественности маршальская стража. По окончаніи совмѣстныхъ занятій съ королемъ и сенатомъ, послы возвращались съ маршаломъ въ свою палату.

Посольская палата и была собственно установительницею законовъ. Послѣ назначенія маршаломъ членовъ сеймоваго суда и коммиссіи для провѣрки отчетовъ подскарбіевъ и генераловъ артиллеріи, она приступала къ законодательной дѣятельности. Предметы на обсужденіе палаты предлагалъ маршалъ, послы вносили свои проекты. Принятіе проекта рѣшалось: единогласными восклицаніями палаты «согласны!» Принятый проектъ секретарь записывалъ и прочитывалъ, послѣ чего палата переходила къ слѣдующему предмету. Если предложенный проектъ не встрѣчалъ единогласнаго одобренія, онъ считался отвергнутымъ, хотя бы за него стояло большинство пословъ. Въ сложныхъ и важныхъ дѣлахъ для достиженія единогласія собирались такъ называемыя провинціальныя сессіи, которыя были въ сущности лишь видоизмѣненіемъ вышедшихъ изъ употребленія генеральныхъ сеймиковъ. Съ согласія короля послы каждой провинціи: великопольскіе, малопольскіе и литовскіе собирались отдѣльно въ церквахъ или монастырскихъ столовыхъ. Въ этихъ засѣданіяхъ принимали участіе и сенаторы, предсѣдательствовалъ на нихъ обыкновенно воевода или каштелянъ. Цѣлью такихъ засѣданій было достиженіе единогласія пословъ каждой провинціи. По достиженіи этой цѣли послы возвращались въ палату для выраженія общаго единогласія. Послы обязаны были закончить свои дѣла за пять дней до закрытія сейма и собраться вмѣстѣ съ сенаторской палатой. Неоконченныя дѣла откладывались до слѣдующей сессіи, это называлось «пустить въ рецессъ».

Для действительности постановленій пословъ необходимо было утвержденіе ихъ и сенаторской палатой. Съ этой цѣлью за пять дней до окончанія сейма обѣ палаты соединялись. Маршалъ читалъ постановленія, которыя принимались и вызывали оппозицію какъ сенаторовъ, такъ и пословъ. Тѣ постановленія, которыя не были приняты единогласно обѣими

палатами, считались отвергнутыми. Въ послѣдній день засѣданій объявлялись имена сенаторовъ-резидентовъ, назначенныхъ на слѣдующее двухлѣтіе, и рѣшенія сеймоваго суда. Маршалъ поздравлялъ короля съ благополучнымъ окончаніемъ сейма, на его рѣчь отвѣчалъ канцлеръ. Затѣмъ маршалъ присоединялъ одинъ экземпляръ принятыхъ законовъ къ городскимъ актамъ, а другой отдавалъ въ печать.

Съ согласія короля, сената и пословъ засѣданія сейма могли быть продлены сверхъ шестинедѣльнаго и двухнедѣльнаго срока; они могли быть также отсрочены. Отсрочка засѣданій сейма, называвшаяся *лимитой*, вызывалась экстраординарными причинами: необходимостью продолжать обсужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ выждать болѣе благопріятнаго для этого времени. По окончаніи лимиты наступала *реазумпція* или возобновленіе, дальнѣйшее продолженіе засѣданій сейма. Это продолженіе называлось засѣданіями вслѣдствіе лимиты (*obradowanie z limity*). Случалось, что сеймъ, начавшійся въ Варшавѣ, продолжался вслѣдствіе лимиты и заканчивался въ Гроднѣ.

Не всѣ и какъ обыкновенные, такъ и экстраординарные сеймы приходили къ благополучному концу: многіе изъ нихъ, особенно начиная съ половины XVII вѣка, были *сорваны*. Срываніе производилось посредствомъ пріостановки, называвшейся *прекращеніемъ дѣеспособности* сейма (sistere activitatem). Каждый посолъ сейма являлся представителемъ не всей республики, а только своего избирательнаго округа и былъ связанъ предписаніями, содержавшимися въ его наказѣ. Онъ обязанъ былъ не допускать ничего, нарушавшаго интересы его избирательнаго округа и волю его избирателей. Вслѣдствіе этого онъ пользовался правомъ недопущенія (*liberum veto*), которое пріостанавливало дѣятельность сейма. Онъ возстановлялъ ходъ занятій сейма, если бралъ назадъ свое *«nie pozwalam»* (не допускаю, veto), въ противномъ же случаѣ сеймъ былъ сорванъ. Самая простая форма срыванія была такова: посолъ протестовалъ противъ дѣятельности сейма, какъ противъ незаконной и противной общему благу, затѣмъ оставлялъ палату и уѣзжалъ изъ города. Срываніе могло произойти во всякомъ мѣстѣ и во всякое время засѣданій сейма: передъ избраніемъ маршала или позже въ посольской или сенаторской палатѣ. О сорваніи сейма посольскій маршалъ извѣщалъ короля и закрывалъ сеймъ. Въ случаѣ сорванія сейма, законы, принятые имъ раньше, утрачивали значеніе. Такое же слѣдствіе имѣло и истеченіе срока засѣданій сейма. Если по-

сольская палата въ шестинедѣльный или двухнедѣльный срокъ не приняла ни одного постановленія и не рѣшила продлить засѣданія, то сеймъ расходился, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Послѣ заявленія маршала: «*время уже прошло*» — послы оставляли палату и разъѣзжались по домамъ.

Кромѣ единогласія, былъ еще другой, экстраординарный способъ рѣшенія дѣлъ, называвшійся *конфедератскимъ*: онъ не допускалъ срыванія.

Конфедерація, или вооруженный союзъ, возникала во время междуцарствія или при жизни короля для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей. Для поддержанія спокойствія въ странѣ она всегда организовывалась на конвокаціонномъ сеймѣ, называвшемся также генеральной *конфедераціей* или *каптуромъ*[1]). Постановленія генеральной конфедераціи принимались не единогласно, а большинствомъ голосовъ и издавались отъ имени «духовныхъ и свѣтскихъ совѣтовъ, земскихъословъ и другихъ чиновъ (городовъ) единой и нераздѣльной республики». Они подписывались представителями, присутствовавшими на сеймѣ, вносились въ книги городскихъ актовъ и разсылались по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ.

При жизни короля конфедерація организовывалась въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-нибудь чрезвычайныя обстоятельства не позволяли созвать сеймъ. Она учреждалась съ участіемъ короля или безъ его участія для достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей: изысканія средствъ для борьбы съ непріятелями, охраны народныхъ вольностей и т. п. Образованіе конфедераціи не было регулировано писанымъ закономъ и вслѣдствіе этого совершалось самыми разнообразными способами. Обыкновенно шляхта какого-либо воеводства, собравшись въ подходящемъ городѣ учреждала союзъ для достиженія желательной ей цѣли и приглашала шляхту всей республики присоединиться къ нему. По ея почину всѣ воеводства, земли и повѣты Короны и Литвы организовывали подобные же союзы для достиженія той же цѣли. Всякая конфедерація составляла актъ, въ которомъ излагались причины ея учрежденія и ея цѣли, избирала своего маршала и назначала къ нему совѣтниковъ, — «консиліаровъ». Великопольскіе и малопольскіе маршалы и консиліары съѣзжались въ одинъ городъ и соединялись въ генеральную ко-

---

[1]) Kaptur — капюшонъ, колпакъ, кичка въ видѣ колпака; здѣсь это слово употреблялось въ смыслѣ символа объединенія, спокойствія.

ронную конфедерацію, а литовскіе подобнымъ же образомъ составляли генеральную литовскую конфедерацію. Каждая изъ нихъ избирала своего генеральнаго маршала и назначала къ нему консиліаровъ. Затѣмъ руководители обѣихъ генеральныхъ конфедерацій съѣзжались и составляли генеральную конфедерацію обоихъ народовъ, во главѣ которой стояли оба генеральные маршалы со своими консиліарами. Если среди цѣлей конфедераціи была между прочимъ и борьба съ внѣшнимъ или внутреннимъ врагомъ, руководители обѣихъ генеральныхъ конфедерацій избирали военачальниковъ, называвшихся «региментарями». Конфедераціи возникали и другимъ путемъ, а именно: въ какомъ-нибудь городѣ сразу образовывалась генеральная конфедерація, которая приказывала присоединиться къ ней всѣмъ воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, если они не хотятъ быть признаны врагами отечества. Иногда во главѣ конфедераціи стояли не маршалы, а гетманы. Конфедераціи получали свое названіе отъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ онѣ возникали.

Конфедератскій генералитетъ пользовался неограниченной, диктаторской властью. Маршалы съ консиліарами принимали постановленія по большинству голосовъ *(sancita)*, которыя объявлялись именемъ государственныхъ чиновъ, сенаторовъ, земскихъ и городскихъ должностныхъ лицъ, а также шляхты, и имѣли обязательную силу для всей республики. Неисполнявшихъ этихъ постановленій конфедератскія власти привлекали къ своему суду. Если во время конфедераціи происходила сессія сейма или если конфедерація основывалась съ той цѣлью, чтобы довести сеймъ до конца, то универсалы о созваніи предсеймовыхъ сеймиковъ издавались маршалами. Такой сеймъ назывался конфедератскимъ. На немъ сенаторы засѣдали вмѣстѣ съ послами и на такихъ засѣданіяхъ соединенныхъ палатъ обыкновенно предсѣдательствовали конфедератскіе маршалы. Случалось, что во время конфедераціи на сеймѣ засѣдали не послы, избранные на сеймикахъ, а маршалы и консиліары частныхъ конфедерацій т. е., организованныхъ въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ. Случалось также, что на конфедератскомъ сеймѣ предсѣдательствовалъ одинъ только маршалъ, избранный соединенными палатами. Такой сеймъ разсматривалъ *sancita* конфедерацій и утверждалъ или отмѣнялъ ихъ; онъ принималъ свои постановленія по большинству голосовъ. Конфедерація существовала до тѣхъ поръ, пока она не достигала своей цѣли. Прекращая свою дѣятельность, она пе-

редавала дальнѣйшее управленіе государственными дѣлами королю и всеобщему совѣту *(rada walna)*, въ составъ котораго входили, кромѣ сенаторовъ, конфедератскіе маршалы и консиліары. Въ 1673 г. всеобщій совѣтъ былъ замѣненъ сеймомъ подъ предсѣдательствомъ маршала конфедераціи. По прекращеніи конфедераціи возстановлялся обычный порядокъ засѣданій сейма и постановленія снова принимались единогласно. Конфедераціи, хотя и устраняли срываніе сейма, но были опасны, такъ какъ онѣ грозили распаденіемъ народа на борющіяся партіи и междуусобной войной. Но опаснѣе всего были конфедераціи, направленныя противъ короля, организованныя съ цѣлью привлеченія его къ отвѣтственности, угрожавшія ему смѣщеніемъ. Охватывали онѣ не всю шляхту, а лишь часть ея и имѣли характеръ заговора, бунта противъ законной власти. Такія конфедераціи назывались *рокошами.*

Засѣданія сейма происходили при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи публики *(арбитровъ)*; дѣла обсуждались на польскомъ языкѣ.

Послѣ сейма въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ собирались *реляціонные сеймики*, на которыхъ послы давали избирателямъ отчетъ о своей дѣятельности. Происходили они въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ раньше были предсеймовые сеймики, въ сроки, назначавшіеся послами. Законы, принятые на сеймѣ, они лишь выслушивали и не могли ни въ чемъ измѣнить ихъ.

Законы, принятые на сеймахъ до Сигизмунда-Августа, публиковались на латинскомъ языкѣ и носили названіе *статутовъ*, впослѣдствіи же они публиковались на польскомъ языкѣ подъ названіемъ *конституціи.* По порученію радомскаго сейма въ царствованіе Александра великій канцлеръ Янъ Ласкій собралъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ коронные за... статуты и напечаталъ ихъ въ 1506 г. Послѣ изданія ...та Ласкаго были попытки кодификаціи законовъ: Та...го въ царствованіе Сигизмунда I, Прилускаго и Гер... въ царствованіе Сигизмунда-Августа, Сарницкаго, Янутo и Щербича въ царствованіе Сигизмунда III, но они ...чили утвержденія государственныхъ чиновъ. Полный ...атутовъ и конституцій былъ изданъ піарами (съ 1347 г. ... г.) подъ заглавіемъ: *Volumina legum.* Нѣкоторыя ...публики имѣли свои особые законы. Въ Литвѣ дѣй... статутъ, утвержденный Сигизмундомъ I въ 1530 г., исправленный и дополненный въ 1566 и 1588 г.г. ...ъ написанъ на русскомъ языкѣ; третья редакція его

была переведена на польскій языкъ и издана на средства великаго гетмана литовскаго, Льва Сапѣги. Кромѣ Литвы онъ дѣйствовалъ также въ нѣкоторой части Малой Польши, именно: на Украйнѣ и Волыни. Прусская шляхта пользовалась такъ называемой *прусской коррректурой*, утвержденной на сеймѣ 1598 г. Мазовія, на которую въ 1576 г. были распространены коронные законы, сохранила съ давнихъ временъ нѣкоторыя части своихъ старыхъ установленій, называвшіяся *мазовецкими эксцептами*.

Государственные чины республики опредѣляли въ статутахъ и конституціяхъ сеймовъ правовое положеніе сословій, не имѣвшихъ политическаго значенія т. е., управляемыхъ: духовенства, мѣщанства, евреевъ и крестьянъ.

Духовенство принимало участіе въ политической жизни лишь настолько, насколько католическіе епископы засѣдали въ сенатѣ, а священники занимали должности: канцлеровъ, секретарей, референдарей, великихъ писарей, регентовъ канцелярій и коронпаго кустоса. Духовныя лица могли также быть послами къ иностраннымъ дворамъ. Но духовенство, за исключеніемъ епископовъ, не принимало участія въ сеймикахъ и не имѣло права засѣдать въ посольской палатѣ. Епископовъ и каноиковъ назначалъ король изъ членовъ родовитой польской шляхты законнаго происхожденія какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Священники нешляхетскаго происхожденія могли занимать лишь нѣкоторыя канонйчества, называвшіяся докторальными т. е., учрежденныя для докторовъ: богословія, правъ и медицины. Эти изъятія существовали только въ коронныхъ провинціяхъ, такъ какъ въ Литвѣ не было докторальныхъ каноничествъ. Аббатовъ и пробстовъ монастырей тоже назначалъ король изъ родовитой польской шляхты. Если среди монастырской братіи не было подходящаго кандидата, король могъ назначить священника изъ бѣлаго духовенства, подъ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ принялъ монашество. «Кортезанамъ» т. е., лицамъ, выпрашивавшимъ для себя церковныя должности въ Римѣ съ нарушеніемъ королевскихъ прерогативъ, грозила конфискація имуществъ и изгнаніе изъ страны.

Бѣлое и черное духовенство было обезпечено земельными владѣніями, пожертвованными королями и частными лицами. Сеймъ 1635 г. воспретилъ дальнѣйшій переходъ шляхетскихъ земельныхъ владѣній къ духовенству путемъ дарственныхъ запи-

сей, продажи и т. д., признавъ подобные акты незаконными. Земли, оставшіяся послѣ смерти священника, переходили по наслѣдству къ его роднымъ, поступавшій же въ монашество обязанъ былъ до постриженія продать свои земли. Позднѣйшія конституціи воспретили переходъ къ духовенству и городскихъ земельныхъ участковъ.

Со своихъ земельныхъ владѣній духовенство не несло военной службы и не платило никакихъ налоговъ. Лишь въ случаѣ крайней нужды духовные сенаторы рѣшали на сеймѣ дать республикѣ единовременное пособіе, которое раскладывалось на пробства. Пособіе это, называвшееся милостивымъ вспомоществованіемъ (subsidum charitatioum), составляло обыкновенно нѣсколько сотъ тысячъ золотыхъ.

Съ королевскихъ и шляхетскихъ земельныхъ владѣній духовенство взимало десятину, которая служила предметомъ споровъ и столкновеній. Конституція 1635 г. на основаніи договора съ папою Урбаномъ VIII установила съ королевскихъ земель свободную «вытычную» десятину т. е. дававшуюся въ видѣ десятаго снопа не мѣстному приходскому священнику, а какой-либо церкви по усмотрѣнію, со шляхетскихъ же земель—десятину по соглашенію съ приходскими священниками: «вытычную», зерномъ (meszne) или деньгами. Споры относительно десятины рѣшались не духовными, а шляхетскими судами.

Христіанское духовенство другихъ исповѣданій не могло ни засѣдать въ сенатѣ, ни занимать государственныхъ должностей.

«*Королевскіе мѣщане*» принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ только на основаніи и въ предѣлахъ спеціальныхъ привиллегій. Въ началѣ XVI вѣка Краковъ получилъ привиллегію посылать своихъ представителей на сеймы и сеймики; въ 1568 г. эта же привиллегія предоставлена и Вильнѣ. Актъ люблинской уніи подписали два члена краковскаго городскаго совѣта. Вслѣдствіе подавляющаго численнаго преобладанія на сеймѣ шляхетскихъ пословъ привиллегированные города не имѣли охоты посылать представителей на сеймы: съ конца XVI вѣка они перестали принимать участіе въ законодательной дѣятельности. Лишь въ видѣ исключенія на сеймъ 1668 г. явились и подписали отреченіе отъ престола Яна-Казиміра мѣщане: краковскіе, виленскіе и львовскіе. Однако они постоянно принимали участіе въ сеймахъ конвокаціонныхъ и элекціонныхъ. Привиллегированные города допускались также

къ участію въ конфедераціяхъ, состоявшихся при жизни короля.

Исключительное положеніе занимали прусскіе города: Гданскъ, Торнъ и Эльблонгъ. Они имѣли своихъ представителей въ провинціальномъ сенатѣ и, сверхъ того, пользовались нѣкоторыми особыми привиллегіями, — между прочимъ, и правомъ чеканки монеты. Въ Гданскѣ иностранныя государства держали агентовъ для охраны своихъ торговыхъ интересовъ, заключали съ нимъ трактаты точно съ самостоятельной республикой. Гданскіе мѣщане считали своимъ исключительнымъ правомъ содержаніе флота на Балтійскомъ морѣ и на сборъ портовыхъ пошлинъ, изъ которыхъ они лишь половину, подъ названіемъ «налога съ фунтовъ» (funtcol — нѣмецк. Pfundzoll) уплачивали польскому королю.

Членамъ магистратовъ важнѣйшихъ городовъ предоставлялось наслѣдственное шляхетское достоинство, но оно давало имъ лишь нѣкоторыя прерогативы рыцарскаго сословія, — главнымъ образомъ, въ преслѣдованіи за понесенныя ими обиды. Не получали прерогативъ шляхетскаго сословія и такъ называемые *equites aurati* т. е., мѣщане, возведенные королемъ въ рыцарское достоинство послѣ коронаціи.

Мѣщане не могли занимать государственныхъ и высшихъ церковныхъ должностей; они были лишены также права участія во всеобщемъ ополченіи. Правомъ пріобрѣтенія земель и владѣнія ими пользовались только прусскіе города и Краковъ. Торговлю и промышленность городовъ подрывали: свобода шляхты отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, получавшихся ею изъ-за границы, и таксированіе воеводами продуктовъ городскаго производства. Законъ, относившій профессіи мѣщанъ къ категоріи постыдныхъ занятій, отталкивалъ шляхту отъ торговли и ремеселъ, дѣлалъ невозможнымъ подкрѣпленіе городовъ капиталами и трудомъ привиллегированнаго сословія. Развивались лишь тѣ города, которые находились въ столь благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, какъ Гданскъ, Краковъ и Львовъ, расположенные на торговомъ пути, соединявшемъ западъ съ востокомъ. Благосостоянію нѣкоторыхъ городовъ способствовали также привиллегіи склада товаровъ. Иностранные и туземные купцы могли провозить свои товары лишь по дорогамъ, указаннымъ въ привиллегіи; они не могли объѣзжать тѣ города, которые пользовались привиллегіей склада товаровъ. Купцы обязаны были складывать свои товары въ привиллегированномъ городѣ и

продавать ихъ мѣстнымъ купцамъ или иногороднымъ, но въ мѣстные ярмарочные дни. Такой привиллегіей склада пользовался Краковъ, котораго не могли миновать купцы, ѣхавшіе въ Силезію или изъ Силезіи,—затѣмъ Львовъ, Калишъ, Сандоміръ, Познань и др.

Мѣщанство отличалось отъ шляхты не только своимъ правовымъ положеніемъ, но и платьемъ. Въ XVII столѣтіи сеймы принимали, такъ называемые «законы бережливости» (*lex sumtuaria*), воспрещавшіе мѣщанамъ, за исключеніемъ бургомистровъ, войтовъ и другихъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ, носить шелковое платье, дорогіе мѣха, драгоцѣнности и т. п.

Королевскіе города управлялись на основаніи нѣмецкаго права, прусскіе и мазовецкіе города пользовались хелминскимъ правомъ, остальные же—магдебургскимъ. Своды хелминскаго права (*jus culmense*) издавались для судебныхъ надобностей частными лицами на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; въ польскомъ переводѣ ихъ издалъ Янъ Кушевичъ (Познань, 1623 г.). Постановленія магдебургскаго права издалъ въ XVI столѣтіи на польскомъ языкѣ Варѳоломей Гроицкій.

Самоуправленіе королевскихъ городовъ, управлявшихся на основаніи нѣмецкаго права, вопреки локаціоннымъ привиллегіямъ, нарушалось воеводами и, главнымъ образомъ, войтами. Какъ тѣ, такъ и другіе присваивали себѣ право суда надъ городами, самовольно облагали ихъ сборами и доводили до разоренія.

Города, находившіеся въ частной собственности духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, не имѣли никакихъ прерогативъ, если имъ не было предоставлено нѣмецкое право. Жители ихъ были лично свободны, но подчинялись верховной власти собственниковъ городовъ.

Евреи не пользовались правомъ повсемѣстнаго жительства: они не могли жить въ церковныхъ городахъ и въ тѣхъ изъ королевскихъ городовъ, которымъ были даны князьями и королями привиллегіи, не допускавшія въ нихъ евреевъ. Съ цѣлью обезопасить себя отъ конкурренціи евреевъ мѣщане заключали съ ними договоры, опредѣлявшіе ихъ занятія. Евреи могли заниматься лишь тѣми родами дѣятельности, которые были указаны въ ихъ договорахъ съ городами. Сверхъ того, статуты и конституціи воспрещали имъ аренду недвижимыхъ имуществъ, таможенныхъ доходовъ и другихъ сборовъ. Въ городахъ, въ которыхъ имъ было предоставлено право жительства, они могли пріобрѣтать участки, площади, дома. Они не могли быть чле-

нами магистратовъ и городскихъ цеховъ и составляли отдѣльное общество съ особой внутренней организацiей. Управленiе еврейской общиной въ городахъ принадлежало собранiю ея представителей, называвшемуся кагаломъ. Кагалъ, состоявшiй изъ выборныхъ представителей, производилъ раскладку налоговъ, рѣшалъ тяжбы, возникавшiя между евреями, взималъ съ нихъ сборы на общественныя надобности, завѣдывалъ ихъ больницами, школами, синагогами, кладбищами и т. п. Лишь по уголовнымъ дѣламъ и тяжбамъ съ христiанскимъ населенiемъ евреи подлежали судебной власти трибуналовъ. Благодаря самоуправленiю, евреи могли совершенно обособиться отъ туземнаго населенiя—тѣмъ болѣе, что сеймовыя конституцiи и синодальныя постановленiя воспрещали имъ держать христiанскую прислугу, кромѣ солодовниковъ, пивоваровъ и возницъ. Они отличались отъ христiанъ и въ одеждѣ: статутъ Сигизмунда I предписалъ евреямъ носить желтыя шапки.

По селамъ евреи занимались сельскимъ хозяйствомъ и содержанiемъ кабаковъ; здѣсь они были подчинены верховной власти землевладѣльцевъ.

Кромѣ обыкновенныхъ налоговъ съ площадей, домовъ, лавокъ и т. п., евреи платили подушную подать съ каждаго человѣка обоихъ половъ. Для облегченiя сбора этой подати правительство республики опредѣляло лишь общую сумму ея, раскладку же по общинамъ производили кагалы.

Крестьяне, управлявшiеся *польскимъ правомъ*, пiотрковскимъ статутомъ 1496 г. были лишены личной свободы. Единственный сынъ крестьянина не могъ оставить господскихъ владѣнiй, изъ нѣсколькихъ же сыновей лишь одинъ могъ переселиться въ городъ для обученiя ремесламъ или поступленiя въ школу. Статутъ 1505 г. прикрѣпилъ крестьянскую семью къ землѣ уже безъ всякихъ изъятiй. Въ тѣхъ случаяхъ, когда сынъ крестьянина самовольно оставлялъ свою семью, наслѣдство, имѣвшее перейти къ нему послѣ смерти отца, поступало въ пользу землевладѣльца. Дочери крестьянина землевладѣлецъ разрѣшалъ выйти замужъ за свободнаго человѣка лишь въ томъ случаѣ, если этотъ женихъ поселялся въ его имѣнiи въ качествѣ прикрѣпленаго къ землѣ. Чтобы не уменьшать числа крестьянъ въ помѣстьи и не выпускать приданаго изъ рукъ землевладѣльца, установившiйся впослѣдствiи обычай запрещалъ крестьянскимъ дѣвушкамъ выходить замужъ въ другiя помѣстья. До 1543 г. крестьянинъ, самовольно оставившiй помѣстье, могъ избавиться отъ возвращенiя въ прежнее

положеніе, уплативъ денежную претензію землевладѣльца. Ограниченіе личной свободы имѣло тогда цѣлью обезпечить землевладѣльцу выполненіе матеріальныхъ обязательствъ передъ нимъ крестьянина. Статутъ 1513 г. уничтожилъ замѣну насильственнаго возвращенія въ помѣстье денежной уплатой и далъ землевладѣльцу право не только искать возмѣщенія убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе самовольнаго ухода крестьянина, но и возвращать бѣжавшаго на прежнее мѣсто. Съ этихъ поръ землевладѣлецъ имѣлъ право продать, отдать въ залогъ, подарить или передать по завѣщанію своего крестьянина съ землей или безъ земли, одного или съ семьей. Предоставленіе крестьянину вольности зависѣло исключительно отъ землевладѣльца. Личную свободу крестьяне дольше всего сохранили въ Мазовіи. Мазовецкій крестьянинъ могъ уйти отъ землевладѣльца и избавиться отъ насильственнаго возвращенія, если шляхтичъ, въ помѣстье котораго онъ переселился, ручался за выполненіе его матеріальныхъ обязательствъ передъ прежнимъ землевладѣльцемъ: непроизведенный посѣвъ, уничтоженіе инвентаря, долги и т. п. Такая возможность перехода крестьянина изъ одного помѣстья въ другое называлась освобожденіемъ по праву поручительства. Право поручительства падало по мѣрѣ включенія Мазовіи въ составъ Короны. Плоцкое воеводство утратило это право въ 1563 г. сохачевская земля въ 1565 г., Со времени распространенія коронныхъ законовъ на остальную Мазовію т. е., съ 1576 г. освобожденіе крестьянина путемъ поручительства совершенно прекратилось.

Крестьянинъ пользовался участкомъ, составлявшимъ собственность землевладѣльца. Въ силу кошицкаго договора онъ платилъ государственный налогъ въ два гроша съ лана (поборное, подымное или «королевство») и давалъ десятину церкви; въ пользу же землевладѣльца онъ несъ повинности по обычаю или уговору. Уже въ XV столѣтіи опредѣленіе рода и размѣровъ этихъ повинностей зависѣли исключительно отъ землевладѣльца, измѣнявшаго обычаи и уговоры по собственному усмотрѣнію; торнскій статутъ 1520 г., игнорируя существовавшія обязательства, установилъ для крестьянъ одинъ день барщины въ недѣлю. Въ силу торнскаго статута землевладѣлецъ по произволу назначалъ барщинные дни, требовалъ сторожевой службы и подводъ, облагалъ крестьянъ денежнымъ оброкомъ и сборами натурою. Крестьянинъ платилъ землевладѣльцу денежный оброкъ подъ названіями: «военнаго», «обѣднаго», «оправы», «стацій» и обязанъ былъ давать ему сборъ съ

куръ, яицъ, сыра, грибовъ, орѣховъ, зерноваго хлѣба, льна и т. п. Въ экстренныхъ случаяхъ все село, сверхъ опредѣленнаго числа барщинныхъ дней и опредѣленныхъ повинностей, обязано было отбывать такъ называемые «толоки» и «гвалты» т. е., работы по уборкѣ хлѣба. Сельди, соль, напитки крестьянинъ обязанъ былъ покупать въ господскомъ кабакѣ; продукты своего хозяйства: куръ, яица, масло, сыръ, ленъ, пеньку онъ могъ продавать лишь на господскій дворъ. Онъ обязанъ былъ молоть свой хлѣбъ на господской мельницѣ, чинить свои земледѣльческія орудія въ господской кузницѣ и т. п. Землевладѣльцы ограничивали и свободу заработковъ своихъ крестьянъ. Они оставляли за собою право преимущественнаго найма по ими же установленной цѣнѣ, запрещали крестьянамъ уходить на заработки въ чужія помѣстья. Если у нихъ самихъ были не обработанныя поля, они не позволяли своимъ крестьянамъ арендовать землю въ чужихъ помѣстьяхъ. Крестьянамъ запрещалось откармливать рогатый скотъ, овецъ и свиней свыше опредѣленнаго числа штукъ, а также ткать и бѣлить холстъ сверхъ опредѣленнаго количества.

Крестьянинъ не имѣлъ права являться въ судъ и возбуждать судебное преслѣдованіе противъ своего землевладѣльца. Еще до піотрковскаго статута 1496 г. въ силу старинпаго обычая по дѣламъ о недвижимыхъ имуществахъ, границахъ, пчелиныхъ бортяхъ, снарядахъ для рыбной ловли въ судъ вмѣсто крестьянина являлся его господинъ. Піотрковскій статутъ распространилъ этотъ порядокъ и на дѣла о долгахъ. Крестьянинъ въ качествѣ истца и отвѣтчика могъ являться въ судъ только въ присутствіи своего господина. Такъ какъ крестьянинъ могъ выступать истцомъ лишь въ присутствіи землевладѣльца, то для него было невозможно судебное преслѣдованіе своего господина. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли земли принадлежавшія капитуламъ: крестьяне ихъ могли жаловаться на канониковъ въ епископскіе суды. Крестьяне владѣній краковской академіи обращались съ жалобами на профессоровъ въ судъ ея канцлера, которымъ былъ краковскій епископъ. Однако и эти исключенія исчезли въ XVI столѣтія.

Судебной властью надъ крестьянами землевладѣлецъ пользовался лично или черезъ своихъ комиссаровъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ являлся высшей и послѣдней инстанціей. При слѣдствіи онъ прибѣгалъ къ пыткѣ въ видѣ

розогъ и совершалъ судъ безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Наказывалъ онъ отрѣзываніемъ ушей и носовъ, наложеніемъ клейма на лбу въ видѣ висѣлицы и имѣлъ также право подвергать смертной казни.

Охрана крестьянъ закономъ въ частныхъ владѣніяхъ распространялась только на случаи убійства. ВъКоронѣ шляхтичъ за убійство собственнаго крестьянина не подлежалъ наказанію, за убійство же чужого подвергался денежному штрафу. Литовскій статутъ наказывалъ смертью шляхтича, убившаго крестьянина не случайно, а преднамѣренно, если преступленіе было подтверждено четырьмя свидѣтелями, двое изъ которыхъ принадлежали къ шляхетскому сословію. Впрочемъ, за исключеніемъ постановленій о розыскѣ бѣглецовъ, законодательство сеймовъ со временъ варшавской генеральной конфедераціи равнодушно относилось къ участи крестьянъ. Оно всецѣло предоставило ихъ на произволъ землевладѣльцевъ.

Въ королевскихъ земляхъ число барщинныхъ дней, а также родъ и размѣры повинностей, которыя обязанъ былъ нести крестьянинъ въ пользу старосты, опредѣлялись особыми инвентарями, составлявшимися сеймовыми ревизорами. Кромѣ барщины, подымщаго и натуральныхъ повинностей, королевскіе крестьяне должны были давать постой солдатамъ. На злоупотребленія старость они могли обращаться съ жалобами къ референдарямъ.

Крестьяне, управлявшіеся *нѣмецкимъ правомъ*, постепенно утрачивали свое самоуправленіе. Уже законъ 1420 г. предоставилъ землевладѣльцу увольнять непослушнаго солтыса. Освободившееся солтысство землевладѣлецъ могъ продать или занять самъ, уплативъ его стоимость по правительственной оцѣнкѣ. Статутъ 1510 г. запретилъ солтысу продавать или отдавать въ залогъ солтысство безъ согласія землевладѣльца. Конституціи 1563 и 1598 г.г. установили, что всѣ солтысства продаются.

По мѣрѣ скупки солтысствъ землевладѣльцами сельскія поселенія, управлявшіяся нѣмецкимъ правомъ, переходили подъ юрисдикцію шляхты. Солтысства же, оставшіяся въ королевскихъ земляхъ, конституція 1607 г. предписала отдавать исключительно шляхтѣ. Солтысъ-шляхтичъ не былъ уже защитникомъ интересовъ народа, а скорѣе поддерживалъ стремленія господствующаго класса. Должность солтыса слилась съ шляхетской юрисдикціей.

Самоуправленіе на основаніи нѣмецкаго права дольше со-

хранилось лишь въ немногихъ королевскихъ земляхъ. Курпы въ скванской (остроленкской) пущѣ составляли въ силу королевскихъ привиллегій самоуправлявшуюся общину (братство), имѣвшую особый статутъ, называвшійся «бортнымъ правомъ». Община эта отводила каждому жителю пущи мѣсто подъ постройку избы, деревья для бортей, луга и т. п.; она могла и отнять ихъ, если получившій совершилъ преступленіе. Община избирала десятниковъ и сотниковъ, составлявшихъ ея администрацію, а также судей: бортнаго старосту, подсудка и присяжнаго писаря. Административныхъ и судебныхъ должностныхъ лицъ утверждалъ ломжинскій староста, бывшій для общины апелляціонной инстанціей. Село Едлина въ козельницкой пущѣ управлялось «обельнымъ» правомъ; судъ въ ней совершалъ «обельный» староста съ засѣдателями.

Каждое сословіе занимало особое правовое положеніе и имѣло свои особые *суды*.

Шляхетскіе суды. Въ каждомъ воеводствѣ, землѣ и повѣтѣ былъ *земскій судъ*. Онъ состоялъ изъ избиравшихся на *элекціонныхъ сеймахъ* и пожизненныхъ членовъ: въ Коронѣ—изъ судьи, подсудка и земскаго писаря, въ Литвѣ—изъ трехъ: подсудка и писаря. Собирался онъ три раза въ годъ въ указанномъ мѣстѣ и рѣшалъ въ первой инстанціи гражданскія шляхетскія дѣла. Дѣла же, не терпѣвшія отлагательства,—напр., о бѣглыхъ крестьянахъ,—рѣшалъ одинъ писарь, на обязанности котораго лежало также занесеніе въ земскія книги завѣщаній, дарственныхъ записей, договоровъ.

Подкоморскіе суды рѣшали споры о границахъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ подкоморій (выборной и пожизненный, подобно членамъ земскаго суда), а въ менѣе важныхъ граничный коморникъ являлись на мѣсто, служившее предметомъ спора и рѣшали здѣсь дѣло въ присутствіи тяжущихся сторонъ на основаніи документовъ, знаковъ и показаній стариковъ. Границу онъ обозначалъ ямами и подписывалъ составленный на мѣстѣ планъ.

Городскіе или *старостинскіе суды* рѣшали, кромѣ уголовныхъ, и гражданскія дѣла неосѣдлой шляхты. Краковскій воевода вѣдалъ «текущій судъ» надъ временно проживавшими въ столицѣ мѣщанствомъ и шляхтою. Въ случаѣ отсутствія короля этотъ судъ замѣнялъ маршальскую юристикцію; съ 1858 г. онъ вслѣдствіе перенесенія столицы перешелъ въ Варшаву.

— Завоеванія міра не выше ли славы новаго тріумфа?

Головы преклонились, всѣ разбились на группы. Говорять, что толпа не понимаетъ этихъ высокихъ самоотреченій! Пракси-Блассанъ подошелъ къ Моро и передалъ ему это мнѣніе: вообще онъ совѣтовалъ генералу не держаться въ отдаленіи, заставить себя оцѣнить въ сравненіи съ Бонапартомъ, показываться вмѣстѣ съ нимъ передъ народомъ.

— Мнѣ съ нимъ связываться?... Онъ мнѣ ни на что не нуженъ,—замѣтилъ Моро.

— Между тѣмъ вы должны это сдѣлать въ интересахъ отечества... и также въ интересахъ стольхихъ офицеровъ, служившихъ подъ вашимъ начальствомъ,—объяснялъ дипломатъ,—и которые не могутъ обойтись безъ какого бы то ни было правительства, вашего или его. Дайте имъ надежду на повышеніе.

Одобрительный шопотъ пронесся по собравшейся толпѣ бритыхъ лицъ.

— Въ Булонскомъ лагерѣ,—прибавилъ полковникъ Липпсъ,—немного устали отъ напрасныхъ ожиданій. Многіе кончатъ тѣмъ, что прямо обратятся къ первому консулу, когда они увидятъ, что колебаніе продолжается.

— Пусть страна обратится ко мнѣ, если она считаетъ меня достойнымъ, но я не пойду ни на какія хитрости, чтобы привлечь ее на свою сторону.

— Такъ вы будете продолжать дуться?—спросилъ съ досадой Пракси-Блассанъ.

Моро, сдѣлавъ видъ, что не разслышалъ, пошелъ къ веселившимся дамамъ, и группы разсѣялись. Между дамами, поздравлявшими тещу и супругу генерала, предметъ разговора былъ тотъ же самый. Г-жа Гюло въ тысячный разъ разсказывала сцену, происшедшую въ Мальмезонѣ, когда ея будущій зять, приглашенный къ Бонапарте послѣ обѣда, нашелъ подъ часами нарочно подброшенную газету. Раскрывъ ее, онъ прочелъ: «Говорятъ, что генералъ Моро женится на m-lle Гортензіи Богарне». Не желая имѣть никакихъ объясненій по этому поводу, генералъ поскорѣй положилъ газету на прежнее мѣсто...

При раздававшемся со всѣхъ сторонъ смѣхѣ г-жа Гюло продолжала разсказывать съ беззаботнымъ лѣнивымъ презрѣніемъ, свойственнымъ ея натурѣ креолки: «Въ этотъ моментъ входитъ Бонапарте... да... входитъ... и дѣлая видъ, что случайно находитъ газету, развертываетъ ее... и говоритъ: «ни-

шутъ что-то про насъ!» и громко читаетъ новость... да... хе! хе!.. Тогда, знаете, какъ мой зять избавился отъ такого нахальства... Хе! Хе! Онъ отвѣчалъ: «Я не хочу жениться, это приноситъ несчастье. Посмотрите на Жубера»... Хе! хе!.. маленькій корсиканецъ чуть не лопнулъ отъ злости!... Да, мои милыя, этотъ ананасъ былъ не про его Гортензію!... Совсѣмъ не про нее... Нѣсколько дней спустя, передъ отъѣздомъ въ Германію, генералъ Моро обручился съ моей дочерью, хе! хе!»

Всѣ гости удивлялись дерзости Бонапарте. Гортензія вѣдь извѣстна своимъ поведеніемъ, также какъ и ея мать. Аврелія не могла прійти въ себя отъ негодованія.

— Да, да,—смѣялся Моро,—онъ на меня сердитъ, потому что я не хотѣлъ войти въ его... семью.

— Генералъ, вы были бы въ родствѣ съ Боргезе черезъ Полину Бонапарте.

— Покорно благодарю, я избѣгаю величія. У меня есть лучшее.

И онъ съ восторгомъ посмотрѣлъ на свою черноглазую жену, красивыя руки которой, сплошь покрытыя драгоцѣнными камнями, небрежно лежали на складкахъ ея великолѣпнаго тюлеваго платья. Ея хорошенькая головка гнулась подъ тяжестью густыхъ волосъ. Застѣнчиво картавя, она разсказала, какъ послѣ извѣстія о побѣдѣ при Гогенлинденѣ онѣ отправились съ матерью въ Мальмезонъ, какъ Богарне осмѣлилась заставить ихъ ждать и какъ онѣ обѣ тотчасъ же уѣхали, не видавъ ея. Потомъ Жозефина увѣряла, что она въ это время была въ ваннѣ, и не могла такъ скоро одѣться. По этому поводу гостями были высказаны разныя обидныя предположенія, такъ какъ безчисленныя похожденія Жозефины давали обильную пищу злословію.

Во время этого разговора, Аврелія съ любопытствомъ слѣдила за выраженіемъ лицъ, предоставивъ Дельфину попеченіямъ m-lle Лириссъ. Жадная до сплетенъ, молодая мать машинально отталкивала ласки своей дочери. Вокругъ нея, какъ законодательницы моды, толпились молодыя изящно одѣтыя женщины съ обнаженными плечами и грудью, граціозно придерживая сіявшія на рукахъ шали.

На голову выше всѣхъ, придерживая локтемъ саблю, со шляпою подъ мышкой, любуясь въ зеркалѣ своей прической, и мужественнымъ лицомъ и находя себя неотразимымъ и прекраснымъ, Бернардъ Герикуръ тихо подошелъ къ m-lle Лириссъ, которой Моро говорилъ комплименты насчетъ ея

умѣнья разливать шоколадъ въ золоченыя чашки. Всѣ трое, весело болтая, остановились у треножника изъ краснаго дерева. Молодая дѣвушка вся отдалась своему дѣлу, съ очевиднымъ, но тщетнымъ намѣреніемъ скрыть удовольствіе, доставляемое ей словами капитана. Моро замѣтилъ эту уловку и заговорилъ о достоинствахъ Бернарда, хваля его за службу въ полку, прорвавшемъ подъ Мескирхеномъ непріятельскую цѣпь, чтобы пробраться къ Дунаю и снова соединиться съ корпусомъ Гувіонъ-Сенъ-Спра.

Вспоминая о своемъ словѣ, генералъ пріосанился, взглянулъ внимательно на брелокъ, висѣвшій на его часахъ, и отошелъ отъ молодыхъ людей.

Молодые люди остались почти одни въ высокой, свѣтлой залѣ. Стараясь казаться спокойною, молодая дѣвушка вспомнила походы своего отца и приключенія ея кузинъ во времена эмиграціи. Любуясь ею, Бернардъ испытывалъ сильное желаніе поцѣловать темный пушокъ на ея обнаженномъ затылкѣ. И она повидимому не безъ удовольствія смотрѣла на его мужественную фигуру, и по ея взгляду Бернардъ понялъ, что въ ея мечтахъ онъ игралъ не послѣднюю роль.

Герикуръ заговорилъ о чести и славѣ, о римлянахъ о Сципіонѣ и Моро, о своемъ зятѣ Пракси-Блассанѣ, указывая на его оливковый редингогъ, выдѣлявшійся среди другихъ мундировъ.

Голосъ m-lle Лириссъ звучалъ нѣжно и мягко, когда она съ сочувствіемъ разсказывала «трогательныя» исторіи о ея кузинахъ Фиделіи, Зеліи и Флоренціи; но ее перебила подошедшая Аврелія.

Увлеченная политическими вопросами, молодая женщина говорила, что медлить больше нельзя, что генералу необходимо являться передъ войсками, всюду показываться съ консулами и занять первое мѣсто; что онъ долженъ отправиться въ Булонскій лагерь. Она перечислила всѣ его связи въ Лондонѣ, заклиная полковника убѣдить генерала Жюно идти на Парижъ.

А Бернардъ все слушалъ о томъ, что дѣлали прекраснаго Фиделія, Зелія и Флоренція. Онѣ знали наизусть цѣлые романы, онѣ были знакомы съ непроницаемыми тайнами, знали о кровожадномъ вампирѣ, знали исторію монаха-отступника, убивающаго у воротъ монастыря старика нищаго, не зная, что это его отецъ. Поступилъ ли бы Бернардъ такъ же, какъ одинъ изъ плѣнившихъ Зелію героевъ, который не отказался отъ

своего слова, даже тогда, когда оспа неожиданно изуродовала лицо его невѣсты?

Капитанъ увѣрялъ m-lle Лириссъ, что онъ поступилъ бы точно такъ же, если бы оспа коснулась лица ея, и видя, что она покраснѣла, онъ очень обрадовался.

Наконецъ они должны были разстаться. Полковникъ увезъ свою дочь въ кабріолетѣ шоколаднаго цвѣта, запряженномъ кобылой цвѣта «изабель». Когда Виргинія подымалась въ экипажъ, Бернардъ замѣтилъ ея полную ножку въ полосатомъ чулкѣ.

Молодой человѣкъ готовъ былъ бѣжать за этимъ экипажемъ на край свѣта. Ему казалось, что воздухъ напоенъ счастьемъ, потому что все въ Виргиніи говорило ему, что она согласна быть его женой.

Развѣ она не походила на *ту* робкую жертву, прижавшуюся между стѣной и колонной.

Развѣ не то же самое произошло при переходѣ черезъ Лекъ, когда онъ прижалъ австрійскаго квартирмейстера въ углу фермы, схвативъ его за волосы, обезоружилъ, и привелъ въ главную квартиру, гдѣ не доставало нужныхъ свѣдѣній.

ГЛАВА VIII.

Въ этомъ замкѣ Бернардъ и Виргинія провели первое время послѣ свадьбы. Тамъ онъ окончательно покорилъ молодую женщину, которая безропотно отдалась ему.

Сильные дожди, лившіе въ концѣ зимы безъ перерыва, заставили ихъ запереться въ большихъ залахъ, украшенныхъ бѣлыми рѣзными карнизами и статуями, стоявшими въ пространныхъ мраморныхъ нишахъ. Въ паркѣ между оголенными деревьями виднѣлись тоже мокрыя статуи, а падающія капли дождя размывали позеленѣвшую поверхность бассейновъ. Коричневыя сырыя стѣны замка и грабины окружали лужайки, цвѣтники и усыпанныя пескомъ дорожки.

Молодымъ супругамъ пришлось любоваться только изъ оконъ этимъ монотоннымъ видомъ. Обоюдо-мягкое обхожденіе, которымъ они дарили другъ друга, съ каждымъ часомъ увеличивало ихъ взаимную привязанность. Отчего они доставляли другъ другу столько счастья? Они не задавались этимъ вопросомъ. Они томными взглядами только ежечасно выказывали неподдѣльную взаимную любовь, и Виргинія нѣжно привлекала Бернарда къ своимъ устамъ. Они были одни. При-

служанцы могли приходить только по звонку, къ помощи котораго молодые люди, впрочемъ, рѣдко прибѣгали, такъ какъ все необходимое находилось на мраморномъ столикѣ, стоявшемъ у стѣны между окнами.

Снизу доносились меланхолическіе звуки скрипки. Это играла одна сиротка дѣвочка, воспитанница Лириссовъ; отецъ ея сопровождалъ полковника въ голландскомъ походѣ, гдѣ и умеръ на окопахъ осаждаемой крѣпости. Сиротка умѣла заставить плакать или смѣяться свою скрипку, и все утро слышались звуки, соперничающіе съ модуляціями вѣтра, щебетаніемъ птицъ и шумомъ дождя.

Думала ли она о чужой любви, извлекая нѣжные звуки изъ своего инструмента? Эти звуки то плакали, какъ бы жалуясь на какое-то неудовлетворенное желаніе, то дрожали, какъ листья подъ стремительнымъ порывомъ вѣтра, то скакали, какъ коза на свѣжей травѣ, то замирали, какъ будто сожалѣя о прошедшемъ блаженствѣ.

Иногда эти тоны напоминали призывъ рожка и капитану чудились пронзительные звуки, раздающіеся во время канонады, слова команды, топотъ лошадей и передвиженія артиллеріи—наконецъ тотъ самый пронзительный звукъ, какой издается во главѣ пѣхоты, идущей въ атаку. Однимъ словомъ, игривые звуки скрипки пробуждали въ немъ воспоминаніе тягости походной жизни, — всѣ опасности, лишенія, восторги, славу, и онъ снова видѣлъ Енгенскія и Месскирхенскія поля, пѣгую лошадь полковника, тусклые зубы сраженнаго его саблей кавалериста, опасную атаку мѣстечка передъ Месскирхеномъ, трупы убитыхъ австрійцевъ передъ высокой стѣной замка, отчаяніе дѣвочки, метавшейся на полу въ пустомъ корридорѣ. Затѣмъ приходилъ на память стремительный походъ къ Дунаю, жажда, утоленная водами этой рѣки, и мѣшки съ серебромъ, сложенные при свѣтѣ фонарей на фургонъ и отправленные подъ конвоемъ къ тылу арміи Гувіона Сенъ-Сира, гдѣ ихъ ожидалъ приказчикъ дома Герикуръ, и стоимость которыхъ равнялась приданому Виргиніи Лириссъ, исключая ея красоты!

Герикуръ гордился, что своей храбростью онъ завоевалъ богатство и красоту. Это говорила ему скрипка сироты; и въ морѣ звуковъ этой музыки наслаждались молодые супруги. Потомъ, какъ благоговѣйное доказательство своей любви, мужъ запечатлѣвалъ страстнымъ поцѣлуемъ правую щеку красавицы-супруги.

Этотъ гордый человѣкъ привыкъ надменно смотрѣть на другихъ людей съ высоты своей походной лошади. Вѣдь онъ и здѣсь былъ побѣдителемъ.

Съ каждымъ днемъ онъ составлялъ о себѣ лучшее мнѣніе. Смотрясь въ зеркало, онъ находилъ, что шрамъ, проходившій по его суровому лицу, обрамленному всклокоченными волосами, придавалъ ему воинственность. Онъ восхищался улыбкой своихъ тонкихъ губъ и широкимъ подбородкомъ и мысленно вызывалъ тѣни убитыхъ имъ людей.

Его удивляла милость и щедроты судьбы. Вѣдь почти ему одному принадлежалъ этотъ замокъ, построенный изъ кирпича и бѣлаго камня, эти пруды, гдѣ дремали водяныя лиліи и лѣниво плавали четыре лебедя, около маленькаго каскада, падавшаго изъ-подъ бѣлой мраморной нимфы, стоящей на вершинѣ скалы. Нервный и болѣзненный зять его, молодой Лирисс, навѣрно долго не проживетъ, размышлялъ онъ, и Бернарду достанутся эти лѣса, пруды, виноградники, эти водосточныя трубы съ открытыми пастями у края остроконечныхъ крышъ, эти двери изъ свѣтлаго дуба, окованныя желѣзомъ и увѣнчанныя вырѣзаннымъ на камнѣ притолоки «чертополохомъ» Лотарингіи.

Исполненный живаго чувства благодарности, Герцкуръ возвращался къ своей женѣ, спящей между колчаномъ и факеломъ Купидона.

— Скажи мнѣ, Виргинія, чѣмъ я тебѣ понравился?—спросилъ онъ однажды свою нѣжную супругу.

— Не знаю. Всѣмъ — конечно!

Несмотря на пышно развившіяся формы, Виргинія мало походила на взрослую женщину. Катаясь верхомъ послѣ полудня, она всегда старалась умчаться впередъ галопомъ и очень бывала недовольна, если мужъ, боясь какого-нибудь несчастія, скоро ее нагонялъ. И тогда они возвращались домой въ угрюмомъ молчаніи, обвиняя другъ друга, пока какое-нибудь лукавое измышленіе капитана не умилостивляло его возлюбленной.

Во время тумановъ и дождей они должны были отказаться отъ верховой ѣзды, и Бернардъ задумалъ нарисовать портретъ Виргиніи. Онъ приказалъ принести карандаши, краски, мольбертъ. На второмъ наброскѣ отчетливо обрисовались темныя рѣсницы свѣтлыхъ глазъ, и онъ удивился ихъ сходству съ глазами и рѣсницами дѣвочки изъ Месскирхена и докончилъ рисунокъ подъ впечатлѣніемъ воспоминанія о дѣвочкѣ.

Съ лежащаго передъ нимъ листа бумаги на него изумленно смотрѣла та самая маленькая баварка съ худощавыми ногами въ синихъ чулкахъ. Онъ узнавалъ ея полуоткрытый ротъ, длинныя букли, янтарные золотистые волосы, полный овалъ ея молочно-бѣлаго лица, даже не были пропущены двѣ морщинки на лицѣ,—около носа и рта, придававшія выраженіе страданія дѣтскимъ чертамъ.

— Это совсѣмъ не я,—замѣтила Виргинія, склонившись надъ рисункомъ.

— Твои рѣсницы, твои глаза...

— Быть можетъ?!

— Твой лобъ, твои волосы...

— Не совсѣмъ. Я кажусь здѣсь маленькой дѣвочкой.

— Развѣ ты не была такою пять или шесть лѣтъ тому назадъ?

— Меня тогда называли «чернушкой». А здѣсь я совсѣмъ бѣлая.

— Когда ты недовольна чѣмъ-нибудь, у тебя всегда появляются эти морщинки.

— Такъ это у всѣхъ такъ.

— Ты не находишь сходства съ собой, даже когда тебѣ было пятнадцать лѣтъ?

— Никакого! развѣ только немного—глаза и брови.

— Ростъ?

— Нѣтъ.

— Конечно!

Онъ спорилъ, не хотѣлъ согласиться, что изъ-подъ его карандаша вышелъ образъ другой женщины.

— Ничего,—утѣшала Виргинія,— это все-таки хорошенькій рисунокъ.

И они сохранили его. Наконецъ, послѣ многихъ стараній, Бернарду удалось сдѣлать миніатюру во вкусѣ своей жены. Онъ ее изобразилъ въ бѣломъ платьѣ и въ оранжевомъ шарфѣ на фонѣ голубаго неба и зелени. Распущенные локоны придавали ея склоненной головкѣ мечтательно-созерцательное выраженіе, и слоновую пластинку съ этимъ рисункомъ вставили въ золотую оправу, послѣ чего Виргинія стала еще сильнѣе любить своего мужа.

Когда смеркалось, супруги ходили къ развалившейся башнѣ. Сирота, по ихъ желанію входила во внутрь и играла на своей скрипкѣ нѣмецкія мелодіи. Виргинія находила это «поэтичнымъ». Сидя передъ полуразрушенными сводами преж-

нихъ дверей, супруги философствовали по поводу воробьевъ, гнѣздившихся въ расщелинахъ стѣны, обвитой плющемъ. Въ эти минуты Виргинія любила всю вселенную, животныхъ, Бернарда.

Что думала эта русая дѣвочка подъ звукъ ихъ поцѣлуевъ и прерывистыхъ дыханій? Казалось, она ихъ не слышала. Прямо стоя посреди башни, машинально водя смычкомъ, она извлекала тихіе звуки и, не краснѣя, не улыбаясь, прислушивалась, думали они, только къ шуму вѣтра. Если супруги спрашивали ее объ ея душевномъ состояніи, она почти ничего не отвѣчала, заявляя только, что считаетъ себя счастливой, имѣя такихъ внимательныхъ слушателей.

Одинъ музыкантъ передъ смертью выучилъ ее играть. «Я его очень любила,—призналась она,—онъ мнѣ въ наслѣдство оставилъ музыку». Она не умѣла ни читать, ни писать и заучивала аріи, сыгранныя имъ въ ея присутствіи на клавикордѣ. Виргинія выказывала къ дѣвочкѣ большую симпатію. Часто въ присутствіи гостей она расчесывала сироткѣ волосы, чтобы выслушать похвалы своей добротѣ. Она была очень тщеславна. Бѣдняки звонили у рѣшетки замка и ждали по цѣлымъ часамъ, пока придетъ она, нагруженная хлѣбомъ, остатками кушаній и пряниками, которые она раздавала на виду всѣхъ проходящихъ. Подобная благотворительность льстила ея самолюбію.

Эти театральные пріемы владѣтельницы замка были пріятны и ея честолюбивому мужу. Онъ также одобрилъ ея приказаніе выстроить склепъ подъ большой ивой. Ему гораздо меньше нравилось, когда она читала вслухъ Вертера. Исторіи сердца его мало интересовали. Въ такіе дни онъ вспоминалъ о своихъ служебныхъ обязанностяхъ. Ему сѣдлали лошадь, и онъ отправлялся въ городъ, чтобы не слышать разсужденій о добродѣтели Шарлотты, и съ удовольствіемъ проводилъ время въ казармахъ кавалеріи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на конюховъ въ тиковыхъ рейтузахъ и въ фуражкахъ, чиствившихъ лошадей.

Рекруты учились ружейнымъ пріемамъ подъ наблюденіемъ адъютанта Каюжака, болтливаго и холерическаго человѣка. Безбородые, загорѣлые, бѣлокурые, какъ старый сыръ, юноши всѣ въ разъ опускали ружья прикладами внизъ и выставляли одну ногу впередъ.

Питуэ, уже поручикъ, наблюдалъ за чисткою скребницами лошадей. Онъ былъ очень красивъ въ зеленомъ мундирѣ и

фуражкѣ съ серебряной кистью. Сабля его гремѣла на каждомъ шагу.

— Бонапарте приказалъ арестовать генерала Моро,—прошепталъ онъ однажды только-что вошедшему Бернарду.—Вы слышали объ этомъ, капитанъ?

— Нѣтъ.

Герикуръ мысленно упрекнулъ себя за свою безпечность. Онъ наскоро только пробѣжалъ письма Пракси-Блассана и полковника Лприсса. Онъ равнодушно съ эгоизмомъ влюбленнаго счастливца относился къ ихъ предположеніямъ и почти не обратилъ вниманія на тѣ мѣста письма, гдѣ говорилось о претензіяхъ «соперника» и его желаніи возстановить для себя «Западную Имперію».

— Что вы слышали, Питуэ?

— Тише! Мы поговоримъ объ этомъ въ «Кафе-Нимфъ». Полиція Перваго Консула внимательно слѣдитъ за нашимъ отрядомъ.

Поручикъ сдѣлалъ выговоръ одному кавалеристу за то, что онъ не такъ подрѣзалъ гриву своего коня. Потомъ пришелъ начальникъ эскадрона, чувствительный офицеръ, хотя уже не носившій больше въ зеленомъ мѣшечкѣ волосъ своей жестокой красавицы, но еще не забывшій своихъ грустныхъ гримасъ и вздоховъ. Синева подъ его глазами доказывала, какою дорогою цѣною платится за любовь этотъ уже не первой молодости человѣкъ.

— Счастливый смертный!—вскричалъ онъ при видѣ Бернарда.—Нѣжная прелестная супруга держитъ тебя до сего времени въ объятіяхъ! Ты живешь на лонѣ природы, утопаешь въ роскоши дворца... а я оплакиваю несчастіе моихъ дней. „Измѣнница-красотка отравила мою жизнь"... И онъ заговорилъ о своихъ несчастіяхъ. Онъ не хотѣлъ ничего слышать о политикѣ и декламировалъ стихи, сопровождая капитана въ солдатскую артель, чтобы осмотрѣть укладку, содержимое сумокъ и качества уздечекъ. Не переставая жаловаться на свою Матильду, онъ погрозилъ нѣсколькими днями тюремнаго заключенія трубачу, спрятавшему подъ матрацъ брошюры и сохранявшему въ сапогѣ сало.

— Видишь, капитанъ,—обратился онъ опять къ Герикуру,— у этихъ юныхъ воиновъ жилеты и рейтузы грязные, и въ большинствѣ случаевъ рваные. Нація не заботится о своихъ защитникахъ. Я чахну въ этомъ праздномъ бездѣйствіи. Ахъ! когда же снова раздастся трубный призывъ Беллоны, чтобы

мы опять могли завоевать себѣ лавры, врачующіе раны души, или смерть, закрывающую ихъ навсегда...

Между тѣмъ полковникъ позвалъ ихъ къ себѣ. Они нашли его, задыхающагося отъ одышки, на стулѣ. Онъ хлопалъ хлыстомъ по своимъ сапогамъ. Онъ объявилъ офицерамъ объ арестѣ Моро и кричалъ, что онъ тоже арестуетъ всякаго, кто заговоритъ о политикѣ.

— Полиція слѣдитъ за нами, я не желаю губить моихъ офицеровъ... Ежедневно должны производиться полковые маневры! Сборъ въ 6-ть часовъ утра, господа!

Тѣмъ не менѣе онъ свелъ ихъ въ «Кафе-Нимфъ». Всѣ еще надѣялись, что Моро восторжествуетъ, и народъ понесетъ его на рукахъ въ Тюильрійскій дворецъ раньше окончанія процесса.

Офицеры очень громко говорили объ этомъ въ бѣлой накуренной залѣ. Продавцы газетъ принесли «*Мониторъ*». Всѣ бросились читать. Въ газетѣ говорилось, что Моро и Пишегрю, сообщники Жоржа Кадудаля, составили заговоръ, покушаясь на жизнь Перваго Консула, и желаютъ возстановить тирановъ съ помощью чужестранцевъ. Горожане разразились проклятіями противъ измѣнниковъ, стуча кружками объ столъ. Чтобы образумить ихъ, капитанъ Герикуръ объявилъ, что газета лжетъ, что Бонапарте, желая отдѣлаться отъ опаснаго соперника, старается его погубить ложными обвиненіями.

— Разсказывайте другимъ!

— Весь свѣтъ знаетъ старую исторію 18 Фруктидора! Моро до сихъ поръ не сообщилъ Директоріи корреспонденцію Пишегрю, найденную въ артиллерійской повозкѣ австрійскаго генерала. Это двуличный человѣкъ! Генералъ Бонапарте правъ. Надо раздавить враговъ націи, продавшихся за англійское золото!

Они съ бѣшенствомъ потрясали трубками: надѣвали и снимали свои шляпы, хлопали себя по колѣнамъ и въ подтвержденіе своихъ словъ стучали по столу табакерками. Но, боясь ссоры съ военными, они дѣлали видъ, что говорятъ между собою. Ничѣмъ не рискуя, они были рады ненавидѣть и осыпать бранью Моро и его друзей.

Герикуръ же, наоборотъ, раскрывалъ всѣ козни консула. Унижалъ заслуги «египетскаго дезертира» и приписывалъ дарованіямъ Дезе побѣду при Маренго, проигранную сначала Бонапартомъ. Онъ громко говорилъ эти рѣчи и желалъ, чтобы его услышала толпа, собравшаяся передъ дверями „Ка-

фе-Нимфъ“. Питуэ поддерживалъ этотъ разговоръ, разбавляя черносмородиннымъ ликеромъ коньякъ.

— Остерегись! — замѣтилъ полковникъ, — тебя слушаютъ. И онъ указалъ на толпу.

Оливковые, каштановые рединготы собрались въ кучку противъ нихъ; подъ полями высокихъ шляпъ виднѣлись ироническія лица, заявлявшія съ насмѣшкой.

— Военные поддерживаютъ заговоръ разбойниковъ. Ихъ всѣхъ отправятъ на гильотину и хорошо сдѣлаютъ,—закончилъ насмѣшливо одинъ кузнецъ, подпоясывая снова свой кожаный передникъ и отходя отъ толпы.

Офицеры усѣлись и приказали подать лимонаду. Питуэ, опираясь на саблю, громко заявилъ, что мошенники, подкупленные консулами, поддѣлали подпись Моро, и эти подложныя подписи были посланы въ Лондонъ роялистамъ, чтобы выманить деньги у наивныхъ людей подъ предлогомъ вымышленнаго заговора. Но сидѣвшіе здѣсь горожане покатились со смѣху, находя это объясненіе очень комичнымъ. „Мы не хотимъ больше Капетовъ!... Кончено, капитанъ!“

Герикура это раздражало. Зная истину, онъ хотѣлъ внушить ее и другимъ. Но они, показывая ему «*Мониторъ*», говорили: — «Можетъ быть, это и въ газетѣ написано! Я вѣдь умѣю читать, милостивый государь»... Не съумѣвъ убѣдить эти тупыя головы, Бернардъ пришелъ почти въ бѣшенство. Но ни громовые раскаты его голоса, ни его доводы не произвели на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Съ багровыми ожирѣлыми лицами, лукавыми глазами, они забавлялись его безсиліемъ, посматривая язвительно и оставаясь на своихъ мѣстахъ, и сидѣли опираясь локтями на свои толстыя ноги въ низкихъ сапогахъ съ отворотами.

Полковникъ выпрямился во весь ростъ и, взявъ подъ руку обоихъ офицеровъ, отвелъ ихъ въ уголъ и окинулъ ихъ пытливымъ взоромъ. Въ полномъ ли они разумѣ, что такъ возмущаютъ народъ? Онъ указалъ имъ на двухъ подмастерьевъ пекарей въ бѣлыхъ курткахъ, цирюльника со щипцами въ рукахъ, пять или шесть кумушекъ въ шарфахъ, слушавшихъ этотъ споръ.

— Послушайте, — произнесъ онъ, — пора на маневры. Приказываю вамъ идти въ казармы! И онъ ихъ увелъ.

Блѣднѣя, капитанъ повиновался. Почему Бонапарте торжествовалъ вопреки справедливости и правды надъ геніемъ Моро. Ахъ! — онъ топнулъ ногой по грязной мостовой.—

Этотъ человѣкъ вѣчно на его пути! И его страшно возмущало, отчего люди ослѣплены до такой степени въ человѣкѣ Брюмера, что не провѣрили ни одного изъ его увѣреній, и до того увлеклись, что не распознали въ этомъ гнусномъ процессѣ мщенія соперника и труса. Слезы навернулись на глаза. Онъ тщетно ждалъ отвѣта отъ сѣроватаго неба, гдѣ кружились вороны. Чувствительный начальникъ эскадрона сказалъ ему:

— Благородная кровь кипитъ въ вашихъ жилахъ. Справедливый гнѣвъ волнуетъ васъ, но мутитъ вашъ разсудокъ. Умѣрьте вашъ пылъ. Съ грустной улыбкой смотрите на несчастіе, угрожающее отечеству. Спѣшите въ объятія вашей добродѣтельной супруги, которую можетъ быть безпокоитъ ваше отсутствіе, и ищите забвенія вашего справедливаго негодованія въ ея нѣжной любви. Я васъ освобождаю отъ маневровъ на сегодняшній день.

Но Бернардъ отказался, не допуская для себя никакихъ послабленій. И, гордясь этимъ, направился къ казармамъ. Онъ сѣлъ въ сѣдло и повелъ своихъ драгунъ въ поле; онъ разсѣялъ свой гнѣвъ въ громкихъ крикахъ команды, въ правильности оборотовъ и въ быстромъ выстраиваніи по его командѣ, въ одну линію, всѣхъ пятидесяти всадниковъ.

Гнѣвъ его всегда утихалъ во время этихъ ученій. Какъ стаю гончихъ дрессировалъ онъ своихъ людей и лошадей, любуясь ими, когда они выстраивались въ одну линію, любуясь чистотой ихъ красныхъ мундировъ, бѣлыхъ рейтузъ, блескомъ пятидесяти сабель и прикладовъ мушкетоновъ, висящихъ на ремняхъ.

Маленькія радости и горести солдатъ тоже его очень интересовали. Онъ зналъ, что коровы отца Ивона не телились, что мать Трегека не могла продать свой хламъ, что сестра Маріуса держала маленькую бакалейную торговлю недалеко отъ Ла Жольетъ, что овцы Кавжака плохо плодились. Онъ уволилъ Пондэна въ шестимѣсячный отпускъ, чтобы дать ему возможность воздѣлать свой виноградникъ, потому что родители его, живше въ Турэни, были очень стары. Рекруты тоже разсказывали ему всѣ свои нужды. Такимъ образомъ Бернардъ зналъ потребности и достатки всѣхъ провинцій Франціи. Бретань и Провансъ, какъ приморскія страны, манили его къ себѣ, благодаря разсказамъ Маріуса и Трегека. Онъ рѣшилъ непремѣнно съѣздить туда.

Выстроившаяся въ одну линію рота производила на него впечатлѣніе слившихся въ одну душу, всѣхъ этихъ различ-

ныхъ и взятыхъ изъ разныхъ провинцій людей подъ общими зелеными мундирами, красными помпонами и шкурами пантеръ на каскахъ. Потому малѣйшая ржавчина на оружіи, малѣйшее пятно на рейтузахъ казалось ему святотатствомъ. Это омрачало блескъ націи, оскверняло чистый идеалъ отечества, и онъ строго наказывалъ людей, виновныхъ въ нарушеніи служенія Франціи.

Въ это утро онъ не пощадилъ нерадивыхъ. Если Бонапарте унижалъ нравственность латинскаго характера въ глазахъ исторіи, необходимо было возбуждать другія качества въ гренадерахъ, возвысить новыя достоинства. По двадцати разъ заставлялъ онъ продѣлывать одинъ и тотъ же маневръ, пока наконецъ всѣ всадники общей слитной массой не прискакали къ указанному мѣсту и моментально не остановились, не разбивъ рядовъ. За нѣсколько соломинокъ, замѣченныхъ имъ въ гривахъ лошадей, онъ посадилъ адъютанта, производившаго смотръ, на восемь дней подъ арестъ. Потомъ, остановясь передъ знаменной линіей, капитанъ сказалъ, что каждый драгунъ долженъ гордиться тѣмъ, что онъ подготовляетъ славную будущность республики, и потому долженъ представлять изъ себя во всякую минуту «благородную статую доблестнаго гражданина».

Довольный своей громкой фразой, Герикуръ передалъ командованіе эскадрона чувствительному офицеру, который до того времени одиноко созерцалъ воды маленькой рѣчки, окружавшей площадь маневровъ, въ то время какъ лошадь его спокойно щипала кору ивы. Когда солдаты вернулись въ казармы, Герикуръ сошелъ съ лошади у порога книгопродавца, гдѣ жилъ поручикъ Питуэ. Этотъ послѣдній сидѣлъ въ эту минуту, уткнувшись въ свои бумаги, и грызъ гусиное перо, а Пье-де Жасентъ читалъ по складамъ книгу въ кожанномъ переплетѣ. Они оба откладывали по грошу, чтобы завести типографію. Изъ Германіи они вывезли достаточную сумму денегъ для покупки станка, но имъ не доставало оборотнаго капитала, а пока Пье-де-Жасентъ учился набору. У него былъ ящикъ на деревянныхъ козлахъ; надѣвъ очки, онъ съ трудомъ складывалъ буквы. Старый вахмистръ сдѣлался сотрудникомъ, рабомъ и единственнымъ слушателемъ Питуэ. Поручикъ пересказывалъ напыщенныя сочиненія, въ которыхъ Бонапарте и Катилина заслужили общіе эпитеты упрека и порицанія.

— Пойдутъ ли ваши солдаты съ Моро? спросилъ Бернардъ.

— Пойдутъ.

— А остальной гарнизонъ?

— Газеты виноваты. Граждане думаютъ, что Моро передался на сторону тирановъ...

Капитанъ понялъ, что разсчитывать ни на что нельзя. Питуэ бранилъ сестеръ Бонапарте, позорилъ Полину и Богарне. А Пье-де-Жасентъ между тѣмъ въ тихомолку читалъ по складамъ: «Се-ла-донъ-нѣж-но-и-страст-но-лю-билъ-нѣжную-Силь-вію...», водя своимъ толстымъ пальцемъ по строкамъ... Въ комнатѣ на стѣнѣ висѣли двѣ сабли, сѣдла съ принадлежностями, передъ подвижнымъ зеркаломъ стояли чашечки между двумя колонами краснаго дерева, на соломенномъ стулѣ лежали сѣдельные пистолеты и на окнѣ стоялъ горшокъ съ увядшими базиликами. На походной кровати, запачканной табакомъ, валялось нѣсколько трубокъ. Бернардъ съ отвращеніемъ вышелъ изъ комнаты.

Возвратившись домой, взволнованный и возбужденный, онъ сталъ мечтать о томъ, чтобы у него родился сынъ, который бы былъ обличителемъ лживаго деспота, олицетвореніемъ римскаго стоика, и своимъ примѣромъ увлекъ энергичныхъ латинянъ, которыхъ еще не растлило утомленіе отъ недавней революціонной невзгоды. Что же касается его самого, то Бернардъ чувствовалъ, что онъ будетъ только воспитателемъ этой новой силы. Онъ съ умиленіемъ подумалъ, что по этой самой дорогѣ когда-нибудь будетъ проѣзжать его сынъ, уже взрослый человѣкъ, и такъ же, какъ онъ, погрузится въ благородныя думы, смотря на воздушную даль страны, знакомой его матери, съ перваго пробужденія дѣтскихъ понятій. Онъ пришпорилъ свою лошадь, сгорая безумнымъ желаніемъ сосредоточить всю будущность въ любви къ своей молодой женѣ.

Онъ быстро помчался, оглашая окрестность звономъ подковъ скачущей лошади.

Черезъ недѣлю Виргинія заявила, что будетъ матерью.

Герикуръ былъ въ восторгѣ. Онъ полюбилъ ее еще больше, несмотря на то, что теперь она не выходила изъ зеленаго муслиноваго капота, опоясаннаго розовой лентой. Онъ былъ еще радъ, что она очень пополнѣла, и высчитывалъ преимущества своей расы, и при свѣтѣ трехъ свѣчей подъ расписаннымъ желѣзнымъ абажуромъ супруги начертали уже всю жизнь будущаго сына.

Въ одно прекрасное утро почтовая карета остановилась у подъѣзда. Изъ нея неожиданно вылѣзъ отецъ, поддерживаемый Августиномъ. Какъ только старикъ узналъ голосъ капитан-

онъ сталъ кричать, что его преслѣдуютъ Каролина и Кавруа и потому надо запереть рѣшетку парка. Онъ быстро поднялся по каменнымъ ступенькамъ, протянувъ руки впередъ, и съ рыданіемъ упалъ на грудь Бернарда. Каролина его выгнала съ „Мельницъ“ и завладѣла всѣмъ его имуществомъ. Онъ призывалъ смерть. Его святую трудолюбивую жизнь ставили ни во что, его оскорбляли на каждомъ шагу. Ему не давали больше денегъ. На немъ ничего нѣтъ кромѣ бархатнаго платья, не соотвѣтствующаго времени года.

— Я ничего не желаю кромѣ смерти. Я жду только смерти. Я больше ничто, ничто, ничто... И смерть не приходитъ!...

Бернардъ провелъ его къ камину, гдѣ его и усадилъ. Отецъ сильно постарѣлъ. На лбу появилось больше глубокихъ морщинъ. Мелкія черныя пятна испещрили вялую кожу его рукъ съ натянувшимися, какъ веревки, жилами. Точно на половину пустой мѣшокъ, колыхался его животъ подъ жилетомъ и бѣлыя космы волосъ, связанные позади въ пучекъ лентой, открывали желтые какъ пергаментъ виски. О! о! рыдалъ онъ, задыхаясь и подымая вверхъ свою сухую руку.

Сынъ смотрѣлъ на него съ неподдѣльнымъ состраданіемъ. Онъ вспоминалъ отца молодымъ, въ пудрѣ, въ орѣховаго цвѣта камзолѣ, когда онъ выходилъ ему на встрѣчу съ улыбкой, привѣтливо отвѣчая на поклоны поселянъ. Тогда онъ еще хорошо видѣлъ, и счастье освѣщало его широкое ласковое лицо; и все это было точно вчера! а между тѣмъ прошло уже десять лѣтъ... Августинъ вполголоса разсказывалъ брату о появленіи отца въ повозкѣ въ Булонскомъ лагерѣ. Онъ, будучи простымъ фельдфебелемъ, не могъ доставить слѣпому необходимыхъ удобствъ; а такъ какъ старикъ не хотѣлъ и слышать ни объ Авреліи, ни о Праксп-Блассанѣ, а братья моряки были въ плаваніи, то онъ рѣшилъ привести его къ капитану.

Старикъ застоналъ и всталъ съ кресла. Отъ боли онъ не могъ долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Путешествіе и толчки берлины еще болѣе усилили его страданія, и, держась за стулья, онъ съ трудомъ переходилъ съ одного мѣста на другое. Съ тоской и страхомъ слѣдила за нимъ Виргинія съ другаго конца комнаты... и съ ужасомъ слушала его жалобы...

— О!—стоналъ онъ,— я страдаю какъ бѣшеный... Не слѣдовало тебѣ жениться, Бернардъ. Что такое я для тебя теперь? Ничто. Вы заняли мое мѣсто въ жизни. Я васъ стѣсняю.... всѣхъ,

всѣхъ... Мнѣ остается только умереть! Это мое единственное желаніе!

Поселившись въ замкѣ, слѣпой не переносилъ ничьихъ услугъ, кромѣ сиротки, молчаливость и мягкое обхожденіе которой не разжигали въ немъ постоянной его боязни людей. Два дня Бернардъ успокаивалъ его. Наконецъ, старикъ пожелалъ выйти на солнце. Глаза еще могутъ видѣть солнце, какъ болѣе яркое свѣтило, говорилъ онъ, и на щекахъ своихъ о чувствовать его теплые лучи. Дѣвочка играла на скрипкѣ. Онъ говорилъ о своей дочери Авреліи, умѣвшей искусно играть на арфѣ. Бернардъ и Августинъ слушали ихъ, и тоскливое чувство, овладѣвшее всѣми, мало-по-малу разсѣялось.

Виргинія подошла къ нимъ и стала нѣжно уговаривать старика. Она обѣщала имѣть объ немъ попеченіе и увѣряла, что они всѣ трое впредь будутъ жить одной счастливой добродѣтельной жизнью.

— Толкуйте!... Вы меня презираете... Я ненавидѣлъ моего тестя. Вы меня будете ненавидѣть. Нельзя жить вмѣстѣ и не ненавидѣть.

Они безмолвно и грустно взглянули другъ на друга. Старикъ обвинялъ своихъ палачей, и они поняли, что они таковыми и были. Благодаря ихъ счастію, старикъ долженъ погибнуть. Ничто его въ этомъ не разувѣритъ. Не вылѣчитъ никакая любовь. Они видѣли, съ какимъ трудомъ передвигалъ онъ свои толстыя ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и, шатаясь, переходилъ отъ одного стула къ другому. Смерть стояла уже за плечами.

— Я его убиваю, я его убиваю!...—бормоталъ Бернардъ. Онъ желалъ очистить себя отъ угрызенія совѣсти муками; онъ чувствовалъ только какое-то грустное оцѣпенѣніе. — Я не понялъ... и я его убиваю!—произнесъ онъ вполголоса.

— Ахъ! не думай такъ, не думай,—рыдала услышавшая его слова Виргинія.

Августинъ нашелъ средство успокоенія. Онъ отыскалъ монетные вѣсы, спросилъ луидоровъ, экю, положилъ ихъ на мраморный столъ:

— Вотъ, Бернардъ возвращаетъ вамъ деньги, которыя былъ долженъ. Считайте сами.

Усталый старикъ Герикуръ сѣлъ въ кресло съ подушками, ощупалъ дрожащими руками монеты и ласково что-то пробормоталъ, и отъ времени до времени довольно бодрымъ же-

Бывшія ЕГОРОВА.

Бол. Казачій пер., д. № 11.

Телефонъ № 2144.

ИМѢНІЕ ЗА ДАЧУ.

Желаютъ промѣнять имѣніе (570 дес.) черноземное, 70 дес. лип. лѣсу, на границѣ Казанской и Самарской губерній на дачу или домъ

въ Царскомъ Селѣ или Павловскѣ.

Письменно или лично въ редакцію журнала «Вѣстникъ Всемірной Исторіи» отъ 4 до 6 час., ежедневно, кромѣ праздниковъ, Спб. Ямская 2.

3—1.

Столичная типографія. Гороховая, 12.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ“

Новый журналъ исторической литературы и науки.

Первое въ Россіи общедоступное, **ежемѣсячное иллюстрированное** историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ: Путемъ широкой аналогіи освѣтить преемственность историческихъ явленій въ жизни народовъ, **научно** объяснить и **художественно** воскресить вѣчно живые образы прошлаго, установить связь прошедшаго съ настоящимъ и отмѣтить великія завоеванія человѣчества въ безсмертной области духа, красоты и правды. **Исторія продолжается**, и на порогѣ XX вѣка, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо искать въ прошломъ разгадку сложнѣйшихъ проблеммъ современности.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: Е. К. Апостолидя, В. А. Апушкинъ, К. Н. Арабажинъ, кн. В. В. Барятинскій, В. Ѳ. Боцяновскій, Б. П. Бурдесъ, проф. А. Х. Гольмстенъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), Н. А. Гриневская, В. М. Грибовскій, М. В. Головинскій, академикъ проф. И. Н. Ждановъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. Н. Кирпичниковъ, Д. Ѳ. Кобеко, Іосибуми Куроно (лек. японскаго языка петерб. унив.), проф. Н. М. Коркуновъ, проф. Н. П. Лихачевъ, В. Н. Лебедевъ, С. В. Любимовъ, М. Н. Мазаевъ, М. Г. Мардарьевъ, Д. Л. Мордовцевъ, А. Е. Мерцаловъ, Н. С. Морозовъ, К. В. Назарьева, Ф. К. Неслуховскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. П. Панаевъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, П. П. Павловъ-Сильванскій, В. Н. Перетцъ, проф. М. А. Рейснеръ, проф. Э. Л. Радловъ, А. Н. Фаресовъ, А. Н. Субботинъ, В. Я. Свѣтловъ, Я. Г. Сѣверскій, А. Е. Суровцевъ, проф. Н. А. Шляпкинъ, Н. К. Шильдеръ, Н. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), З. Ю. Яковлева, и мн. др.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ: **«Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы»** — **«Исторія польскаго народа»** В. Смоленскаго и **«Торжество силы»** ист. романъ Поля Адамъ, изъ временъ консульства и имперія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по десятымъ числамъ каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., за полгода **3** руб. и за границу **9** руб.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

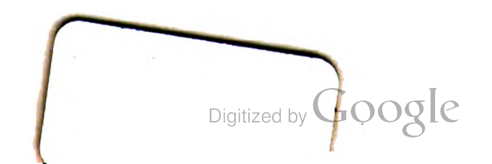
1 стр.	впер. тек.	на 1 раз.	75 р.	на 6 раз.	по 60 р.	на 12 раз.	по 52 р. 50 к.
1 »	сзади	» »	» 66 »	» »	» 48 »	» »	» 42 » — »
½ »	впер.	»	40 »	» »	» 32 »	»	» 23 » — »
½ »	сзади	» »	» 30 »	»	» 24 »	» »	» 21 » — »

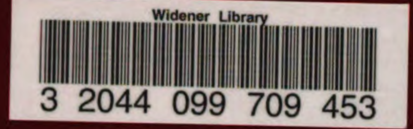
Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

Главная Контора Журнала на Екатерининскомъ каналѣ 15, у „К. В. Мерпертъ“.

Подписку принимаютъ также всѣ книгопродавцы.

Иногороднихъ подписчиковъ просятъ адресовать деньги исключительно въ редакцію. Ямская. 2. Петербургъ.

Widener Library
3 2044 099 709 453